

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курский государственный медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации

На правах рукописи

Петраш Екатерина Анатольевна

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВНОРМЕ И ПРИ НАРУШЕНИИ

Специальность: 19.00.05 – социальная психология
(психологические науки)

диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
доктор психологических наук
профессор В.Б. Никишина

Курск – 2017

Содержание

Введение	4
Глава 1. Проблема социальной идентичности в психологической науке	
1.1. История изучения социальной идентичности.....	30
1.2. Метасистемный подход как основа для разработки проблемы социальной идентичности	54
1.3. Системная организация социальной идентичности: теоретическое моделирование.....	62
Выводы по главе 1	69
Глава 2. Структурная организация социальной идентичности в норме и при нарушении	
2.1. Структурная организация социальной идентичности в норме	72
2.2. Структурная организация социальной идентичности при аддиктивном поведении	91
2.3. Структурная организация социальной идентичности при делинквентном поведении	111
2.4. Структурная организация социальной идентичности при соматической патологии	124
Выводы по главе 2	148
Глава 3. Функциональная организация социальной идентичности в норме и при нарушении	
3.1. Функциональная организация социальной идентичности в норме	154
3.2. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при аддиктивном поведении	181
3.3. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при делинквентном поведении	191
3.4. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при соматической патологии	198
Выводы по главе 3	209
Глава 4. Генез социальной идентичности в норме и при нарушении	
4.1. Генез социальной идентичности в норме	211
4.2. Генез социальной идентичности при нарушении (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии)....	216
Выводы по главе 4	225
Глава 5. Интегративный уровень организации социальной идентичности в норме и при нарушении	
5.1. Интегративный уровень организации социальной идентичности в норме	227
5.2. Интегративный уровень организации социальной идентичности при аддиктивном поведении.....	234

5.3. Интегративный уровень организации социальной идентичности при делинквентном поведении	240
5.4. Интегративный уровень организации социальной идентичности при соматической патологии	243
Выводы по главе 5	252
Глава 6. Апробация и стандартизация инструментально-методического обеспечения изучения социальной идентичности	
6.1. Анализ методического обеспечения современных исследований идентичности	253
6.2. Концептуально-методологическое обоснование методики исследования структурной организации социальной идентичности	257
6.3. Концептуально-методологическое обоснование методики исследования структурной организации личностной идентичности	271
6.4. Модификация методики «Автопортрет» с целью исследования диссоциации образа Я	281
6.5. Методика событийной реконструкции временной перспективы личности	298
6.6. Методика диагностики структуры событийного пространства личности на разных этапах онтогенеза	310
Выводы по главе 6	323
Глава 7. Концептуализация по эмпирическому основанию системы нормы и нарушения социальной идентичности	
7.1. Гносеологические основания построения концепции нормы и нарушения социальной идентичности	325
7.2. Метасистемный аспект нормы и нарушения социальной идентичности	332
7.3. Структурный аспект нормы и нарушения социальной идентичности	339
7.4. Функциональный аспект нормы и нарушения социальной идентичности	340
7.5. Генетический аспект нормы и нарушения социальной идентичности	344
7.6. Интегративный аспект нормы и нарушения социальной идентичности	345
Выводы по главе 7	354
Заключение	356
Библиографический список	364
Приложения	406

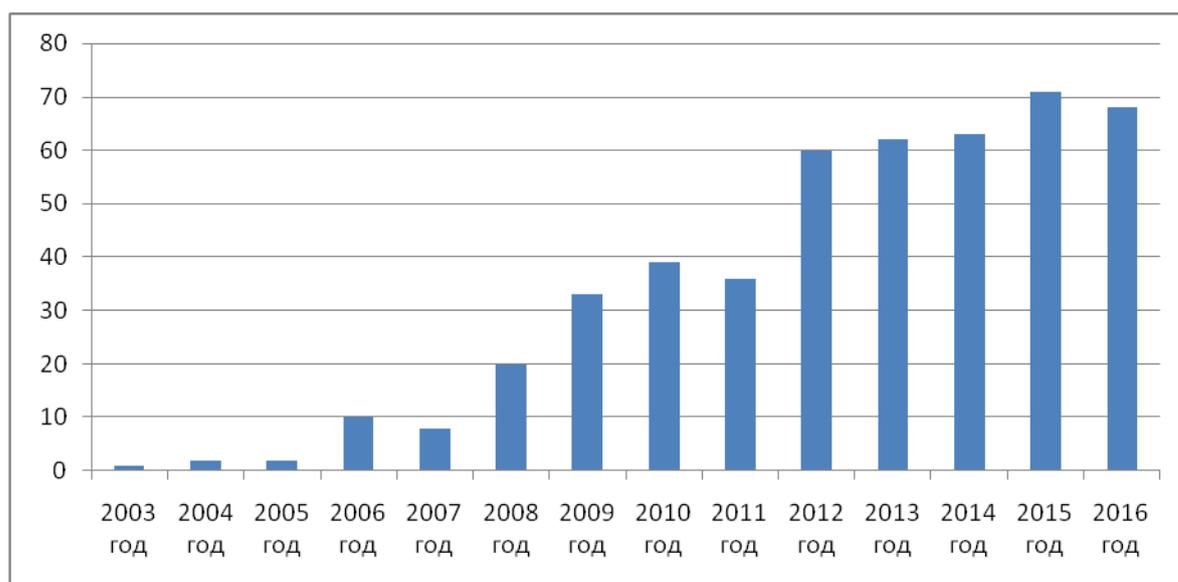
Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе в исследовательской традиции феномена социальной идентичности выявлены следующие противоречия. Во-первых, исследования социальной идентичности сосредоточены только на структурном уровне или только на феноменологическом или на динамическом уровнях исследования. Во-вторых, при исследовании нарушений социальной идентичности (аддиктивная и делинквентная идентичность, нарушение социальной идентичности при соматопатологии) отсутствует генерализация в общекритериальных оценках. Третье противоречие заключается в том, что с одной стороны, исследовательские результаты социальной идентичности носят констатирующий характер, с другой – отсутствуют исследования и описания механизмов трансформации социальной идентичности при множественности описаний видов нарушений социальной идентичности.

Актуальность представленной темы исследования на социальном уровне связана с необходимостью оценки континуального проявления которого в диапазоне «норма – нарушение», позволяющей прогнозировать деструктивные тенденции как в социуме в целом, так и на отдельных социальных группах (возрастных, профессиональных и др). В социально-психологическом аспекте исследование социальной идентичности позволяет выявлять и анализировать адаптивные ресурсы личности в условиях изменений социальной ситуации, прогнозировать стратегии межличностного взаимодействия без усиления тенденций, акцентирующих проявления нарушений социальной идентичности, где нарушения социальной идентичности выступают предикторами риска девиаций (аддиктивных, делинквентных и т.д.).

За последние 25 лет значительно возросла исследовательская активность в изучении социальной идентичности как в отечественной, так и в зарубежной науке, на что указывают данные библиометрического анализа,

проведенного по базе научной электронной библиотеки Elibrary и Scopus по ключевым словам «социальная идентичность». Анализ динамики психологических исследований социальной идентичности как в отечественной, так и в зарубежной науке в период с 2003 по 2016 гг. (по данным на февраль 2017 г.) указывает на экспоненциальный рост исследовательского интереса к изучаемой проблематике (рис. 1).

Рисунок 1 – Показатели динамики публикационной активности по проблеме социальной идентичности в электронной системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) за 2003-2016 гг.

Общий объем научных публикаций в системе научно-электронной библиотеки eLibrary без дифференциации по областям научного знания за период 1993-2016 гг. составил 1741 работу (психология–18,7%; философия–12,2%; история–5,3%; социология–23,5%; демографические исследования–0,6%; экономика–5,5%; политика и политические исследования–10,6%; культурология–5,1%; педагогическиенауки–12,8%; языкознание–2,8%; массовые коммуникации–0,8%; комплексные проблемы общественных наук–2,1%). Представленный диапазон научных публикаций, посвященных изучению проблемы социальной идентичности по областям научного знания, доказывает, что социальная идентичность является междисциплинарным

объектом исследования. Тематический анализ публикационной активности по исследованиям социальной идентичности указывает на преобладание феноменологического подхода в общем объеме исследовательского пространства.

Общий объем научных публикаций по данным системы Scopus за период 1993-2016 гг. составил 9056 работ (психология – 12,4%; социальные науки – 22,5%; медицина – 42,9%; компьютерные науки – 9,9%; инженерно-технические науки – 4,6%; бизнес и управление – 4,4%; искусство и гуманитарные науки – 3,3%). Диапазон научных публикаций в зарубежной науке, затрагивающих изучение проблемы социальной идентичности, также подтверждает междисциплинарный статус объекта и многообразие подходов к его изучению. При этом преобладающими являются исследования социальной идентичности в рамках медицинских и социальных наук. Общей тенденцией как в отечественной, так и в зарубежной науке является междисциплинарный статус объекта – социальной идентичности.

Учитывая отсутствие единой методологической позиции в изучении проблемы социальной идентичности, а также разнообразие накопленного эмпирического материала, возникает необходимость создания единого теоретико-методологического базиса, позволяющего обеспечить переход с эмпирического уровня анализа на теоретический (концептуальный). В связи с этим многоаспектность (разносторонность) изучения социальной идентичности, представляющей собой систему гносеологического плана, на теоретическом уровне допускает свое наиболее полное и конструктивное раскрытие как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем; результаты проведенного методологического анализа указывают на ряд противоречий в изучении обозначенных аспектов проблемы социальной идентичности.

Изучение социальной идентичности в норме и при нарушении является актуальным в связи с объективной необходимостью смены аналитической парадигмы на системоцентрическую в исследовании проблемы социальной

идентичности (в аспектах нормы и нарушения, критериев нормы и нарушения социальной идентичности, дифференциации нарушений социальной идентичности).

Степень научной разработанности темы исследования. За семидесятилетнюю историю исследования социальной идентичности (если брать в качестве точки отсчета работы Э. Эриксона [330, 331, 332, 358]) сложилась полидисциплинарная область научно-исследовательского пространства, которая дифференцируется по психологическим направлениям: психодинамическое направление (Э. Эриксон [358], Э. Фромм [306], Дж. Марсиа [376, 377], А. Ватерман [418]); интеракционистское направление (Дж. Мид [164], И. Гофман [71], Ч. Кули [138], Х.Г. Гадамер [57], А. Гидденс [65]); когнитивное направление (Х. Тэджфел [408, 409, 410], Дж. Тэрнер [297, 411, 412], Д. Абрамс [338], М. Хог [363, 364, 365, 366, 367, 368, 407], Г. Брейкуэлл [348]); бихевиоральное направление (М. Шериф [369], Д.Т. Кэмпбелл [140, 350]); экзистенциально-гуманистическое направление (Б. Шериф [403], Б. Шледер [398, 399, 401]); системное и субъектно-деятельностное направления в отечественной психологии (К.А. Абульханова, Т.Г. Стефаненко [289, 290], Л.Б. Шнейдер [324, 325], Н.Л. Иванова [102, 103, 104, 105]). Основные подходы к изучению идентичности: структурный подход (Т.Г. Стефаненко [289, 290], Н.Л. Иванова [102, 103, 104, 105], В.Б. Никишина [185, 189], Е.А. Петраш [213, 226], А.С. Waterman [418], G.M. Breakwell [348]), феноменологический подход (Г. Гарфинкель [63], Э. Гофман [71], L. Krappmann [372]), динамический подход (М.В. Заковоротная [91], Н.Л. Иванова [102, 103, 104, 105], Т.В. Румянцева [263], Н.В. Трусова [298]).

В отечественной и зарубежной научной традиции накоплен значительный эмпирический опыт по проблеме изучения феномена социальной идентичности. Однако имеющиеся научные исследования в большинстве своем рассматривают ее отдельные аспекты. В структурном аспекте социальная идентичность рассматривается как многомерная система,

содержание которой составляют систематизированные элементы, которые в общей идентификационной структуре личности определяются субъективной оценкой (M.D. Berzonsky, J. Cieciuch, B. Duriez, B. Soenens [347], V.L. Vignoles, C. Regalia, C. Manzi, J. Golledge, E. Scabini [415, 416], M. Cinnirella [352], Д.Н. Разорина [247], А.В. Микляева, П.В. Румянцева [166], В.В. Хрусталева [307], В.С. Агапов [5, 6, 7]). Генез социальной идентичности авторами рассматривается, с одной стороны, через анализ факторов, влияющих на процесс ее формирования: возрастные факторы (В.И. Слободчиков [280, 281, 282], А.И. Нихотина [194], Г.И. Куцебо, Г.В. Гарбузова [62], М.В. Ведерникова [54], С.Г. Елизаров [88], L.-C. Girard, J.-V. Pingault, O. Doyle, B. Falissard, R.E. Tremblay [361], Т.М. Dumas, M. Maxwell-Smith, J.P. Davis, P.A. Giuliatti [355], M. Bennett [346]); семья как фактор формирования социальной идентичности (Н.В. Лукьянченко [153], А.И. Баталин, О.В. Мунина [31], М.Ю. Лозовая [149], Н.-L.F. Eriksen, С. Hvidtfeldt, Н.В. Lilleor [359] и др.); с другой – через функции процесса и эффекты социализации (Р.М. Шамионов [318, 319, 320, 321]). Деструктивность процесса формирования социальной идентичности, приводящая к искажению и дезадаптивности социального функционирования субъекта, рассматривается в работах К.В. Злоказова [97, 98, 99, 100], Е.В. Руденского, О.А. Викторовой [261, 262], С.В. Богдановой [41], L. Vermeulen, S. Van Bauwel, J. Van Looy [414], Н. Weingarden, Е.Е. Curley, К.Д. Renshaw, S. Wilhelm [419], F.X. Uceda-Maza, J. Domínguez Alonso [413], M. Beckwith [345].

Продолжая исследовательскую традицию В.Б. Никишиной [187, 188, 190, 193], разработавшей одно из новых направлений в социальной психологии – социальную психологию дизгенеза, нарушение социальной идентичности, проявляющееся в поведенческих девиациях, целесообразно рассматривать в рамках представленного направления.

Целью исследования является комплексное объяснение фундаментальной проблемы социальной идентичности в норме и при

нарушении с последующим представлением результатов в рамках целостной концепции. Поскольку построение концепции выступает как средство решения комплекса проблем социальной идентичности, необходимо учитывать ее внутреннюю целостность, которая, в свою очередь, обеспечивается (реализуется) в основных гносеологических аспектах (метасистемном, структурном, функциональном, генетическом, интегративном). В качестве средства реализации поставленной цели был избран гносеологический вариант метасистемного подхода.

Основные задачи исследования:

1. Теоретико-методологический анализ проблемы нормы и нарушения социальной идентичности в работах отечественных и зарубежных ученых.

2. Определение методологических подходов к изучению нормы и нарушения социальной идентичности с последующим построением на этой основе комплексной программы исследования, включающей теоретический (разработка концепции нормы и нарушения социальной идентичности) и эмпирический уровни.

3. Разработка процедуры реализации исследования, соответствующая поставленной цели и задачам, а также специфике изучаемого объекта (социальной идентичности в норме и при нарушении), на основе избранных методологических подходов с использованием методов теоретического, эмпирического и статистического анализа.

4. Исследование социальной идентичности в метасистемном аспекте на основе реализации принципов метасистемного подхода.

5. Исследование структуры социальной идентичности на уровне компонентного состава, закономерностей структурной организации, вариативности в норме (на разных этапах онтогенеза) и при нарушении (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, при соматической патологии).

6. Установление критериев и особенностей функционирования социальной идентичности в континуальности «норма – нарушение».

7. Исследование генеза социальной идентичности на разных возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, период взрослости, геронтогенез) и дисгенеза при нарушении (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, при соматической патологии).

8. Обобщение и систематизация теоретических и эмпирических результатов исследования в эмпирические модели, их интеграция; формирование основных положений концепции нормы и нарушения социальной идентичности.

9. Разработка инструментально-методического обеспечения психологической диагностики характеристик социальной идентичности.

Объект исследования – социальная идентичность как системный феномен, представляющий собой осознание и переживание субъектом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я.

Предмет исследования – базовые закономерности структурно-функциональной организации и генеза социальной идентичности в норме и при нарушении.

Общей гипотезой работы выступает предположение, что социальная идентичность представляет собой систему гносеологического плана и допускает свое наиболее полное и естественное раскрытие с позиции ее трактовки как системы со встроенным метасистемным уровнем. Иначе говоря, наиболее полное и конструктивное представление феномена социальной идентичности может быть дано с позиции гносеологического варианта метасистемного подхода.

Общая гипотеза конкретизировалась в следующих **частных гипотезах**:

– Поскольку мы предполагаем, что социальная идентичность представляет собой не просто систему, а специфическую систему со встроенным метасистемным уровнем, то она воплощает в себе основной принцип системы – уровневый, но с учетом включения нового –

метасистемного уровня. В данном случае социальная идентичность представляет собой иерархию, состоящую из пяти уровней (метасистемного, структурного, функционального, генетического, интегративного), образующих единую целостность.

– Поскольку социальная идентичность, согласно нашему предположению, представляет собой специфическую систему со встроенным метасистемным уровнем, характеризующуюся наиболее полным набором уровней, то в ее организации воплощены основные категории закономерностей (структурные, функциональные, генетические, интегративные).

– Нарушение социальной идентичности (дисгенез), согласно нашему предположению, сводится к тому, что нарушаются все пять базовых категорий закономерностей. Поскольку нарушение затрагивает все основные базовые категории закономерностей, то дисгенез, вне зависимости от типа его проявления, носит системный характер.

Методологическими основаниями исследования выступили следующие подходы, концепции, теоретические положения и результаты эмпирических исследований:

– основные положения системного подхода (Б.Ф. Ломов [150, 151], А.Г. Асмолов [25, 26], В.А. Ганзен [59, 60], В.А. Барабанщиков [28, 29], А.В. Карпов [116, 117, 118], В.Д. Шадриков [315, 316]);

– положения метасистемного подхода к исследованию психики (А.В. Карпов) [116, 117, 118];

– принципы системогенеза и метасистемогенеза в психологии (В.Д. Шадриков [315, 316], А.В. Карпов [116, 117, 118]);

– концепции социальной идентичности и социальной категоризации (Х. Тэшфел [408, 409, 410], Дж. Тэрнер [297, 411, 412], Дж. Марсиа [376, 377], Т.Г. Стефаненко [289, 290], Л.Б. Шнейдер [324, 325], Н.Л. Иванова [102, 103, 104, 105]);

– положения о критериях нормы и отклонения (К.К. Платонов [239], В.Д. Менделевич [161, 162], В.Б. Никишина [187, 188]);

– методологические принципы планирования, организации и реализации психологических исследований (В.Н. Дружинин [81], Д. Кэмпбелл [140], Т.В. Корнилова [129], А.Д. Наследов [181]);

– методологические принципы конструирования психодиагностического инструментария (П. Клайн [123], М.К. Акимова [13]).

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых.

С целью выявления особенностей структурной организации социальной идентичности, а также ее качественной определенности в норме и при нарушении в качестве теоретического основания использовалась структурно-уровневая теория строения психики А.В. Карпова [116].

Для определения онтологического статуса социальной идентичности использовалась концепция метасистемной организации психики (А.В. Карпов, Е.В. Карпова) [116, 117, 118].

Для определения структурно-содержательных компонентов социальной идентичности использовались положения теорий Т.Г. Стефаненко [289, 290], Н.Л. Ивановой [102, 103, 104, 105], Л.Б. Шнейдер [324, 325].

При исследовании генеза социальной идентичности в качестве теоретического основания использовались принципы системогенеза (В.Д. Шадриков) [315, 316] и метасистемогенеза (А.В. Карпов) [116, 117, 118], а также работы А.И. Нихотиной [194] и др., рассматривающих возрастные особенности формирования социальной идентичности. Девиация социальной идентичности представлена в работах Н.В. Дмитриевой [75, 77, 78], С.А. Дроздовой [76], К.В. Злоказова [97, 98, 99, 100], Е.В. Руденского [261, 262] и др.

При создании авторских психодиагностических методик, позволяющих осуществлять количественно-качественную оценку структуры личностной и социальной идентичности, а также при планировании, организации и

проведении эмпирического исследования в качестве теоретического основания использованы основные принципы измерения в психологии, положения и принципы экспериментальной психологии, психодиагностики, а также организации эмпирических психологических исследований, изложенные в классических работах (А. Анастаси [14], Л.Ф. Бурлачук [51], М.К. Акимова [13] и др.).

Методы исследования

Решение исследовательских задач в рамках поставленной цели осуществлялось с помощью комплекса разнообразных методов и методик: теоретические методы (методы концептуального моделирования, библиометрический анализ, проблемологический анализ, тематический анализ, понятийно-категориальный анализ); архивный метод, предполагающий анализ личных дел, медицинских карт и историй болезни испытуемых; метод клинической беседы, целью которого является сбор анамнестических данных; психодиагностические методики: методика исследования личностной идентичности МИЛИ (Л.Б. Шнейдер) [325]; опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца [114]; методика диагностики мотивационной сферы личности В.Э. Мильмана [167]; тест репертуарных решеток Дж. Келли [121, 371]; опросник социально-психологической адаптации СПА К. Роджерса, Р. Даймонда [253]; опросник самоактуализации Э. Шострома [67]; методика диагностики враждебности по шкале Кука-Медлей [141]; методика диагностики уровня морально-этической ответственности личности (ДУМЭОЛ) К.К. Муздыбаева [176]; методика определения склонности ко лжи (П. Экман) [327, 357]; авторская методика исследования структурной организации личностной идентичности (МИСОЛИ) В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш [186]. Статистическая обработка эмпирических результатов осуществлялась с использованием методов описательной (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение, мода, медиана, частота распределения), сравнительной (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, угловое преобразование ф-

Фишера), многомерной (факторный анализ с varimax-вращением; кластерный анализ) статистики, метода корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена), методов оценки структуры через расчет коэффициентов когерентности, дивергентности и организованности структуры.

Эмпирическая база исследования

Исследование проводилось в период 2011–2016 гг. на следующих базах: ОБУЗ «Областная наркологическая больница» комитета здравоохранения Курской области, ОБУЗ «Курская клиническая психиатрическая больница», ФГУП «Курское протезно-ортопедическое предприятие», ОБУЗ «Курский областной клинический онкологический диспансер», исправительные учреждения ФСИН России по Курской области, муниципальные общеобразовательные учреждения (средние общеобразовательные школы) г. Курска, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России. Взаимодействие с эмпирическими базами исследования осуществлялось в рамках заключенных соглашений о сотрудничестве. Общий объем выборки испытуемых составил 989 человек. Исследование проводилось в условиях информированного согласия. В соответствии с задачами исследования формирование исследовательских групп осуществлялось по критерию нормы и нарушения социальной идентичности. Группу нормы составили 455 испытуемых, сформированные в четыре исследовательские группы по критерию возрастного этапа: подростковый возраст (12-15 лет) – 73 человека; юношеский возраст (17-22 года) – 78 человек; период взрослости (23-57 лет) – 218 человек, период старости (58-74 года) – 86 человек. Группы уравнивались по гендерному составу.

Эмпирическое исследование нарушения социальной идентичности осуществлялось в трех группах испытуемых: испытуемые с аддиктивной идентичностью (150 человек); испытуемые с делинквентной идентичностью

(136 человек); испытуемые с нарушением социальной идентичности при соматопатологии (248 человек) (таблица 1).

Таблица 1

Качественные и количественные характеристики исследовательской выборки испытуемых с нарушением социальной идентичности

Аддиктивная идентичность		Делинквентная идентичность		Нарушение идентичности при соматопатологии	
Качественные	Количес- твенные (чел.)	Качественные	Количес- твенные (чел.)	Качественные	Количес- твенные (чел.)
Алкогольная зависимость	55	Деструктивное поведение Аутодеструктивное поведение	98 38	Онкологические заболевания	117
Наркотическая зависимость	41			Ампутация нижних конечностей	94
Игровая зависимость	54			Ишемический инсульт головного мозга	37
Всего	150		136		248

Достоверность данных и обоснованность полученных результатов обеспечивались теоретико-методологическими принципами, соответствием полученных результатов задачам исследования, применением стандартизированного психодиагностического инструментария, достаточным объемом выборки, комплексностью методов общей, сравнительной, многомерной, корреляционной статистики, а также сопоставимостью полученных эмпирических данных с данными, полученными другими исследователями.

Научная новизна исследования

Впервые обосновано положение, согласно которому социальная идентичность действительно допускает свое наиболее полное и конструктивное раскрытие в качестве специфической системы со встроенным метасистемным уровнем. Социальная идентичность включена в качестве структурного компонента в метасистему социума, который, в свою очередь, встраиваясь в систему социальной идентичности, конституирует ее структурные компоненты. Метасистемная проекция нарушения социальной

идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций (увеличение количества правонарушений; рост объектов зависимости и способов употребления объектов зависимости; повышение уровня инвалидизации населения при соматической патологии, увеличение количества переходов соматических заболеваний в хроническую форму). На уровне микросоциума формирует негативную патологическую среду (социальные установки приемлемости и безвредности), запуская и масштабируя процессы нарушений в арифметической прогрессии.

Установлено, что социальная идентичность, рассматриваемая в качестве специфической системы со встроенным метасистемным уровнем, подчиняется уровневому принципу как основному и включает в себя не три (как полагалось ранее – структурный, функциональный, генетический), а пять уровней (включая интегративный и метасистемный), которые являются специфичными для данного типа систем. Структурная организация социальной идентичности, включающая в себя когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты, а также их взаимосвязи, характеризуется количественной (по компонентному содержанию, по взаимосвязи компонентов, на уровне качеств когерентности, дивергентности и общей организованности структуры), а также качественной (на уровне базовых качеств и показателей гомогенности/гетерогенности структуры) специфичностью. Функционирование социальной идентичности осуществляется в континуальности «норма – нарушение» по критериальной дихотомии согласованности/рассогласованности структурной организации; адаптивности/неадаптивности; самоактуализации/нарушении самоактуализации; ответственности/безответственности; совестливости/бессовестливости; конструктивности/деструктивности. Генез социальной идентичности раскрывает качественно-количественную специфику ее структурной организации и феноменологических проявлений в двух аспектах: с одной стороны, с учетом возрастных периодов (от подросткового возраста к старости); с другой стороны, генез рассматривается

с принципиально иной точки зрения – в обратном направлении (дисгенез). Реализация интегративного уровня проявляется в построении критериально-эмпирических моделей социальной идентичности в норме и при нарушении (при аддиктивном поведении, при делинквентном поведении, при соматопатологии), которые представляют собой интеграцию гносеологических аспектов построения концепции социальной идентичности (метасистемного, структурного, функционального, генетического содержания).

Доказано, что в составе социальной идентичности, рассматриваемой как специфическая система со встроенным метасистемным уровнем, представлены все базовые категории закономерностей (метасистемные, структурные, функциональные, генетические, интегративные). Метасистемные закономерности проявляются в том, что социум, являясь метасистемой по отношению к социальной идентичности, функционально встраивается в систему социальной идентичности и образует на метасистемном уровне свои ментальные репрезентации (через интериоризацию социальных норм, ценностей). Социальная идентичность, в свою очередь, включаясь в состав социальной метасистемы (через социальное функционирование субъекта), реализует свое содержание в системе социальных взаимодействий, тем самым оказывая на нее воздействие. Структурные закономерности социальной идентичности проявляются, с одной стороны, в постоянстве (неизменности) компонентного состава (включая когнитивный, мотивационный и ценностный структурные компоненты), с другой стороны, в качественной специфике их взаимосвязей, характеризующих однородность/разнородность (гомогенность/гетерогенность) структуры социальной идентичности. Функциональные закономерности социальной идентичности, обусловленные наличием встроенного метасистемного уровня, определяют динамичность системы социальной идентичности, проявляющуюся в вариативности структурной организации (способности к изменению внутрисистемных

связей при сохранении целостности системы) в зависимости от внешних социальных условий. Проявлением генетических закономерностей социальной идентичности как системы со встроенным метасистемным уровнем является трансформация структурной организации социальной идентичности в сторону повышения интегрированности и однородности на разных этапах онтогенеза (от подросткового возраста к юношескому, от юности к взрослости, от взрослости к старости); в сторону дезинтегрированности и гетерогенности при различных нарушениях. Интегративные закономерности социальной идентичности обеспечивают интеграцию метасистемных, структурных, функциональных и генетических категорий закономерностей, тем самым обеспечивая целостность социальной идентичности, рассматриваемой в качестве системы со встроенным метасистемным уровнем.

Установлен комплекс закономерностей, связанных с нарушением социальной идентичности. Эмпирически доказано, что нарушение социальной идентичности функционирует в трех формах: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (при состоянии зависимости); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при хронической соматической патологии – дефектами, препятствующими активной социализации).

Впервые в работе представлена принципиально новая концепция социальной идентичности, раскрывающая ее в основных гносеологических аспектах (метасистемном, структурном, функциональном, генетическом и интегративном). В соответствии с основными положениями представленной концепции разработаны авторские психодиагностические методики, предназначенные для диагностики структурной организации социальной и личностной идентичности, а также диссоциации представлений о себе, что

существенно расширяет диапазон исследовательских возможностей в области психодиагностики.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем.

Основные результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие социальной психологии личности, психологии развития, психологии отклоняющегося поведения, клинической психологии. Расширяя эмпирико-теоретические границы использования метасистемного подхода, социальная идентичность определяет социальное функционирование субъекта; ее изучение позволяет раскрыть психологические и социально-психологические причины и механизмы, лежащие в основе социального, асоциального и антисоциального поведения.

Применение в исследовании метасистемного подхода, с одной стороны, расширяет сферу его применимости, распространяя ее на новую предметно-объектную область. С другой стороны, метасистемный аспект разработанной авторской концепции позволяет на теоретическом уровне решить проблему соотношения таких категорий, как социальная идентичность и социум, субъект и социум. Впервые получена возможность теоретически обоснованно исследовать социальную идентичность как внутреннее психическое образование в контексте не только субъективной (психологической), но и объективной (социальной и предметной) среды.

Выявленные в работе явления метасистемной детерминации вносят вклад в решение фундаментальных общепсихологических проблем закономерностей и механизмов идентичности, детерминации поведения, проблемы нормы и патологии личности, проблемы критеризации нормы и нарушений социального функционирования.

Реализация метасистемного подхода позволила установить, что в структуру и содержание системы социальной идентичности функционально включается та метасистема, в которую она сама онтологически входит (социум). Раскрыты механизмы того, каким именно образом социум как

метасистема проявляет свои организационно-детерминирующие функции относительно системы социальной идентичности.

Представленная в работе структурная организации системы социальной идентичности позволяет установить ее системные свойства, обуславливающие ее качественную определенность и качественную специфичность как в норме, так и при различных видах нарушений (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии). Это позволяет расширить границы применимости структурно-уровневой теории организации психических образований на область изучения социальной идентичности, подтверждая ее универсальность для исследования психических явлений.

Применение метасистемного и структурно-психологического подходов является базисом для психологического анализа социальной идентичности. Описание качественного своеобразия структурной организации социальной идентичности способствует решению одной из ключевых теоретических проблем социальной психологии личности – проблемы установления состава и структуры социальной идентичности и принципов ее организации, а также критериев нормы – нарушения социальной идентичности.

В результате исследования доказано, что для социальной идентичности как системы свойственны системогенетические и метасистемогенетические закономерности развития не только применительно к норме, но и при нарушениях, что, в свою очередь, позволяет распространить идеи системогенеза и метасистемогенеза на новую объектную область – социальную идентичность. Это способствует развитию концепции как системогенеза, так и метасистемогенеза.

На основе метасистемного подхода создана обобщающая концепция нормы и нарушения социальной идентичности, реализованная в главных гносеологических аспектах (метасистемном, структурном, функциональном, генетическом, интегративном), что обеспечивает переход от одностороннего,

аналитического, аспектного изучения социальной идентичности к системному.

Практическая значимость полученных результатов исследования

– построена структурно-критериальная модель нормы и нарушения социальной идентичности с учетом общей структуры и генетических особенностей для нарушенной идентичности, позволяющая выделить типизирующие и специфицирующие основания по трем формам нарушения социальной идентичности (аддиктивной идентичности, делинквентной идентичности, нарушения социальной идентичности при соматопатологии);

– выявленные особенности структурной организации и критериального содержания социальной идентичности позволяют прогнозировать деструктивные тенденции поведения как на социальном (микро- и макросоциальном уровнях), так и на социально-психологическом уровнях; определены предикторы нарушения социальной идентичности;

– выделены специфические особенности структурной организации нарушенной социальной идентичности, которая функционирует в трех формах: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (при состоянии зависимости); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии), что позволяет определять направления социально-психологической адаптации людей при нарушении социальной идентичности;

– разработана и апробирована авторская методика исследования социальной идентичности, позволяющая осуществлять количественную оценку согласованности социальной идентичности на уровне самооценки ролевых представлений, расширяющая диапазон существующих психодиагностических инструментов количественно-качественного измерения социальной идентичности;

– разработана и апробирована авторская методика исследования структурной организации личностной идентичности, позволяющая в рамках структурно-функционалистского подхода количественно измерять степень согласованности структурной организации личностной идентичности и расширяющая диапазон существующих психодиагностических инструментов;

– разработана и апробирована модификация методики «Автопортрет» с целью диагностики диссоциации образа Я, позволяющая рассматривать целостность/диссоциированность в качестве дополнительного критерия нормы и нарушения социальной идентичности;

– разработана и апробирована авторская методика событийной реконструкции временной перспективы личности, позволяющая трансформировать индивидуальную систему значений, через призму которых происходит восприятие субъектом социальных объектов, себя и других в новой социальной временной перспективе.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Социальная идентичность допускает свое наиболее полное и конструктивное раскрытие как специфическая система со встроенным метасистемным уровнем, что является эквивалентным гносеологическому варианту метасистемного подхода к изучению проблемы социальной идентичности в норме и при нарушении.

2. Социальная идентичность, являясь системным феноменом, представляет собой осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я. В работе впервые реализован принципиально новый методологический подход к изучению социальной идентичности – структурно-психологический, который является выражением (претворением) системной методологии, сменяющей доминирующую в современной науке аналитическую методологическую позицию. В соответствии с реализуемым

принципом метасистемности, те или иные структурные образования испытывают детерминацию со стороны метасистем: только при включении в метасистему (социум) изучаемая система социальной идентичности обретает объективные детерминанты своего формирования и функционирования, качественную определенность и специфичность по отношению к этой метасистеме. Применение метасистемного подхода позволило получить целый ряд принципиально новых научных результатов, которые интегрированы в целостную концепцию, выносимую на защиту.

3. Метасистемный уровень включает онтологически представленную в системе социальной идентичности метасистему (социум), которая функционально встроена в систему социальной идентичности и образует на метасистемном уровне (посредством активного порождения, конструирования) свои ментальные репрезентации. Социальная идентичность, в свою очередь, входит в состав социальной метасистемы (через социальное функционирование личности) и может оказывать на нее воздействие.

4. Методологическим принципом определения структурных компонентов социальной идентичности выступил принцип метасистемности, в соответствии с которым социум, выступая как метасистема по отношению к социальной идентичности, встраивается и конституирует полный набор структурных элементов, включающий когнитивный, мотивационный и ценностный структурные компоненты. Социальная идентичность представляет собой интериоризированный и представленный в виде структурных компонентов социум. Каждый структурный компонент одновременно является характеристикой личности, характеристикой социума и компонентом в структуре социальной идентичности.

5. Определены структурные особенности организации феномена социальной идентичности в норме и в основных случаях нарушения: при аддиктивном поведении (алкогольной, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей, игровой зависимости), делинквентном

поведении (деструктивном и аутодеструктивном поведении), соматической патологии (онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей, ишемическом инсульте головного мозга). Система социальной идентичности организована на основе структурного принципа и образует целостность, включающую когнитивный, ценностный и мотивационный компоненты, а также их взаимосвязи. В норме структура социальной идентичности является интегрированной системой, характеризующейся на уровне структурных компонентов сложно организованным когнитивным содержанием, высокой мотивационной активностью и согласованностью ценностей. В случае нарушения структурная организация социальной идентичности является дезинтегрированной и характеризуется качественным своеобразием, определяемым типом нарушения, которые выступают как предикторы при определении риска реализации поведенческих девиаций.

6. Функционирование системы социальной идентичности осуществляется в континууме «норма – нарушение» и обусловлено наличием встроенного метасистемного уровня. Социальная идентичность, представляя собой динамическую систему, обладает вариативностью структурной организации (способностью к изменению внутрисистемных связей при сохранении целостности системы). Социальная идентичность характеризуется не только синхронической, но и диахронической системностью. Доказано, что диахронической закономерностью функционирования социальной идентичности как в норме, так и при нарушении является значимое изменение структурированности на количественном и качественном уровнях. Структурные феномены являются предикторами деструктивных изменений. При этом причины деструктивных изменений определяются не на уровне структурных компонентов социальной идентичности, а на уровне их взаимосвязанности, определяющей структурную организацию. При нарушении происходит качественная трансформация структурной организации социальной идентичности. Структурная организация социальной идентичности в норме характеризуется

снижением степени структурной организации в подростковом возрасте и старости при повышении степени структурной организации в юношеском возрасте и в период зрелости. При этом на качественном уровне выявлена статистически достоверная разнородность структур социальной идентичности на разных этапах онтогенеза: структурная организация социальной идентичности в подростковом возрасте и старости характеризуется гетерогенностью, в юношеском возрасте и зрелости – гомогенностью. Нарушение социальной идентичности (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии) характеризуется снижением степени структурной организации социальной идентичности на уровне количественной оценки; гетерогенностью структур социальной идентичности на уровне качественной оценки. При общем сходном показателе индекса организованности структуры социальной идентичности в ситуации нарушения качественная специфика структурной организации социальной идентичности при различных типах нарушений проявляется через различные базовые качества.

7. Генез социальной идентичности нами представлен не только в его традиционном понимании (как процесс трансформации структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза – в подростковом, юношеском возрасте, периодах зрелости и старости), но и с принципиально новой позиции – как процесс обратного развития (дисгенеза) при различных нарушениях (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии). Любая патология, любое нарушение социальной идентичности следует рассматривать как дисгенез. Генез и дисгенез социальной идентичности подчиняются одним и тем же закономерностям как системогенеза, так и метасистемогенеза, которые составляют диалектическое единство.

8. Генез социальной идентичности характеризуется последовательной сменой онтогенетических этапов (от подросткового возраста к юношескому и далее), характеризующихся качественной

трансформацией структурной организации социальной идентичности в сторону повышения степени интеграции. На качественно структурном уровне норма социальной идентичности в генетическом аспекте реализуется в направлении от дезинтегрированности структурной организации в подростковом возрасте к интегрированной организации в юношестве, нарастанием данной тенденции в период взрослости и дезинтеграцией структурной организации социальной идентичности в старости. Дисгенез социальной идентичности вне зависимости от типа нарушения реализуется в направлении от интегрированности в норме к дезинтегрированности и дезорганизованности при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии.

9. Выявленные базовые закономерности (онтологические, структурные, функциональные, генетические) внутри каждого из рассмотренных аспектов концепции нормы и нарушения социальной идентичности, взаимодополняя друг друга, образуют качественно новые метазаконмерности и проявляются в интегративной целостности социальной идентичности. Многообразие проявлений социальной идентичности как в норме, так и при нарушении реализуется в критериально-факторизованных моделях. Каждая критериально-факторизованная модель характеризуется качественным своеобразием как на уровне структурных компонентов и их взаимосвязи, так и на уровне базовых качеств, обеспечивающих структурную интегрированность социальной идентичности.

10. Поскольку представленные аспекты (метасистемный, структурный, функциональный, генетический) являются необходимыми и достаточными для разработки целостных концептуальных представлений, то синтез результатов, полученных при изучении каждого из них, взаимодополняя друг друга, является основанием для разработки целостных концептуальных положений. Анализ данных, полученных при разработке метасистемного, структурного, функционального и генетического аспектов концепции социальной идентичности позволил выделить специфику

структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза и при различных нарушениях, а также критерии ее нормы и нарушения.

11. Восполняя дефицит психодиагностического инструментария, согласно основным положениям концепции нормы и нарушения социальной идентичности, разработаны авторские психодиагностические методики. Методика исследования структурной организации личностной идентичности направлена на оценку согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности по психосемантическому основанию, которая реализуется в статусной системе личностной идентичности. Методика исследования социальной идентичности направлена на изучение содержания, структуры и функционирования социальной идентичности по следующим количественным психодиагностическим показателям: показатель ролевой принадлежности; показатель ролевой самооценки; показатель объема реализации социальных ролей; показатель реализованности социальных ролей. Авторская модификация методики «Автопортрет» с целью изучения диссоциации образа Я ориентирована на изучение образа Я в свойстве его целостности – диссоциативности. Методика событийной реконструкции временной перспективы личности, выполняя одновременно психодиагностическую и психокоррекционную функции, направлена на трансформацию индивидуальной системы значений, через призму которых происходит восприятие субъектом социальных объектов, себя и других в новой социальной временной перспективе.

Апробация работы и внедрение результатов

Материалы диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии и проблемной комиссии «Клинико-психологические и социальные аспекты здоровья» ГБОУ ВПО «Курского государственного медицинского университета» Минздрава РФ (2013 г.).

Основные результаты и выводы исследования докладывались и обсуждались на Международной молодежной научной конференции «Векторы психологии – 2013» (Украина, г. Харьков, 2013 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные вопросы пограничной психической патологии (био психосоциальный подход)» (г. Курск, 2013 г.); Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых «Клиническая психология. Наука и практика: пути интеграции» (г. Курск, 2013 г.); Международной конференции «Человек, субъект, личность в современной психологии» (г. Москва, 2013 г.); 4 Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании» (Турция, г. Кемер, 2013 г.); Второй международной научно-практической конференции «Медицинская психология: достижения, развитие и перспективы» (Украина, г. Киев, 2013 г.); Научно-практической конференции с международным участием «Психоэмоциональные нарушения во врачебной практике: диагностика, клиника, лечение и профилактика» (г. Новосибирск, 2013 г.); Всероссийской учебно-методической конференции с международным участием «От компетентности преподавателей к качеству обучения и воспитания студентов» (г. Курск, 2014 г.); Всеукраинской научно-практической конференции «Деятельностно-поведенческие факторы жизнеспособности человека» (Украина, г. Харьков, 2014 г.); III Международной научно-практической конференции «Управление стрессами: новые технологии и инструменты» (г. Москва, 2014 г.); Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием «Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия» (г. Рязань, 2014-2015 гг.); Международном Конгрессе «Психология XXI столетия» (г. Ярославль, 2015 г.); X Международном Конгрессе «Психосоматическая медицина – 2015» (г. Санкт-Петербург, 2015 г.); Всероссийской конференции с международным

участием «От истоков к современности» (г. Москва, 2015 г.); II Международной научно-практической конференции «Медицинская (клиническая) психология: исторические традиции и современная практика» (г. Ярославль, 2015 г.); V Международной научно-практической конференции «Бехтерев и современная психология человечности» (г. Казань, 2015 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход» (г. Курск, 2013-2016 гг.).

Исследовательские материалы использованы в процессе подготовки и ведения курсов на факультете клинической психологии КГМУ по психологии отклоняющегося поведения, возрастной психологии и психологии развития, раздела социальной психологии в базовом курсе психологии для непсихологических факультетов КГМУ (лечебного, педиатрического, стоматологического, медико-профилактического, фармацевтического и др.), на элективных курсах.

Результаты диссертации отражены в 52 печатных работах, в числе которых 3 монографии, 3 разработанные программы для ЭВМ, 25 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации

Диссертация включает введение, 7 глав, заключение, библиографический список и приложения; содержит 65 таблиц и 84 рисунка. Библиографический список включает в себя 423 источников, из них – 87 на иностранных языках.

Глава 1. Проблема социальной идентичности в психологической науке

1.1. История изучения социальной идентичности

Одной из важнейших задач современной психологии является рассмотрение многообразных проблем в единой системе, а именно, в рамках системного подхода. Соответственно, любой объект психологического исследования должен рассматриваться с различных сторон, на разных уровнях методологического анализа. В современной научной мысли традиционно выделяют три методологических уровня анализа: общефилософский уровень методологии, отражающий самые общие принципы и методы познания явлений действительности в рамках общего философского подхода; общенаучный методологический уровень, раскрывающий содержание учения о структуре, способах и методах познания в современной науке; частнонаучный методологический уровень анализа, характеризующий совокупность принципов, применяемых в определенной области, и представляющий методологию отдельной науки (в данной работе психологию) [53].

Задаваясь вопросом разработки проблемы структурно-генетической организации социальной идентичности, обратимся к системной парадигме, учитывая ее методологическую разработанность и уровень обобщения. Первоначальное введение понятия «социальной идентичности» в область социальных наук [317] и его трансляцию на междисциплинарный статус традиционно связывают с именем Э. Эриксона, который в своих работах предпринял попытку интеграции общефилософского, психодинамического и социологического подходов к анализу феномена идентичности, что, в свою очередь, предопределило междисциплинарный статус категории социальной идентичности [330, 331, 332, 358]. Однако к содержательному анализу феномена социальной идентичности ученые Ч. Кули и Дж. Мид [138, 164] обращались значительно раньше – в начале XX века. Разрабатывая

концепцию «зеркального Я», Ч. Кули утверждал, что развитие концепции «собственного Я» происходит в ходе длительного и противоречивого процесса, не может осуществляться без участия других личностей (вне социального окружения) [138]. Дж. Мид, продолжая, дополняя и развивая его идеи, выдвинул концепцию «обобщенного другого», согласно которой «обобщенный другой» отражает ценности, стереотипы и стандарты поведения некоторой социальной группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный Я-образ [164].

История исследования социальной идентичности как психологического феномена рассматривалась с использованием метода историко-перспективного анализа с глубиной 50 лет и дифференциацией отечественных и зарубежных подходов и направлений (как в рамках общепсихологических [55, 74, 183], так и социально-психологических [15, 16, 30, 157, 173, 174, 175] исследований).

Научная традиция изучения социальной идентичности берет свое начало в зарубежной психологии и имеет хронологически более длительный период изучения по сравнению с отечественной психологической традицией.

В зарубежной психологии изучение феномена идентичности осуществлялось в рамках психодинамического, интеракционистского, когнитивного, бихевиорального, экзистенциально-гуманистического направлений [21] (таблица 2).

Таблица 2

Подходы к изучению феномена идентичности в зарубежной психологической науке

Психодинамическое направление	Интеракционистское направление	Когнитивное направление	Бихевиоральное направление	Экзистенциально-гуманистическое направление
Э. Эриксон Э. Фромм Дж. Марсиа А. Ватерман	Дж. Мид И. Гоффман Ч. Кули Х.Г. Гадамер А. Гидденс	Х. Тэшфел Дж. Тернер Д. Абрамс М. Хог Г. Брейкуэлл	М. Шериф Д.Т. Кэмпбелл	Б. Шефер Б. Шледер

Э. Эриксон [330, 331, 332, 358], с чьим именем традиционно связывают введение понятия социальной идентичности в научное пространство, будучи представителем психодинамического направления, определил социальную идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, являющуюся важнейшей характеристикой ее целостности и зрелости, интегрирующую переживания человеком своей неразрывной связи, отождествление себя с определенными социальными группами. Согласно Э. Эриксону, идентичность определяет систему ценностей, идеалы, жизненные планы, социальную роль индивида, его потребности и способы их реализации. Идентичность представляет собой динамическое образование, формирование которого осуществляется на протяжении всей жизни человека [331, 332, 358]. Идентичность рассматривается как некая структура, переживаемая субъективно как чувство тождественности и постоянства собственной личности при восприятии других, признающих это тождество (рис.2).

Рисунок 2 - Структура идентичности по Э.Эриксону

В структуре идентичности Э. Эриксон выделял три компонента: чувство идентичности (чувство личностного тождества и исторической непрерывности личности); сознательное чувство личностной идентичности, основанное на двух одновременных наблюдениях: восприятии себя как тождественного и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве, с одной стороны, и восприятии того факта, что другие признают мое тождество и непрерывность, – с другой; переживание

чувства идентичности, которое с возрастом и по мере развития личности усиливается [330, 331, 332, 358].

Рассматривая вопрос типологии идентичности, Э. Эриксон [332] выделил три критерия, на основании которых им были выделены следующие виды идентичности (таблица 3).

Таблица 3

Типология идентичности по Э. Эриксону

Критерий	Классификация
По направлению процесса идентификации	– эго-идентичность – более широкое понятие идентичности
По качественным характеристикам идентичности	– позитивная идентичность – негативная идентичность
По происхождению	– внешне обусловленная идентичность (половая, возрастная, национальная, гражданская принадлежность) – приобретенная идентичность (профессиональный статус, свободно выбираемые связи, привязанности и ориентации) – заимствованная идентичность (усвоенные роли, принимаемые под влиянием окружающих)

Таким образом, Э. Эриксон, обращаясь к анализу проблемы социальной идентичности, определил, структурировал, дифференцировал, а также представил генез идентичности, обозначив периодизацию по этапам формирования идентичности, однако не выделял социальную идентичность как отдельный вид идентичности, представляя при этом ее содержание [358].

Развивая традиции психодинамического подхода, Э. Фромм [306], обращаясь к вопросу изучения социальной идентичности, рассматривал ее как противоположный полюс персональной идентичности, являющейся результатом индивидуализации человека. Человек обретает социальную

идентичность, отождествляя себя с социальными нормами других людей, что способствует реализации потребности личности не быть одинокой. В процессе идентификации устанавливается определенный баланс между чувством свободы и чувством одиночества.

Согласно Э. Фромму, структура социальной идентичности представляет собой организацию трех порядков, которые взаимодополняют друг друга: соматический порядок (организм стремится сохранить свою целостность в постоянном взаимодействии с внешним миром); личностный порядок (интегрирует внешний и внутренний опыт в сознании и поведении); социальный порядок, совместно поддерживаемый людьми и их поддерживающий порядок [306].

Дж. Марсиа [376, 377] определил социальную идентичность как структуру эго, то есть как внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории. Автор отмечает, что социальная идентичность развивается на протяжении всей жизни человека и в этом процессе последовательно проявляются социальные и индивидуальные особенности. В структуре идентичности Дж. Марсиа выделяет три компонента: эго, общество, организм. Он различает два пути достижения социальной идентичности: первый путь заключается в постепенном осознании некоторых данных о себе, таких как имя, гражданство, наличие способностей и т.п.; данный путь ведет к формированию присвоенной или преждевременной идентичности; второй путь предполагает самостоятельное принятие человеком решений относительно того, каким ему быть – этот путь ведет к формированию достигнутой идентичности. В первом случае акцент делается на социальных особенностях и ролях, а во втором – на индивидуальном решении и личностной ответственности [376]. В статусной модели Дж. Марсиа выделяются четыре состояния (статуса) идентичности: преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая. Для построения модели используются два параметра: наличие или отсутствие кризиса – состояние поиска

идентичности; наличие или отсутствие единиц идентичности лично значимых целей, ценностей, убеждений [377].

Итак, обращаясь к анализу социальной идентичности, Дж. Марсиа отмечает социальное происхождение социальной идентичности и трехкомпонентную структуру, включающую эго, общество и организм. При этом автор выделяет четыре состояния (статуса) социальной идентичности, характеризующих, с одной стороны, наличие или отсутствие лично значимых целей, ценностей и убеждений, с другой – состояние поиска идентичности.

А. Ватерман [418] рассматривает идентичность как ценностно-ролевой аспект. Автор считает, что социальная идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которыми он руководствуется в жизни и которые являются структурными элементами социальной идентичности. Они могут меняться в период ее кризиса и являются основанием для определения жизненной направленности. Автор рассматривает идентичность с динамической и содержательной сторон: процесс формирования идентичности зависит от средств, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии станут элементами его социальной идентичности; социальную идентичность невозможно рассматривать без учета содержательной специфики целей, ценностей и убеждений, выбираемых человеком. Каждый выбранный элемент относится к какой-либо сфере человеческой жизни. А. Ватерман выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: сфера выбора профессии и профессионального пути; сфера принятия и переоценки религиозных и моральных убеждений; сфера выработки политических взглядов; сфера принятия социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства.

А. Ватерман подчеркивает необходимость исследования идентичности в единстве динамической и содержательной ее сторон, не выделяя при этом ее видовую специфику.

Обобщая рассмотренные авторские подходы к пониманию проблемы идентичности и социальной идентичности в рамках психодинамического направления, можем обозначить следующие тенденции: идентичность чаще представляет собой личностное образование (некий элемент личностной структуры) (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, А. Ватерман), которое формируется и развивается на протяжении всей жизни человека, то есть представляет собой динамическое образование; идентичность имеет структурное строение, включая индивидуальные, личностные и социальные характеристики (Э. Фромм, Дж. Марсиа). В рамках психодинамического направления можно обозначить два взаимосвязанных направления в исследовании идентичности: структурно-содержательное направление, рассматривающее структуру и содержание (включая особенности целей, ценностей, убеждений личности), и процессуальное направление, в рамках которого рассматриваются генез и процесс функционирования идентичности. Психодинамическое направление, рассматриваемое как иницирующее изучение данного феномена, обозначило перспективные направления в изучении идентичности, выделив природу, структуру, генез, типологию, обозначив, но не проработав специфику социальной идентичности.

В рамках интеракционистского направления собственно понятие социальной идентичности не выделялось; идентичность рассматривается как содержательный синоним Я.

Ч. Кули и Дж. Мид [138, 164] идентичность рассматривают как синоним Я, которая характеризует способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в целом как связанное, единое целое. Структура идентичности включает в себя два аспекта: «I» (характеризует способность реагировать на социальную ситуацию своим индивидуальным, неповторимым образом) и «Me» (характеризует социальную детерминацию

человека через социально заданные условности и привычки), успешный синтез которых образует самость «self». Идентичность может формироваться только с помощью других людей под влиянием групповых ценностей, установок, стереотипов через процесс социализации и социального взаимодействия [164].

Обращаясь к вопросу типологии идентичности, Дж. Мид на основании критерия соотношения социальной детерминации идентичности и свободы личности выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность (таблица 4).

Таблица 4

Типология идентичности по Дж. Миду

Осознаваемая идентичность	Неосознаваемая идентичность
Возникает тогда, когда человек начинает размышлять о себе, о своем поведении.	Основывается на неосознанно принятых нормах, привычках. Это принятый человеком комплекс ожиданий, поступающих от социальной группы, к которой он принадлежит.

Поскольку переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности возможен только при наличии рефлексии, автор подчеркивает значение когнитивных процессов.

Э. Гофман [71] определяет идентичность как динамическую систему, включающую следующие компоненты: актуальную идентичность (типизация на основе атрибутов, которые легко доказуемы, очевидны); виртуальную идентичность (атрибуты, которые можно предложить). Развивая идеи типологии идентичности Дж. Мида, Э. Гофман выделяет три типа идентичности: социальную идентичность (типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит); личную идентичность (здесь речь идет об индивидуальных признаках человека: уникальные признаки данного человека и уникальная комбинация фактов и дат истории его жизни); Я-идентичность (субъективное

ощущение индивидом своей жизненной ситуации, своей непрерывности и своеобразия) [71].

Х.Г. Гадамер [57] в идентичности личности выделил два модуса, условно обозначив их как традиционный и посттрадиционный. Традиционный модус идентичности рассматривается как производное от взаимоотношений личности и той социальной среды, в которой он функционирует (семья, этнос, государство, профессиональная группа и т.д.). Второй модус представляет собой субъективные Я-образы человека, появляющиеся в результате искусственного конструирования и самоконструирования. В контексте традиционного модуса идентичность определяется объективным положением дел, основанных на достижении определенных жизненных целей. Посттрадиционный модус идентичности также определяется идеальными конструкциями. Однако, в отличие от традиционных идеалов, подобные конструкции имеют искусственный характер, создаются на субъективном уровне и определяют структурирование представлений о себе в контексте различных социокультурных коннотаций. Именно на данном уровне происходит создание различных смысловых построений Я-образа из отдельных элементов жизненной практики, фрагментированной с помощью деконструкции [57].

В работах А. Гидденса [65], также являющегося представителем интеракционистского направления, центральное место занимает процесс повторяющегося нахождения себя в жизненных ситуациях, возникновения новых психосоциальных механизмов идентичности, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов современности и, в свою очередь, трансформируют их. «Я» индивида становится собственным рефлексивно организованным стремлением. Индивид использует самостоятельный выбор для того, чтобы конструировать, выбирать и поддерживать своюсамоидентичность. «Я» индивида выступает в качестве проекта, который он должен активно конструировать из доступных ему

ресурсов и вплетать их в связный отчет о том, кем он является, т.е. нарратив самоидентичности. Идентичность у А. Гидденса предстает как результат культуры позднего модерна. Традиционные связи уступают место более абстрактным, в которых следует искать свой круг, свое место. Обоюдная взаимосвязь индивидуального опыта и абстрактных систем требует постоянного обновления опыта, вновь повторяющегося нахождения себя в жизненных ситуациях [65].

Обобщая положения работ представителей интеракционистского направления, следует отметить, что основной вклад был внесен в изучение влияния социальной среды (в частности, социального окружения) на представления человека о себе самом. Идентичность понимается ими как совокупность личностных и социальных характеристик, формирующихся и проявляющихся в процессе социального взаимодействия. Работы представителей данного направления послужили основанием для последующих экспериментальных исследований идентичности, а также разработки соответствующего психодиагностического инструментария.

В рамках когнитивного направления психологии в изучении идентичности сложилось три подхода: первый подход представляет собой теорию социальной категоризации (Х. Тэшфел, Дж. Тернер) [297, 408, 409, 410, 411, 412], второй подход рассматривает концепцию самоуважения (Д. Абрамс, М. Хог [338, 363, 364, 365, 366, 367, 368]), третий подход – конструкционистский (Дж. Келли) [121, 371]. При этом основной идеей когнитивного направления в изучении идентичности является то, что впечатления о мире организуются в связные интерпретации (идеи, установки, стереотипы), выступающие в качестве регуляторов социального поведения.

Базируясь на теории межгрупповых отношений, Х. Тэшфел [408, 409, 410] разработал теорию социальной идентичности, согласно которой осознание человеком своего места в социуме обусловлено, в первую очередь, отнесением себя к определенной социальной группе. Социальная идентичность Х. Тэшфелом понимается как часть Я-концепции индивида,

возникающая из осознания своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. При этом процесс осознания групповой принадлежности реализуется последовательно в несколько этапов: социальной категоризации (осмысление социального окружения как состоящего из различных групп); социальной идентификации (сделанный на основе сравнения выбор группы, в которую «помещает» себя индивид); формирования социальной идентичности (полного осознания своей принадлежности выбранной группе). При этом Х. Тэшфел четко разграничивает понятия «идентификации» как процесса и «идентичности» как результата данного процесса [410].

Изучая особенности поведения человека в различных социальных общностях, Х. Тэшфел [408, 409] все поведенческие реакции человека дифференцировал через понятие «межличностный–межгрупповой континуум». При этом межгрупповые формы взаимодействия рассматриваются как некоторый самостоятельный континуум, на одном полюсе которого располагаются варианты социального поведения индивидов, обусловленные фактом группового членства, а на другом – формы социального взаимодействия, определяющиеся индивидуальными характеристиками участников. Объясняя возможные варианты социального поведения личности в рамках данного континуума, Х. Тэшфел опирался на когнитивную схему, регулирующую роль в котором выполняет Я-концепция, включающая в себя две равнозначные подсистемы – персональную (самоопределение человека в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт) и социальную идентичность (в терминах субъективной принадлежности к различным социальным категориям: полу, этносу, профессиональной группе и т.п.). При реализации как межличностного, так и межгруппового поведения человек действует как целостность: индивид – сам по себе (действует как более или менее независимое существо, принимающее решение на основе каких-то собственных критериев) или индивид – часть социальной группы (выполняет соответствующие требования социальной

группы). Х. Тэшфел выявил следующую закономерность, обозначенную им как «минимальная групповая парадигма»: индивиду достаточно минимального ощущения себя членом группы для немедленной идентификации себя с ней. Данная закономерность привела автора к выводу о том, что человек воспринимает мир через групповую принадлежность. Автор подчеркивает зависимость характера социальной идентичности от типа общества: чем строже стратификация общества, тем сильнее привязанность индивида к группе (в обществах со строгой стратификацией привязанность индивида к группе особенно сильна, так как вне группы человек мало что может осуществить; в демократических обществах эта привязанность проявляется в меньшей степени) [408, 410].

Идеи, предложенные Х. Тэшфелом, в последующем развивал Дж. Тернер [411, 412], разрабатывая собственно теорию социальной категоризации. Ключевым понятием данной теории является понятие социальной категоризации – отнесение человеком окружающих его людей к тем или иным социальным группам (категориям). При этом социальная категоризация сопровождается самокатегоризацией – причислением человеком себя к одной из выделенных групп. При этом одна из групп, включенных в процесс социальной категоризации, становится для человека ингруппой, а другая – аутгруппой. Таким образом, в процессе категоризации человек выступает одновременно как субъект и как объект восприятия, ожидающий оценки со стороны окружающих, что впоследствии приводит к формированию оценочного отношения к социальным категориям. В соответствии с положениями теории социальной категоризации, объектом анализа выступает ситуация, когда человек при взаимодействии с окружающими рассматривает партнера по общению как члена социальной группы-категории, а не как уникальную личность [412].

Процесс социальной категоризации/самокатегоризации лежит в основании развития и функционирования социальной идентичности, а также эффектов межгруппового восприятия, так как наличие социальных категорий

облегчает процесс познания мира и взаимодействие между людьми, позволяя человеку структурировать наблюдаемые объекты и явления.

Преимственность теории социальной идентичности Х. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера проявляется в следующих положениях: в обеих теориях структура социальной идентичности включает в себя когнитивный и аффективный компоненты; группа определяется как социальная категория, принадлежность к которой не предусматривает непосредственного взаимодействия между ее членами; в актуализации социальных категорий существенная роль отводится ситуации взаимодействия.

Разрабатывая теорию социальной категоризации, Х. Тэшфел, Дж. Тернер [408, 410] рассматривают идентичность как систему когнитивных конструктов, основной функцией которой является регуляция поведения в соответствующих условиях. При этом авторы подчеркивают два основных аспекта идентичности: ориентированность на социальное окружение и ориентированность на уникальность проявлений человека. Категория идентичности рассматривается как синоним Я-концепции. Согласно теории самокатегоризации Дж. Тернера, процесс становления социальной идентичности содержит в себе три последовательных когнитивных процесса: 1) самоопределение индивида как члена некоторой социальной категории; 2) присвоение себе общих групповых характеристик и усвоение норм и стереотипов поведения групп; 3) приписывание себе усвоенных групповых норм и стереотипов, использование их в качестве регуляторов своего поведения. В структуре идентичности авторы выделяют два компонента: личностная идентичность (физические, интеллектуальные и нравственные черты); социальная идентичность (идентификации и принадлежность к социальным категориям: раса, национальность, пол). Достижение идентичности возможно двумя путями: через развитие личностной идентичности или через формирование социальной идентичности. Г. Тэшфел и Дж. Тернер в методологическом подходе

указывали, с одной стороны, на диалектическую взаимосвязь личностной идентичности и социальной, а с другой – на некоторый их антагонизм. В рамках социальной психологии идентичность напрямую зависит от социального окружения и, соответственно, от когнитивной и эмоциональной оценки, которую выносит человек значимым группам [410].

Д. Абрамс и М. Хог [338], разрабатывая концепцию самоуважения, указывали на то, что мотив самоуважения действует на социальном и индивидуальном уровне, он приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию позитивно оценивать собственное членство в группе. В теории социальной идентичности выделяют следующие аспекты: самокатегоризация как основа социальной идентичности; мотивационные процессы, ассоциирующиеся с социальными идентификациями; мотив самоуважения, обеспечивающий связь индивида и тех групп, членом которых он является; объяснение связи между личностными характеристиками и содержанием социальной идентичности; объяснение связи между внутригрупповым и межгрупповым поведением; анализ макросоциальных и идеологических аспектов социальной идентичности.

Г. Брейкуэлл [348], описывая структуру идентичности, выделяет четыре структурных компонента: ценностное измерение, содержательное измерение, субъективное время и биологический организм (рис. 3).

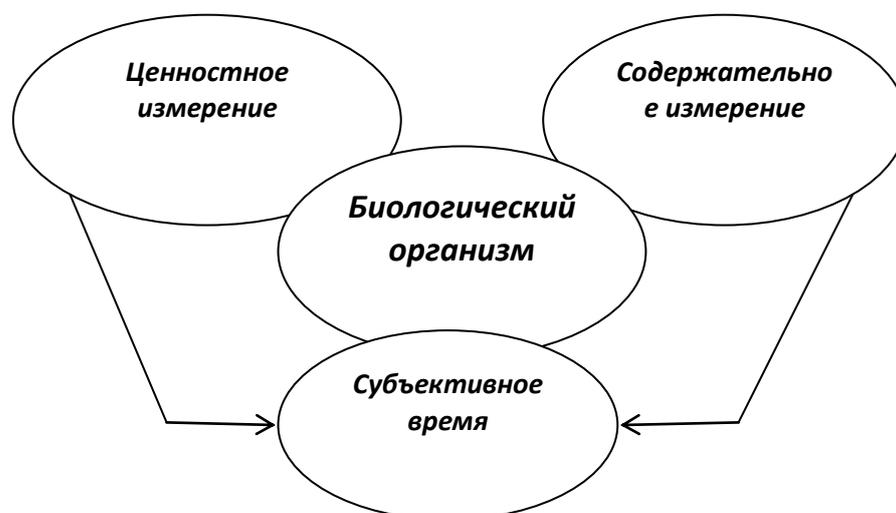

Рисунок – 3 Структура идентичности по Г. Брейкуэлл

Конструкционистский подход в рамках когнитивного направления представлен работами Дж. Келли [371], в которых объяснение инвариантов поведения человека реализуется в терминах субъективного мира индивида. Главной функцией психического, согласно автору, является исследование реальности, прогнозирование будущего и контроль поведения, которое, в свою очередь, рассматривается не только как реакция на обстоятельства, но и как прогноз будущего. Человек интерпретирует реальность, выстраивая системы конструкторов. Именно внутри системы конструкторов, представляющих собой внутреннюю схему, обеспечивающую возможность интерпретации внешних событий и явлений, факты реальности приобретают смысл.

Представители когнитивного направления рассматривают идентичность как некую когнитивную систему, по содержанию совпадающую с Я-концепцией и выполняющую функцию регуляции поведения. Вся поступающая информация о мире через процесс категоризации формирует связанные когнитивные (интерпретативные) системы: социальные установки, стереотипы, которые, в свою очередь, обеспечивают регуляцию социального поведения личности. Именно в рамках данного направления была разработана наиболее полная теория социальной идентичности (А. Тэшфела и Дж. Тернера) [410].

Представители бихевиорального направления М. Шериф [403], Д.Т. Кэмпбелл [140] социальную идентичность не рассматривают в качестве объекта исследования, представляя только содержательное описание. Исследования идентичности в рамках данного направления осуществляются в контексте разработки теории межгруппового конфликта, рассматривающей особенности и закономерности поведения людей в группах.

Разрабатывая теорию межгруппового конфликта, М. Шериф [403] понятие идентичность использовал для определения групповой принадлежности, считая, что межгрупповое поведение как психологический феномен возникает тогда, когда индивиды, принадлежащие к одной группе,

взаимодействуют с другой группой или ее членами (индивидуально или коллективно) в терминах их групповых идентичностей. Обращаясь к вопросу типологии идентичности, мы видим, что в работах М. Шерифа [403] социальная идентичность является противоположным полюсом личностной идентичности, которая занимает как бы подчиненное ей положение. Под влиянием манипуляций с группой межличностные дружеские взаимосвязи трансформировались во внутригрупповые отношения.

В рамках бихевиорального направления в работах Д.Т. Кэмпбелла [140] социальная идентичность не фигурирует в качестве объекта исследования, а рассматривается как следствие межгруппового конфликта. Отношения конкуренции, сопровождающиеся предвосхищением реальной угрозы, основаны на реальном конфликте интересов между группами и не зависят от времени его возникновения. Конфликт интересов проявляется в ряде характеристик внутригрупповых отношений и поведения членов группы: проявление враждебности некоторых членов группы к сопернику или источнику угрозы; рост внутригрупповой солидарности; возрастание идентичности, проявляющееся в более ясном осознании членами группы своей групповой принадлежности; повышение личностной значимости групповых норм и тенденций к их соблюдению членами группы.

Таким образом, представители бихевиоризма, не используя в своих теоретических построениях понятие социальной идентичности, обозначили новый аспект рассмотрения данного феномена – его зависимость от внутригрупповых и межгрупповых социальных взаимоотношений. Представители бихевиоризма рассматривают в качестве основания межгруппового конфликта реальное соревнование между группами с ограниченными ресурсами, что усиливает борьбу за получение материальных или моральных благ. Отношения конкуренции усиливают социальную идентичность, в то время как отношения сотрудничества и кооперации снижают проявление индивидуальных идентификационных тенденций при повышении групповой идентификации.

Б. Шефер и Б. Шледер [396, 397, 398, 399, 401], являясь представителями экзистенциально-гуманистического направления, разработали концепцию восприятия чужого. При этом чужое представляется в контексте самопонимания и самоопределения, рассматриваемого как идентичность воспринимающего человека или социальной структуры. Одной из важнейших характеристик, образующих идентичность, выступают ценности. В качестве структурных компонентов идентичности рассматриваются предписывающие, направляющие поведение элементы собственного знания, которые связаны с социальными ценностями и потребностями в признании. Согласно авторской концепции, чужое дает информацию об отклонении от главных аспектов идентичности личности, чем ставит под сомнение собственную идентичность. Недостаток информации, с одной стороны, и недостаточный опыт взаимодействия с иными, чужим человеком, с другой, приводят к тому, что индивид не может определиться с пониманием отклонений: является отклонение благоприятным или представляет опасность. Обращаясь к вопросу типологии идентичности, Б. Шефер и Б. Шледер [398, 399] выделяли личностную и групповую идентичность. Анализируя понятие групповой идентичности, авторы рассматривают духовную или идейную идентичность некоторых основных свойств групповой жизни. Групповая идентичность предполагает основные правила ориентации и поведения людей, управляющие их взаимоотношениями и общением членов группы. Индивидуальная идентичность должна иметь двойную характеристику на основе субъективно-объективного принципа, т. е. принципа, который объективно определяет стабильность человека во времени, и принципа субъективности, согласно которому человек привержен и свободно подчиняется определенным стандартам. Эта ситуация достаточно хорошо охватывается понятием «ценности». Ценности создают идентичность. Ценности могут рассматриваться в качестве основополагающих аттитюдов человека [279].

Основные зарубежные подходы к пониманию социальной идентичности формировались в процессе изучения внутригруппового и межгруппового поведения личности в рамках психодинамического, когнитивного, бихевиорального, интеракционистского, а также экзистенциально-гуманистического направлений. В рамках указанных исследовательских направлений социальная идентичность рассматривается как социальный феномен, имеющий структурное (компонентное) строение, собственную типологию и факторы формирования, которые определяются основной идеей психологического направления.

В классической отечественной психологии социальная идентичность генерализовалась из понятий самосознания и самоопределения личности в методологии субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн [257, 258, 259, 260], В.Я. Ядов [334], К.А. Абульханова-Славская [2, 3], А.В. Петровский [236, 237, 238], Л.М. Дробижева [79], В.С. Агеев [8, 9, 10], Т.Г. Стефаненко [289, 290]); из понятия образа Я в постнеклассической психологии в рамках интегративной парадигмы (А.Б. Орлов [200], Л.Б. Шнейдер [324, 325], Н.Л. Иванова [102, 103, 104], П.В. Лушин [155]). Постнеклассический подход, характеризующийся переходом от феноменологического уровня анализа к структурному, позволяет описывать объекты исследования с точки зрения их эволюции, представляя их как саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы (Аршинов В.И. [22, 23, 24]; Степин В.С., [287, 288]).

В работах С.Л. Рубинштейна самоопределение рассматривалось в контексте проблемы детерминации: «Тезис, согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект воздействия зависит от внутренних свойств объекта, означает, по существу, что всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним, и как самоопределение (определение внутренних свойств объекта)» [257; с. 382]. В данном случае самоопределение личности определяется как самодетерминация. Для человека социальные условия и социальная

детерминация рассматриваются как «внешние причины», «внешняя детерминация». Самоопределение личности, согласно позиции С.Л. Рубинштейна (2000), определяется как механизм социальной детерминации, действующий при условии активного преломления самим субъектом [258, 260].

В рамках субъектно-деятельностного подхода, согласно определению К.А. Абульхановой-Славской [2, 3], идентичность представляет собой самоопределение и осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений. От того, как формируется система отношений к коллективному субъекту, к своему месту в коллективе и другим его членам, зависит самоопределение и общественная активность личности. Центральным моментом самоопределения при этом является самодетерминация, собственная активность, осознанное стремление занять определенную позицию [2, 3, 273].

В.А. Ядов разграничивает понятия идентичности как определенного состояния идентификации и как процесса, который ведет к данному состоянию. Социальная идентификация является обозначением «групповых идентификаций личности», а именно самоопределения индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как «своих» и «не своих» [334]. В.А. Ядов в структуре идентичности выделяет четыре компонента: систему ценностных ориентаций, элементарные установки; социальные установки; базовые установки.

В.С. Агеев [8, 9, 10] в своих работах акцентирует внимание на том, что процесс идентификации индивида с группой возникает не спонтанно, а определяется структурой межгрупповой деятельности. Зависимость социального (межгруппового) поведения от социальной идентичности, определяемой групповым членством, представляет собой самостоятельное промежуточное звено в каузальной цепочке, зависимое и определяемое целым рядом факторов, обозначаемых как объективные условия, в которых существуют и взаимодействуют социальные группы. Объективные условия, в

которых существуют группы, опосредуют развитие когнитивных процессов, самый генезис социальной идентичности личности [8, 10].

В своих исследованиях А.В. Петровский [236], анализируя поведение человека в социальной группе, приводит к выводу о том, что человек занимает активную позицию по отношению к социальной группе, в которой он реализует свой личностный потенциал и которая отражает его личностные качества. Другим выводом явилось высказывание о том, что влияние мнения случайно собравшихся людей на личность будет проявляться в большей степени, чем влияние мнения организованного коллектива. Хорошо зная всех членов организованной, знакомой социальной группы, личность демонстрирует осознанные избирательные реакции на мнение членов группы. В условиях дефицита информации о членах случайной, неорганизованной группы состояние человека способствует повышению внушаемости, что, в свою очередь, определяет поведение человека в неорганизованной случайной группе непреднамеренно выбираемым местом [237, 238].

В отечественной психологии содержание постнеклассической интегративной парадигмы к изучению идентичности личности представлено исследованиями Орлова А.Б. [200], который выделяет сущность и личность как различные психические инстанции. «Главная характеристика личности – ее атрибутивность, главная особенность сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. Личность живет в плане феноменов, существования, сущность неизменно пребывает в плане ноуменов, бытия» [200; с. 7-29]. Ложное самоотождествление происходит тогда, когда человек отождествляет себя с тем или иным личностным образованием или социальной по происхождению и функции ролью, при этом забывая о подлинном субъекте, игнорируя его, ставя знак тождества между собой и собственной личностью [200].

Л.Б. Шнейдер [324] рассматривала социальную идентичность как системный феномен, сложную психическую реальность, включающую различные уровни сознания, индивидуальные и коллективные,

онтогенетические и социогенетические основания; идентичность рассматривается как соответствие образа Я его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надындивидуальному целому, охватывающему субъективное восприятие и личностную деятельность. Идентичность, по Л.Б. Шнейдер [324], определяется как результат активного рефлексивного процесса, который сопровождается ощущением целостности, определенности и тождественности самому себе, что, в свою очередь, обеспечивает чувство постоянства и создает возможность воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и непрерывности сознания, единства жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений, которые позволяют действовать последовательно [325]. В структуре идентичности Л.Б. Шнейдер [324] выделяет три уровня: уровень очевидности, или рационалистический, он отражает целостность, неделимость, «натуральность» личности как интегративное свойство, человек таков, каким он кажется; понятийный, он отражает конкретно-научное содержание, определяемое исследователями, представляет степень соответствия человека группе, полу, этносу; глубинный, или иррациональный, он отражает самость, вещь в себе, основывается на признании иллюзорности человеческого самосознания, необходимости разотождествления сознания с любым наличным содержанием, критике любых форм самоидентификации человека в сфере сущего [325].

Н.Л. Иванова [103, 104] выделяет следующие основные тенденции в изучении идентификационных процессов: от персонально ориентированного к социально ориентированному; от описательного к экспериментальному изучению; от социологического экспериментального изучения к социально-психологическому; от психологического и социологического к междисциплинарному. Социальная идентичность автором рассматривается как динамическое, прижизненно конструирующееся в ходе взаимодействия, социального сравнения и активного построения социальной реальности

целостное когнитивно-мотивационное образование, выступающее как система ключевых социальных конструктов субъекта, включающих в себя три компонента (когнитивный, мотивационный и ценностный) и реализующихся в трех функциональных блоках: базисном, индивидуально-личностном и профессионально-деятельностном. Когнитивный компонент на базисном уровне обеспечивает истолкование социальной реальности на уровне общностей ближайшего социального окружения; на индивидуально-деятельностном уровне реализуется на профессиональной и гражданской причастности. Мотивационный компонент реализуется на базисном уровне в мотивации безопасности, на индивидуально-личностном уровне – в мотивации самоуважения, на профессионально-деятельностном уровне – в мотивации самореализации. Ценностный компонент на базисном уровне проявляется в ценностях собственной жизни, здоровья, безопасности; на индивидуально-личностном – в ценностях общения и культуры; на профессионально-деятельностном уровне – в профессиональных ценностях и ценностях деятельности [103].

По мнению П.В. Лушина [155], идентичность определяется как динамическая система, развивающаяся нелинейно в течение всей жизни человека и имеющая сложную иерархическую структуру. Под идентичностью понимают принадлежность к определенной социальной группе. Это чувство владения собственным Я относительно социума. Изменение идентичности происходит неожиданно, непредсказуемо и включает в себя такие элементы: 1) диссоциацию, или отмирание существующих основ Я-образа; 2) неопределенность основ для последующего развития личности; 3) преодоление неопределенности путем конструирования новой идентичности, что имеет свое проявление в новом Я-образе.

Тематический анализ научных публикаций, посвященных изучению социальной идентичности, по системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на базе научно-электронной библиотеки eLibrary за

последние 15 лет (2001-2016 гг.), указывает на преобладание феноменологического подхода в общем объеме исследовательского пространства. Являясь объектом изучения социальной психологии, социальная идентичность в актуальный момент представлена широкой междисциплинарной проблематикой. Ряд авторов на интегративном основании рассматривают частные прикладные аспекты социальной идентичности. Середкина Н.Н. [276], Логинова И.О., Живаева Ю.В. [148], Соколовский С.В. [285], Исаева Э.Ш., Гаджимусилов Г.М. [108], Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. [177], Смолькина Л.А. [284], Праскова С.В. [244], Рыжкова Д.С. [266] рассматривают этнокультуральные и социокультуральные аспекты социальной идентичности; работы Черниковой И.В., Шеренковой В.В. [310] посвящены изучению кризисных проявлений идентичности; Смирнова С.В., Сиднева Е.Н. [283] рассматривают профессиональные аспекты социальной идентичности; Разорина Д.Н. [247] представляет структурно-динамический анализ идентичности в зарубежной психологии; Богдановская И.М., Иконникова Г.Ю., Королева Н.Н. [42], Кузьмин М.Ю. [137] анализируют онтогенетические особенности социальной идентичности; Галимжанова Ж.Б. [58] рассматривает теоретические аспекты социальной идентичности.

Обобщая исследовательские представления о социальной идентичности в отечественной психологической науке, можем выделить следующее: социальная идентичность формируется в процессе социального взаимодействия личности; имеет структурное строение, в котором центральное место занимает Я-концепция или образ Я, характеризующий целостность представлений личности о себе; является динамическим образованием, формирующимся на протяжении всей жизни личности. Таким образом, социальная идентичность является общим понятием по отношению к понятию образа Я.

Рассмотрев отечественные и зарубежные подходы к пониманию идентичности, в качестве методологического основания принимаем понятие

идентичности, рассматриваемой как системный феномен, сложную психическую реальность, включающую индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические основания; идентичность рассматривается как соответствие образа Я его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надиндивидуальному целому, охватывающему субъективное восприятие и личностную деятельность. Основными параметрами изменения идентичности являются содержательная и оценочная характеристики, которые феноменологически отражаются через систему статусов, структурно отражаются на трех уровнях: когнитивном, регулятивном и поведенческом. Идентичность является социально обусловленной, формируется в результате взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения выработанного в процессе социального взаимодействия стиля поведения.

Попадая в поле научного интереса, феномен социальной идентичности рассматривается в структурном, генетическом аспектах, а также в аспекте деструктивности. В структурном аспекте социальная идентичность рассматривается как многомерная система, содержание которой составляют систематизированные элементы, определяющиеся в общей идентификационной структуре личности субъективной оценкой (Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. [347]; Vignoles V.L., Regalia C., Manzi C., Golledge J., Scabini E., [415]; Разорина Д.Н., [247]; Микляева А.В., Румянцева П.В., [166]; Хрусталева В.В., [307]). Генез социальной идентичности авторами рассматривается через анализ факторов, влияющих на процесс формирования социальной идентичности: возрастные особенности формирования (Нихотина А.И. [194]; Семышев М.В., Семышева В.М., Андрющенок Е.В., Куцебо Г.И., Гарбузова Г.В., [305]; Ведерникова М.В., [54]); происхождение социальной идентичности в условиях семьи (Лукьянченко Н.В., [153]; Баталин А.И., Мунина О.В., [31]; Лозовая М.Ю., 149). Деструктивность процесса формирования социальной идентичности, приводящая к искажению и дезадаптивности социального функционирования

субъекта (Злоказов К.В., [97, 98, 99, 100]; Руденский Е.В., Викторова О.А., [261, 262]).

Основным противоречием в исследовании социальной идентичности в отечественной и зарубежной психологии является, с одной стороны, высокая исследовательская активность в отношении как феномена идентичности в целом, так и в отношении социальной идентичности как одного из видов идентичности; с другой – отсутствие единой методологической платформы, которая позволила бы систематизировать представления о феномене социальной идентичности.

1.2. Метасистемный подход как основа для разработки проблемы социальной идентичности

Методологическое разнообразие исследовательских направлений и подходов к изучению феномена социальной идентичности указывает на то, что при отсутствии общего методологического основания построение феномена высокого интегративного уровня невозможно. Соответственно, обращение к системному подходу как методологическому основанию в изучении социальной идентичности мы принимаем как методологический путь изучения социальной идентичности.

На современном этапе развития психологической науки одним из ключевых, основополагающих методологических принципов является принцип системности, лежащий в основе системного подхода. Рассматривая системный подход как методологию познания, основывающуюся на определенной совокупности теоретических положений, содержащихся в общей теории систем [268, 269, 270, 271] и составляющих его основу, представим результаты историко-генетического анализа [229] основных идей системности (таблица 5).

Таблица 5

Историко-генетический анализ системного подхода в психологических исследованиях

Зарубежные исследования		Отечественные исследования	
Автор	Содержание	Автор	Содержание
И. Ламберт	Всякая наука, как и ее часть, предстает как система, трактуемая как целое [134].	А.А. Богданов	Изучение любого явления необходимо осуществлять со стороны его организованности, представляющей собой свойство целого быть больше суммы своих частей [40].
И. Кант	Выявил процедуры системного конструирования знания: принципы образования систем являются характеристиками лишь формы, а не содержания знания [112].	П.К. Анохин	Рассматривает систему как образование, состоящее из избирательно вовлеченных компонентов в некую целостность, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой. Характер взаимодействия между этими составляющими системы приобретает свойства взаимодействия и способствует появлению у них новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам. Каждый из компонентов обладает своей функциональной специфичностью, структурной специфичностью, функциональной интегративностью [17, 18, 19, 20].
И. Фихте	Научное знание есть системное целое. Системность знания ограничил систематичностью его формы, что привело к отождествлению системности научного знания и его систематического изложения [197].	А.Р. Лурия	Развивал представления о системном строении высших психических функций, системном характере их развития и распада, смысловом и системном строении сознания [154].
Г. Гегель	Рассматривал становление системы в соответствии с принципом восхождения от абстрактного к конкретному, отождествляя метод и систему [64].	Б.Ф. Ломов	Понимание психического предполагает его анализ в плане воздействия на него совокупностей внешних и внутренних отношений, с которыми оно вступает в связь прежде всего в качестве единого целого. Психика как система представляет собой многомерное, иерархически организованное

			динамическое целое [150, 151].
К. Левин	Выдвинул принципы анализа системности научного знания: историзм, единство содержания и формы, трактовка системности как открытой системы. Внутренняя, системная организация целого определяет свойства и функции образующих его частей [142, 143].	В.П. Кузьмин	Гносеологическая установка на явление как систему требует отображения его многокачественности, многомерности, многоуровневости, что приводит к получению в значительной мере параллельного (разнопорядкового) знания о нем [135, 136].
Н. Виннер	Система – это то, что приобрело целостность и форму в результате постоянного взаимодействия частей. Каждый объект может быть рассмотрен как система [56].	А.Г. Асмолов	Системный подход рассматривается как уровень общенаучных принципов и форм исследования, деятельностный подход – вариант реализации системного на конкретно-научном уровне методологии [25, 26].
Г. Олпорт	Рассматривает человека как сложную «открытую» систему, в иерархической организации которой выделяет следующие интегративные уровни взаимодействия индивида с миром: условные рефлексы, навыки, черты личности, системы черт, варьирующие в разных случаях и образующие множественные Я-личности [199].	В.А. Барабанщиков	Системный подход предполагает учет совокупности разнопорядковых качеств и свойств человека (материально-структурных, функциональных, системных) [28, 29].
Л. Бергаланфи	Разработал концепцию организма как открытой системы. Ввел понятие «система», которое позволило вычленив два важных аспекта исследуемых объектов - их организованность и многообразие типов связи [36].	В.А. Ганзен	Системные описания объектов исследований выполняют те же функции, что и другие научные описания (объяснительную и предсказательную); основной специфической функцией системного описания является интеграция информации об объекте [59, 60].
У.Росс Эшби	Акцент делается на особой природе взаимоотношения системы с ее окружением (отсюда, в частности, возникла идея гомеостазиса) и на проблеме поиска средств эффективного исследования множества связей в системе (в частности, настойчиво проводимая им в целом ряде работ идея упрощения систем) [333].	В.Д. Шадриков	Системный подход представляет собой конкретно-научную методологию познания сложных объектов, которые рассматриваются как системы. При этом исследования можно разделить по двум направлениям: изучение процессов формирования системы и выявление механизмов ее функционирования; изучение механизмов,

			обеспечивающих новые системные качества [315, 316].
Л.В. Блауберг	Система – понятие, которое служит для воспроизведения в знании целостного объекта с помощью специфических принципов, определенных понятийных и формальных средств; как правило, это воспроизведение осуществляется с определенной практической направленностью [38, 39].	А.В.Карпов	Системный подход представляет собой развивающийся эволюционирующий принцип познания, одним из направлений которого является следующее. В методологии классического системного подхода существует понятие метасистемного уровня организации и понятие метасистемности в целом. В работах по общей теории систем происходит дифференциация данного уровня от иных уровней и указывается, что метасистемный уровень является не только иерархически высшим, но и «открытым» [116, 117, 118].

Таким образом, системный подход позволяет учитывать совокупность разнопорядковых качеств и свойств человека (материально-структурных, функциональных, системных), которые организованы в некую целостность, напоминающую по своему строению пирамиду: на вершине размещаются общие свойства, в основании – раскрывающие их свойства n -го порядка, а грани символизируют различные категории свойств. К числу важнейших проблем системного подхода относятся: 1) разработка средств представления исследуемых и конструируемых объектов как систем; 2) построение обобщенных моделей системы, моделей разных классов и специфических свойств систем; 3) исследование структуры теорий систем и различных системных концепций и разработок. В логике системного исследования анализируемый объект рассматривается как множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества с акцентом на выявлении многообразия связей и отношений как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. Особенностью системного подхода является то, что не только объект, но и сам процесс исследования выступает как сложная система, задача которой состоит в соединении в единое целое различных моделей объекта (А.В. Карпов, [118]).

В психологической науке традиционно в качестве общепринятого методологического основания выступают основные положения системного подхода, предложенные Б.Ф. Ломовым [150, 151], развиваемые в последующем А.Г. Асмоловым [25, 26], В.А. Барабанщиковым [29], А.В. Карповым [117].

Ядро системного подхода, по Б.Ф. Ломову [151], образуют следующие шесть основных принципов:

- 1) Психические явления должны восприниматься и анализироваться с нескольких сторон: как некоторая качественная единица, как внутреннее условие взаимосвязи и взаимодействия объекта со средой, как совокупность качеств, приобретаемых индивидом, и как результат активности микросистем

организма. Целостное описание явления предполагает сочетание всех планов исследования.

2) Психические явления многомерны, а потому они должны рассматриваться с разных сторон и в различных системах измерения.

3) Система психических явлений состоит из многих уровней, психика в целом разделяется на когнитивную, коммуникативную, регулятивную, каждая из которых также разделяется на те или иные уровни.

4) Свойства человека организованы в единое целое, по своему строению напоминающее пирамиду: на вершине находятся основные психические свойства, в основании – свойства, их раскрывающие, а грани представляют собой различные категории психических свойств. Так и получается, что при системном рассмотрении необходимо учитывать совокупность свойств различного порядка.

5) Целостное познание психического явления подразумевает учет множественности его детерминант. В их число входят причинно-следственные связи, общие и специальные предпосылки психических явлений, опосредствующие звенья, различные внешние и внутренние факторы. Одни и те же детерминанты могут в одних условиях выступать в роли предпосылок, а в других – в роли самостоятельного фактора или опосредующего звена.

6) Психические явления должны изучаться в их динамике и развитии. Целостность и дифференцированность психических явлений возникают, формируются или разрушаются в ходе развития человека как их носителя, жизнь которого сама представляет собой полисистемный процесс. Таким образом, психическое развитие человека и можно представить как постоянное движение, возникновение, формирование и преобразование его основных качеств и свойств [151].

Согласно А.Г. Асмолову [25, 26], системный подход отражает уровень общенаучных принципов и форм исследования. В логике системного подхода человек не противопоставляется окружающей среде, а рассматривается как

элемент особой системы, включающей в себя также и окружающую среду. В зависимости от того, в рамках какой системы осуществляется анализ, в человеке раскрываются те или иные системные качества. Опираясь на имеющиеся исследования самого системного подхода, автор рассматривает человека в качестве элемента трех различных систем: в системе биологического вида *homo sapiens* человек выступает как индивид; в системе общества он становится носителем совокупности социальных качеств и выступает как личность; системно-исторический план анализа позволяет выделить специфическое качество личности – индивидуальность [26].

С позиции В.А. Барабанщикова [28, 29], системный подход предполагает учет совокупности разнопорядковых качеств и свойств человека (материально-структурных, функциональных, системных), которые организованы в некоторое целое, напоминающее по строению пирамиду: на вершине размещаются общие свойства, в основании – раскрывающие их свойства n -го порядка, а грани символизируют различные категории свойств. Психическое как система существует только в развитии и реализуется как полисистемный процесс. При этом сам субъект выступает как многомерное, развивающееся функциональное целое (система) [28].

Таким образом, история развития системного подхода в психологической науке указывает на то, что особое внимание отводится анализу факторов и механизмов, объединяющих систему в некую целостность, выделяющих ее из окружающей среды, то есть основанных на механизмах и способах обеспечения автономности и интеграции систем.

Общими задачами системных исследований являются анализ и синтез систем. Процесс анализа предполагает выделение системы из среды с целью определения ее состава, структуры, функции, интегральных характеристик, системообразующих факторов и взаимосвязей с внешней средой. Задачей синтеза является создание модели реальной системы с повышением уровня ее абстрактного описания, определение полноты ее состава и структур, базисов описания, закономерностей динамики и проявлений. Системные

описания объектов исследований выполняют те же функции, что и другие научные описания (объяснительную и предсказательную); основной специфической функцией системного описания является интеграция информации об объекте [59, 60].

Постановка исследовательской задачи в рамках системного подхода предполагает анализ состава объекта исследования, его структуры и функций.

Системный подход характеризуется тем, что имеет три разновидности [116]: комплексный системный подход; структурный системный подход; целостный системный подход. На современном этапе развитие системного подхода идет в трех направлениях: системология как теория технических средств; системотехника как практико-ориентированное направление; системный анализ как общенаучная методология.

В методологии системного подхода существует понятие метасистемного уровня организации системы и метасистемности в целом. В научных публикациях по общей теории систем происходит дифференциация данного уровня от всех остальных. Причем именно данный уровень организации является иерархически высшим, обеспечивающим взаимодействие с другими системами (то есть открытость системы).

Согласно представлениям так называемого «классического» системного подхода, любая система одновременно является частью определенной, более общей целостности – имеющей внешнюю по отношению к ней локализацию, и обозначаемой как метасистема. В составе метасистемы, взаимодействуя с ней, сама система обретает свой онтологический статус. При этом внешняя локализация метасистемы по отношению к системе не является единственно возможной.

В современной науке доказано существование систем, в собственном содержании которых представлена более общая по отношению к ним метасистема. «Внутренне локализованная» метасистема определяет

возникновение качественно специфического метасистемного уровня организации самой системы [117, 118].

Вместе с тем, помимо так называемых классических систем, которые существуют и развиваются в теории систем, существуют системы такого типа, которые по причине своей уникальности и своеобразия следует рассматривать как особый класс – системы со встроенным метасистемным уровнем [116]. Анализ особого типа систем составляет основное содержание метасистемного подхода в психологии.

Согласно положениям метасистемного подхода, чтобы отражать системность организации объекта, необходима целостность системного построения любого исследуемого феномена, включающего пять уровней анализа: 1) метасистемный уровень анализа, предполагающий изучение метасистемы по отношению к изучаемому объекту в критериальном содержании его качественной определенности и специфичности, обретаемой в метасистеме; 2) изучение структурной организации объекта, включающей компоненты и связи; 3) изучение функционального содержания объекта исследования; 4) изучение генеза анализируемого объекта; 5) интеграция обозначенных ранее аспектов анализа в единое целостное представление [118].

1.3. Системная организация социальной идентичности: теоретическое моделирование

Интегрируя концептуальные основания системного (Б.Ф. Ломов, А.Г. Асмолов, В.А. Ганзен, В.А. Барабанщиков, А.В. Карпов, В.Д. Шадриков) [150, 151, 25, 26, 59, 60, 28, 29, 116, 117, 118, 315, 316], метасистемного подходов (А.В. Карпов, [118]), принципов системогенеза и метасистемогенеза (В.Д. Шадриков, А.В. Карпов) [118, 315, 316], содержательных теорий социальной идентичности (Х. Тэжфел, Дж. Тэрнер, Дж. Марсиа, Т.Г. Стефаненко, Л.Б. Шнейдер, Н.Л. Иванова) [408, 409, 410, 297, 411, 412, 376, 377, 289, 290, 324, 325, 102, 103, 104, 105], а также

положений о критериях нормы и отклонения (К.К. Платонов, В.Д. Менделевич, В.Б. Никишина) [161, 162, 188, 239] была организована теоретическая схема исследования социальной идентичности как системного феномена в норме и при нарушении.

С точки зрения общефилософской методологии, модель представляет собой систему, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе; представление некоторого реального процесса, устройства или концепции (А.И. Уёмов, [300]). Моделью может выступать объект любой природы, способный замещать изучаемый объект в интересующих исследователя свойствах; в свою очередь моделирование определяется как построение (или выбор) и изучение моделей с целью получения новых знаний об объектах.

Принципы моделирования отражают общие свойства, которыми должна обладать модель (А.И. Уёмов, 1978) [300]:

- компромисс между ожидаемой точностью (надежностью) результатов моделирования и сложностью модели;
- принцип баланса мощностей (соразмерность систематической погрешности моделирования; соответствие точностей отдельных элементов модели; соответствие случайной погрешности при интерпретации и усреднении результатов моделирования);
- принцип разнообразия элементов модели;
- принцип наглядности модели для исследования;
- блочное представление модели.

Конструируя теоретическую схему исследования социальной идентичности в норме и при нарушении, будем рассматривать ее как системный интегративный феномен, включающий онтогенетические и социогенетические основания, характеризующийся множественностью проявлений, определим ее как осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и

идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я.

Предполагая, что социальная идентичность представляет собой систему гносеологического плана и допускает свое наиболее полное и конструктивное раскрытие с позиции ее трактовки как системы со встроенным метасистемным уровнем, представление данного феномена может быть дано с позиции гносеологического варианта метасистемного подхода.

Исходя из обозначенных положений системного подхода (многомерность и многоаспектность анализа психических явлений, многомерность исследования психических феноменов, уровневость организации психических явлений, целостность психических явлений, детерминированность психических явлений, динамичность психических явлений), представим анализ феномена социальной идентичности с позиции основных принципов системного подхода (таблица 6).

Таблица 6

Системный подход в анализе структуры социальной идентичности

Свойства системы	Система, имеющая свои специфические закономерности	Как часть своей видо-родовой макроструктуры	Микросистема	Внешние взаимодействия
Целостность	Согласованность структурных элементов: когнитивного, мотивационного, ценностного.	Раскрывается в интеграции структурно-критериального содержания социальной идентичности.	Видовая специфичность социальной идентичности реализуется в структурно-динамическом содержании.	Трансформация структуры социальной идентичности происходит под влиянием микро- и макросоциальных воздействий, совокупное влияние которых обуславливает тенденции нарушения или поддержания тенденций нормы.
Иерархичность	Наличие системообразующего элемента в структуре социальной идентичности.	Раскрывается в системном формировании ценностного элемента структуры социальной идентичности в норме.	Реализуется в динамике формирования иерархической последовательности статусно-видовой системы социальной идентичности.	Под влиянием внешних микро- и макросоциальных воздействий происходит трансформация системообразующего элемента в структуре социальной идентичности.
Структуризация	Специфика взаимосвязей структурных элементов социальной идентичности.	Раскрывается в соотношении тенденции дивергентности–когерентности структурной организации социальной идентичности.	Качество взаимосвязи структурных элементов по каждому виду социальной идентичности реализуется в организационной согласованности–рассогласованности.	Структурная организация социальной идентичности на уровне взаимосвязей отражает внутриличностные изменения, происходящие на микро- и макросоциальном уровнях.
Множественность	Количество структурных компонентов социальной идентичности в различных авторских подходах варьируется; также варьируются и модели описания структурных компонентов в зависимости от принадлежности автора	Раскрывается в многокомпонентности как на каждом структурном уровне, так и многоуровневости структурной организации в целом.	Реализуется в разнообразии видов социальной идентичности; в соотносительности социальной идентичности с личностными образованиями(схема Я, восприятие себя и др.).	Трансформация структурной организации социальной идентичности характеризуется множественностью проявлений в континууме норма – нарушение.

	к психологическому направлению.			
Системность	Свойства и функции социальной идентичности обеспечиваются, с одной стороны, свойствами структурных компонентов, с другой – свойствами, которые обеспечиваются системой взаимосвязей структурных компонентов.	Раскрывается в динамическом гомеостазе структурных компонентов социальной идентичности, реструктуризации их взаимосвязей.	Социальная идентичность как микросистема способна формировать относительную устойчивость ее элементов в континууме норма–нарушение.	Структурные элементы социальной идентичности содержательно отражают происходящие на микро- и макросоциальном уровнях изменения через трансформацию системы взаимосвязей.

Метасистемный подход как базовое методологическое основание изучения социальной идентичности, с одной стороны, позволяет преодолеть множественность и интроспективность теоретических моделей, с другой – структурировать, интегрировать и отследить генез самого феномена в континуальности проявлений «норма–нарушение». Согласно положениям метасистемного подхода, алгоритм системного анализа включает в себя пять уровней: метапсихологический, структурный, функциональный, генетический и интегративный.

Социальная идентичность, представляя собой системное динамическое образование, включает в себя пять основных уровней системного анализа: онтологический, структурный, функциональный, генетический и интегративный.

Социальная метасистема, с которой взаимодействует личность, в которую она объективно включена и которая является внешней по отношению к ней, представлена в структуре и содержании социальной идентичности. В рамках онтологического (метасистемного) уровня социальная идентичность на макросоциальном уровне обеспечивает и поддерживает адаптивное (адекватное) социальное функционирование личности. На уровне микросоциума формирует благоприятную адаптивную среду, препятствуя возникновению и развитию процессов нарушения социального функционирования личности.

Реализация структурного уровня анализа социальной идентичности концептуально базируется на положениях теорий Х. Тэшфела, Дж. Тэрнера, Т.Г. Стефаненко, Н.Л. Ивановой. Структурный аспект анализа предполагает изучение структуры социальной идентичности в норме и в основных случаях нарушения (при аддиктивном поведении: алкогольной, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей, игровой зависимости; делинквентном поведении: деструктивном и аутодеструктивном поведении; соматической патологии: онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей, ишемическом инсульте головного мозга) на уровне

структурных компонентов, включая когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты, а также их взаимосвязей.

Функционирование социальной идентичности осуществляется в континууме «норма–нарушение». На основании обобщения и систематизации накопленного в науке опыта формирования критериев нормы и нарушения психологического, сформирован перечень критериев в дихотомической логике: согласованности/рассогласованности структурной организации; адаптивности/неадаптивности; самоактуализации/нарушении самоактуализации; ответственности/безответственности; совестливости/бессовестливости; конструктивности/деструктивности. Выделенные критерии нормы-нарушения социальной идентичности, в свою очередь, соотнесены с идеей дифференциации нарушений социальной идентичности по критерию отношения к реальности: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (при аддиктивном поведении); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии).

Генетический уровень анализа социальной идентичности как системного феномена раскрывает качественно-количественную специфику ее структурной организации и статусных проявлений с учетом возрастных периодов (от подросткового возраста к периоду старости), с одной стороны; с другой – отражается в континуальности всех проявлений социальной идентичности в норме и при нарушении.

Интегративный уровень системного анализа социальной идентичности как системного феномена реализуется в построении на основании полученных эмпирических результатов критериально-иерархических моделей социальной идентичности как в норме, так и при нарушении, которые интегрируют структурное, функциональное, генетическое содержание, обеспечивая трансляцию явления на онтологический (метасистемный) уровень.

Выводы по главе 1

В данной главе представлен обзор истории изучения феномена социальной идентичности в отечественной и зарубежной психологии. В зарубежной психологии изучение социальной идентичности осуществлялось в контексте исследований внутригруппового и межгруппового поведения личности в рамках основных психологических направлений (психодинамического, когнитивного, бихевиорального, интеракционистского, экзистенциально-гуманистического), где социальная идентичность описывалась как социальный феномен, имеющий структурное (компонентное) строение, собственную типологию и факторы формирования, которые определяются основной идеей психологического направления.

В отечественной психологической науке обобщение накопленных данных в изучении феномена социальной идентичности позволило выделить следующее: социальная идентичность является динамическим образованием, формирующимся в процессе социального взаимодействия на протяжении всей жизни личности; имеет структурное строение, в котором центральное место занимает Я-концепция (образ Я), которая, в свою очередь, характеризует целостность представлений личности о себе.

В результате проведенного теоретико-методологического анализа проблемы социальной идентичности в психологической науке установлено, что основное противоречие в изучении социальной идентичности как в отечественной, так и зарубежной психологии заключается в том, что при высокой исследовательской активности в отношении феномена идентичности в целом (а также в отношении социальной идентичности как одного из видов идентичности) выявлено отсутствие единой методологической платформы, позволяющей систематизировать накопленные представления о феномене социальной идентичности.

Учитывая разноплановость изучения феномена социальной идентичности, в научном пространстве неоднократно предпринимались попытки его изучения в логике системного подхода (социальная

идентичность рассматривалась как система). Однако даже в рамках системного подхода интеграции структурного, феноменологического, динамического уровней анализа социальной идентичности не выявлено ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях данного феномена.

Необходимым условием разрешения выявленных противоречий в изучении феномена социальной идентичности является выбор адекватной теоретико-методологической основы для осуществления психологического анализа социальной идентичности в норме и при нарушении. В качестве такой основы могут выступить положения системного и метасистемного подходов, методологические принципы системогенеза и метасистемогенеза, а также положения о критериях нормы и нарушения.

Принимая положения метасистемного подхода в качестве базового методологического основания в изучении социальной идентичности, нами предпринята попытка решения проблемы множественности и интроспективности теоретических моделей социальной идентичности, с одной стороны; с другой стороны, методология данного подхода позволяет структурировать, интегрировать и отследить генез самого феномена в континуальности проявлений «норма–нарушение».

Таким образом, в рамках метасистемной методологии, социальная идентичность рассматривается как система гносеологического плана, которая допускает свое наиболее полное раскрытие с позиции ее трактовки как системы со встроенным метасистемным уровнем. В качестве метасистемы, в которую социальная идентичность включена в качестве структурного компонента, выступает социум. В свою очередь, социум, встраиваясь в систему социальной идентичности, конституирует ее структурные компоненты (когнитивный, мотивационный и ценностный). Проекция нарушений социальной идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций; на уровне микросоциума формирует негативную патологическую среду, запуская и масштабируя процессы нарушений в арифметической прогрессии.

Указанные направления и проблематика легли в основу представленной диссертационной работы и были последовательно реализованы, что нашло отражение в последующих главах.

Глава 2. Структурная организация социальной идентичности в норме и при нарушении

2.1. Структурная организация социальной идентичности в норме

Приступая к анализу структурной организации социальной идентичности в норме, следует отметить ее континуальность: в процессе онтогенетического развития субъекта социальная идентичность на каждом возрастном этапе характеризуется специфическими особенностями, которые, в свою очередь, определяются возрастными закономерностями социального развития человека. Большинство авторов (Г.С. Абрамова [1], Л.И. Божович [44, 45, 46], В.Г. Казанская [109], П.О. Кенкман [122], И.С. Кон [126, 127], Л.Ф. Обухова [196], А.А. Реан [246], М. Розенберг [254], Д.И. Фельдштейн [301], И.В. Дубровина [303, 304], И.В. Шаповаленко [322], J. Piaget [391], J.C. Richardson [395]), исследуя возрастные особенности социального функционирования субъекта, представляют результаты, которые содержательно могут быть соотнесены с социальной идентичностью. При этом в результате проведенного теоретического анализа не удалось выявить структурные закономерности социальной идентичности на разных возрастных этапах.

Эмпирическая аргументация формировалась на основании структурно-генетических закономерностей системной организации социальной идентичности и была организована в три последовательных этапа. На первом этапе осуществлялся анализ соотношения структурных компонентов социальной идентичности (когнитивного, мотивационного и ценностного), оценка их взаимосвязей, а также расчет показателей организованности структуры социальной идентичности на разных возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, период взрослости, период поздней взрослости). Задачей второго этапа эмпирического исследования являлось выявление онтогенетических закономерностей структурной

организации социальной идентичности на разных возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, период взрослости, период поздней взрослости). На третьем этапе осуществлялся качественный анализ проявлений социальной идентичности в системе статусов на разных возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, период взрослости, период поздней взрослости).

Общий объем выборки испытуемых на данном этапе исследования составил 455 человек (подростковый возраст – 73 человека, юношеский возраст – 78 человек, период взрослости – 218 человек, период поздней взрослости – 86 человек) (таблица 7).

Таблица 7

Количественные и качественные характеристики выборки

Характеристики выборки	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период поздней взрослости
Возраст	12-15 лет	17-22 года	23-57 лет	58-74 года
Пол	43 – ж 30 – м	44 – ж 34 – м	119 – ж 99 – м	48 – ж 38 – м
Социальный статус	учащиеся	учащиеся студенты	рабочие служащие	неработающие пенсионеры
Количество человек	73	78	218	86

Выборки уравниваются по гендерному основанию в соотношении 50% женщин и 50% мужчин; этническому – все русскоговорящие. В юношеском возрасте, периодах взрослости и поздней взрослости контролировался образовательный статус (50% имеют полное или неполное высшее образование; 50% имеют полное или неполное среднее специальное образование).

Эмпирическими методами изучения структурных компонентов социальной идентичности являются следующие: содержание когнитивного компонента представлено через систему когнитивных конструкторов (тест репертуарных решеток Дж. Келли) [121, 371], анализируемых по трем критериям (простота/сложность организации, дифференцированность/недифференцированность системы конструкторов, содержательная направленность конструкторов); мотивационный компонент представлен через исследование мотивационной направленности личности (по В.Э. Мильману) [167]; ценностный компонент представлен через анализ двух уровней (уровня представлений и уровня фактической реализации в поведении) организации системы ценностных ориентаций личности (опросник Ш. Шварца) [114]. По мнению А.С. Шарова [323], ценности обеспечивают регуляцию жизнедеятельности субъекта.

Оценка значимости различий показателей структурных компонентов социальной идентичности осуществлялась через процедуру попарного сравнения возрастных групп испытуемых с использованием непараметрических критериев (U-критерий Манна-Уитни; угловое преобразование ϕ -Фишера) [277].

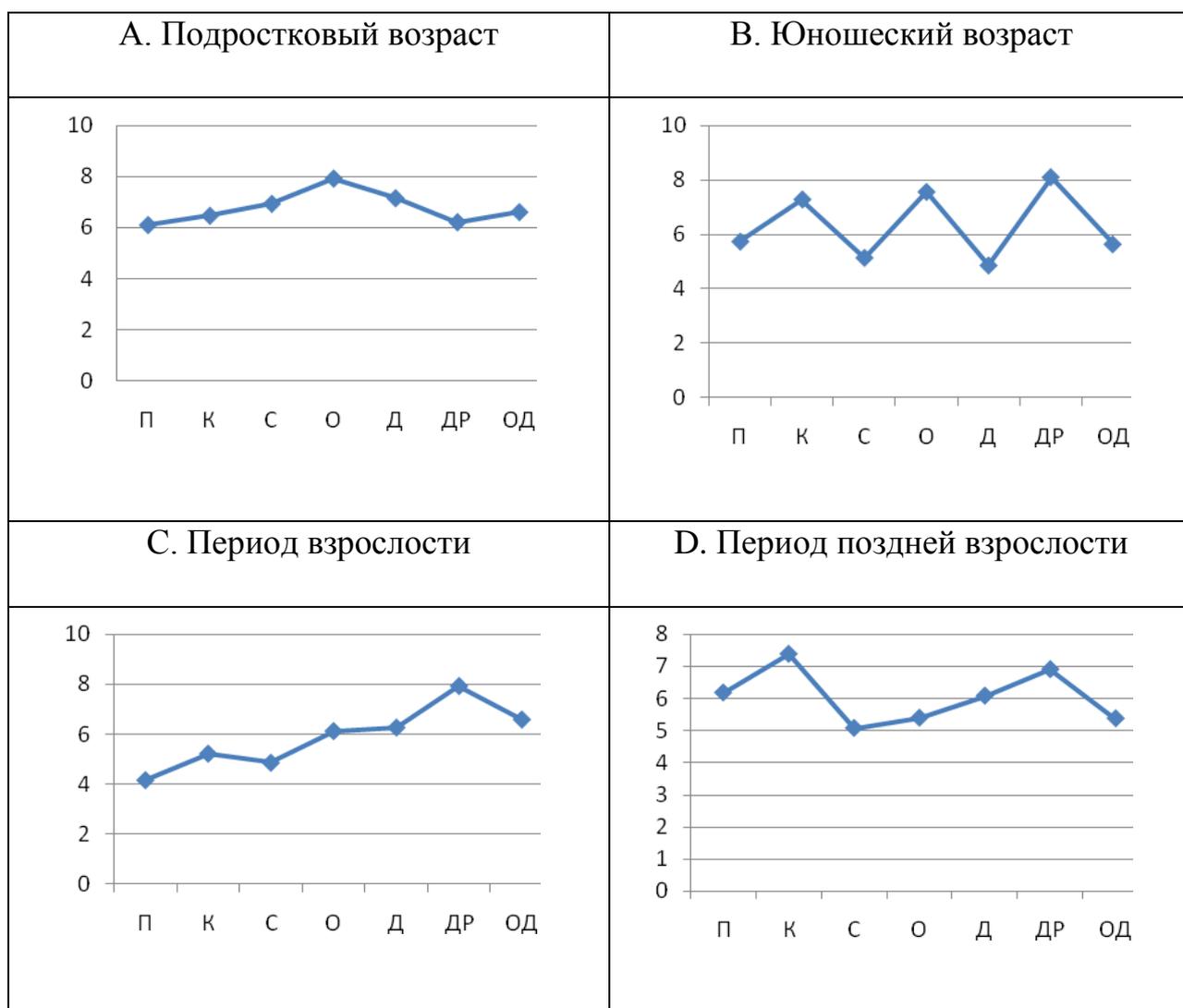
В результате исследования социальной идентичности на уровне когнитивного компонента, представленного системой когнитивных конструкторов, в подростковом возрасте выявлено значимое преобладание простых, недифференцированных когнитивных конструкторов в сравнении с периодами юности ($p=0,034$), взрослости ($p=0,021^*$) и поздней взрослости ($p=0,024$). При этом в юношеском возрасте, этапах взрослости выявлено значимое преобладание сложных и дифференцированных когнитивных конструкторов ($p=0,012$) (рис. 4).

Рисунок – 4 Гистограмма частот когнитивных компонентов на разных этапах онтогенеза (в подростковом, юношеском возрасте, этапах взрослости и поздней взрослости)

Содержательно система конструкций также имеет ряд особенностей с учетом возрастного этапа: в подростковом возрасте содержанием когнитивных конструкций являются такие социальные явления, как межличностное общение и межличностные отношения; в юношеском возрасте содержание когнитивных конструкций имеет статусно-ролевую направленность, а также сосредоточено на оценке и принятии социальных норм процессов; в период взрослости когнитивные конструкции содержательно ориентированы на профессионально-деятельностные аспекты социально-психологических явлений; период поздней взрослости характеризуется, так же, как и в подростковом возрасте, содержательной направленностью на межличностные отношения, но с тем отличием, что эти отношения сосредоточены на ближайшем окружении.

При исследовании мотивационного компонента социальной идентичности по показателям средних значений мотивационных шкал были сформированы мотивационные профили по группам испытуемых (рис.5).

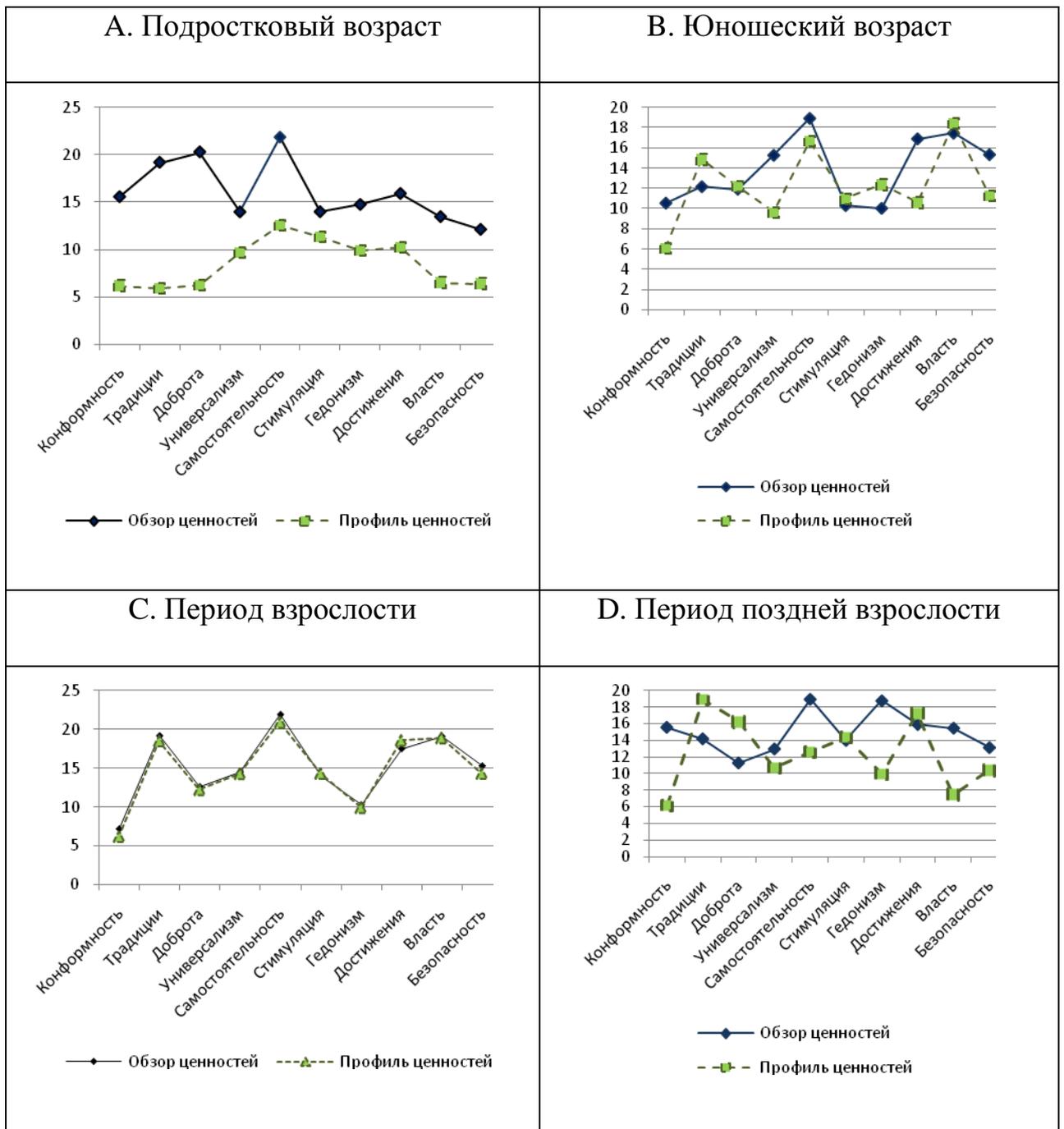
Условные обозначения: П-поддержание жизнеобеспечения, К-комфорт, С-социальный статус, О-общение, Д-общая активность, ДР-творческая активность, ОД-общественная полезность

Рисунок – 5 Усредненные профили мотивационного компонента в структуре социальной идентичности по возрастным этапам (в подростковом, юношеском возрасте, периодах взрослости и поздней взрослости)

В подростковом возрасте выявлен уплощенный мотивационный профиль, характеризующийся низкой дифференцированностью мотивационной иерархии личности, а также узким диапазоном мотивов (рис. 5А). При этом в профиле значимо преобладают общая активность ($p=0,016$) и коммуникативная мотивация ($p=0,028$) в сравнении с другими возрастными

группами испытуемых. Мотивационный профиль в юношеском возрасте характеризуется импульсивностью, проявляющейся в значимом преобладании мотивов социального комфорта ($p=0,022$), коммуникативных мотивов ($0,034$) и творческой активности ($p=0,029$) (рис. 5B). В период взрослости выявлен прогрессивный мотивационный профиль, характеризующийся низкими значениями мотивов поддержания (мотивы поддержания жизнеобеспечения, мотивы комфортности, статусные мотивы) при значимо более высоких показателях уровня развивающих мотивов (мотивы общей активности, мотивы творческой активности, мотивы социальной полезности) (рис. 5C). В период поздней взрослости преобладает экспрессивный мотивационный профиль, характеризующийся значимым преобладанием мотивов комфортности ($p=0,025$) и поддержания жизнеобеспечения ($p=0,041$) (рис. 5D).

Социальная идентичность на уровне ценностного компонента на разных возрастных этапах, согласно процедуре исследования, предполагает два уровня анализа: система ценностных ориентаций на уровне представлений и система ценностных ориентаций на уровне их реализации в поведении. На трех возрастных этапах (подростковый, юношеский возраст, период геронтогенеза) выявлено рассогласование уровня представлений и уровня поведенческой реализации, то есть ценностные ориентации, преобладающие на уровне нормативных идеалов, характеризующем содержание уровня представлений, являются декларативными и не реализуются на уровне поведения (уровень индивидуальных приоритетов) (рис. 6).

Рисунок – 6 Усредненный профиль ценностного компонента социальной идентичности по возрастным этапам (в подростковом, юношеском возрасте, во взрослости и поздней взрослости)

В период взрослости система ценностных ориентаций является согласованной (на что указывает совпадение рельефа профиля системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне их поведенческой реализации) со значимым преобладанием ценности традиций

($p=0,019$), проявляющейся в уважении, принятии обычаев и идей социума, а также следование им; ценности самостоятельности ($p=0,026$), реализующейся в самоконтроле и саморегуляции; ценности достижения ($p=0,031$) как проявлении личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами; ценности власти ($p=0,024$), проявляющейся в достижении социального статуса или престижа. Ценностные ориентации, проявляющиеся только на уровне представлений и не находящие реализации в поведении, являются декларативными (рис. 6С).

Итогом анализа системы ценностных ориентаций как структурного компонента социальной идентичности на разных этапах онтогенеза стало выделение общих тенденций в подростковом и юношеском возрастах (рис. 6А, 6В). В подростковом возрасте ценность традиций ($p=0,019$), доброты ($p=0,022$), самостоятельности ($p=0,036$) и достижений ($p=0,025$) значимо более выражены и являются декларативными. При этом в поведении реализуются ценности стимуляции (как стремление к новизне и глубоким переживаниям), гедонистические ценности (ценности наслаждения или чувственного удовольствия) и ценности безопасности (для других людей и себя, как социальная стабильность общества и взаимоотношений). Юношеский возраст, так же, как и подростковый, характеризуется преобладанием декларативных ценностей достижения и самостоятельности (при значимом повышении уровня их выраженности), но, в отличие от последнего, в юношестве декларируются ценности власти ($p=0,011$) и универсализма ($p=0,020$). Фактически реализуемыми являются ценности традиций, самостоятельности и власти. Период поздней взрослости также характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций: при декларировании ценностей самостоятельности, гедонизма и безопасности фактически реализуются на уровне поведения ценности традиций, доброты и достижений (рис. 6D).

Результаты, полученные при исследовании структурных компонентов социальной идентичности на разных возрастных этапах, указывают на наличие специфических особенностей, представленных в таблице 8.

Таблица 8

Особенности структурных компонентов социальной идентичности в генетическом аспекте

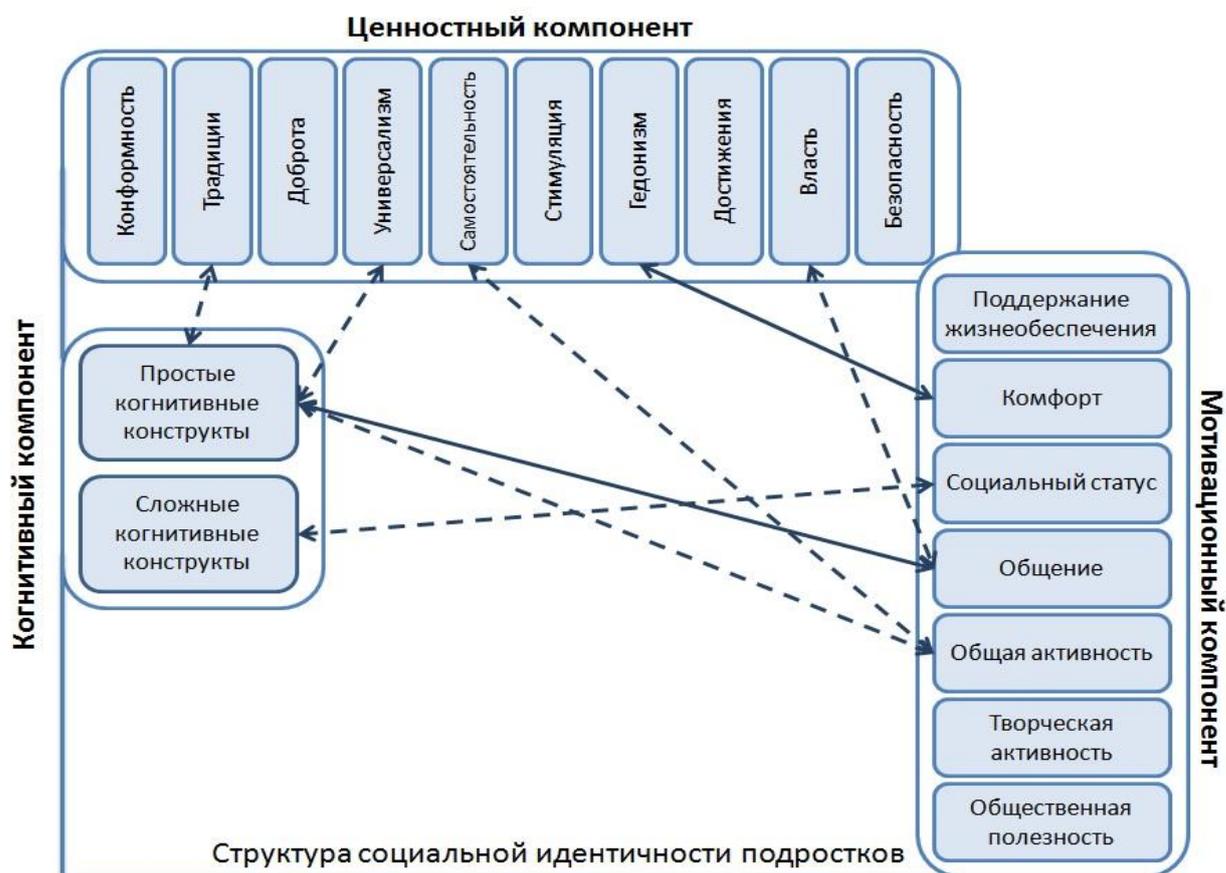
Возрастной этап	Характеристика структурных компонентов социальной идентичности
Подростковый возраст	<p>Когнитивный компонент социальной идентичности в подростковом возрасте представлен простыми, слабо дифференцированными когнитивными конструктами, содержательно направленными на межличностные, семейные отношения.</p> <p>Мотивационный компонент представлен уплощенным мотивационным профилем, который реализуется в значимо преобладающей общежитической мотивационной направленности, представленной высокой общей активностью, мотивом общения и социального комфорта.</p> <p>В системе ценностных ориентаций значимо преобладающими являются ценности стимуляции, гедонистические ценности и безопасность. При этом выявлено рассогласование системы ценностных ориентаций на уровне представлений и уровне их реализации в поведении.</p>
Юношеский возраст	<p>Когнитивный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте характеризуется сложной, дифференцированной организацией когнитивных конструктов статусно-ролевой направленности.</p> <p>Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности представлен импульсивным мотивационным профилем с доминированием коммуникативных мотивов, творческой активности и мотивов комфорта.</p> <p>Система ценностных ориентаций является</p>

	рассогласованной с преобладанием ценностей традиций, самостоятельности и власти.
Период взрослости	<p>Когнитивный компонент, так же, как и в подростковом возрасте, является простым и недифференцированным, но с профессионально-деятельностной направленностью.</p> <p>Мотивационный компонент реализуется через экспрессивный мотивационный профиль с преобладанием статусно-социальных мотивов и мотивов комфортности.</p> <p>Система ценностных ориентаций является рассогласованной со значимым преобладанием ценностей традиций, доброты и достижений.</p>
Период поздней взрослости	<p>На уровне когнитивного компонента в структуре социальной идентичности, так же, как и в юности, выявлена сложная и дифференцированная система когнитивных конструктов.</p> <p>Мотивационный компонент представлен прогрессивным мотивационным профилем с преобладанием высоких показателей общей и творческой активности.</p> <p>На уровне ценностного компонента социальная идентичность характеризуется согласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценности традиций, самостоятельности и власти.</p>

Оценка взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности на разных возрастных этапах (в подростковом, юношеском возрасте, во взрослости и поздней взрослости) осуществлялась методом корреляционного анализа (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$).

В оценке структуры взаимосвязей компонентов социальной идентичности подростков выявлены прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями простых когнитивных конструктов и коммуникативной мотивацией ($r = 0,49^*$), а также мотивации комфортности с гедонистическими

ценностями ($r=0,44^*$) и статусной мотивацией ($r=0,57^*$). Обратные пропорциональные значимые взаимосвязи установлены между следующими показателями: показателями простых когнитивных конструкторов с общей мотивационной активностью ($r=-0,42^*$), ценностями традиций ($r=-0,38^*$) и универсализма ($r=-0,41^*$); показателями сложных когнитивных конструкторов и статусной мотивацией ($r=0,-46^*$); коммуникативной мотивацией и ценностями власти ($r=0,-51^*$); общей мотивационной активностью и ценностью самостоятельности ($r=-0,37^*$); декларируемыми гедонистическими ценностями и ценностями доброты ($r=-0,47^*$), ценностями традиций и безопасности ($r=-0,41^*$); мотивацией творческой активности и комфорта ($r=-0,52^*$) (рис. 7).

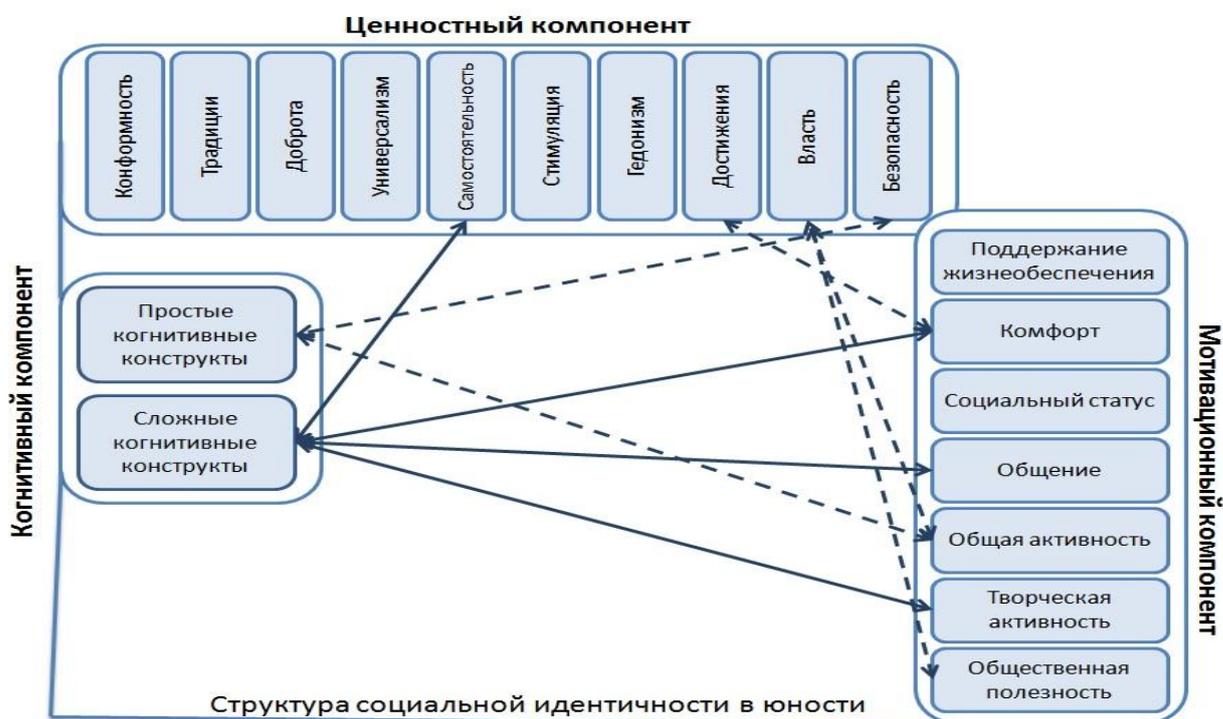

Условные обозначения:

- > - прямо пропорциональные взаимосвязи
- - -> - обратно пропорциональные взаимосвязи

Рисунок – 7 Структура взаимосвязей компонентов социальной идентичности в подростковом возрасте

В период юношеского возраста установлены прямо пропорциональные взаимосвязи показателей сложных когнитивных конструкторов с мотивационной комфортностью ($r=0,39^*$), коммуникативной мотивацией ($r=0,42^*$), мотивацией творческой активности ($r=0,37^*$), ценностью самостоятельности ($r=0,44^*$); показателями простых когнитивных конструкторов и мотивационной активностью ($r=0,46^*$); мотивационной активностью и реализуемой ценностью власти ($r=0,41^*$); ценностями традиций на уровне представлений и на уровне реализации в поведении ($r=0,33^*$). Обрато пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструкторов и декларируемой ценностью безопасности ($r=-0,49^*$), общей мотивационной активностью и ценностью власти ($r=-0,34^*$), общественно полезной мотивационной направленностью и декларативной ценностью власти ($r=-0,51^*$), мотивацией комфорта и ценностями достижения ($r=-0,47^*$) (рис. 8).

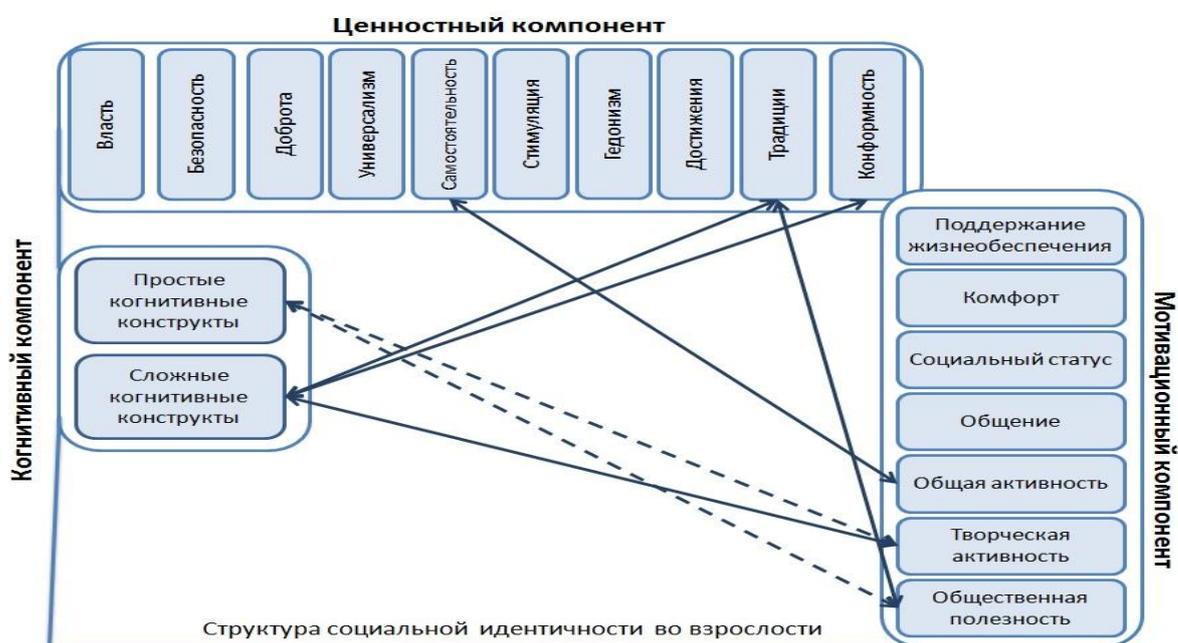

Условные обозначения:

- > - прямо пропорциональные взаимосвязи
- - -> - обратно пропорциональные взаимосвязи

Рисунок – 8 Структура взаимосвязей компонентов социальной идентичности в юношеском возрасте

Структурная организация социальной идентичности в период взрослости характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями показателей сложных когнитивных конструктов с показателями творческой мотивационной активности ($r=0,43^*$), ценностями традиций ($r=0,47^*$) и конформизма ($r=0,46^*$); общей мотивационной активностью и ценностью самостоятельности ($r=0,39^*$); общественно полезной мотивацией и ценностями традиций ($r=0,40^*$); творческой мотивационной активностью и общественно полезной направленностью ($r=0,51^*$); реализуемыми ценностями самостоятельности и власти ($r=0,37^*$); ценностями самостоятельности на уровне представлений на уровне реализации в поведении ($r=0,64^*$). Обратно пропорциональные значимые взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструктов с мотивационной творческой активностью ($r=-0,47^*$) и общественно полезной мотивацией ($r=-0,39^*$) (рис. 9).

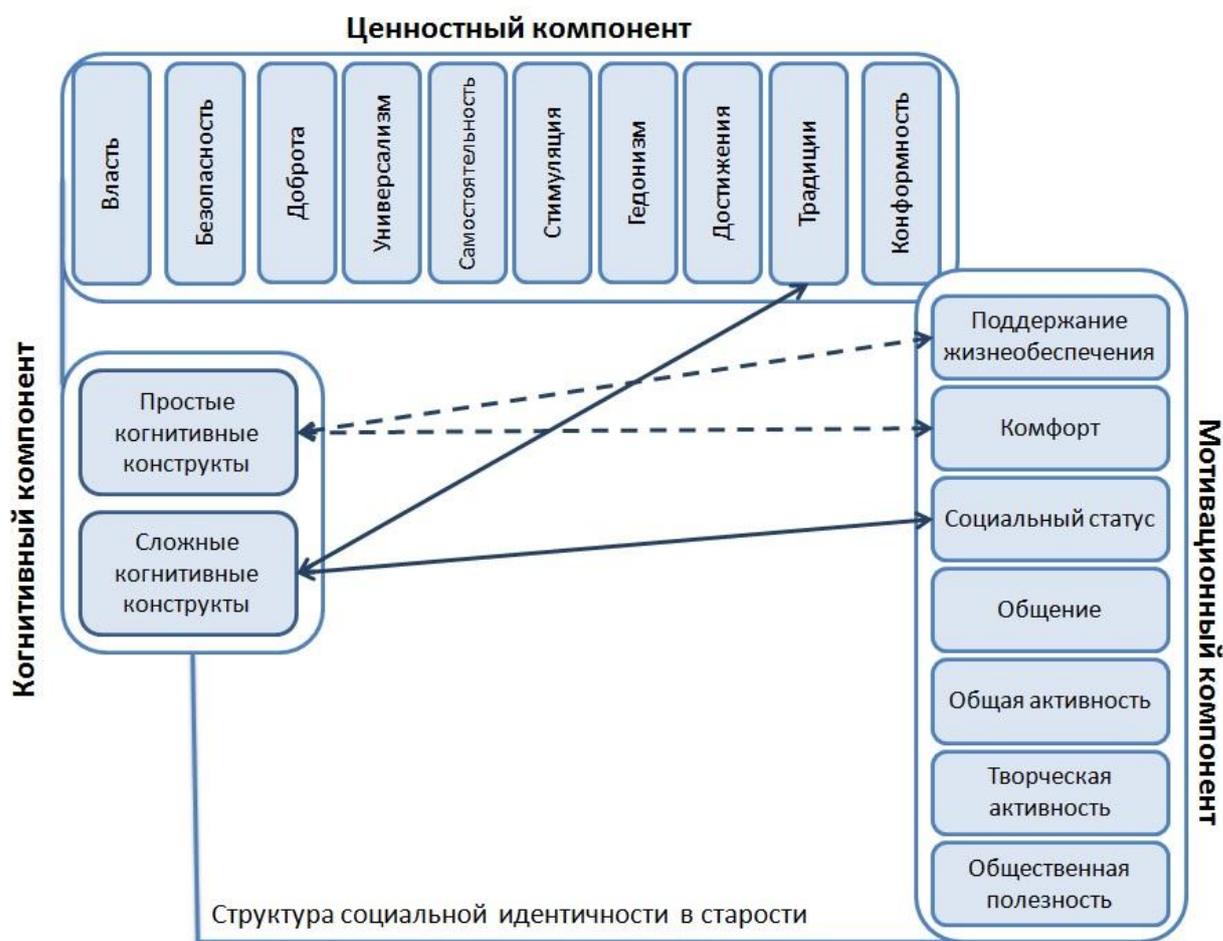

Условные обозначения:

- > - прямо пропорциональные взаимосвязи
- - -> - обратно пропорциональные взаимосвязи

Рисунок – 9 Структура взаимосвязей компонентов социальной идентичности в период взрослости

Период поздней взрослости характеризуется минимальным количеством статистически значимых взаимосвязей с преобладанием связей обратно пропорционального характера. Статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями сложных когнитивных конструктов с ценностями традиций ($r=0,41^*$) и статусной мотивацией ($r=0,38^*$) при обратно пропорциональных взаимосвязях простых когнитивных конструктов с мотивацией поддержания жизнедеятельности ($r=-0,64^*$) и мотивацией комфорта ($r=-0,39^*$) (рис. 10).

Условные обозначения:

- > - прямо пропорциональные взаимосвязи
- - -> - обратно пропорциональные взаимосвязи

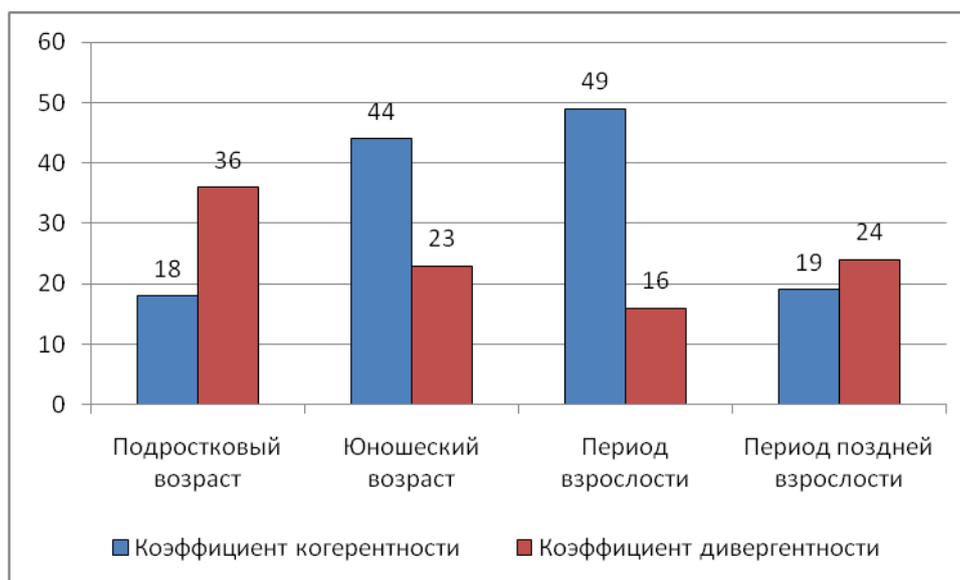
Рисунок – 10 Структура взаимосвязей компонентов социальной идентичности в период поздней взрослости

Обобщая полученные результаты, следует отметить, что когнитивный компонент, реализующийся через систему когнитивных конструктов, на всех этапах онтогенетического развития выступает как системообразующий, концентрируя на себе большинство взаимосвязей. К специфическим особенностям системы взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности можно отнести следующие: на этапах подросткового возраста и поздней взрослости преобладающим является отрицательный вектор взаимосвязей, в то время как в периоды юношеского возраста и взрослости, наоборот, преобладают прямо пропорциональные взаимосвязи.

Расчет показателей организованности структуры социальной идентичности на разных возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, период взрослости, период поздней взрослости) осуществлялся через оценку индексов когерентности и дивергентности, а также расчета коэффициента организованности структуры социальной идентичности на основании полученных значимых взаимосвязей ($p=0,01$ и $p=0,05$). В общей теории систем под организованностью понимается внутренняя упорядоченность отношений и связей между ее элементами, причем каждая связь или элемент системы должны способствовать целостности системы. Индекс общей организованности структуры является функцией от общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости. При оценке организованности системы необходимо исходить из сущности влияния элемента на актуализации функции системы, а не из знака корреляционной взаимосвязи элементов системы (А.В. Карпов, 2004).

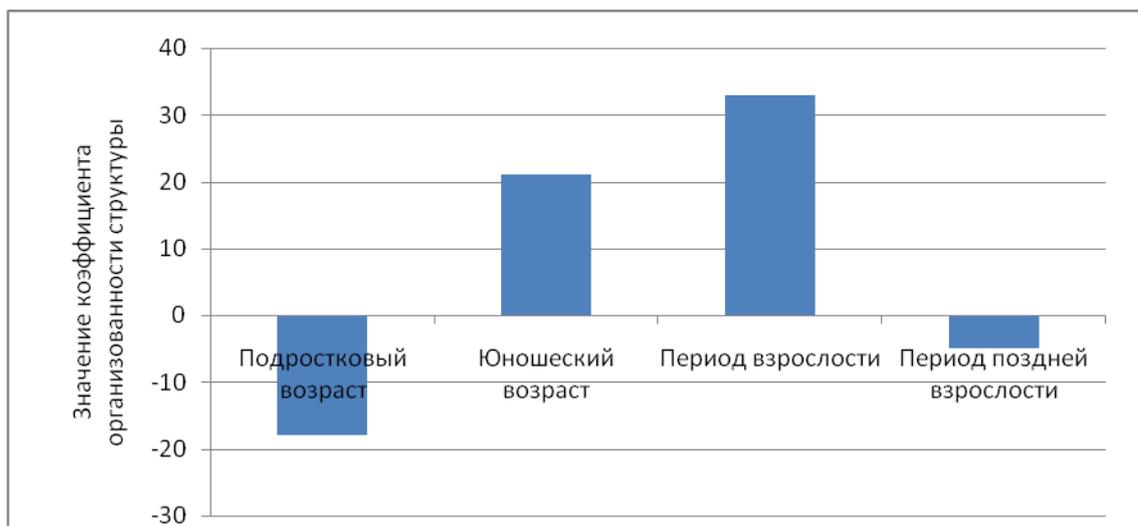
Анализируя полученные результаты, установлено, что в подростковом возрасте и на этапе поздней взрослости значения показателя дивергентности превышают значения показателя когерентности, что свидетельствует о «рыхлости» и дезинтегрированности структурной организации социальной идентичности. На этапах юношеского возраста и в период взрослости выявлена обратная тенденция: превышение значения индекса когерентности

над индексом дивергентности указывает на интегрированность структурной организации социальной идентичности (рис. 11).

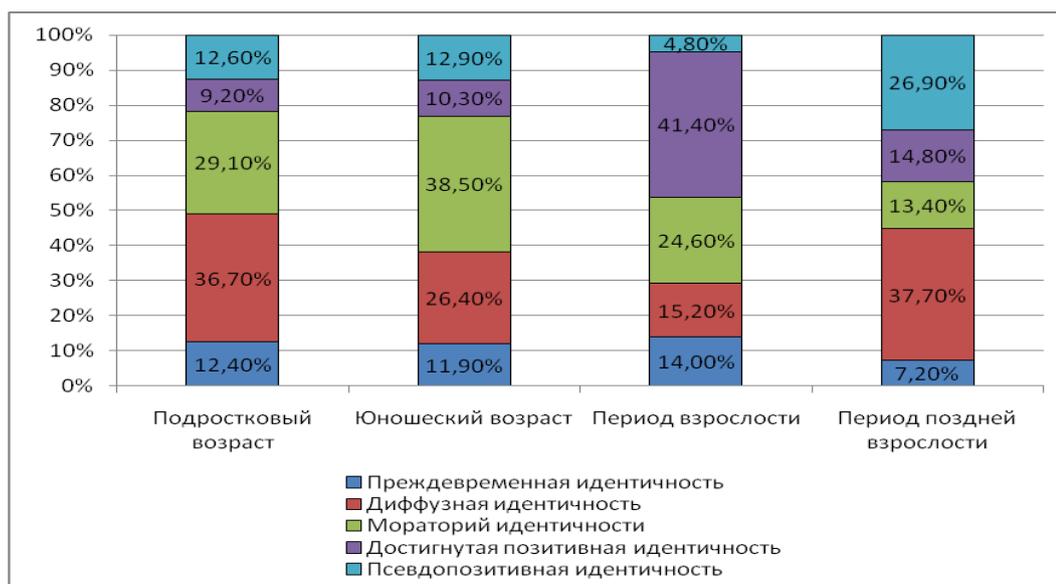
Рисунок – 11 Гистограмма коэффициентов когерентности и дивергентности структурной организации социальной идентичности в норме

Расчет коэффициента организованности структуры социальной идентичности осуществлялся через вычисление разности значений индекса когерентности и индекса дивергентности. Представленные на рис. 12 результаты свидетельствуют о том, что социальная идентичность в юношеском возрасте и в период взрослости является сложно организованной интегрированной структурой, в то время как в подростковом возрасте и на этапе поздней взрослости социальная идентичность характеризуется дезорганизованностью структуры (рис. 12).

Рисунок – 12 Гистограмма значений коэффициентов организованности структуры социальной идентичности по возрастным этапам

В результате исследования статусной системы идентичности на возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, периоды взрослости и поздней взрослости) выявлены следующие тенденции. В подростковом возрасте преобладающими являются статус диффузной идентичности, характеризующийся неустойчивостью целей, ценностей, убеждений, неудовлетворенностью собой, психической ригидностью, а также статус моратория идентичности, рассматриваемый как состояние нормативного возрастного кризиса идентичности (рис. 13).

Рисунок – 13 Гистограмма частот статусной системы идентичности на разных возрастных этапах

В юношеском возрасте преобладающими статусами являются мораторий идентичности, сопровождающийся высокой тревожностью и рефлексивностью, что обусловлено решением основных возрастных задач данного онтогенетического этапа, а также диффузная идентичность, проявляющаяся преимущественно в сфере межличностных отношений, ограничивающихся стереотипными контактами и социальной изолированностью. На возрастном этапе взрослости преобладает достигнутая позитивная идентичность, характеризующаяся устойчивой системой целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих направленность и осмысленность жизни, реализующаяся в позитивном самоотношении и стабильном взаимодействии с социумом. При этом у 26,4% испытуемых, находящихся на этапе взрослости, выявлен статус моратория идентичности, что может являться закономерным проявлением нормативного кризиса середины жизни.

На этапе поздней взрослости преобладает статус диффузной идентичности, а также псевдопозитивной идентичности, характеризующейся нарушением временной связности жизни, психической ригидностью, низкой рефлексивностью и болезненным неприятием критических замечаний в свой адрес.

Структурный уровень системного анализа социальной идентичности позволил нам выделить общие тенденции как на уровне структурных компонентов, так и на уровне их взаимосвязей, а также свойствах когерентности и дивергентности структурной организации в целом.

На качественно структурном уровне социальная идентичность в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструкторов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. В юношеском возрасте и в период взрослости преобладающими являются сложные дифференцированные когнитивные конструкторы. Мотивационный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте представлен импульсивным

мотивационным профилем, в период зрелости – прогрессивным мотивационным профилем. Ценностный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте характеризуется рассогласованностью, в то время как в период зрелости система ценностных ориентаций является согласованной. На этапе поздней зрелости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении.

На статусном уровне социальная идентичность в подростковом возрасте соответствует диффузной; в юношеском возрасте преобладающим является статус моратория социальной идентичности; к периоду зрелости социальная идентичность достигает статуса позитивной идентичности; на этапе поздней зрелости социальная идентичность вновь соответствует статусу диффузной.

На качественно структурном уровне социальная идентичность в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструктов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. На уровне статусных проявлений социальная идентичность в подростковом возрасте соответствует статусу диффузной. В юношеском возрасте преобладающими являются сложные дифференцированные когнитивные конструкты. Мотивационный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте представлен импульсивным мотивационным профилем. Ценностный компонент социальной идентичности характеризуется рассогласованностью ценностных ориентаций. В юношеском возрасте на уровне статусных проявлений преобладающим является статус моратория социальной идентичности. В период зрелости на уровне когнитивного компонента преобладающими являются сложные дифференцированные когнитивные конструкты.

Мотивационный компонент представлен прогрессивным мотивационным профилем. Ценностный компонент социальной идентичности является согласованным. Социальная идентичность к периоду взрослости на уровне статусных проявлений достигает статуса позитивной идентичности. На этапе поздней взрослости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и несогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении. На уровне статусных проявлений социальная идентичность в поздней взрослости вновь соответствует статусу диффузной [227].

2.2. Структурная организация социальной идентичности при аддиктивном поведении

Нарушения социальной идентичности можно дифференцировать по критерию отношения к реальности (уход, противостояние, приспособление) (Н. Пезешкиан, [205]). Выделяем три формы нарушения социальной идентичности: как уход от социальной реальности (при аддикции); как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии). Уход как способ отношения с реальностью реализуется в аддиктивной идентичности. Дифференциация аддикций выступает, как правило, по объекту зависимости: химическая зависимость (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, никотиновая зависимость, медикаментозная зависимость), нехимическая зависимость (гэмблинг, аддикция отношений, сексуальная аддикция, компьютерная зависимость) (А.Ю. Егоров, [86, 87]; С.П. Елшанский, [89]; В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова, [90]).

Аддиктивная идентичность как вид нарушения идентичности обусловлена изменениями в социальном окружении индивида (Н.В. Дмитриева). Н.В. Дмитриева [75, 76, 77, 78, 248] выделяет два типа трансформации идентичности: 1) позитивная трансформация идентичности

(кризисы идентичности, способствующие переструктурированию идентичности и решению человеком определенных проблем, значимых для него в данный период жизни); 2) негативная трансформации идентичности (характеризующаяся потерей человеком значимых ориентиров и приводящая к ощущению «размытости» своего «Я») [76, 77]. Одним из проявлений негативной трансформации идентичности является аддиктивная идентичность, которая понимается как осознание личностью, стремящейся к уходу от реальности посредством изменения психического состояния, своей уникальности и неповторимости (М.В. Заковоротная, [91]; Н.А. Бохан, [49]). Аддиктивная идентичность является патологическим образованием, вытесняет базисную диффузную идентичность, на основе которой и развилась зависимость. Аддиктивная идентичность, в целом, деструктивна, так как в ней проявляется основное содержание деструктивности – причинение вреда самому себе и окружающим.

Н.В. Дмитриева, О.В. Дубровина [75] рассматривают диффузную идентичность в качестве предиктора негативной трансформации. Механизмом складывания аддиктивной идентичности выступает механизм фиксации аддиктивного мотива (В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая) [187]. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко [130] аддиктивную идентичность определяют как сложную систему факторов и условий, обусловленных как внешними, социальными воздействиями, так и внутренними характеристиками личности. Аддиктивная идентичность является патологическим образованием, проявляющимся в деструктивности жизненного маршрута, системы ценностей, присущих аддиктивной личности и противоречащих основным требованиям психобиологии. Аддиктивная идентичность вытесняет недостаточно организованную «базисную» диффузную идентичность, на основе которой и развилась аддикция. По мере того как аддиктивная идентичность распространяется на все большее ментальное пространство, нарастает изоляция аддиктивного субъекта, полностью нарушается система отношений, приобретая объектную направленность. Эмоциональная фиксация на объекте зависимости

у людей с диффузным статусом идентичности имеет специфическую привлекательность. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева и Е.Н. Загоруйко определяют данную фиксацию как «центр кристаллизации в сознании, как точку сборки, вокруг которой происходит формирование новой аддиктивной идентичности, сменяющей прежнюю диффузную [130]. Основными поведенческими проявлениями аддиктивной идентичности являются: стремление к уходу от реальности, страх перед наполненной обязательствами и регламентациями жизнью, поиск эмоционально насыщенных переживаний без учета риска для жизни и неспособностью нести ответственность за свои поступки.

Аддиктивная идентичность формирует аддиктивную личность с деформированной Я-концепцией, особенности которой описаны в работах Н.В. Чудовой [314], Г.Г. Аванесян [4], Н.А. Сироты [278] и др.: «преувеличенные представления о собственной независимости; отказ следовать общепринятым нормам; наличие высокого уровня самопринятия и сниженной самокритичности; проблемы в принятии своего физического «Я» и телесных потребностей; дефицит восприятия эмоций (окружающих людей и своих собственных); манипулирование людьми, использование неэффективных способов общения; недифференцированность образов Я-реальное и Я-идеальное; присутствие в актуальном образе «Я» черт, отражающих конформное и зависимое поведение во взаимодействии с окружающими».

Формирование и реализация идентичности, в том числе аддиктивной, осуществляется в системе отношений. Отношения, согласно теории В.Н. Мясищева [179, 180], рассматриваются как целостная система индивидуальных избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, которая разворачивается в трех плоскостях: внутрисубъектное пространство отношений, субъект-субъектное пространство отношений, субъект-объектное пространство отношений. Человек выступает субъектом собственной активности и творческой

деятельности; выступает и как инициатор выстраивания системы отношений с внешним миром, и как преобразователь данных отношений. Феномен аддикции реализуется в системе субъект-объектных отношений: субъект-субъектные отношения опосредуются объектом зависимости (В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая), [93, 94, 188]. При этом изменение субъект-субъектных отношений изменяет базовый уровень системы отношений – внутрисубъектные отношения, а аддикция определяется как ценностная связь между субъектом и объектом зависимости, которая состоит в определенном сверхзначимом отношении субъекта к объекту и проявляется в болезненном характере их взаимодействия [343]. Использование психоактивных веществ на любом этапе развития личности искажает процесс формирования ее идентичности, приводя к возникновению аддитивной идентичности, для которой психоактивное вещество (объект зависимости) становится неотъемлемой частью Я [312, 313]. Происходит изменение социальной ситуации, сужение восприятия ситуации, что впоследствии приводит к изменению системы отношений и поведения личности в целом. Происходит деформация субъектности. Человек уже перестает быть субъектом своей активности. Вся его деятельность направлена на объект зависимости, он перестает быть инициатором своей творческой деятельности [188].

В исследованиях Д.О. Камалдинова [110, 111] установлено, что при развитии аддикции происходит реконструирование социальной идентичности, то есть кризис идентификации с «зависимым» или «здоровым». Данный процесс может происходить также на фоне исходной диффузной идентичности, проявляющейся преимущественно в личностной неопределенности. Автор утверждает, что в современных условиях невозможно формирование конвенциональной (социально приемлемой) зависимой идентичности, что в последующем приводит к вынужденному формированию аддиктивной групповой, а в последующем – субкультуральной идентичности. Кризис идентичности, связанный с интеграцией аддиктивной идентичности в целостное представление о себе

(собственное Я), имеет три исхода: принятие аддиктивной идентичности; отрицание аддиктивной идентичности; завуалированность или размытость аддиктивной идентичности через трансформацию ее в малоопознаваемую для себя форму на фоне диффузии идентичности в целом.

К.В. Злоказов [97, 98, 99, 100] в качестве способа формирования асоциальной идентичности, одной из которых является аддиктивная идентичность, рассматривает феномен деструктивности личности, который реализуется через разрушение актуальных для субъекта социальных структур. При этом деструктивность определяется как одна из форм активности субъекта, направленная на разрушение внешних структур и выстраивание собственного, отличного от других структурного образа – идентичности. Деструктивная активность в данном случае является социально обусловленной, которая фиксируется в мотивационно-смысловой, регуляторной сфере, а также социальном самосознании по отношению к функциям (роли, ритуалы), материальным объектам (собственное тело, предметы и конструкции) внешнего пространства. Асоциальный характер деструктивной активности при формировании аддиктивной идентичности проявляется в исключении субъекта из социального контекста, что приводит к асоциальным эффектам, влияющим на социальное функционирование субъекта. Асоциальность при этом характеризуется автором как нарушение функционирования социальных структур путем отчуждения субъекта.

Отмечаются количественные и качественные изменения как видовой структуры зависимости (расширение объектного пространства), так и возрастной структуры ее распространенности (Е.А. Азарова, [11]; С.А. Минаков, [168]). Так, например, в Российской популяции за последние 20 лет снизился возраст манифестации с 20-21 лет до 13-14 лет (по данным Российского статистического ежегодника 1994-2014 гг.) [256].

Программа эмпирического исследования аддиктивной идентичности как нарушения социальной идентичности осуществлялось с дифференциацией по видам (объектам) зависимости в несколько этапов (таблица 9).

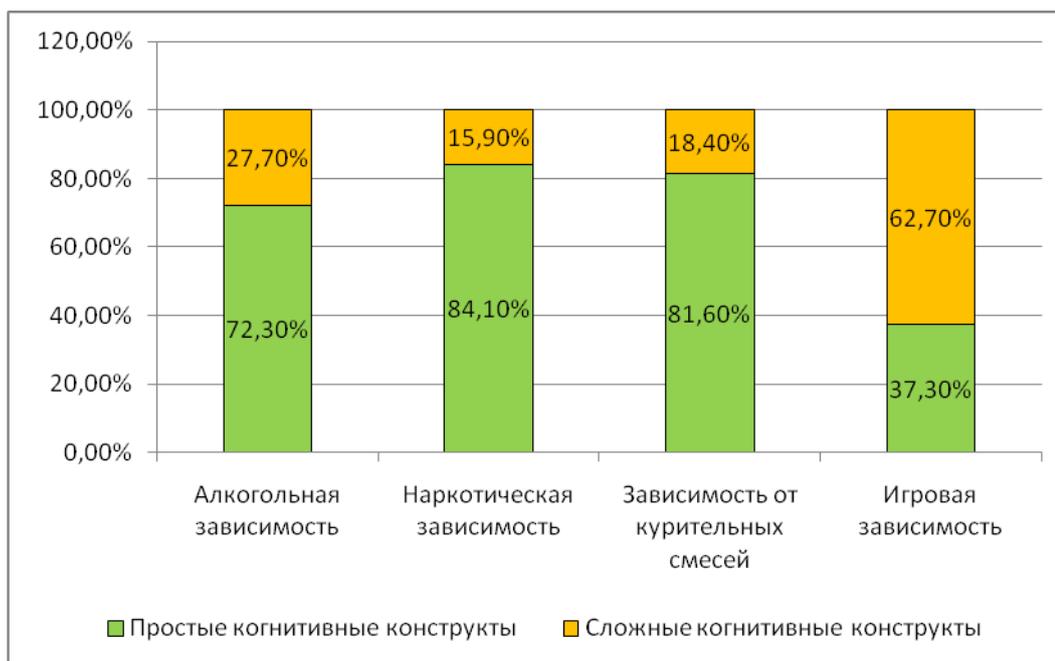
Таблица 9

Организация этапов эмпирического исследования аддиктивной идентичности

Параметры	1 этап	2 этап	3 этап	4 этап
Задача	Изучение структурных компонентов социальной идентичности при аддикции	Изучение структурной организации социальной идентичности при аддикции	Изучение статусной системы социальной идентичности при аддикции	Изучение критериев нарушения социальной идентичности при аддикции
Группы испытуемых	<p>– 55 человек с алкогольной зависимостью (диагноз F10.2 «Синдром зависимости» в соответствии с МКБ-10) [160];</p> <p>– 41 человек с наркотической (опиоидной) зависимостью (F11.2 – «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиоидов – синдром зависимости» по МКБ-10);</p> <p>– 39 человек с зависимостью от курительных смесей [241];</p> <p>– 54 человека с игровой зависимостью;</p> <p>– 218 человек с отсутствием зависимости.</p> <p>Возраст: 26-54 года</p>			
Методы исследования	Эмпирические методики изучения структурных компонентов социальной идентичности. Статистические методы обработки полученных данных.	Корреляционный анализ с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$)	Эмпирическая методика изучения статусной системы идентичности (Л.Б. Шнейдер).	Эмпирические методики изучения критериев нарушения социальной идентичности при различных видах аддикции. Корреляционный анализ с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$). Кластерный анализ ($p < 0,05$).
Изучаемые параметры	Оценка значимости различий ($p < 0,05$) показателей выраженности структурных компонентов социальной идентичности при различных видах аддикции с использованием U-критерия Манна-Уитни и углового преобразования ϕ -Фишера (через попарное сравнение видов аддикции между собой и с группой нормы).	Оценка взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности при аддикции ($p < 0,05$) с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена. Расчет коэффициента организованности структуры (КОС) социальной идентичности, определяемого как разность коэффициентов когерентности и дивергентности при различных видах аддикции.	Определение в процентном соотношении долевого распределения статусов социальной идентичности по группам с различными видами аддикции.	Оценка значимости различий ($p < 0,05$) показателей выраженности критериев нарушения социальной идентичности при различных видах аддикции через попарное сравнение с использованием U-критерия Манна-Уитни. Оценка взаимосвязей структурных компонентов и критериев нарушения социальной идентичности при различных видах аддикции.

Анализ структурной организации социальной идентичности при зависимости осуществлялся через сравнение показателей каждого вида зависимости (алкогольной, наркотической, игровой зависимости, зависимости от курительных смесей) с группой нормы (сравнительный анализ осуществлялся с группой нормы, соответствующей возрастному этапу взрослости).

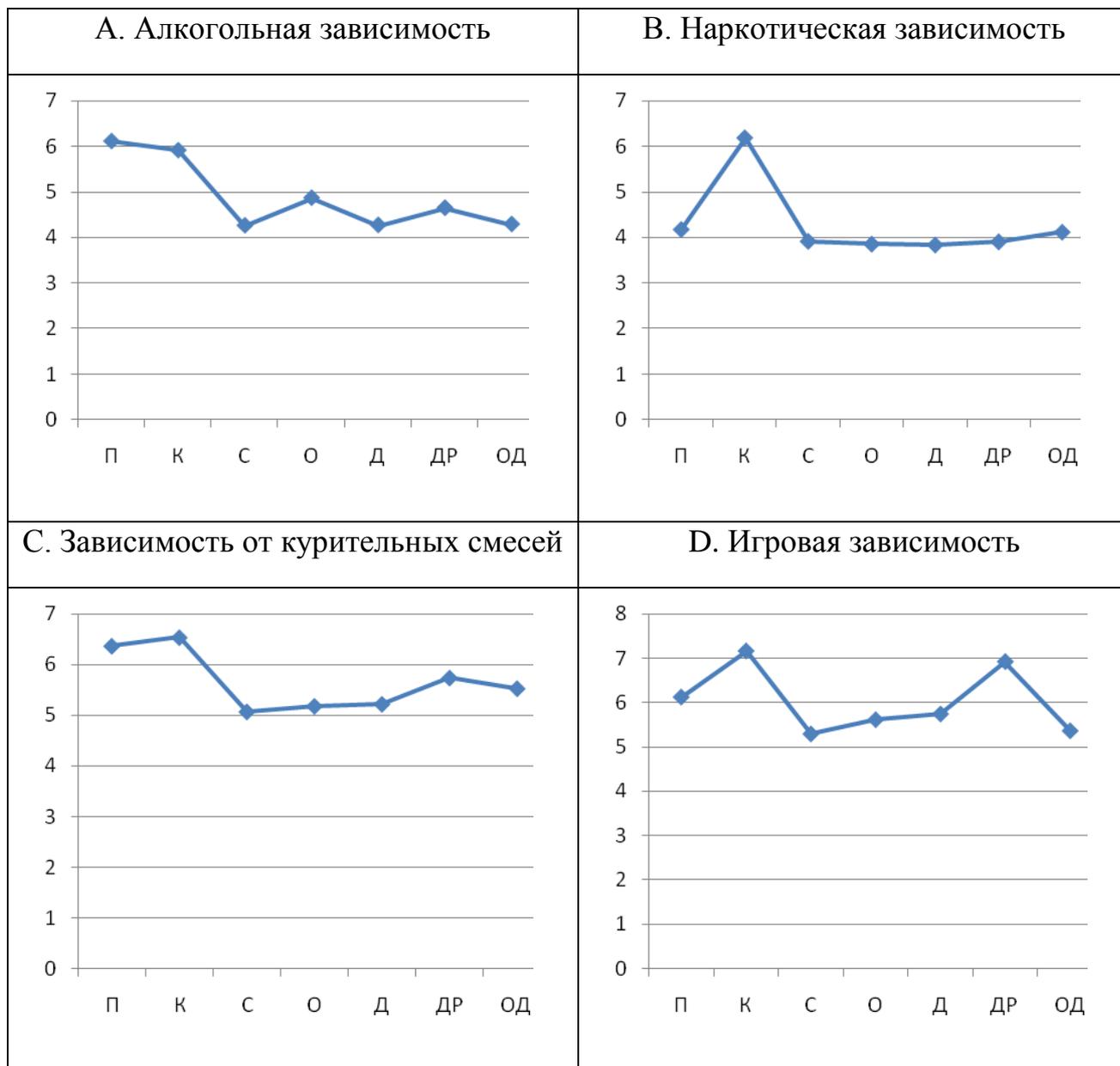
В результате исследования социальной идентичности при химической аддикции (алкогольной зависимости, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей) на уровне когнитивного компонента, представленного системой когнитивных конструктов, выявлено значимое преобладание простых, недифференцированных когнитивных конструктов, содержательно ориентированных на объект зависимости (рис. 14).

Рисунок – 14 Гистограмма частот когнитивных конструктов при различных видах аддикции

При нехимической (игровой) зависимости значимо преобладают сложные когнитивные конструкты, слабо дифференцированные, содержательно ориентированные на объект зависимости.

При исследовании мотивационного компонента социальной идентичности по показателям средних значений мотивационных шкал были сформированы мотивационные профили по объекту зависимости (рис.15).

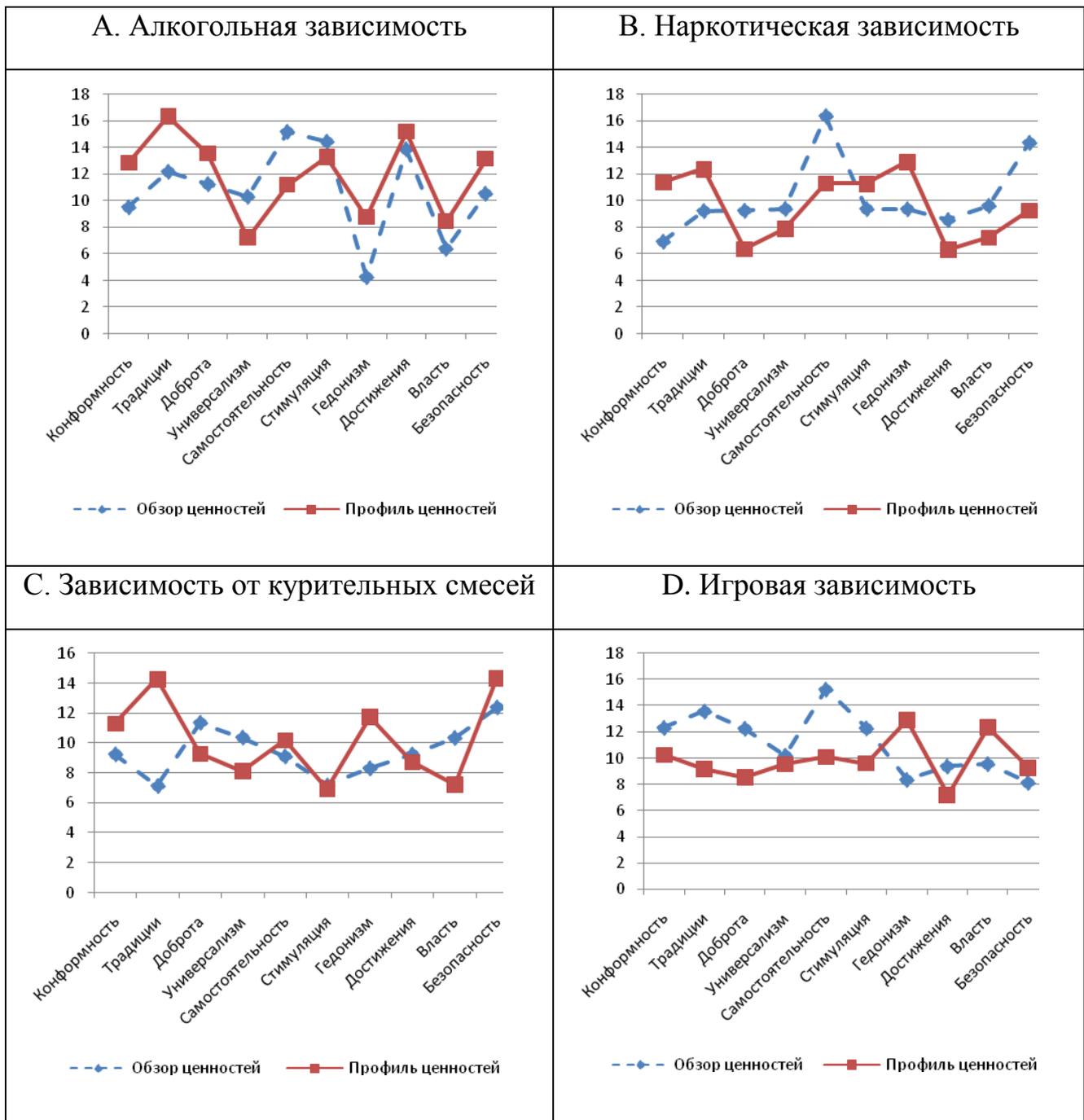

Условные обозначения: П-поддержание жизнеобеспечения, К-комфорт, С-социальный статус, О-общение, Д-общая активность, ДР-творческая активность, ОД-общественная полезность

Рисунок – 15 Усредненные мотивационные профили аддиктивной идентичности по объекту зависимости (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей, игровая зависимость)

Как при химической (алкогольной, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей), так и при нехимической (игровой) зависимости выявлен уплощенный мотивационный профиль, характеризующийся низкой дифференцированностью мотивационной иерархии личности, а также узким диапазоном мотивов. При алкогольной зависимости и зависимости от курительных смесей в профиле значимо преобладают мотивы поддержания жизнеобеспечения и мотивы комфортности. При наркотической зависимости уплощенный мотивационный профиль характеризуется преобладанием мотивации комфортности при снижении остальных показателей. В уплощенном мотивационном профиле при игровой зависимости значимо преобладают мотивы поддержания комфортности и креативности, которая проявляется через разнообразие способов поиска объекта зависимости.

Ценностный компонент в структуре социальной идентичности реализуется на двух уровнях: система ценностных ориентаций на уровне представлений (уровень нормативных идеалов – обзор ценностей) и система ценностных ориентаций на уровне их реализации в поведении (уровень индивидуальных приоритетов – профиль личности). Как при химической (алкогольной, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей), так и при нехимической (игровой) зависимости выявлено рассогласование уровня представлений и уровня поведенческой реализации, то есть ценностные ориентации, преобладающие на уровне нормативных идеалов, не реализуются в поведении. При аддиктивной идентичности ценностные ориентации на уровне представлений определяются социальной желательностью поведения и являются декларативными, то есть не реализуются на уровне поведения в поступках и действиях (рис.16).

Рисунок – 16 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций при аддиктивной идентичности при разных видах зависимости (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей, игровая зависимость)

В результате попарного сравнения показателей структурных компонентов социальной идентичности выявлены следующие тенденции: при химической зависимости (как при алкогольной, где $p=0,03^*$; так и при наркотической, где $p=0,02^*$) значимо преобладают простые когнитивные

конструкты по сравнению с игровой зависимостью, при которой преобладающими являются сложные когнитивные дифференцированные конструкты ($p=0,03^*$). При химической зависимости мотивационный компонент социальной идентичности характеризуется уплощенным мотивационным профилем; при игровой зависимости выявлен регрессивный мотивационный профиль. Ценностный компонент характеризуется значимым преобладанием ценности безопасности при алкогольной ($p=0,03^*$) и игровой ($p=0,02^*$) зависимости по сравнению с наркотической (таблица 10).

Таблица 10

Показатели значимости различий структурных компонентов социальной идентичности при различных видах аддикции в сравнении с группой нормы (U-критерий Манна-Уитни, $p<0,05$)

Параметры структурных компонентов	Показатель значимости различий			
	Алкогольная зависимость	Наркотическая зависимость	Зависимость от курительных смесей	Игровая зависимость
Простые когнитивные конструкты	0,028*	0,028*	0,021*	0,037*
Сложные когнитивные конструкты	0,034*	0,034*	0,024*	0,041*
Мотивация поддержания жизнеобеспечения	0,024*	0,014*	0,034*	0,026*
Мотивация комфорта	0,031*	0,191	0,037*	0,022*
Статусная мотивация	0,149	0,041*	0,142	0,137
Коммуникативная мотивация	0,027*	0,027*	0,057	0,069
Мотивация общей активности	0,050*	0,046*	0,051	0,077
Мотивация творческой активности	0,126	0,012*	0,107	0,124
Общественно полезная	0,094	0,005*	0,294	0,364

мотивация				
Ценности конформности	0,023*	0,026*	0,023*	0,043*
Ценности традиций	0,021*	0,318	0,021*	0,036*
Ценности доброты	0,354	0,354	0,354	0,429
Ценности универсализма	0,056	0,056	0,056	0,071
Ценности самостоятельности	0,073	0,073	0,073	0,087
Ценности стимуляции	0,032*	0,132*	0,062	0,067
Ценности гедонизма	0,024*	0,024*	0,024*	0,004*
Ценности достижения	0,139	0,137	0,134	0,129
Ценности власти	0,321	0,324	0,221	0,281
Ценности безопасности	0,019*	0,069	0,012*	0,017*

*– значимость различий

На уровне структурных компонентов аддиктивная идентичность как проявление нарушения социальной идентичности при зависимости характеризуется рядом специфических особенностей [228]. При алкогольной зависимости выявлены следующие тенденции: на уровне когнитивного компонента значимо преобладают простые, недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно связанные с объектом зависимости. Мотивационный компонент социальной идентичности представлен уплощенным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и комфорта. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности и конформности.

При наркотической зависимости на уровне когнитивного компонента значимо в сравнении с группой нормы преобладают простые, недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно связанные

с объектным содержанием зависимости. Мотивационный компонент социальной идентичности реализуется в уплощенном мотивационном профиле со значимым преобладанием мотивации комфорта. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и уровне их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, стимуляции и конформности.

При зависимости от курительных смесей на уровне когнитивного компонента значимо преобладают простые, недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно ориентированные на объект зависимости. Мотивационный компонент социальной идентичности представлен уплощенным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и комфорта. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности, традиций и конформности.

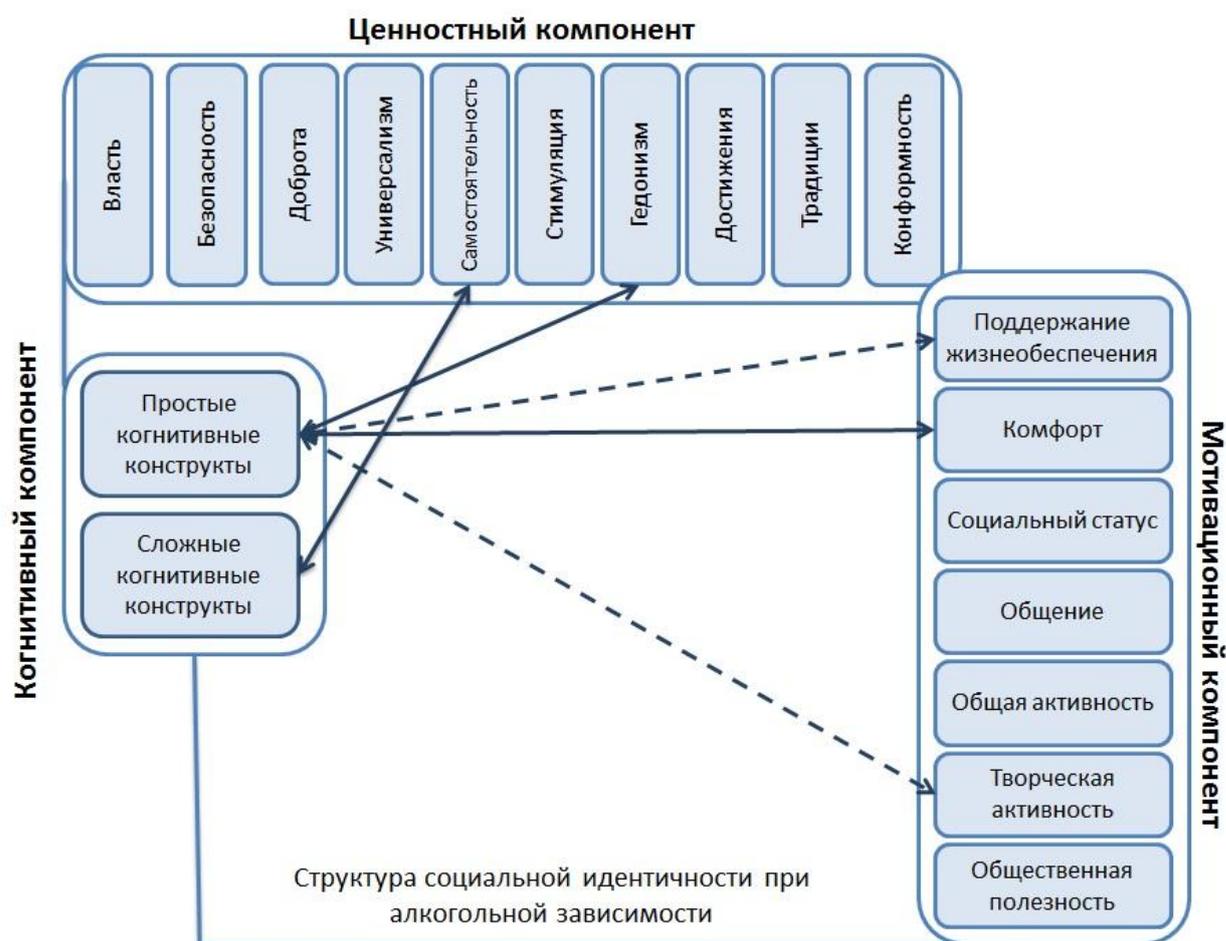
При игровой зависимости на уровне когнитивного компонента значимо преобладают сложные, дифференцированные когнитивные конструкты, содержательно ориентированные на объект зависимости. На уровне мотивационного компонента выявлен регрессивный мотивационный профиль со значимым преобладанием мотивации поддержания комфорта и креативности, проявляющейся в разнообразии способов поиска объекта зависимости. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма и власти (таблица 11).

Таблица 11

Обобщенная структурная организация социальной идентичности в норме и при различных видах аддикции

Структурный компонент	Алкогольная зависимость	Наркотическая зависимость	Зависимость от курительных смесей	Игровая зависимость	Группа нормы
Когнитивный компонент	Простые, недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно связанные с объектом зависимости			Сложные, дифференцированные когнитивные конструкты, содержательно ориентированные на объект зависимости	Сложные, дифференцированные когнитивные конструкты профессионально-деятельностной направленностью
Мотивационный компонент	Уплощенный мотивационный профиль со значимым преобладанием мотивации комфорта			Регрессивный мотивационный профиль со значимым преобладанием мотивации поддержания комфорта и креативности	Экспрессивный мотивационный профиль с преобладанием статусно-социальных мотивов и мотивов комфортности
	Преобладание мотивации поддержания жизнеобеспечения		Преобладание мотивации поддержания жизнеобеспечения		
Ценностный компонент	Рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации				Система ценностных ориентаций является согласованной со значимым преобладанием ценностей традиций, доброты и достижений
	При значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности и конформности	При значимом преобладании ценностей гедонизма, стимуляции и конформности	При значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности, традиций и конформности	При значимом преобладании ценностей гедонизма и власти	
Структурная организация	Рассогласованность структурной организации социальной идентичности				Согласованность структурной организации социальной идентичности

Структурная организация социальной идентичности при алкогольной зависимости характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателем простых когнитивных конструктов смотивацией комфорта ($r=0,47$) и гедонистическими ценностями ($r=0,54$); сложными когнитивными конструктами и ценностями самостоятельности ($r=0,42$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями мотивации поддержания жизнеобеспечения и простыми когнитивными конструктами ($r=-0,39$), а также творческой активностью и простыми когнитивными конструктами (рис.17).

Рисунок – 17 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при алкогольной зависимости

Структурная организация социальной идентичности при наркотической зависимости характеризуется статистически значимыми прямо

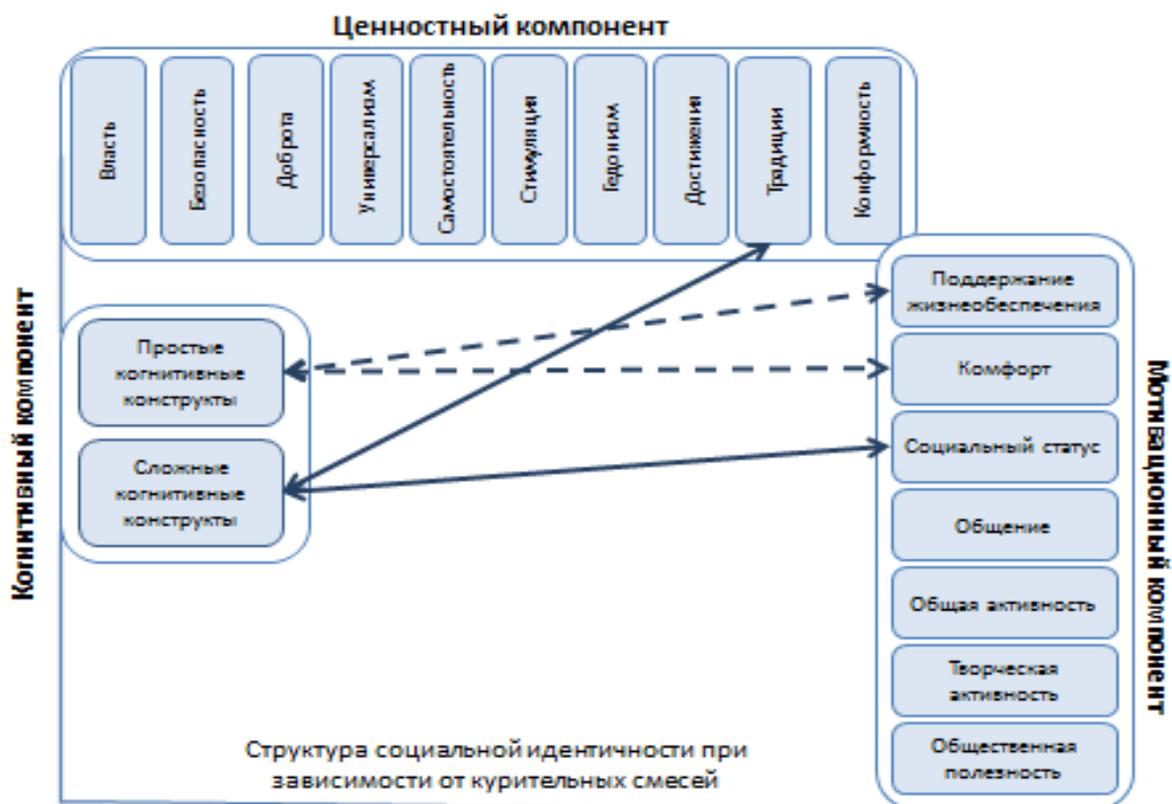
пропорциональными взаимосвязями между показателем простых когнитивных конструктов с мотивацией комфорта ($r=0,54$); сложными когнитивными конструктами с ценностями традиций ($r=0,49$) и общественно полезной мотивацией ($r=0,37$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструктов с ценностями доброты ($r=-0,58$), универсализма ($r=-0,53$), а также творческой мотивационной активностью ($r=-0,44$) (рис.18).

Рисунок – 18 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при наркотической зависимости

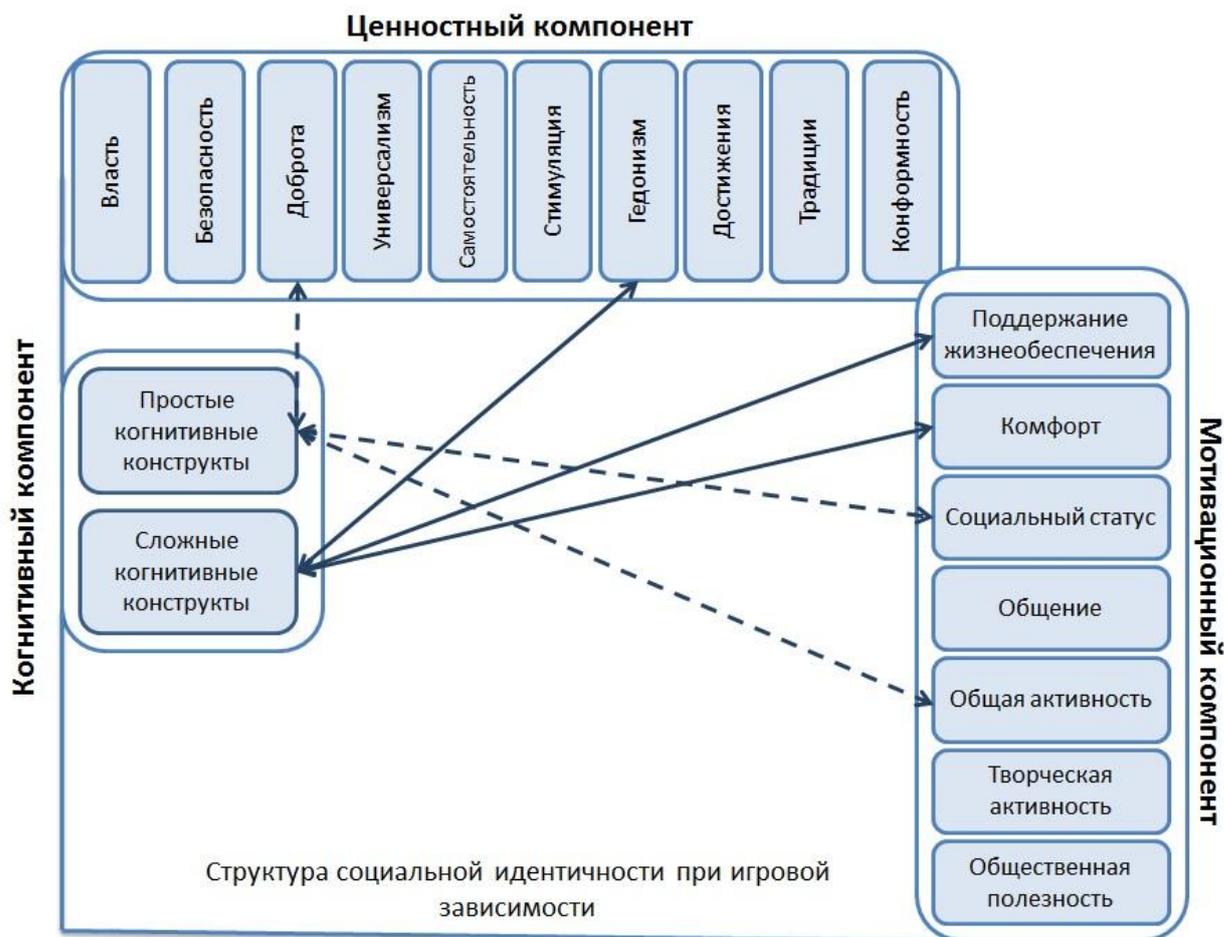
Структурная организация социальной идентичности при зависимости от курительных смесей характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателями простых когнитивных конструктов и мотивацией поддержания жизнеобеспечения ($r=0,44$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между

показателями сложных когнитивных конструктов и ценностью безопасности ($r=-0,36$); коммуникативной мотивацией и ценностью самостоятельности ($r=-0,44$); мотивацией комфорта и ценностью власти ($r=-0,41$) (рис. 19).

Рисунок – 19 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при зависимости от курительных смесей

Структурная организация социальной идентичности при игровой зависимости характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателем сложных когнитивных конструктов с мотивацией поддержания жизнеобеспечения ($r=0,48$), мотивацией поддержания комфорта ($r=0,42$) и гедонистическими ценностями ($r=0,51$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструктов с ценностями доброты ($r=-0,38$), статусной мотивацией ($r=-0,44$) и общей мотивационной активностью ($r=-0,52$) (рис. 20).

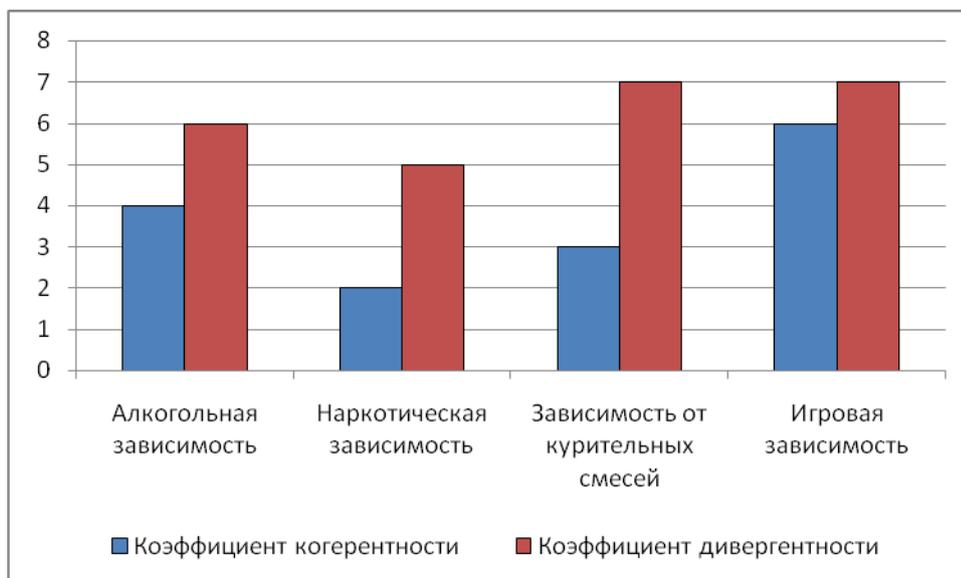

Рисунок - 20 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при игровой зависимости

Расчет показателей организованности структуры социальной идентичности при химической (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей) и нехимической (игровой) зависимости осуществлялся через оценку индексов когерентности и дивергентности, а также расчета коэффициента организованности структуры социальной идентичности на основании полученных значимых взаимосвязей ($p=0,01$ и $p=0,05$). Организованность представляет собой внутреннюю упорядоченность отношений и связей между ее элементами. Индекс общей организованности структуры является функцией от общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости (А.В. Карпов, 2004).

Анализируя полученные результаты, установлено, что при химической

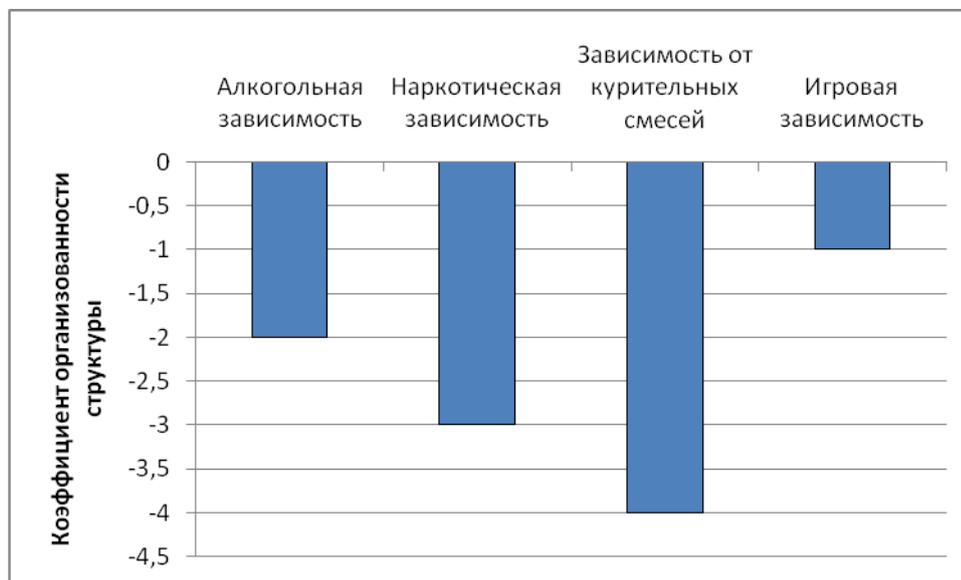
(алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей) и нехимической (игровой) зависимости значения показателя дивергентности превышают значения показателя когерентности, что свидетельствует о «рыхлости» и дезинтегрированности структурной организации социальной идентичности (рис. 21).

Рисунок - 21 Гистограмма коэффициентов когерентности и дивергентности структурной организации социальной идентичности при аддикции

Расчет коэффициента организованности структуры социальной идентичности осуществлялся через вычисление разности значений индекса когерентности и индекса дивергентности. Представленные на рисунке результаты свидетельствуют о том, что преобладание статистически значимых обратно пропорциональных взаимосвязей над прямо пропорциональными отражается в отрицательном значении коэффициента организованности структуры социальной идентичности как при химической (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей), так и при нехимической (игровой) зависимости. Отрицательные значения коэффициента организованности структуры социальной идентичности указывают на дезинтегрированность структурной

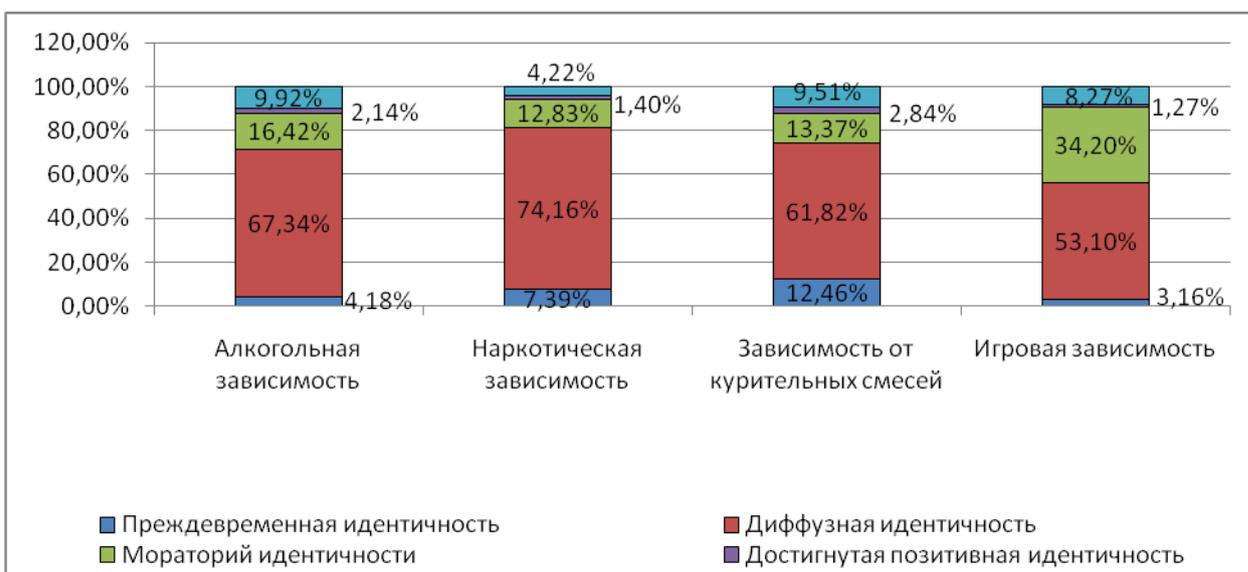
организации социальной идентичности при алкогольной зависимости (КОС=-2), при наркотической зависимости (КОС=-3), при зависимости от курительных смесей (КОС=-4), а также при игровой зависимости (КОС=-1) (рис. 22).

Рисунок - 22 Гистограмма значений коэффициентов организованности структуры аддиктивной идентичности

Дезинтегрированность структурной организации социальной идентичности при зависимости поддерживается диссоциативными механизмами [218, 233].

В результате исследования статусной системы идентичности при химической (алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей) и нехимической (игровой) зависимости выявлено преобладание диффузной идентичности, характеризующейся неустойчивостью целей, ценностей, убеждений, неудовлетворенностью собой, психической ригидностью (рис. 23).

Рисунок - 23 Гистограмма частот статусной системы при аддиктивной идентичности

При игровой зависимости помимо статуса диффузной идентичности также преобладает статус моратория идентичности, рассматриваемый как состояние нормативного кризиса идентичности, сопровождающийся высоким уровнем тревожности и рефлексивности. При зависимости от курительных смесей преобладает статус диффузной идентичности, а также статус псевдопозитивной идентичности, характеризующейся нарушением временной связности жизни, высоким уровнем психической ригидности, низкой рефлексивностью и болезненным реагированием на критические замечания в свой адрес [211, 223]. Выявленное преобладание статуса диффузной идентичности при химической и не химической зависимости, характеризующееся нарушением хронотопов (в будущем и настоящем существует на неосознанном уровне неопределенность ситуации, бессознательно прошлое как бы «оказывает давление» на настоящее и будущее), подтверждают результаты исследований временной перспективы при состоянии зависимости [190, 193, 209].

2.3. Структурная организация социальной идентичности при делинквентном поведении

Как отмечалось ранее, отмечается дифференциация нарушений социальной идентичности по критерию отношения к реальности (уход,

противостояние, приспособление) (Н. Пезешкиан, [205]). Одной из форм нарушения социальной идентичности является противостояние социальной реальности, реализующееся в делинквентном поведении. Противостояние как способ отношения с социальной реальностью реализуется в делинквентной идентичности.

Понятие «делинквентное поведение» происходит от латинского слова «delinquens»—«проступок, провинность». Данное понятие обозначает действия конкретной личности, отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях [101, 107].

Одной из форм делинквентного поведения является деструктивное поведение, которое в категориально-содержательном плане на сегодняшний день является недостаточно разработанным.

Под деструктивной деятельностью понимается «специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем» [156; с. 11]. В.И. Гинецинский деструктивное поведение определяет как поведение, направленное на удовлетворение субъектом своих потребностей за счет прямого или косвенного, чаще неосознанного, насилия над личностью другого человека, (или) за счет открытого или завуалированного отвержения социальных норм, нарушения прав личности [66]. Согласно К.В. Злоказову [97, 98], деструктивное поведение рассматривается как форма активности личности, связанная с разрушением функционирующих структур; это поступок, направленный на разрушение внешних структур и выстраивание собственного, отличного от других, структурного образа (идентичности).

Ряд авторов, указывая на синонимичность терминов «деструктивное поведение» и «девиантное (отклоняющееся) поведение», отмечают их содержательное разграничение: не всякое отклоняющееся от общепринятых

норм поведение будет деструктивным. Девиантное поведение, в отличие от деструктивного, прежде всего, связано с понятием «нормы» (Ц.П. Короленко, Т.А. Донских, [133]). К.В. Злоказов [97] в своей работе пишет: «Деструктивное поведение по отношению к девиантному – регрессивная, негативная форма девиантного поведения... Деструкция начинается с выхода за пределы нормы, с девиации, но не обязательно девиация должна превратиться в деструкцию, поскольку девиация может уточнить, расширить и обогатить содержание нормы, в своей позитивной форме».

Принимая точку зрения Е.В. Змановской [101], О.С. Осиповой [201], Ц.П. Короленко, Т.А. Донских [131, 132, 133]), в рамках представляемой работы деструктивное поведение будем рассматривать как один из видов девиантного (отклоняющегося) поведения. В свою очередь, девиантное поведение связано с понятием «нормы», которое не является устойчивым, а трансформируется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе [402, 405]. Деструктивное поведение, являясь специфической формой активного отношения субъекта к миру или самому себе, содержательно направленное на разрушение существующих объектов и систем, сохраняет свою разрушительность в любых условиях. Аутодеструктивное поведение в современных исследованиях чаще представлено через дефиницию суицидального поведения как поведения, направленного на истинный или демонстративный уход от реальности. Психологическую основу суицидальных действий составляет аутодеструктивная направленность активности человека, когда причинение вреда себе или уход из жизни выступает основным исходом (результатом) [340, 342, 351, 360, 370, 378, 380]. Выделяют пассивную (суицидальные мысли, переживания, представления и фантазии на тему своей смерти) и активную (суицидальные намерения и замыслы, включающие проработку плана действий, избрание способа суицида, его исполнения, время и место его совершения) формы суицидального поведения [400]. При этом, включенность произвольной регуляции определяет активную форму,

обеспечивая тем самым суициденту переход от замысла к реализации [386, 387, 392, 406].

Большинство зарубежных исследований направлено на выявление факторов риска суицидального поведения и поиск способов его профилирования. Исследование Liu, R.T., Mustanski, B. [375] направлено на оценку вклада общих и специфических факторов риска возникновения суицидальных идей и самоповреждения в этнически разнообразной выборке ЛГБТ-молодежи.

Вопросом исследования особенности идентичности у лиц с различными формами отклоняющегося поведения занимались М.А. Пономарева [240], Н.В. Дмитриева [75, 76, 77, 78], Ц.П. Короленко [131, 133], Ю.М. Перевозкина [132] О.В. Дубровина [82, 83, 84, 85], Н.В. Лукьянченко, Е.А. Новикова [153].

Результаты проведенного исследования М.А. Пономаревой [240] показали, что подростки мужского и женского пола, проявляющие в своем поведении различные формы отклонений, обладают специфическими проявлениями в развитии когнитивного и эмоционального компонента половой идентичности. Девиантные мальчики 12-13 лет считают себя более рассудочными и агрессивными, чем их просоциальные сверстники. К 14-15 годам они начинают видеть себя более миролюбивыми, умными и больше ориентированными на семью; девиантные девочки 12-13 лет считают себя более властными, эмоциональными, умными, сильными, но менее активными и миролюбивыми по сравнению с просоциальными сверстницами. К 14-15 годам они начинают видеть себя более рассудочными и менее умными; образ типичного мужчины, с позиции проблемных подростков, содержит только маскулинные характеристики, тогда как у просоциальных подростков в структуре образа встречаются и фемининные качества. Мальчики с девиантным поведением считают большинство мужчин более сдержанными, менее умными, а девочки с девиантным поведением – менее сильными и уверенными, чем их просоциальные сверстники; образ типичной женщины в сознании проблемных подростков представлен андрогинными качествами. При переходе к старшему подростковому возрасту в представлении о

большинстве женщин начинают преобладать маскулинные характеристики [240].

В.А. Ясной [336] получены различия между «девиантными» и «нормативными» подростками в характеристиках временной идентичности, степени асоциальности, дифференцированности и осознанности представлений о себе, своем будущем и прошлом. Н.В. Лукьянченко, Е.А. Новикова [152, 153] выявили следующие особенности семейной идентичности обследованной выборки женщин, находящихся в местах лишения свободы: расширение идентифицируемого состава семьи как по вертикали, так и по горизонтали; нарушение поколенной последовательности за счет нивелирования значимости себя как представителя семейного поколения в последовательном процессе семейного воспроизводства; «мужское» и «женское» составляют два независимых в эмоциональной значимости пространства; «женское пространство» характеризуют эмоциональная активированность, насыщенность, своего рода «интересность» (в смыслах эмоциональной интриги); женский состав семьи имеет опорную значимость (семья для меня имеет значение, поскольку в ней есть женщины) и в эмоциональном плане играет компенсаторную роль, искупающую любовью и эмоциональными связями недостаток активной субъектности; мужской состав семьи ассоциируется с большей независимостью и при этом пассивностью; семья воспринимается как позитивная с точки зрения морально-нравственных характеристик и при этом неудачливая, социально жертвенная; восприятие себя как члена семьи характеризуется, с одной стороны, позитивной эмоциональной составляющей, с другой – амбивалентностью, полярностью позиции в дихотомии независимость/зависимость, приписыванием себе негативных с точки зрения социальных стереотипов характеристик («семейный позор»), уходом от ответственности за собственных детей [153].

Программа эмпирического исследования делинквентной идентичности как нарушения социальной идентичности осуществлялась с дифференциацией по видам деструкции (деструктивное поведение и аутодеструктивное поведение) в несколько этапов (таблица 12).

Таблица 12

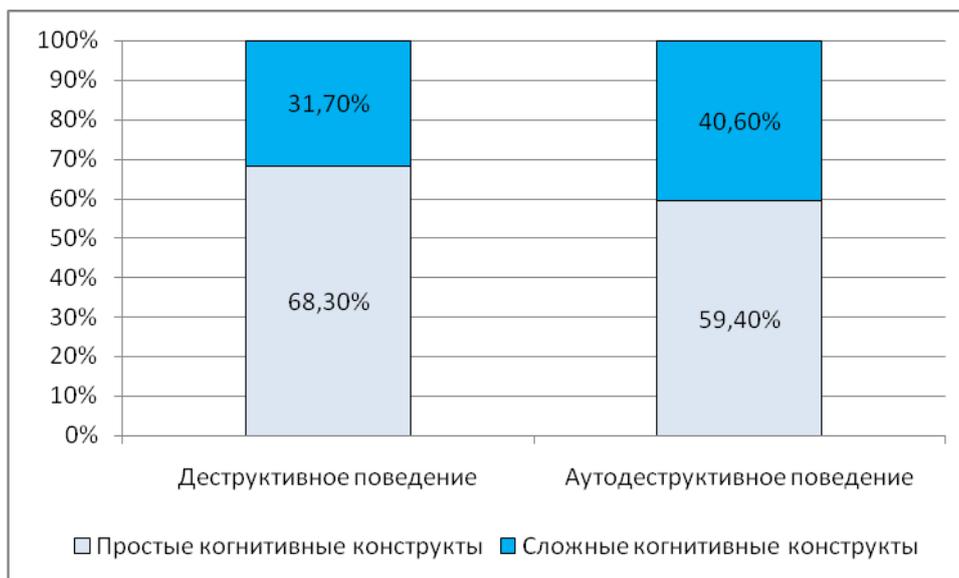
Организация этапов эмпирического исследования делинквентной
идентичности

Этапы	Задача	Группы испытуемых	Методы исследования	Исучаемые параметры
1 этап	Изучение структурных компонентов социальной идентичности при делинквентном поведении	– 98 человек с деструктивным поведением (лица, находящиеся в местах лишения свободы, осужденные за преступления имущественного характера); – 38 человек с аутодеструктивным поведением (лица, находящиеся на принудительном лечении в психиатрической больнице после незавершенной попытки суицида); – 218 человек с отсутствием зависимости. Возраст: 28-51 год	Эмпирические методики изучения структурных компонентов социальной идентичности. Статистические методы обработки полученных данных.	Оценка значимости различий ($p < 0,05$) показателей выраженности структурных компонентов социальной идентичности при различных видах делинквентного поведения с использованием U-критерия Манна-Уитни и углового преобразования ϕ -Фишера (через попарное сравнение видов делинквентного поведения между собой и с группой нормы).
2 этап	Изучение структурной организации социальной идентичности при делинквентном поведении		Корреляционный анализ с использованием g -критерия ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$).	Оценка взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности при делинквентном поведении ($p < 0,05$) с использованием g -критерия ранговой корреляции Спирмена. Расчет коэффициента организованности структуры (КОС) социальной идентичности, определяемого как разность коэффициентов когерентности и дивергентности при различных видах делинквентного поведения.
3 этап	Изучение статусной системы социальной идентичности при делинквентном поведении		Эмпирическая методика изучения статусной системы идентичности (Л.Б. Шнейдер).	Определение в процентном соотношении долевого распределения статусов социальной идентичности по группам с различными видами делинквентного поведения.
4 этап	Изучение критериев нарушения социальной идентичности при делинквентном поведении		Эмпирические методики изучения критериев нарушения социальной идентичности при различных видах делинквентного поведения. Корреляционный	Оценка значимости различий ($p < 0,05$) показателей выраженности критериев нарушения социальной идентичности при различных видах делинквентного поведения через попарное сравнение с использованием U-критерия Манна-Уитни. Оценка взаимосвязей структурных компонентов и критериев

			<p>анализ с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$).</p> <p>Кластерный анализ ($p < 0,05$).</p>	<p>нарушения социальной идентичности при различных видах делинквентного поведения.</p>
--	--	--	---	--

Анализ структурной организации социальной идентичности при делинквентном поведении осуществлялся через сравнение показателей в группе лиц с деструктивным и аутодеструктивным поведением с группой нормы (сравнительный анализ осуществлялся с группой нормы, соответствующей возрастному этапу взрослости).

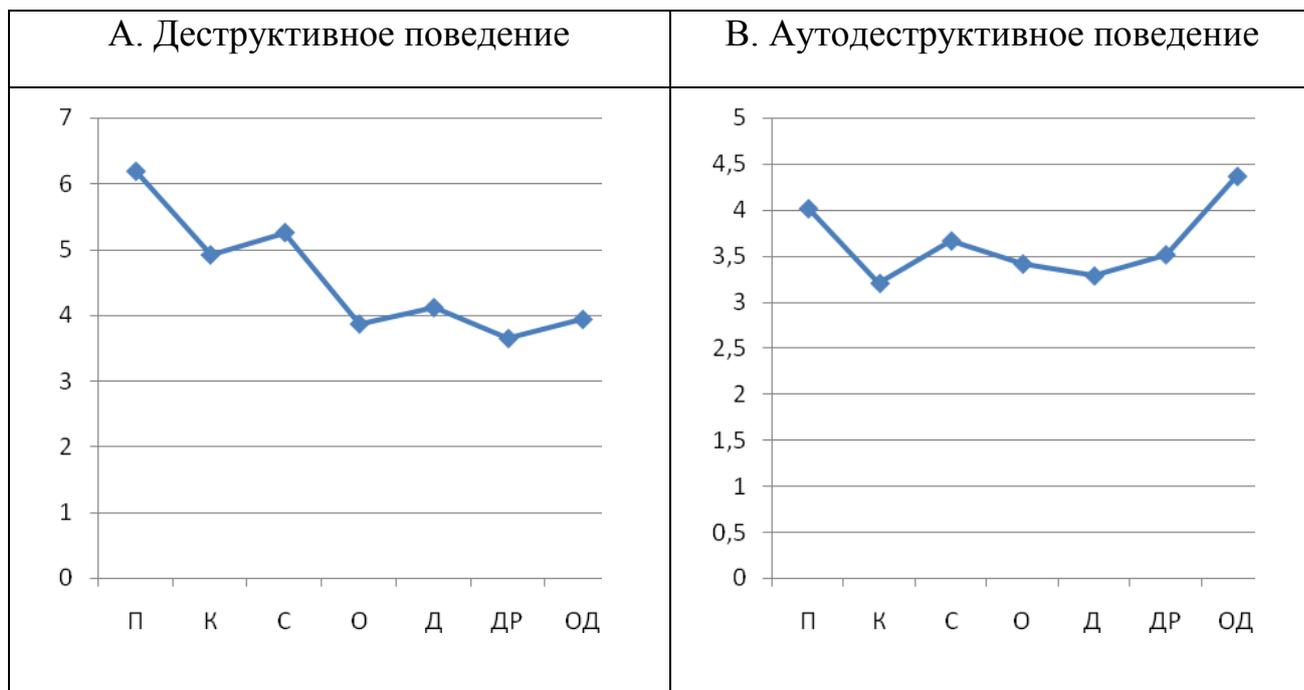
В результате исследования социальной идентичности при делинквентном поведении (деструктивном и аутодеструктивном поведении) на уровне когнитивного компонента, представленного системой когнитивных конструктов, выявлено значимое преобладание простых, недифференцированных когнитивных конструктов ($p = 0,02^*$) по сравнению с группой нормы. Основным содержанием когнитивного компонента социальной идентичности при делинквентном поведении является искаженная система социальных норм и правил, проявляющаяся в том, что общепринятые социальные нормы наполняются собственным искаженным содержанием (рис. 24).

Рисунок - 24 Гистограмма частот когнитивных конструкций при различных видах делинквентного поведения

При этом, в результате сравнительного анализа когнитивного компонента при деструктивном и аутодеструктивном поведении, выявлено значимое преобладание сложных когнитивных конструкций у суицидентов ($p=0,01^*$) при доминировании простых конструкций у испытуемых, совершивших противоправные действия и отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

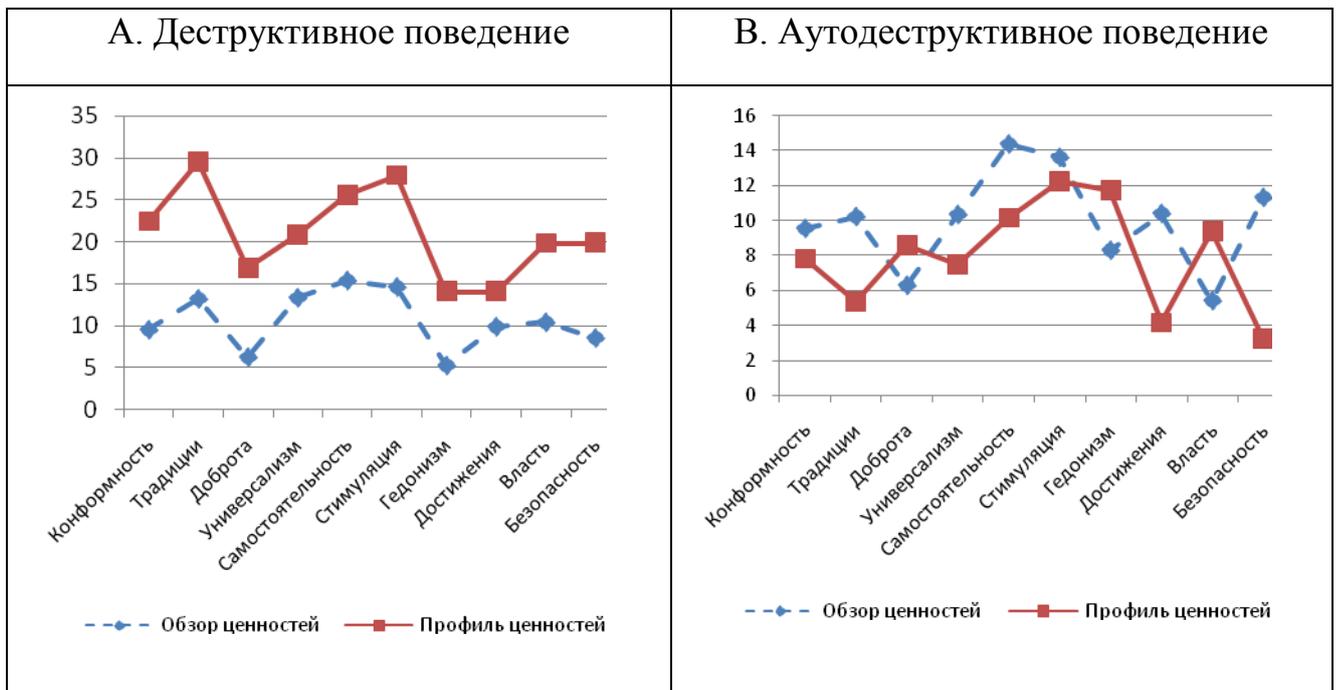
При исследовании мотивационного компонента социальной идентичности при делинквентном поведении также выявлены значимые различия в сравнении с группой нормы: при деструктивном поведении преобладает импульсивный мотивационный профиль, характеризующийся доминированием мотивации поддержания жизнеобеспечения ($p=0,04^*$) и статусной мотивации ($p=0,03^*$). При аутодеструктивном поведении преобладающим является уплощенный мотивационный профиль, характеризующийся общественно полезной мотивационной направленностью ($p=0,04^*$) (рис. 25).

Условные обозначения: П-поддержание жизнеобеспечения, К-комфорт, С-социальный статус, О-общение, Д-общая активность, ДР-творческая активность, ОД-общественная полезность

Рисунок - 25 Усредненные мотивационные профили делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении

Ценностный компонент в структуре социальной идентичности представлен на двух уровнях: уровне нормативных идеалов, характеризующих представляемые ценностные ориентации, и уровне индивидуальных приоритетов, включающем в себя ценности, реализуемые в поведении. При делинквентном поведении ценностный компонент в структуре социальной идентичности проявляется в рассогласованности системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне их реализации в поведении. При этом деструктивное поведение характеризуется значимым преобладанием ценностей самостоятельности ($p=0,01^*$), стимуляции ($p=0,04^*$), универсализма ($p=0,01^*$) и традиций ($p=0,04^*$) в сравнении с группой нормы (рис. 26).

Рисунок - 26 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций в структуре социальной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении

При аутодеструктивном поведении в системе ценностных ориентаций преобладающими являются ценности стимуляции, гедонизма и самостоятельности. Ценности безопасности, власти, конформности и традиций являются декларативными, так как не реализуются в поведении.

Итак, на уровне структурных компонентов делинквентная идентичность, являющаяся одним из нарушений социальной идентичности, характеризуется значимым преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструктов на уровне когнитивного компонента; мотивационный компонент характеризуется уплощенным мотивационным профилем, свидетельствующим об общем снижении мотивации. Ценностный компонент в структуре делинквентной идентичности характеризуется, с одной стороны, рассогласованностью системы ценностных ориентаций личности, с другой – значимым преобладанием в поведении самостоятельности, гедонизма и стимуляции [217].

Структурная организация делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении изучалась с использованием метода корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$).

Структурная организация социальной идентичности при деструктивном поведении характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателем простых когнитивных конструктов с мотивацией поддержания жизнеобеспечения ($r=0,49$), ценностями гедонизма ($r=0,58$) и стимуляции ($r=0,62$). Обратные пропорциональные взаимосвязи выявлены между сложными когнитивными конструктами с показателями общей мотивационной активности ($r=-0,67$), статусной мотивацией ($r=-0,52$) и общественно полезной мотивацией ($r=-0,44$) (рис. 27).

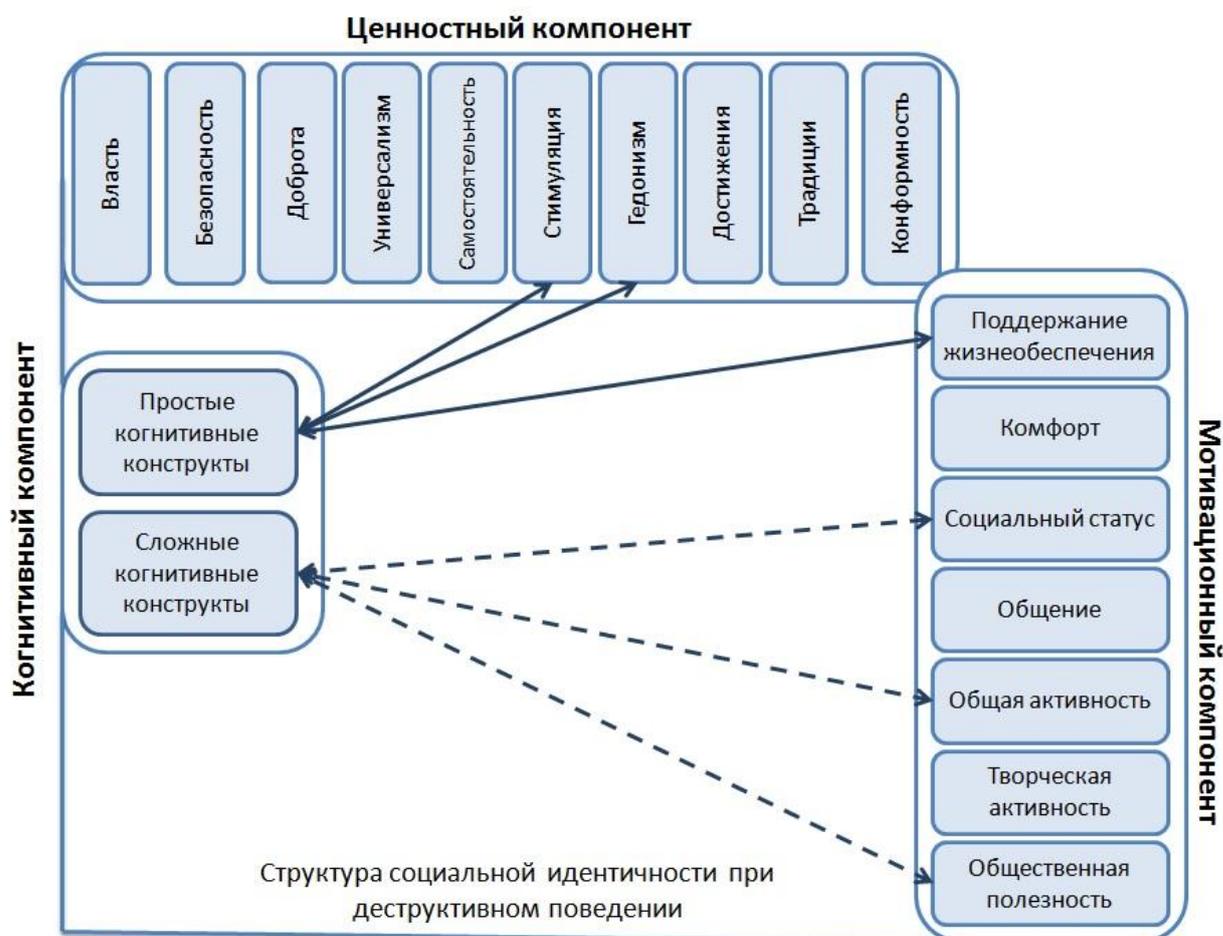
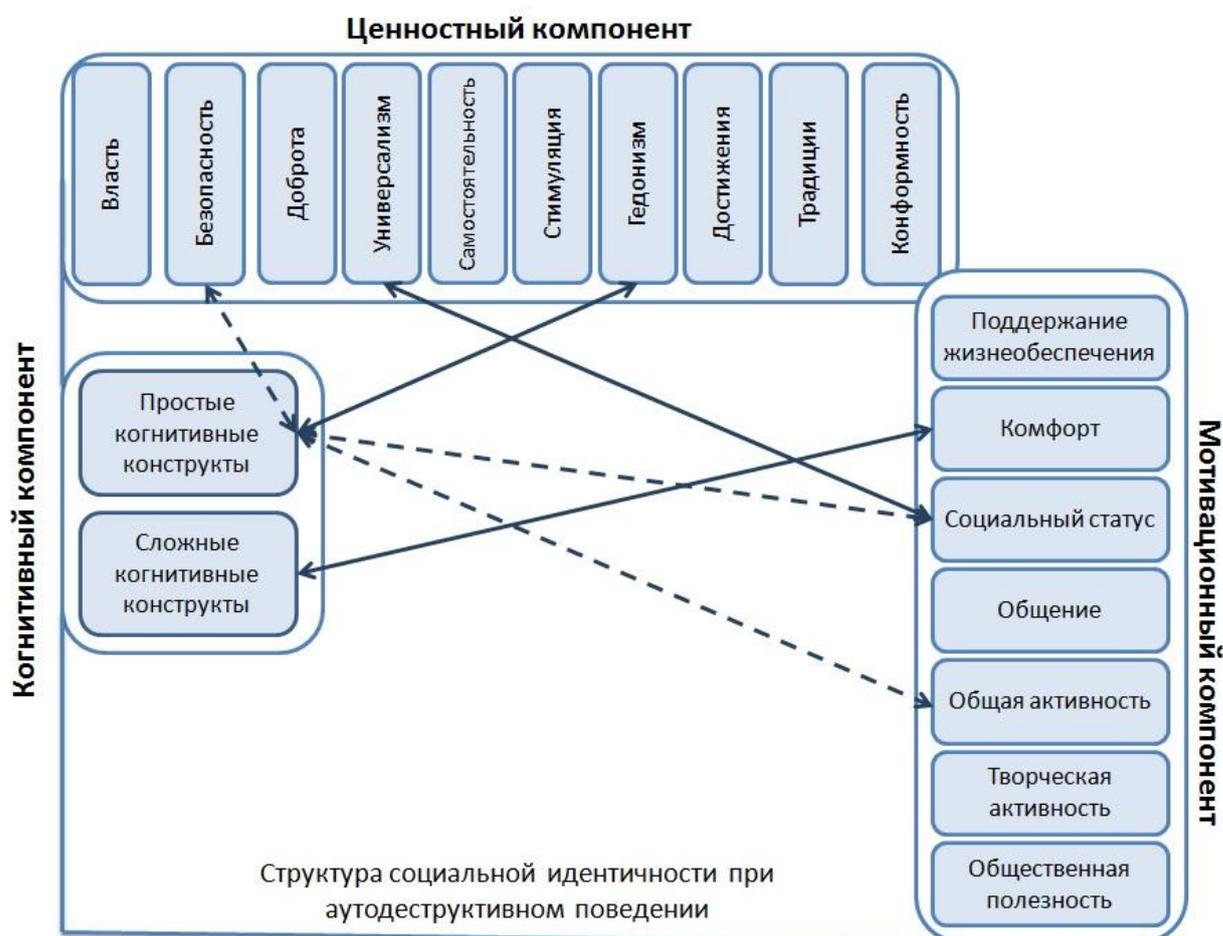

Рисунок - 27 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при деструктивном поведении

Структурная организация социальной идентичности при аутодеструктивном поведении характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателем простых когнитивных конструктов и ценностями гедонизма ($r=0,52$), сложными когнитивными конструктами и мотивацией комфорта ($r=0,47$), а также ценностью универсализма и статусной мотивацией ($r=0,44$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между простыми когнитивными конструктами со статусной мотивацией ($r=-0,47$), ценностями безопасности ($r=-0,39$), а также общей мотивационной активностью ($r=-0,40$) (рис. 28).

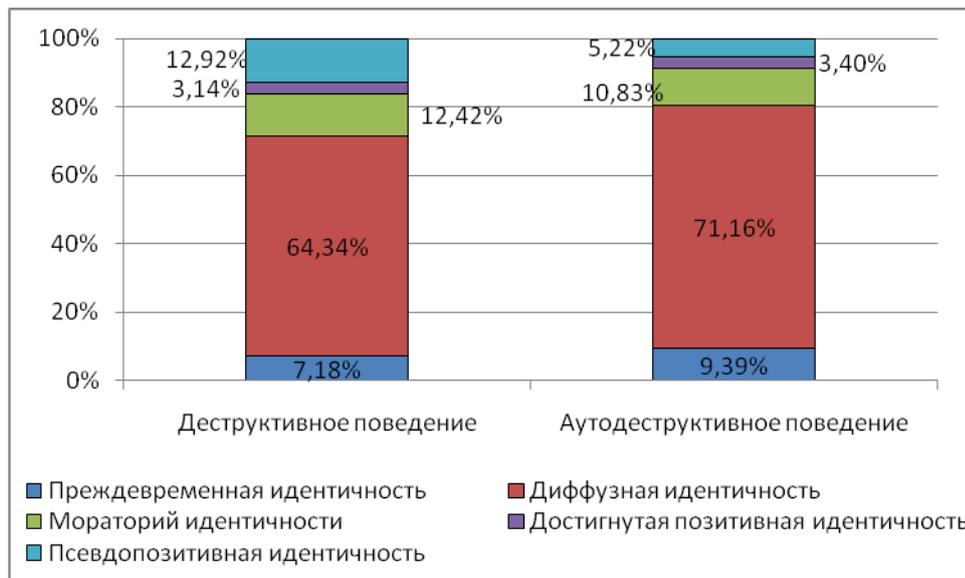

Рисунок - 28 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при аутодеструктивном поведении

Структура социальной идентичности при делинквентном поведении помимо показателей взаимосвязи структурных компонентов анализировалась

также по критерию организованности. Расчет показателей организованности структуры делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении, представляющей собой внутреннюю упорядоченность отношений и связей между ее элементами, осуществлялся через оценку индексов когерентности и дивергентности, а также расчета коэффициента организованности структуры социальной идентичности на основании полученных значимых взаимосвязей ($p=0,01$ и $p=0,05$) (А.В. Карпов, [117]). Расчет коэффициента организованности структуры социальной идентичности осуществлялся через вычисление разности значений индекса когерентности и индекса дивергентности. Преобладание статистически значимых обратно пропорциональных взаимосвязей над прямо пропорциональными отражается в отрицательном значении коэффициента организованности структуры социальной идентичности при делинквентном поведении, что указывает на дезинтегрированность структурной организации делинквентной идентичности как при деструктивном (коэффициент организованности структуры равен -1), так и при аутодеструктивном поведении (коэффициент организованности структуры составляет -2).

В результате исследования статусной системы идентичности при делинквентном поведении выявлено преобладание диффузной идентичности, характеризующийся неустойчивостью целей, ценностей, убеждений, неудовлетворенностью собой, психической ригидностью (рис. 29).

Рисунок - 29 Гистограмма частот статусной системы при делинквентной идентичности

Нарушение социальной идентичности при делинквентном поведении проявляется через стратегию противостояния реальности и реализуется в делинквентной идентичности. На уровне структурных компонентов как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении делинквентная идентичность характеризуется рассогласованностью ценностных ориентаций на уровне представлений и их реализации в поведении; деструктивности мотивационного компонента, проявляющегося уплощенностью мотивационного профиля. Содержанием когнитивного компонента делинквентной идентичности являются статусно-ролевые позиции и социально-групповые нормы и ценности. Структура социальной идентичности при делинквентном поведении характеризуется низкой организованностью. На феноменологическом уровне делинквентная идентичность соответствует статусу диффузной, проявлением которой является диссоциированность временной перспективы [232].

2.4. Структурная организация социальной идентичности при соматической патологии

Осуществляя дифференциацию нарушений социальной идентичности по критерию отношения к реальности (уход, противостояние,

приспособление) (Н. Пезешкиан, [205]), выделим приспособление к социальной реальности, которое реализуется в ситуации тяжелого соматического заболевания, приводящего либо к выраженному внешнему дефекту (ампутация нижних конечностей, мастэктомия, колостома), либо к летальному исходу (онкогематологические заболевания).

С медицинской точки зрения, ампутация представляет собой усечение дистально расположенной части органа в результате травмы или хирургической операции. Изменения в системе отношений при ампутации [169] обусловлены деформацией индивидуально-психологических особенностей данной категории пациентов как на личностном уровне (Е.О. Гордиевская) [70], так и на уровне психофизиологическом (Е.А. Петраш, В.Б. Никишина, И.И. Бобынце и др.) [215], и проявляются в изменении отношения к себе (через изменение уровня притязаний и самооценки), а также в изменении отношения к социальному окружению (семья, коллеги, друзья). Нарушения образа Я находятся в прямо пропорциональной зависимости от уровня дефекта и связаны с возможностью интеграции нового образа Я в систему отношений [222]. Таким образом, в психологическом аспекте ампутация конечности рассматривается в качестве психотравмирующего фактора, действующего на протяжении последующей жизни человека и приводящего к нарушению идентичности [113, 225, 231].

Согласно данным Федерального научно-практического центра экспертизы и реабилитации инвалидов, в структуре причин ампутации механические травмы (железнодорожная, автомобильная, мотоциклетная, производственная, бытовая) занимают доминирующее положение и составляют 37%. Остальные причины распределены следующим образом: 17% – воспалительные заболевания как вторичные проявления основного заболевания и последствий травм, угрожающие развитием сепсиса и полиорганной недостаточности (хронический остеомиелит, трофические язвы, гангрена); 12% – огнестрельные и минно-взрывные ранения; 10% – злокачественные опухоли конечностей; 9% – врожденные дефекты и

недоразвития, затрудняющие пользование рудиментом при протезировании; 2% – термические травмы (электроожоги, отморожения) [37].

Исследовательский интерес к изучению онкологических заболеваний обусловлен, с одной стороны, интенсивным ростом распространенности онкопатологии (количество вновь зафиксированных случаев онкологического заболевания в период с 2000 по 2014 г. возросло в 1,4 раза), с другой стороны, высокой смертностью (онкопатология занимает второе место в структуре смертности населения). Онкологические заболевания составляют особую группу заболеваний, которая характеризуется страхом смерти и резким снижением качества жизни [393]. Происходящие изменения в объективной и субъективной реальности в ситуации онкологического заболевания фрустрируют человека, нарушают систему социальных отношений личности как ресурса его активности и преодоления [234]. Онкологическое заболевание в клинической психологии рассматривается как кризисная и экстремальная ситуация, имеющая ряд специфических признаков: внезапность появления, отсутствие возможности контроля ситуации, стадийность протекания заболевания и реакций на него, разрушение ранее сложившейся картины мира. В ситуации онкологического заболевания нарушается сложившееся функционирование личности, что проявляется в невозможности реализации своих жизненных ценностей и целей в рамках прежней модели поведения. Согласно данным современных исследований, онкологические больные ощущают безысходность своего положения, которая блокирует привычное течение жизни; происходит фрустрация духовных потребностей; бесперспективность приводит к утрате субъективного смысла жизни; возникает трансформация системы жизненных ценностей, переоценка жизненного пути (Н.Н. Липецкий) [146].

Для онкогематологических заболеваний характерна системность поражения, что может приводить к поражению остальных органов и тканей, а также то, что все внекостномозговые гемобластозы способны вторично поражать костный мозг. Основным методом лечения является химиотерапия

(внутривенное введение высокотоксичных сильнодействующих лекарственных препаратов в больших дозах), продолжительность которой определяется врачом-онкологом в зависимости от морфологической формы и стадии онкогематологического заболевания. При отсутствии химиотерапии время от выявления заболевания до гибели больных часто составляет от 1 до 5 месяцев. Качество жизни онкогематологических больных определяется, в первую очередь, иммунной уязвимостью, в связи с чем большую часть времени пациенты вынуждены находиться в специализированных стационарных условиях (с целью избежать посторонних внешних инфекций). Снижение качества жизни и неблагоприятный прогноз нарушают структурно-уровневую организацию временной перспективы онкогематологических пациентов [221, 388, 389].

Колоректальные онкологические заболевания занимают второе по распространенности онкологических заболеваний в России место. За 2009 год прирост колоректальных онкологических заболеваний составил 57363 случая (М.И. Давыдов, Е.М. Аксель, [73]). По гендерному признаку колоректальные онкологические заболевания у мужчин встречаются в 2 раза чаще, чем у женщин. При этом средний возраст данной группы больных составляет $34,1 \pm 5,18$ лет (Ф.И. Гюльмамедов, Г.Е. Полунин, Е.Г. Макиенко, [72]). Показатели смертности от колоректальных онкологических заболеваний за последние пять лет у мужчин возросли на 2%, у женщин – на 3% (К.Н. Милица, Н.Н. Милица, Н.Д. Постоленко, В.В. Солдусова, В.С. Казаков, [206, 207, 329]). В качестве одного из методов лечения колоректальных онкологических заболеваний является метод стомирования, в результате которого пациентам устанавливается колостома. Колостома представляет собой открытый конец ободочной кишки, выведенный на переднюю брюшную стенку и укрепленный там хирургическим методом для выхода каловых масс и кишечных газов (Ф.И. Гюльмамедов, Г.Е. Полунин, Е.Г. Макиенко, [72]). Согласно медицинским прогнозам по продолжительности жизни различных групп онкологических больных

пациентов, колоректальная группа онкологических пациентов отнесена к прогностически неблагоприятным, так как продолжительность жизни таких больных по данным приведенных исследований составляет 5 ± 2 года (Willett et al.) [420], (Eisenberg et al.) [356]. Данный вид онкологической патологии приводит к искажению временной перспективы жизненного пути пациентов с колостомой [191], а также снижает общий уровень качества жизни, затрагивая существенные сферы жизнедеятельности и отношений. Колоректальная онкология оценивается как один из самых молодых видов онкологии с манифестацией заболевания в возрасте 24 – 55 лет (Т.П. Почуев, Б.А. Бердов, А.М. Исмаилов) [242].

Онкологические заболевания, имеющие внешний дефект в виде колостомы, снижают общий уровень качества жизни, затрагивая существенные сферы жизнедеятельности и отношений, что, в свою очередь, приводит к изменению представлений о себе и самоотношению. Возраст манифестации колоректальных онкологических заболеваний падает на период активной профессиональной и социальной деятельности. Попадая в ситуацию заболевания, социальная активность меняется, что проявляется в изменениях социальной идентичности больного как на уровне статусности, системы социальных ролей, так и социальной идентичности в целом.

Еще одним онкологическим заболеванием, приводящим к внешнему дефекту, является рак молочной железы, одним из наиболее распространенных методов лечения которого является мастэктомия (полное или частичное удаление молочной железы). Н.Ю. Иванова [106] отмечает, что на психологическом уровне среди последствий мастэктомии для женщин характерно резкое снижение самооценки, социальной дезадаптации, изменения в восприятии своего «физического Я». Существенные затруднения для реабилитации данной категории онкологических больных могут создавать также страхи и переживания относительно возможности рецидивов заболевания.

Инсульты занимают ведущее место среди причин смертности населения, связанных с окружающей средой (2,5 млн. человек в год) [202] и инвалидизации населения (70-80% больных, перенесших ишемический инсульт, получают инвалидность) [202, 404]. Российская статистика фиксирует, что ежегодно регистрируется 400 тыс. случаев заболеваний инсультом, из которых только 20% сохраняют трудоспособность [182]. Ишемический инсульт – гетерогенный клинический синдром, включающий несколько патогенетических подтипов: поражение артерий крупного калибра (атеротромботический ишемический инсульт), малого калибра (лакунарный инфаркт мозга), кардиогенные эмболии (кардиоэмболический ишемический инсульт). В общей структуре заболеваемости острыми нарушениями мозгового кровообращения ишемический инсульт встречается в 4 раза чаще, чем геморрагический [353], и составляет порядка 80% от общего количества инсультов [182]. Клиническая картина инсульта вариабельна, с дифференцированной симптоматикой как на клиническом уровне, так и на клинико-психологическом [214, 216, 382, 385].

Программа эмпирического исследования нарушения социальной идентичности при соматических заболеваниях осуществлялась по нозологическим группам в несколько этапов (таблица 13).

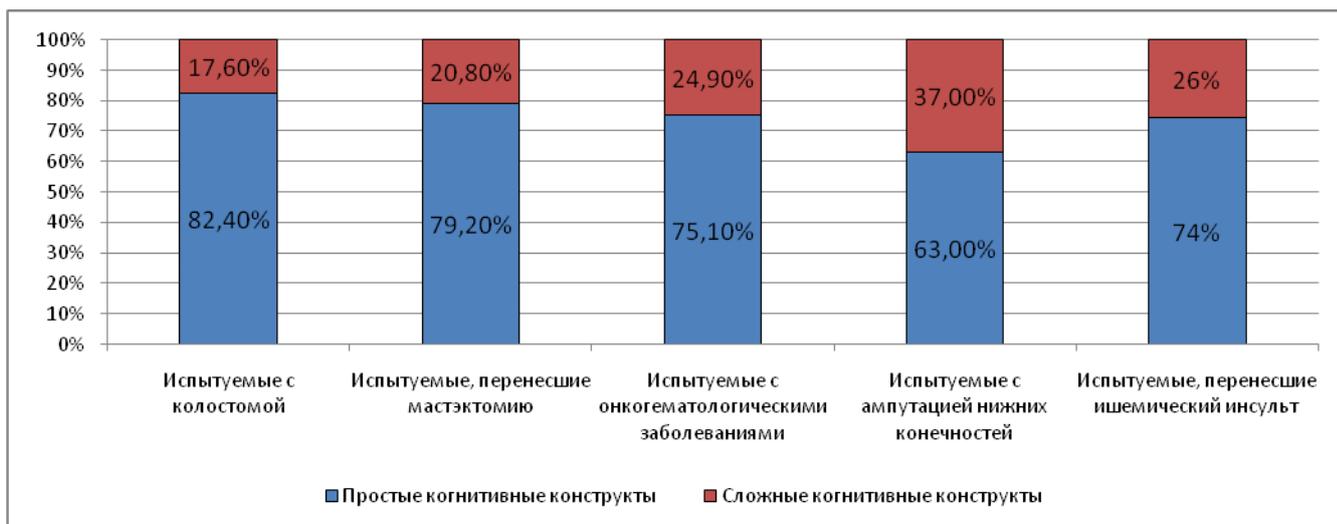
Таблица 13

Организация этапов эмпирического исследования нарушения социальной идентичности при соматической патологии

Параметры	1 этап	2 этап	3 этап
Задача	Изучение структурных компонентов социальной идентичности при соматопатологии	Изучение структурной организации социальной идентичности при соматопатологии	Изучение статусной системы социальной идентичности при соматопатологии
Группы испытуемых	<p>– 94 человека с ампутацией нижних конечностей; – 37 человек, перенесших ишемический инсульт (I63 «Инфаркт мозга» по МКБ-10); – 37 человек с колостомой (C21 – «Злокачественное новообразование заднего прохода и анального канала» без отдаленных метастаз, перенесших оперативное вмешательство с колостомой» по МКБ-10); – 50 человек с онкогематологическим заболеванием (C91 «Лимфоидный лейкоз» по МКБ-10); – 30 человек, перенесших мастэктомию (C50 – «Злокачественное новообразование молочной железы» по МКБ-10); – 218 здоровых испытуемых. Возраст: 26-54 года</p>		
Методы исследования	Эмпирические методики изучения структурных компонентов социальной идентичности. Статистические методы обработки полученных данных	Корреляционный анализ с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$)	Эмпирическая методика изучения статусной системы идентичности (Л.Б. Шнейдер)
Изучаемые параметры	Оценка значимости различий ($p < 0,05$) показателей выраженности структурных компонентов социальной идентичности в сравнении с группой нормы с использованием U-критерия Манна-Уитни и углового преобразования ϕ -Фишера	Оценка взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности при соматических заболеваниях ($p < 0,05$) с использованием г-критерия ранговой корреляции Спирмена. Расчет коэффициента организованности структуры (КОС) социальной идентичности, определяемого как разность коэффициентов когерентности и дивергентности при различных нозологиях	Определение в процентном соотношении долевого распределения статусов социальной идентичности по группам с различными нозологиями

Анализ структурной организации социальной идентичности при соматопатологии осуществлялся через сравнение показателей каждого вида нозологии с группой нормы (сравнительный анализ осуществлялся с группой нормы, соответствующей возрастному этапу взрослости).

Выделяя в структурной организации социальной идентичности когнитивный компонент, выявлено преобладание простых, недифференцированных когнитивных конструктов у трех групп онкологических больных: у пациентов с колостомой (82% испытуемых), у пациентов, перенесших мастэктомию (79% испытуемых), у онкогематологических больных (76% испытуемых). В группах испытуемых с ампутацией нижних конечностей, а также испытуемых, перенесших ишемический инсульт, также преобладают простые когнитивные конструкты (63% и 74% соответственно) (рис. 30).

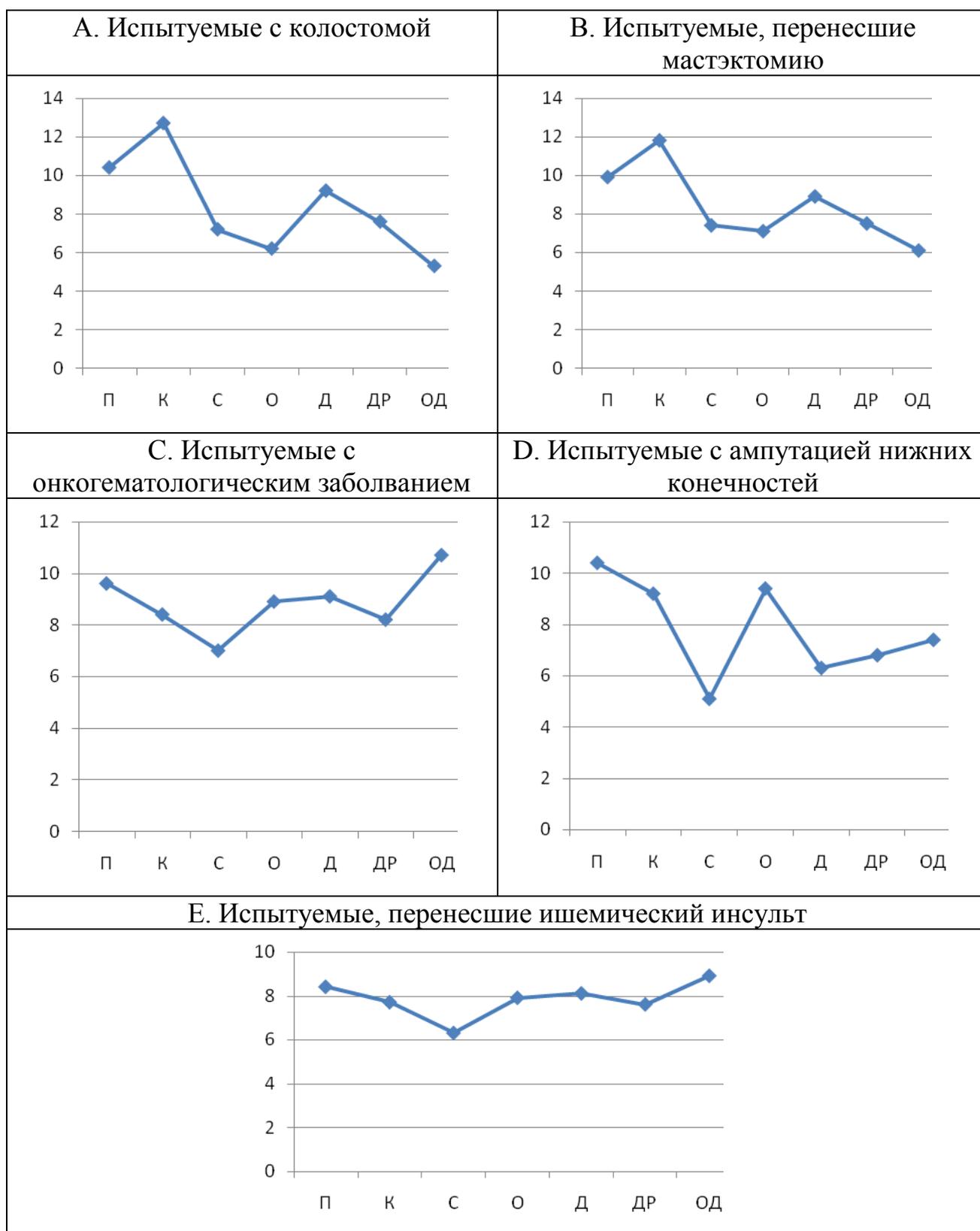
Рисунок - 30 Гистограммы частот когнитивных конструктов при различных нозологиях

Простая организация когнитивных конструктов у онкологических больных, а также при ампутации нижних конечностей и у пациентов, перенесших ишемический инсульт, характеризующая устойчивый способ осмысления различных аспектов действительности, проявляется в нечеткости различий между конструктами; снижении способности к прогнозированию

поведения других на основании имеющихся конструктов; ограниченности числа когнитивных категорий.

Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности включает в себя следующие показатели: мотивация поддержания жизнеобеспечения, мотивация комфорта, статусная мотивация, коммуникативная мотивация, мотивация общей активности, творческая мотивация, мотивация общественно полезной направленности. Перечисленные параметры в зависимости от уровня их выраженности формируют мотивационный профиль, характеризующий содержание мотивационного компонента в структуре социальной идентичности. В результате исследования установлено, что у испытуемых с колостомой преобладающим является регрессивный мотивационный профиль, характеризующийся превышением общего уровня мотивов поддержания (мотивация поддержания жизнеобеспечения ($x \pm \sigma = 10,4 \pm 2,86$), мотивация комфорта ($x \pm \sigma = 12,7 \pm 3,29$), мотивация общей активности ($x \pm \sigma = 9,2 \pm 2,57$)) над развивающими мотивами (статусная мотивация ($x \pm \sigma = 7,2 \pm 1,06$), коммуникативная мотивация ($x \pm \sigma = 6,2 \pm 1,48$), творческая мотивация ($x \pm \sigma = 7,6 \pm 1,22$), мотивация общественно полезной направленности ($x \pm \sigma = 5,3 \pm 1,87$)) (рис. 31А).

В группе испытуемых, перенесших мастэктомию, также выявлен регрессивный мотивационный профиль (рис. 46В), характеризующийся превышением общего уровня мотивов поддержания (мотивация поддержания жизнеобеспечения ($x \pm \sigma = 9,9 \pm 1,81$), мотивация комфорта ($x \pm \sigma = 11,8 \pm 2,74$), мотивация общей активности ($x \pm \sigma = 8,9 \pm 1,84$)) над развивающими мотивами (статусная мотивация ($x \pm \sigma = 7,4 \pm 1,12$), коммуникативная мотивация ($x \pm \sigma = 7,1 \pm 2,29$), творческая мотивация ($x \pm \sigma = 7,5 \pm 2,02$), мотивация общественно полезной направленности ($x \pm \sigma = 6,1 \pm 1,24$)).

Условные обозначения: П-поддержание жизнеобеспечения, К-комфорт, С-социальный статус, О-общение, Д-общая активность, ДР-творческая активность, ОД-общественная полезность

Рисунок - 31 Усредненные мотивационные профили социальной идентичности по нозологическим группам

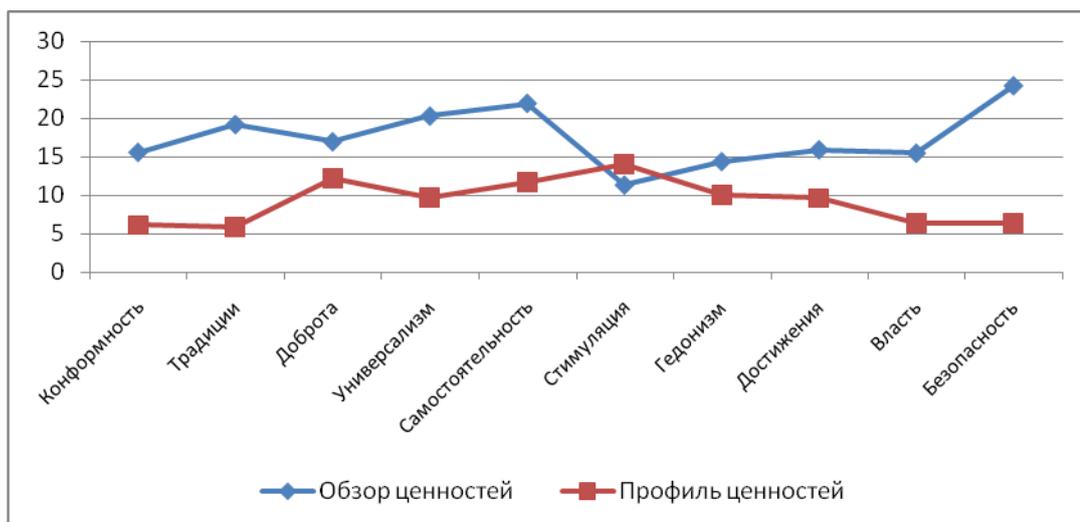
У испытуемых с гематологическим онкологическим заболеванием (рис.46С) преобладает уплощенный мотивационный профиль, характеризующийся недостаточной дифференцированностью мотивационной иерархии личности с преобладанием мотивации общественно полезной направленности ($x \pm \sigma = 9,7 \pm 3,27$).

При ампутации нижних конечностей мотивационный компонент в структуре социальной идентичности характеризуется преобладанием регрессивного мотивационного профиля (рис. 46D), отмеченного превышением общего уровня мотивов поддержания (мотивация поддержания жизнеобеспечения ($x \pm \sigma = 10,4 \pm 3,11$), мотивация комфорта ($x \pm \sigma = 9,2 \pm 2,37$), мотивация общей активности ($x \pm \sigma = 6,3 \pm 1,61$)) над развивающими мотивами (статусная мотивация ($x \pm \sigma = 5,1 \pm 1,07$), коммуникативная мотивация ($x \pm \sigma = 9,4 \pm 2,62$), творческая мотивация ($x \pm \sigma = 6,8 \pm 2,19$), мотивация общественно полезной направленности ($x \pm \sigma = 7,4 \pm 1,88$)).

Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности у испытуемых, перенесших ишемический инсульт, представлен уплощенным мотивационным профилем, характеризующимся недостаточной дифференцированностью мотивационной иерархии личности с преобладанием общественно полезной мотивации ($x \pm \sigma = 8,9 \pm 2,91$) и мотивации поддержания жизнеобеспечения ($x \pm \sigma = 8,4 \pm 2,38$) (рис. 46E).

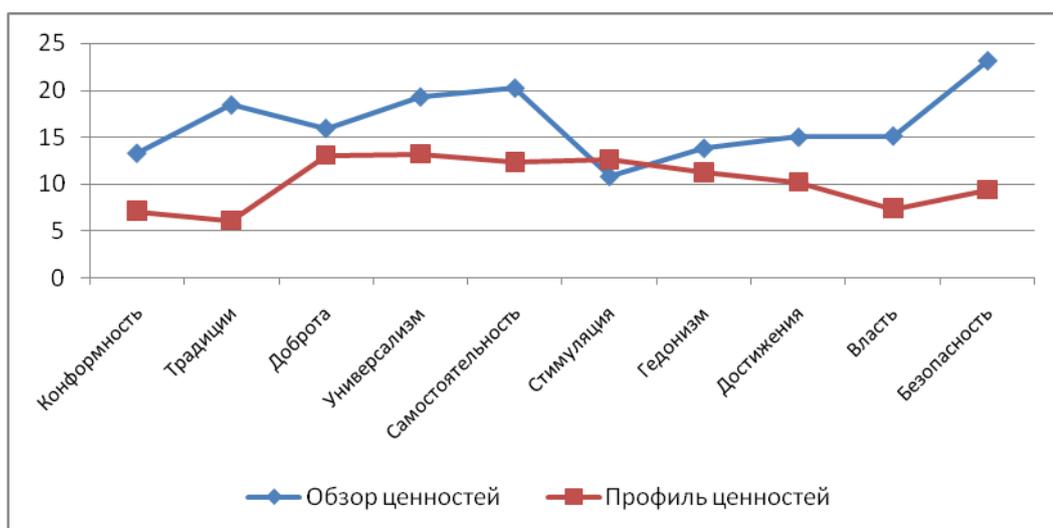
На уровне ценностного компонента структуры социальной идентичности испытуемых с соматическими заболеваниями система ценностных ориентаций характеризуется рассогласованностью между ценностными представлениями (обзор ценностей) и реализуемыми в поведении ценностями (профиль ценностей). У испытуемых с колоректальным онкологическим заболеванием рассогласованность системы ценностных ориентаций проявляется в том, что на уровне представлений преобладающими являются декларативные ценности безопасности,

самостоятельности и универсализма; при этом реализуемыми в социальном взаимодействии являются ценности стимуляции и доброты (рис. 32).

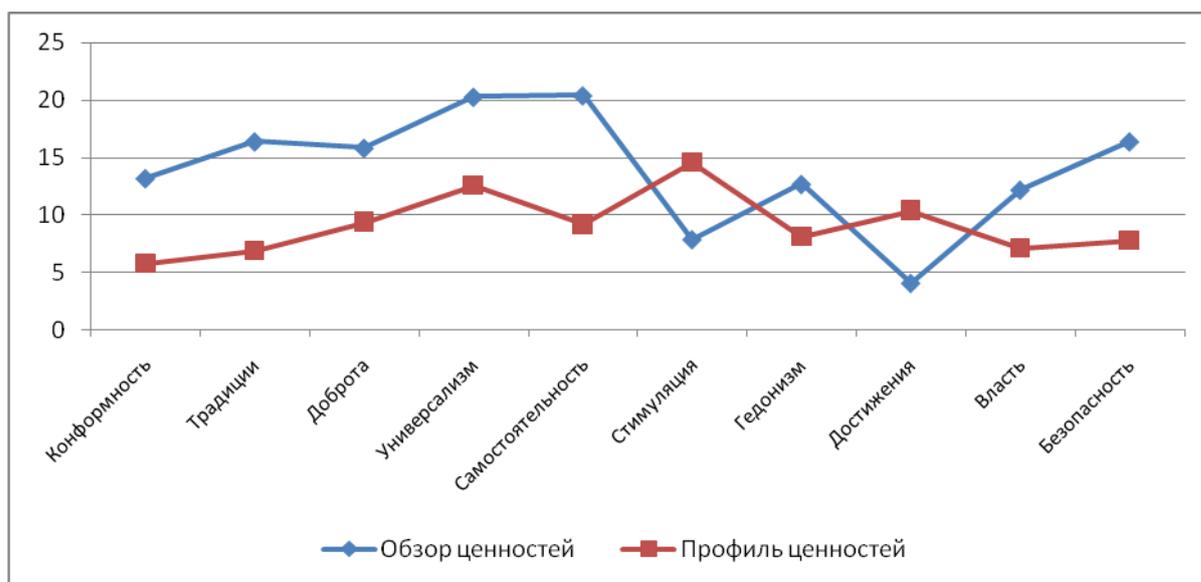
Рисунок - 32 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций испытуемых с колоректальным онкологическим заболеванием

У испытуемых, перенесших мастэктомию, преобладающими декларативными ценностями на уровне представлений являются ценности безопасности, самостоятельности, традиций и универсализма; реализуемыми в социальном взаимодействии – ценности стимуляции и доброты. Полученные результаты также указывают на рассогласованность ценностных ориентаций как структурного компонента социальной идентичности (рис. 33).

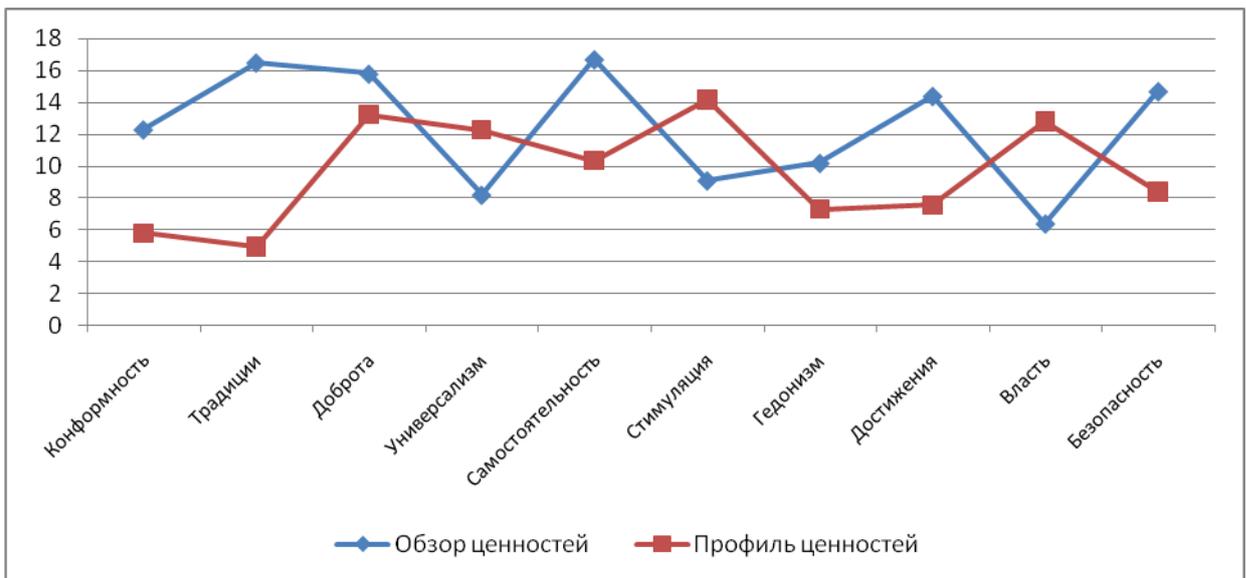
Рисунок - 33 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций испытуемых, перенесших мастэктомию

В системе ценностных ориентаций онкогематологических больных на уровне представлений преобладают ценности универсализма, самостоятельности, доброты и безопасности; на уровне поведенческой реализации значимо преобладают ценности достижений, проявляющиеся в социальной компетентности, социальном одобрении и стимуляции как стремлении к переживаниям ситуации болезни (рис. 34).

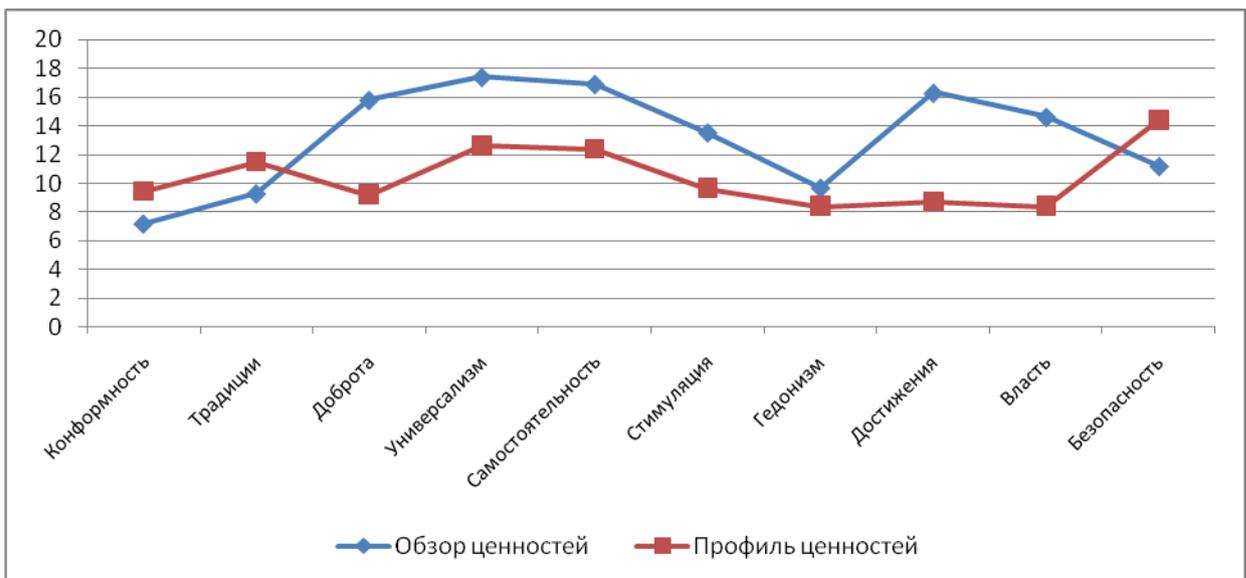
Рисунок - 34 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций испытуемых с онкогематологическим заболеванием

Ценностный компонент в структуре социальной идентичности испытуемых с ампутацией нижних конечностей характеризуется преобладанием декларативных ценностей традиций, доброты, самостоятельности, достижений и безопасности при фактической реализации ценностей универсализма, стимуляции и власти (рис. 35).

Рисунок - 35 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций испытуемых с ампутацией нижних конечностей

У испытуемых, перенесших ишемический инсульт, рассогласованность системы ценностных ориентаций проявляется в том, что на уровне представлений преобладающими являются декларативные ценности доброты, самостоятельности, стимуляции и достижений; при этом реализуемыми в социальном взаимодействии являются ценности конформности, традиций и безопасности (рис. 36).

Рисунок - 36 Усредненный профиль системы ценностных ориентаций испытуемых, перенесших ишемический инсульт

Социальная идентичность испытуемых с колоректальным онкологическим заболеванием на уровне структурных компонентов характеризуется простыми, недифференцированными когнитивными конструктами, регрессивным мотивационным профилем, направленным на поддержание жизнедеятельности, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием стремления к переживанию ситуации болезни и сохранения благополучия своих близких [212].

На уровне структурных компонентов социальная идентичность испытуемых, перенесших мастэктомию, характеризуется преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструктов на уровне когнитивного компонента; регрессивным мотивационным профилем с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения, мотивации комфорта и мотивации общей активности на уровне мотивационного компонента; рассогласованностью ценностного компонента с преобладанием ценностей стимуляции и доброты.

У испытуемых с онкогематологическим заболеванием социальная идентичность на уровне структурных компонентов также характеризуется преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструктов, недостаточной дифференцированностью мотивов личности, проявляющейся в уплощенном мотивационном профиле, а также рассогласованностью ценностных представлений и их поведенческой реализацией.

Социальная идентичность испытуемых с ампутацией нижних конечностей на уровне структурных компонентов характеризуется простыми, недифференцированными когнитивными конструктами, регрессивным мотивационным профилем с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения, комфорта и общей активности, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценностей универсализма, стимуляции и власти (таблица 14).

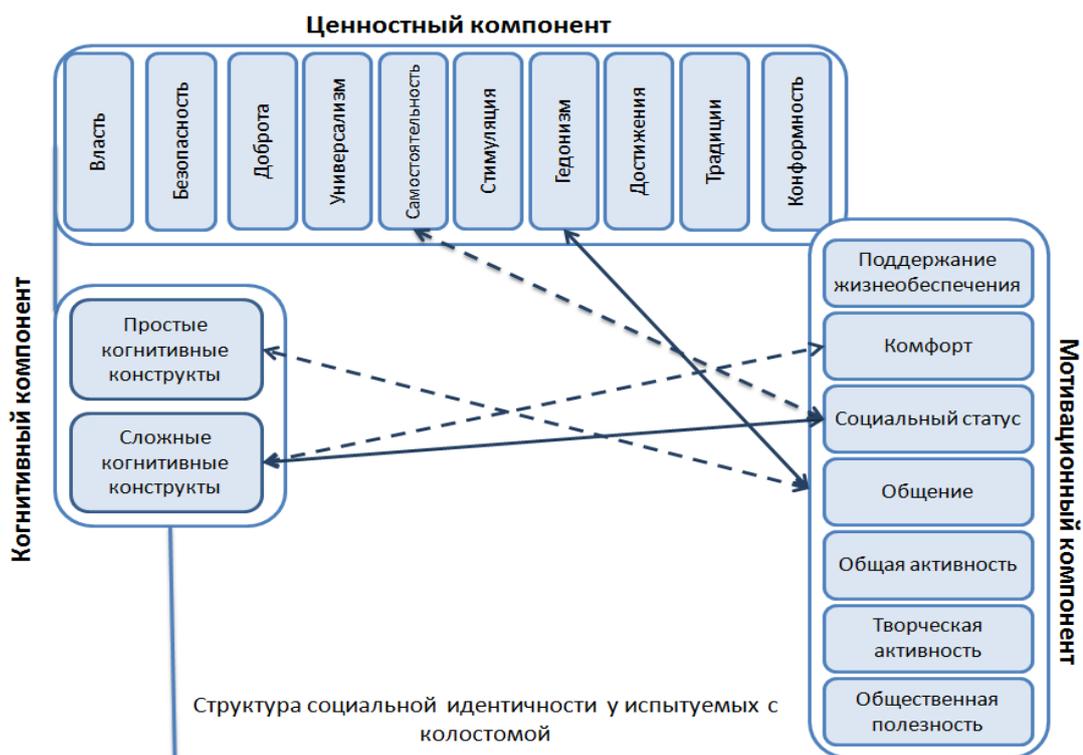
Таблица 14

Обобщенная структурная организация социальной идентичности в норме и при различных нозологиях

Структурный компонент	Пациенты с колостомой	Пациенты, перенесшие мастэктомию	Пациенты с онкогематологическим заболеванием	Пациенты с ампутацией нижних конечностей	Пациенты, перенесшие ишемический инсульт	Группа нормы
Когнитивный компонент	Простые, недифференцированные когнитивные конструкты					Сложные, дифференцированные когнитивные конструкты профессионально-деятельностной направленностью
Мотивационный компонент	Регрессивный мотивационный профиль, направленный на поддержание жизнедеятельности	Мотивация комфорта и мотивация общей активности	Уплощенный мотивационный профиль со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и общественно полезной мотивации	Регрессивный мотивационный профиль с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения, комфорта и общей активности	Уплощенный мотивационный профиль с преобладанием общественно полезной мотивации и мотивации поддержания жизнеобеспечения	Экспрессивный мотивационный профиль с преобладанием статусно-социальных мотивов и мотивов комфортности
Ценностный компонент	Рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации.					Согласованность системы ценностных ориентаций со значимым преобладанием ценностей традиций, доброты и достижений
	Преобладание стремления к переживанию ситуации болезни и сохранения благополучия своих близких	Преобладание ценностей стимуляции и доброты	Преобладание ценностей достижений и стимуляции	Преобладание ценностей универсализма, стимуляции и власти	Преобладание ценностей конформности, традиций и безопасности	
Структурная организация	Рассогласованность структурной организации социальной идентичности					Согласованность структурной организации социальной идентичности

Социальная идентичность испытуемых, перенесших ишемический инсульт, на уровне структурных компонентов характеризуется простыми, недифференцированными когнитивными конструктами, уплощенным мотивационным профилем с преобладанием общественно полезной мотивации и мотивации поддержания жизнеобеспечения, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценностей конформности, традиций и безопасности.

Анализ структурной организации социальной идентичности при соматических заболеваниях осуществлялся с использованием метода корреляционного анализа по группам испытуемых (r -критерий ранговой корреляции Спирмена). В результате у испытуемых с колостомой выявлены статистически значимые обратно пропорциональные взаимосвязи между простыми когнитивными конструктами и коммуникативной мотивацией ($r=-0,47$); сложными когнитивными конструктами и мотивацией комфортности ($r=-0,54$); статусной мотивацией и ценностями самостоятельности ($r=-0,41$); прямо пропорциональные взаимосвязи между сложными когнитивными конструктами и статусной мотивацией ($r=0,36$); ценностью гедонизма и коммуникативной мотивацией ($r=0,44$) (рис. 37).

Рисунок - 37 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности при колоректальном онкологическом заболевании

У испытуемых, перенесших мастэктомию, выявлены статистически значимые обратно пропорциональные взаимосвязи между простыми когнитивными конструкциями и коммуникативной мотивацией ($r=-0,52$); сложными когнитивными конструкциями и мотивацией комфортности ($r=-0,41$); статусной мотивацией и ценностями самостоятельности ($r=-0,67$); прямо пропорциональные взаимосвязи между простыми когнитивными конструкциями и мотивацией поддержания жизнеобеспечения ($r=0,49$); ценностью безопасности и мотивацией общественной активности ($r=0,51$), ценностью гедонизма и коммуникативной мотивацией ($r=0,44$) (рис. 38).

Рисунок - 38 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности у испытуемых, перенесших мастэктомию

У онкогематологических больных выявлены статистически значимые обратно пропорциональные взаимосвязи между показателями сложных когнитивных конструкций с коммуникативной мотивацией ($r=-0,41$) и мотивацией общественно полезной направленности ($r=-0,37$), простыми когнитивными конструктами и статусной мотивацией ($r=-0,52$); прямо пропорциональные взаимосвязи выявлены между простыми когнитивными конструктами и ценностью универсализма ($r=0,36$), между коммуникативной мотивацией с ценностями конформности ($r=0,43$) и традиций ($r=0,39$) (рис. 39).

Рисунок - 39 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности у испытуемых с онкогематологическим заболеванием

У испытуемых с ампутацией нижних конечностей выявлены статистически значимые обратно пропорциональные взаимосвязи между простыми когнитивными конструктами и мотивацией комфорта ($r=-0,44$); сложными когнитивными конструктами и творческой активностью ($r=-0,49$); прямо пропорциональные взаимосвязи между сложными когнитивными конструктами и ценностью достижения ($r=0,48$); простыми когнитивными конструктами с ценностью гедонизма ($r=0,54$) и общей мотивационной активностью ($r=0,57$) (рис. 40).

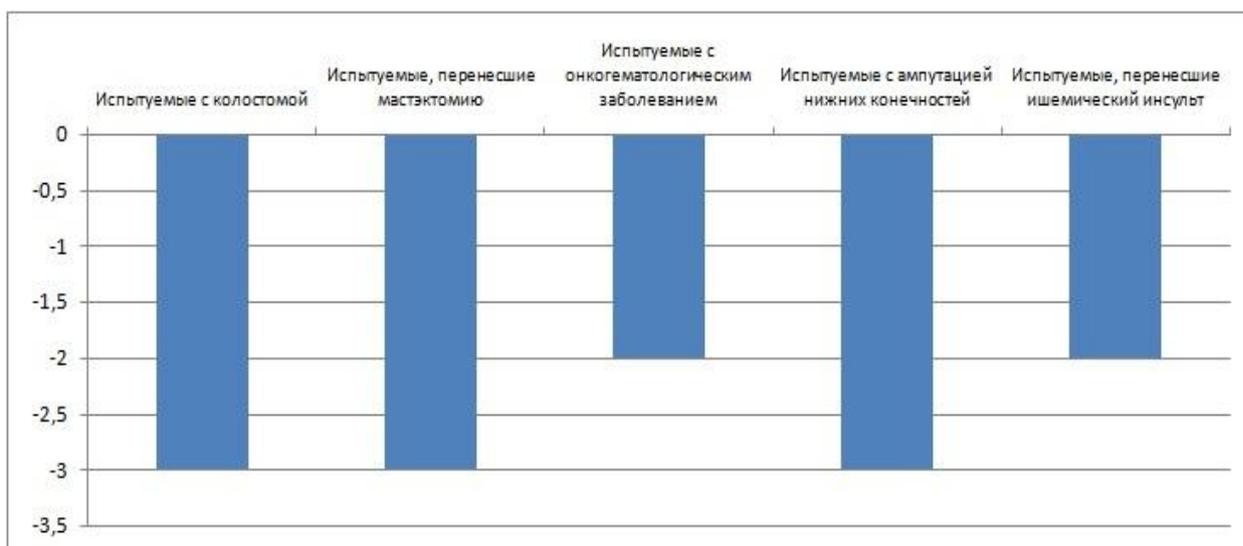
Рисунок - 40 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности у испытуемых с ампутацией нижних конечностей

У испытуемых, перенесших ишемический инсульт, выявлены статистически значимые обратно пропорциональные взаимосвязи между простыми когнитивными конструктами с мотивацией комфорта ($r=-0,47$), мотивацией поддержания жизнеобеспечения ($r=-0,52$) и творческой мотивационной активностью ($r=-0,59$); прямо пропорциональные взаимосвязи между сложными когнитивными конструктами и ценностью конформности ($r=0,42$); простыми когнитивными конструктами с ценностью гедонизма ($r=0,41$) (рис. 41).

Рисунок - 41 Система взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности у испытуемых, перенесших ишемический инсульт

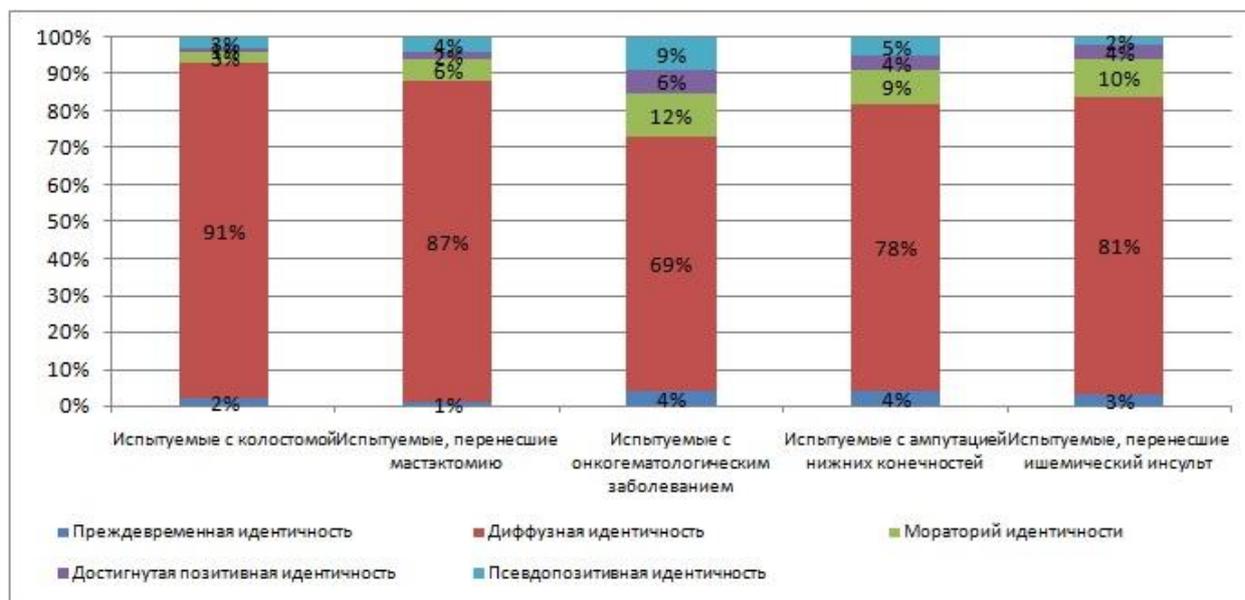
Расчет показателей организованности структуры социальной идентичности при соматических заболеваниях осуществлялся через оценку индексов когерентности и дивергентности, а также расчета коэффициента организованности структуры социальной идентичности на основании полученных значимых взаимосвязей ($p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$). Анализируя полученные результаты, установлено превышение значений показателя дивергентности над значениями показателя когерентности, что свидетельствует о дезинтегрированности структурной организации социальной идентичности по всем нозологическим группам (рис. 42).

Рисунок - 42 Гистограмма значений коэффициентов организованности структуры социальной идентичности при соматической патологии

Анализ системы статусов включает в себя достигнутую идентичность, преждевременную идентичность, мораторий идентичности, диффузную идентичность и псевдоидентичность.

У соматических больных в доле соотношении (у 88% испытуемых) статус диффузной идентичности является преобладающим с дифференциацией по нозологическим формам (91% больных с колоректальным онкологическим заболеванием; 87% больных, перенесших мастэктомию; 69% больных с гематологическим онкологическим заболеванием; 78% испытуемых с ампутацией нижних конечностей; 81% испытуемых, перенесших ишемический инсульт) (рис. 43).

Рисунок - 43 Гистограмма частот статусной системы социальной идентичности при соматической патологии

Диффузная социальная идентичность соматических больных характеризуется отсутствием целей, рассогласованностью системы ценностных ориентаций и убеждений, неудовлетворенностью собой. В ситуации соматического заболевания с внешним дефектом этот статус реализуется в отсутствии целей выздоровления, потере ориентиров-ценностного отношения к здоровью, самообвинительных и внешнеобвинительных реакциях.

Социальная идентичность при соматической патологии характеризуется диффузно-статусной структурой при высокой рассогласованности структурной организации на уровне простых, недифференцированных когнитивных конструктов, рассогласованности ценностных ориентаций при снижении общей мотивационной активности (снижении дифференцированности мотивов и мотивации, направленной на поддержание жизнеобеспечения). Нарушения социальной идентичности в ситуации соматического заболевания с внешним дефектом проявляются в снижении социальной активности и ограничении сфер социальных отношений [230].

Выводы по главе 2

В данной главе представлены на методологическом и эмпирическом уровнях ключевые для построения концепции социальной идентичности в норме и при нарушении вопросы.

Социальная идентичность, представляя собой системный феномен, определяется как осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я. Структурно-психологический подход к изучению социальной идентичности, впервые реализованный в работе, является выражением системной методологии, сменяющей доминирующую в современной науке аналитическую методологическую позицию.

Социальная идентичность имеет трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты, как в норме, так и при нарушении, характеризуется спецификой компонентного содержания, качеств когерентности и дивергентности, а также общей структурной организованности социальной идентичности на разных возрастных этапах (в подростковом возрасте, в юношеском возрасте, взрослости, старости).

Структура социальной идентичности в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструкторов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. В юношеском возрасте преобладающими являются сложные дифференцированные когнитивные конструкторы; мотивационный компонент представлен импульсивным мотивационным профилем, ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне их поведенческой реализации. В период взрослости норма социальной идентичности на уровне структурных компонентов характеризуется преобладанием сложных

дифференцированных когнитивных конструктов, прогрессивным мотивационным профилем, согласованностью системы ценностных ориентаций. На этапе старости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и несогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении.

Структура социальной идентичности при аддиктивном поведении характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей при вирулентных видах химической зависимости (от алкогольной к наркотической). На уровне статусов социальная идентичность при состоянии зависимости соответствует диффузной. Специфика структуры социальной идентичности при аддиктивных нарушениях характеризуется ее реализацией на двух не взаимосвязанных блоках, где интегрирующую роль принимает лживость и дезадаптивность. Дифференцируя аддиктивную идентичность по объектам зависимости (алкогольная, наркотическая зависимость, зависимость от курительных смесей, игровая зависимость), также выявлены специфические особенности структурной организации идентичности.

Социальная идентичность на уровне структурных компонентов при алкогольной зависимости характеризуется преобладанием простых недифференцированных когнитивных конструктов, содержательно связанных с объектом зависимости. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности представлен уплощенным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и комфорта. Ценностный компонент характеризуется несогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности и конформности. Социальная идентичность при наркотической зависимости на уровне когнитивного компонента значимо в сравнении с группой нормы

преобладают простые недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно связанные с объектным содержанием зависимости. Мотивационный компонент социальной идентичности реализуется в уплощенном мотивационном профиле со значимым преобладанием мотивации комфорта. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и уровне их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, стимуляции и конформности. Социальная идентичность при зависимости от курительных смесей на уровне когнитивного компонента значимо преобладают простые недифференцированные когнитивные конструкты, содержательно ориентированные на объект зависимости. Мотивационный компонент социальной идентичности представлен уплощенным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и комфорта. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности, традиций и конформности. При игровой зависимости (сетевые компьютерные игры) социальная идентичность на уровне когнитивного компонента характеризуется преобладанием сложных дифференцированных когнитивных конструктов, содержательно ориентированных на объект зависимости. На уровне мотивационного компонента выявлен регрессивный мотивационный профиль со значимым преобладанием мотивации поддержания комфорта и креативности, проявляющейся в разнообразии способов поиска объекта зависимости. Ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма и власти

Структура социальной идентичности при делинквентном поведении является дезинтегрированной и характеризуется преобладанием простых

недифференцированных когнитивных конструкторов на уровне когнитивного компонента. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности представлен уплощенным мотивационным профилем, свидетельствующем об общем снижении мотивации. Ценностный компонент в структуре делинквентной идентичности характеризуется, с одной стороны, рассогласованностью системы ценностных ориентаций личности, с другой – значимым преобладанием в поведении самостоятельности, гедонизма и стимуляции. Дифференцируя делинквентную идентичность по направленности деструкции (деструктивное и аутодеструктивное поведение), выявлены специфические особенности структуры социальной идентичности как на уровне компонентного состава, так и на уровне их взаимосвязи. Структура социальной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении является дезинтегрированной и дезорганизованной. На уровне когнитивного компонента в структуре социальной идентичности как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении преобладают простые когнитивные конструкторы, содержанием которых является искаженная система социальных норм и правил. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности при деструктивном поведении представлен импульсивным мотивационным профилем с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и статусной мотивации. Ценностный компонент в структуре социальной идентичности характеризуется рассогласованностью ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации с преобладанием ценностей самостоятельности, стимуляции, универсализма и традиций. При аутодеструктивном поведении мотивационный компонент в структуре социальной идентичности представлен уплощенным мотивационным профилем с преобладанием общественно полезной мотивационной направленности. Ценностный компонент в структуре социальной идентичности при аутодеструктивном поведении так же, как и при деструктивном поведении, характеризуется

рассогласованностью ценностных ориентаций на уровне представлений и реализации в поведении с преобладанием ценностей стимуляции, гедонизма и самостоятельности.

Социальная идентичность при соматической патологии (онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей) как на уровне структурных компонентов, так и на уровне организованности структуры в целом, также характеризуется специфическими особенностями с учетом нозологической принадлежности.

Социальная идентичность испытуемых с колоректальным онкологическим заболеванием на уровне структурных компонентов характеризуется простыми недифференцированными когнитивными конструктами, регрессивным мотивационным профилем, направленным на поддержание жизнедеятельности, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием стремления к переживанию ситуации болезни и сохранения благополучия своих близких. Социальная идентичность у испытуемых, перенесших мастэктомию, на уровне структурных компонентов характеризуется преобладанием простых недифференцированных когнитивных конструктов на уровне когнитивного компонента; регрессивным мотивационным профилем с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения, мотивации комфорта и мотивации общей активности на уровне мотивационного компонента; рассогласованностью ценностного компонента с преобладанием ценностей стимуляции и доброты. Социальная идентичность на уровне структурных компонентов у испытуемых с онкогематологическим заболеванием также характеризуется преобладанием простых недифференцированных когнитивных конструктов, недостаточной дифференцированностью мотивов личности, проявляющейся в уплощенном мотивационном профиле, а также рассогласованностью ценностных представлений и их поведенческой реализацией. Социальная идентичность испытуемых с ампутацией нижних конечностей на уровне структурных компонентов характеризуется простыми

недифференцированными когнитивными конструктами, регрессивным мотивационным профилем с преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения, комфорта и общей активности, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценностей универсализма, стимуляции и власти. Социальная идентичность испытуемых, перенесших ишемический инсульт, на уровне структурных компонентов характеризуется простыми недифференцированными когнитивными конструктами, уплощенным мотивационным профилем с преобладанием общественно полезной мотивации и мотивации поддержания жизнеобеспечения, а также рассогласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценностей конформности, традиций и безопасности. Учитывая специфику структуры социальной идентичности на уровне структурных компонентов, по всем нозологическим группам выявлена дезинтегрированность структурной организации социальной идентичности.

В результате всестороннего эмпирического исследования структурной организации социальной идентичности в норме и при нарушении, выявлены значимые эмпирические закономерности и выводы, которые согласуются со сформулированными теоретическими положениями. В частности установлено, что в структурной организации социальной идентичности в норме преобладающими являются показатели когерентности, что, в свою очередь, обеспечивает интегрированность структуры. При аддиктивном, делинквентном поведении, а также при соматической патологии структурная организация социальной идентичности является дезинтегрированной, о чем свидетельствует преобладание показателей дивергентности над показателями когерентности.

Глава 3. Функциональная организация социальной идентичности в норме и при нарушении

3.1. Функциональная организация социальной идентичности в норме

Изучение функциональной организации социальной идентичности в норме и при нарушении целесообразно начать с определения понятия нормы. Являясь категорией философского методологического уровня, ее содержательная наполненность соотносится с предметно-объектной областью той научной отрасли, того научного направления, в рамках которого она разрабатывается.

Норма и нарушение представляют собой две крайние точки одного континуума. Однако до настоящего момента нет единого представления о том, что есть норма и что есть нарушение, каковы их критерии.

Учитывая то, что одним из ключевых содержаний объектно-предметной области современной психологии является личность, большинство психологов рассматривают и определяют понятие нормы именно с развитием и функционированием личности. В связи с этим, одной из ключевых характеристик нормы является способность адаптироваться к социальной среде. Однако, с точки зрения ряда авторов, например Э. Фромма [306], социально-психологическая адаптация к жизни в обществе не может являться надежным критерием нормы, так как она может предполагать навязывание человеку чуждых ему ценностей и отказ от своей личности.

В. Brown [349] в своих работах определял психическую норму как способности иметь место работы, семью, не конфликтовать с законом и использовать обычные возможности для получения удовлетворения.

По мнению В.Н. Сагатовского [267], норма должна включать в себя элементарные требования биологической адаптации (определяется как норма для себя), которая бы не разрушала требования социального и психологического уровней (норма для других). Будучи недостаточно

приспособленным к среде, человек как биологический вид перешел на социальный уровень бытия, но не перестал быть биологическим видом. В соответствии с этим, появляется новая норма – удовлетворительное взаимодействие природного (биологического) и сверхприродного (социального).

Норма представляет собой динамическое состояние организма в целом (или его части на разных уровнях его организации – от субклеточного до системного уровня), оптимальным образом соответствующее выполнению эволюционно определенной функции и обеспечивающее максимальную жизнеспособность в пределах генетической нормы реакции (Б.А. Кауров) [120].

Б.С. Братусь [50] определяет норму, во-первых, как нечто среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы и, во-вторых, как наиболее приспособленное, адаптированное к окружающей среде. Конкретизируя содержание понятия психической нормы, приведем определение, данное Н.Е. Бачериковым [32] с соавторами. Психическую норму авторы определяют как индивидуальную динамическую совокупность психических свойств конкретного человека, позволяющая ему адекватносвоему возрасту, полу и социальному положению познавать окружающую действительность, адаптироваться к ней и выполнять свои биологические и социальные функции в соответствии с возникающими личными и общественными потребностями. С понятием психической нормы тесно связано понятие психического здоровья, поскольку по внутренней логике психическая норма предполагает и наличие психического здоровья, т.е. отсутствие четко определимого психического расстройства, наличие определенного функционального резерва организма, позволяющего человеку преодолевать психосоциальные стрессы и экстремальные ситуации.

Польский ученый Я. Щепаньский [326] предлагает определять как нормальную среднюю (в статистическом смысле) личность; личность, адаптировавшуюся и ведущую себя в рамках установленных социальных

критериев; целостную личность, т.е. такую, все основные элементы которой функционируют в координации с другими.

В понятие «норма» включаются не только идеальная норма, но и функциональная, социальная, индивидуальная нормы. Функциональные нормы оценивают состояние человека с точки зрения их последствий или возможности достижения определенной цели. Социальные нормы контролируют поведение человека, заставляя его соответствовать некоторому желаемому (предписанному со стороны окружения) или установленному властью образцу. Индивидуальная норма предполагает сравнение человека с состоянием, в котором он пребывал ранее и которое соответствует его личным целевым установкам, жизненным ценностям, возможностям и обстоятельствам жизни.

Любое отклонение от установленной нормы можно охарактеризовать как патологию. Под патологией обычно подразумевается нарушение на биологическом уровне функционирования организма, но в клинической психологии в содержание этого понятия также включаются и такие отклонения от нормы, в которых нет никаких биологических компонентов. В понятии «патология» акцентируется внимание на том, что нормальное состояние, функционирование или развитие личности изменяется вследствие морфо-функциональных нарушений (на уровне мозговых, психофизиологических, эндокринных биологических механизмов регуляции поведения).

Итак, общим в определении нормы является то, что она рассматривается как состояние организма, обеспечивающее выполнение своих функций и поддерживающее адаптированность к окружающей среде.

Термин «патология» также предполагает существование одной ведущей причины отклонения от нормы. Однако у одного и того же психического состояния может быть несколько противоположных причин биологического и социального происхождения. Кроме этого, в термине «патология» заметно выражен оценочный компонент, который позволяет

«навешивать» на любого человека, не соответствующего доминирующим идеальным или статистическим нормам, ярлык «больного» [252]. На социальном уровне функционирования человека норма и патология выступают в качестве состояний здоровья и болезни.

В свою очередь, нарушение представляет собой относительно стойкое отклонение функционирования организма или его части от нормы, приводящее к ограничению выполнения своих функций и уменьшающее его жизнеспособность как следствие реакции организма (или его части) на раздражители разной природы сверхпорогового уровня [120]. «Любое отклонение от установленной нормы может характеризоваться как патология. В медицинском лексиконе под патологией обычно подразумевается нарушение на биологическом уровне функционирования организма. Однако в клинической психологии в содержание понятия «патология» также включаются и такие отклонения от нормы, в которых нет никаких биологических компонентов (отсюда вполне возможно и правомерно употребление терминов «патологическая личность» или «патологическое развитие личности»). Употребление слова «патология» акцентирует внимание на том, что нормальное состояние, функционирование или развитие личности изменяется вследствие морфо-функциональных нарушений (т.е. на уровне мозговых, психофизиологических, эндокринных и иных биологических механизмов регуляции поведения)» [251].

Применительно к области психического, патология определяется тремя критериями: во-первых, масштабностью нарушений (она охватывает весь душевный склад индивида); их устойчивостью (не подвергается каким-то резким изменениям в течение всей жизни) и снижением уровня адаптивности (мешает приспособляться к окружающей среде) (А.Е. Личко) [147]. Неприспособленность к окружающей среде может являться как причиной асоциального (отклоняющегося, преступного) поведения, так и творческих поисков, успешного решения личных и общественно значимых проблемных ситуаций через переключение (сублимацию) на социально значимую

деятельность. Таким образом, если норма есть удовлетворительное биологическое и социальное функционирование, то отклонения от нее возможны в обе стороны – ухудшения и улучшения, причем состояние биологически и социально значимых характеристик может не совпадать.

Общим во всех определениях является то, что патология – это отклонение. Специфическим является то, что одни авторы считают патологией любое отклонение, а другие авторы считают патологией только стойкие функциональные отклонения.

Основные положения концепции формирования психической патологии (В.Б. Первомайский, Е.Г. Карагодина, В.Р. Илейко, Е.А. Козерацкая) следующие [119]:

- психическая патология формируется и распознается при взаимодействии субъекта со средой обитания;

- субъект, как носитель психики и сознания, обладает определенным диапазоном возможностей восприятия внешних воздействий и способностей выбора (изменения) среды обитания;

- среда обитания содержит ограниченный спектр воздействий насубъекта, которые могут быть им восприняты;

- субъект может модифицировать свое поведение в соответствии с изменением своего внутреннего состояния и среды обитания;

- превышение возможностей или способностей субъекта, как в силу их исчерпания, так и вследствие расширения диапазона внешних воздействий, формирует специфические психические проявления и поведение, ограничивающие социальное функционирование субъекта.

Таким образом, нет общепризнанных определений нормы и нарушения, а также критериев их разграничения. Ни один из рассмотренных выше критериев не является универсальным. При решении конкретных научных и практических задач исследователь может отдавать предпочтение тому или иному критерию, использовать несколько критериев сразу.

Разрабатывая проблему «психической нормы», Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сформулировала критерии психического здоровья (по В.Б. Первомайскому, Е.Г. Карагодиной, В.Р. Илейко, Е.А. Козерацкой) [119]:

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам;
- соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;
- способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;
- способность планировать и реализовывать собственную жизнедеятельность;
- способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Приведенные критерии формируют линейную модель психического здоровья, характерным признаком которой является отсутствие указаний на взаимосвязь критериев, их иерархию и степень полноты. Однако данная модель не позволяет определить, являются ли приведенные критерии исчерпывающими или их можно дополнять. Неясным остается вопрос о том, как критерии соотносятся между собой по степени обобщения отражаемой реальности, а также какое минимальное количество и каких именно критериев достаточно для констатации психического здоровья.

К.К. Платонов [239] выделяет следующие критерии нормального и отклоняющегося поведения:

- сбалансированность/несбалансированность психических процессов (на уровне свойств темперамента);

- адаптивность/неадаптивность;
- самоактуализация/нарушение процесса самоактуализации (на уровне характерологических особенностей);
- духовность/бездуховность;
- ответственность/безответственность;
- совестливость/бессовестливость (на личностном уровне).

По мнению большинства гуманистических психологов, автономность является главным критерием психического здоровья личности, ее целостности и полноты. Это понятие тяготеет к таким чертам, как жизненность и самоподдержка у Ф. Перлза [208], направляемость изнутри у Д. Рисмена [265], зрелость у К. Роджерса [253]. Самоактуализирующаяся личность автономна, независима и свободна, однако это не означает отчуждения и одиночества. В терминах Э. Фромма [306] автономность – это позитивная «свобода для» в отличие от негативной «свободы от».

Б.С. Братусь [50] описывает нормальное развитие человека как развитие, которое ведет его к обретению родовой человеческой сущности. Человеческая сущность проявляется в следующих характеристиках: отношении к другому человеку как самоценности, способности к любви и творчеству, целетворящем характере жизнедеятельности, потребности в позитивной свободе (не от чего-то, а для чего-то), способности к свободе волепроявления, внутренней ответственности перед собой и другими, обретении смысла жизни. Развитие с противоположными проявлениями будет аномальным.

Э. Фромм [306] выделяет следующие характерные черты нормы: продуктивная деятельность, т.е. созидание;связь человека с внешним миром через эмоции и переживания;постижение объективной реальности своим интеллектом;осознание собственной неповторимости при наличии связи с ближними и с другими людьми; отсутствие признания иррациональных авторитетов, но охотное подчинение рациональным; постоянное

возрождение нормального человека; нормальный человек смотрит на жизнь как на величайшее из дарованных ему благ.

Принимая за основу определение нормы, предложенное Б.С. Братусем [50], обозначим две основные характеристики – функциональность и приспособляемость к окружающей среде. Несоответствие указанным критериям следует рассматривать как патологию. В свою очередь, патология представляет собой стойкое отклонение в функционировании, приводящее к нарушению адаптации.

Таким образом, критериальное содержание континуума «норма–нарушение» системы социальной идентичности реализуется в следующих критериях: согласованность/рассогласованность структурной организации, адаптивность/неадаптивность, самоактуализация/нарушение самоактуализации, ответственность/безответственность, совестливость/бессовестливость, конструктивность/деструктивность.

Эмпирическая аргументация функциональной организации социальной идентичности в норме

Эмпирическая аргументация функциональной организации социальной идентичности в норме выстраивалась в соответствии с обозначенными критериями с учетом этапов онтогенетического развития (подростковый возраст, юношеский возраст, взрослость, старость).

Задачей данного этапа эмпирического исследования являлось представление критериальной вариабельности нормы на разных этапах онтогенетического развития.

Исследование проводилось на следующих базах: муниципальные общеобразовательные учреждения (средние общеобразовательные школы) г. Курска, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России. Исследовательскую группу на данном этапе эмпирического исследования составили 455 испытуемых, сформированные в четыре исследовательские группы по критерию возрастного этапа: подростковый возраст (12-15 лет) – 73 человека; юношеский возраст (17-22

года) – 78 человек; период взрослости (23-57 лет) – 218 человек, период старости (58-74 года) – 86 человек. Группы уравнивались по полу.

Методическое обеспечение на данном этапе эмпирического исследования включало следующие психодиагностические методики: авторская методика исследования структурной организации личностной идентичности (МИСОЛИ) В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш [186]; опросник социально-психологической адаптации СПА К. Роджерса, Р. Даймонда [253, 308]; опросник самоактуализации Э. Шострома [67]; методика диагностики враждебности по шкале Кука-Медлей [141]; методика диагностики уровня морально-этической ответственности личности (ДУМЭОЛ) К.К. Муздыбаева [176]; методика определения склонности ко лжи [327].

Качественная и количественная обработка полученных результатов осуществлялась с использованием методов описательной статистики (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение, мода, медиана, частота распределения).

Согласованность/рассогласованность структурной организации личностной идентичности определяется как системное свойство, характеризующееся соотносительностью по сходству и порядку структурных параметров личностной идентичности в психосемантическом выражении. Социально-психологическая адаптация, раскрывающая содержание критерия адаптивности/неадаптивности, понимается как перестройка системы поведения личности в соответствии с изменением требований внешней социальной ситуации (Б.Д. Парыгин) [204]. Критерием нормы социальной идентичности также является показатель самоактуализации. Ответственность как критерий нормы социальной идентичности характеризуется высоким уровнем морально-этической ответственности. Совесть как критерий нормы социальной идентичности эмпирически определялся как низкий уровень склонности ко лжи. Критерий конструктивности/деструктивности определялся с помощью шкалы враждебности (таблица 15).

Таблица 15

Содержание критериев «нормы–нарушения» социальной идентичности

Критерий	Содержание критерия
Согласованность/рассогласованность	Высокая, средняя, низкая, очень низкая степень согласованности структурой организации идентичности
Адаптивность/неадаптивность	Адаптивность, принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, доминирование
Самоактуализация/нарушение самоактуализации	Ориентация во времени, поддержка, ценностные ориентации, гибкость поведения, сензитивность, спонтанность, самоуважение, самопринятие, представление о природе человека, синергия, принятие агрессии, контактность, познавательные потребности, креативность
Ответственность/безответственность	Моральная рефлексия, нравственная интуиция, экзистенциальный аспект ответственности, альтруистические эмоции, морально-этические ценности, общий уровень морально-этической ответственности
Совестливость/бессовестливость	Уровень склонности ко лжи
Конструктивность/деструктивность	Цинизм, агрессивность, враждебность

В результате исследования критериев нормы социальной идентичности выявлены следующие тенденции: высокий уровень согласованности структурной организации личностной идентичности, характеризующий сбалансированность психических процессов ($x \pm \sigma = 34,7 \pm 4,92$) (таблица 16).

Таблица 16

Значения средних тенденций уровня выраженности согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности на разных этапах онтогенеза

	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период геронтогенеза
Среднее значение (X)	17,2	26,8	34,7	18,6
Стандартное отклонение (σ)	2,94	3,18	4,92	2,07
Минимальное значение (min)	12	16	21	14
Максимальное значение (max)	21	34	42	22

Социально-психологическая адаптация, раскрывающая содержание критерия адаптивности/неадаптивности, понимается как перестройка системы поведения личности в соответствии с изменением требований внешней социальной ситуации. Средний уровень социально-психологической адаптированности ($x \pm \sigma = 61,4 \pm 5,73$), обеспечиваемый высоким уровнем самопринятия ($x \pm \sigma = 54,3 \pm 5,12$), принятия других ($x \pm \sigma = 52,5 \pm 3,87$) и эмоционального комфорта ($x \pm \sigma = 68,1 \pm 5,27$) (таблица 17).

Таблица 17

Значения средних тенденций показателей социально-психологической адаптации на разных этапах онтогенеза

		Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период геронтогенеза
Адаптивность	Среднее значение (X)	51,3	64,8	61,4	49,6
	Стандартное отклонение (σ)	6,27	4,92	5,73	4,38

	Минимальное значение (min)	34	35	41	27
	Максимальное значение (max)	64	76	69	51
Принятие себя	Среднее значение (X)	48,1	52,4	54,3	53,9
	Стандартное отклонение (σ)	3,84	4,27	5,12	4,48
	Минимальное значение (min)	31	34	36	39
	Максимальное значение (max)	52	57	63	61
Принятие других	Среднее значение (X)	54,7	51,3	52,5	49,6
	Стандартное отклонение (σ)	4,29	3,64	3,87	2,98
	Минимальное значение (min)	31	29	32	27
	Максимальное значение (max)	61	56	58	56
Эмоциональный комфорт	Среднее значение (X)	62,6	64,4	68,1	61,2
	Стандартное отклонение (σ)	4,37	4,21	5,27	5,18
	Минимальное значение (min)	26	31	34	36
	Максимальное значение (max)	68	69	75	68
Интернальность	Среднее значение (X)	44,6	54,3	58,5	57,2
	Стандартное отклонение (σ)	4,63	5,18	4,29	4,37
	Минимальное значение (min)	33	36	39	41

	Максимальное значение (max)	51	62	64	65
Доминирование	Среднее значение (X)	48,4	42,1	40,6	41,4
	Стандартное отклонение (σ)	3,27	4,21	3,14	2,96
	Минимальное значение (min)	30	24	28	26
	Максимальное значение (max)	53	46	45	45

Следующим критерием нормы социальной идентичности является показатель самоактуализации, характеризующийся высоким уровнем ориентации во времени ($x \pm \sigma = 14,4 \pm 2,78$), обеспечивающей целостность временной перспективы личности во взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, а также высокими показателями поддержки ($x \pm \sigma = 73,1 \pm 11,34$), указывающими на независимость собственных целей, ценностей, убеждений, которые отражают содержание социальной идентичности, при отсутствии конфронтации с групповыми нормами и ценностями (таблица 18).

Таблица 18

Значения средних тенденций показателей самоактуализации
на разных этапах онтогенеза

		Ориентации во времени	Поддержка	Ценностные ориентации	Гибкость поведения	Сензитивность	Спонтанность	Самоуважение	Самоприятие	Представление о природе человека	Синергия	Принятие агрессии	Контактность	Познавательные потребности	Креативность
Подростковый возраст	Среднее значение (X)	9,8	61,4	8,3	10,2	8,2	9,1	9,4	16,3	4,3	2,2	12,7	16,3	5,2	8,3
	Стандартное отклонение (σ)	2,94	13,22	2,26	1,94	2,38	3,16	2,11	3,17	0,87	0,19	2,02	1,19	1,67	2,37
	Минимальное значение (min)	4	31	4	5	3	3	3	5	0	0	4	5	2	2

	Максимальное значение (max)	15	82	16	18	12	13	14	20	7	5	15	18	9	12
Юношеский возраст	Среднее значение (X)	12,1	64,7	12,4	14,4	6,1	7,3	9,9	17,1	5,2	3,1	10,4	15,7	6,4	9,1
	Стандартное отклонение (σ)	2,13	11,26	2,19	1,67	1,22	2,03	1,57	3,64	1,08	0,37	2,51	3,17	1,17	2,07
	Минимальное значение (min)	3	30	5	5	3	4	3	3	0	0	4	4	0	2
	Максимальное значение (max)	15	79	16	17	10	10	12	21	7	4	13	19	9	12
Период взрослости	Среднее значение (X)	14,4	73,1	16,2	16,3	5,8	6,2	11,2	18,4	6,7	4,7	10,6	16,7	7,2	9,7
	Стандартное отклонение (σ)	1,19	13,20	2,11	3,11	1,17	0,92	3,15	2,38	1,03	0,64	1,67	2,13	1,15	2,34
	Минимальное значение (min)	3	34	3	4	3	3	3	3	0	0	4	5	0	0
	Максимальное значение (max)	15	79	16	17	10	10	12	21	7	4	13	19	9	12
Период геронтогенеза	Среднее значение (X)	14,9	71,6	16,7	14,2	7,9	6,7	12,3	16,3	5,4	3,6	9,3	14,3	7,1	12,2
	Стандартное отклонение (σ)	1,07	11,3	2,11	2,18	2,05	1,15	2,17	2,12	1,03	0,19	2,12	2,17	2,11	1,18
	Минимальное значение (min)	5	33	5	4	3	2	3	5	0	0	4	5	0	1
	Максимальное значение (max)	17	84	19	17	11	9	15	19	7	4	13	19	9	14

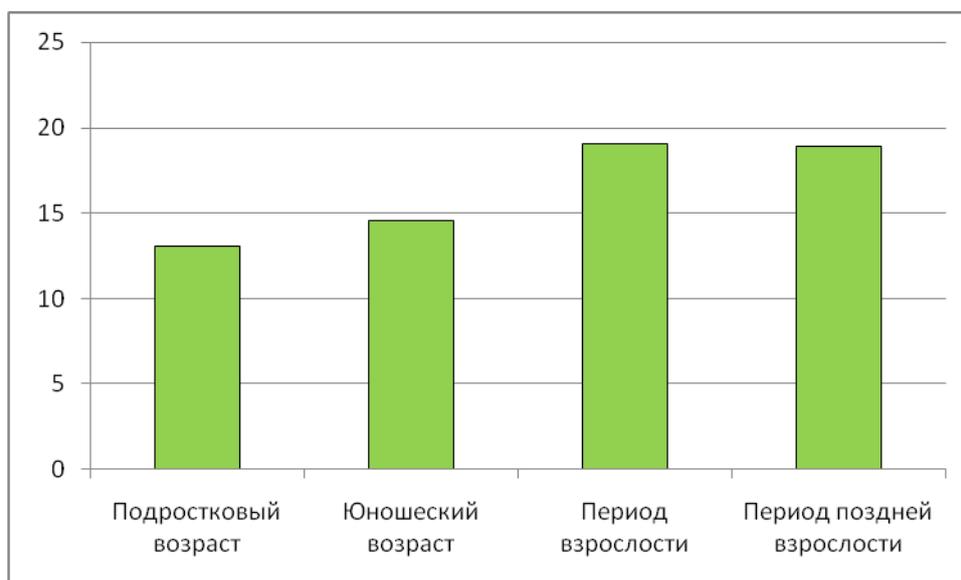
Ответственность как критерий нормы социальной идентичности характеризуется высоким уровнем морально-этической ответственности ($x \pm \sigma = 19,4 \pm 2,18$), который проявляется в высокой рефлексивности, альтруистических эмоциях и морально-этических ценностях (таблица 19, рис. 44).

Таблица 19

Значения средних тенденций показателей морально-этической ответственности на разных этапах онтогенеза

		Моральная рефлексия	Нравственная интуиция	Экзистенциальный аспект ответственности	Альтруистические эмоции	Морально-этические ценности
Подростковый возраст	Среднее значение (X)	2,4	3,1	2,2	2,8	2,6
	Стандартное отклонение (σ)	0,37	0,29	0,36	0,54	0,22
	Минимальное значение (min)	0	0	0	0	0
	Максимальное значение (max)	5	5	5	5	5
Юношеский возраст	Среднее значение (X)	2,8	3,3	2,6	2,8	3,1
	Стандартное отклонение (σ)	0,31	0,29	0,41	0,53	0,39
	Минимальное значение (min)	0	0	0	0	0
	Максимальное значение (max)	5	5	5	5	5
Период взрослости	Среднее значение (X)	3,7	3,8	4,1	3,6	3,9
	Стандартное отклонение (σ)	0,29	0,31	0,44	0,35	0,44
	Минимальное значение (min)	0	0	0	0	0
	Максимальное значение (max)	5	5	5	5	5

Период поздней взрослости	Среднее значение (X)	3,8	3,2	3,9	3,7	3,7
	Стандартное отклонение (σ)	0,36	0,27	0,29	0,31	0,22
	Минимальное значение (min)	0	0	0	0	0
	Максимальное значение (max)	5	5	5	5	5

Рисунок - 44 Гистограмма средних значений уровня морально-этической ответственности на разных возрастных этапах

Совестливость как критерий нормы социальной идентичности эмпирически определялся как низкий уровень склонности ко лжи ($x \pm \sigma = 29,2 \pm 5,16$), что проявляется в приукрашивании себя, своего поведения и поступков в границах установленных социальных норм.

Критерий конструктивности/деструктивности определялся с помощью шкалы враждебности, в результате чего в группе нормы были получены низкие показатели по шкалам: цинизма ($x \pm \sigma = 14,5 \pm 2,26$), агрессивности ($x \pm \sigma = 11,3 \pm 2,18$) и собственно враждебности ($x \pm \sigma = 8,1 \pm 1,57$) (таблица 20).

Таблица 20

Значения средних тенденций показателей враждебности на разных
этапах онтогенеза

		Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период поздней взрослости
Цинизм	Среднее значение (X)	18,7	15,9	14,5	12,2
	Стандартное отклонение (σ)	4,36	3,81	2,26	1,94
	Минимальное значение (min)	11	8	9	7
	Максимальное значение (max)	38	24	27	26
Агрессивность	Среднее значение (X)	12,6	10,2	11,3	9,7
	Стандартное отклонение (σ)	2,38	2,56	2,18	1,94
	Минимальное значение (min)	5	4	3	4
	Максимальное значение (max)	15	14	14	12
Враждебность	Среднее значение (X)	9,8	7,9	8,1	12,2
	Стандартное отклонение (σ)	3,24	2,46	1,57	3,64
	Минимальное значение (min)	3	3	4	4
	Максимальное значение (max)	14	12	12	17

Таким образом, в качестве критериев нормы социальной идентичности выступают следующие показатели: высокий уровень согласованности структурной организации личностной идентичности; адаптивность,

проявляющаяся в самопринятии, социальном принятии и эмоциональном комфорте; самоактуализация, реализующаяся в целостности временной перспективы личности, а также высокий уровень морально-этической ответственности и низкая склонность ко лжи (таблица 21).

Критерии нормы социальной идентичности на разных возрастных этапах

Критерии	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период поздней взрослости
Согласованность/ рассогласованность	Средний с тенденцией к высокому уровню согласованности структурной организации идентичности.	Высокий уровень согласованности структурной организации идентичности.		Средний с тенденцией к высокому уровню согласованности структурной организации идентичности.
Адаптивность/ неадаптивность	Средний уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в принятии себя и других, эмоциональном комфорте.			
Самоактуализация/ нарушение самоактуализации	Средний уровень самоактуализации проявляется через поддержку, самопринятие и контактность.	Средний уровень самоактуализации проявляется через поддержку, гибкость поведения, самопринятие и контактность.	Высокий уровень самоактуализации проявляется в ориентации во времени, поддержке, гибкости поведения, самопринятии, а также высокой контактности и принятии групповых ценностей.	Высокий уровень самоактуализации проявляется через поддержку, принятие групповых ценностей, самопринятие.
Ответственность/ безответственность	Средний уровень морально-этической ответственности, проявляющийся через реализацию альтруистических эмоций и нравственную интуицию.	Средний уровень морально-этической ответственности, реализующийся через морально-этические ценности и нравственную интуицию.	Высокий уровень морально-этической ответственности поддерживается нравственной интуицией, морально-этическими ценностями и экзистенциальной ответственностью.	Высокий уровень морально-этической ответственности обеспечивается моральной рефлексией и экзистенциальной ответственностью.
Совестливость/ бессовестливость	Низкий уровень склонности ко лжи.			
Конструктивность/ деструктивность	Высокий уровень враждебности, агрессивности и цинизма.			

Эмпирическая аргументация критериального содержания континуума «норма–нарушение» на структурном уровне системы социальной идентичности

Оценка критериального содержания континуума «норма – нарушение» на структурном уровне системы социальной идентичности на разных этапах онтогенеза (в подростковом возрасте, юношеском возрасте, периодах взрослости и геронтогенеза) осуществлялась с использованием процедуры корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$) по каждой возрастной группе.

В результате корреляционного анализа показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания в подростковом возрасте выявлены прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи между показателями простых когнитивных конструкторов с низкой согласованностью структурной организации ($r=0,38$), ориентацией во времени ($r=0,42$), гибкостью поведения ($r=0,48$), креативностью ($r=0,44$); статусной мотивацией со стремлением к доминированию ($r=0,51$) и спонтанностью ($r=0,41$); мотивацией комфорта и самопринятием ($r=0,51$); коммуникативной мотивацией и сензитивностью ($r=0,52$); ценностями традиций и склонностью ко лжи ($r=0,46$); ценностями стимуляции с агрессивностью ($r=0,36$) и познавательными потребностями ($r=0,41$); ценностью безопасности и враждебностью ($r=0,49$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями коммуникативной мотивации и интернальностью ($r=-0,37$); ценностями гедонизма и уровнем морально-этической ответственности ($r=-0,44$); а также ценностями безопасности и цинизмом ($r=-0,51$) (рис. 45).

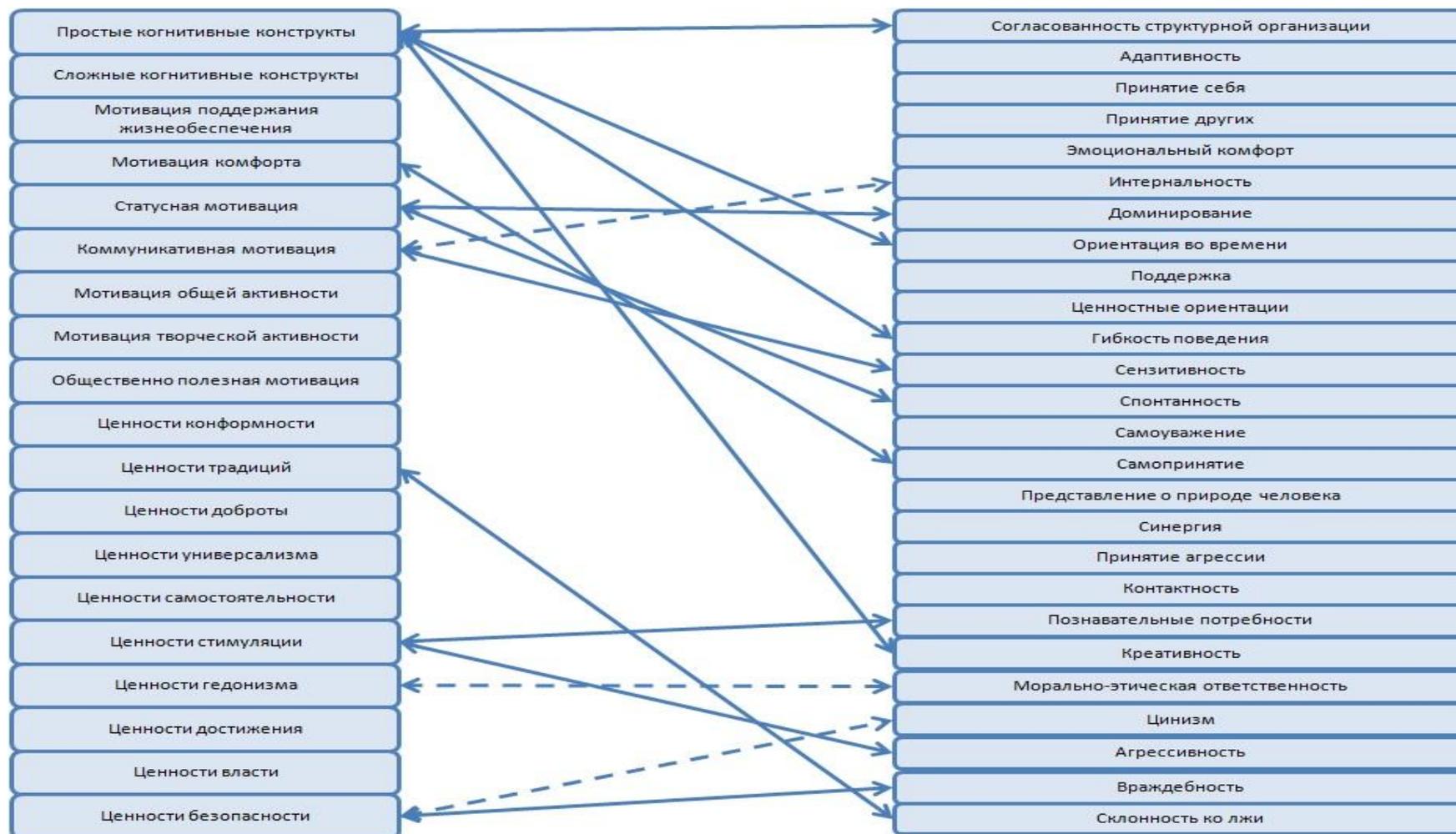

Рисунок - 45 **Корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания в подростковом возрасте**

В юношеском возрасте корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания на уровне когнитивного компонента характеризуется прямо пропорциональными статистически значимыми взаимосвязями между показателями сложных когнитивных конструкторов с согласованностью структурной организации ($r=0,41$), ориентацией во времени ($r=0,52$), гибкостью поведения ($r=0,38$), самоуважением ($r=0,44$), самопринятием ($r=0,56$), креативностью ($r=0,47$); обратно пропорциональными взаимосвязями между простыми когнитивными конструкторами и адаптивностью ($r=-0,57$). На уровне мотивационного компонента, проявляющегося через импульсивный мотивационный профиль, выявлены прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи между мотивацией комфорта и сензитивностью ($r=0,42$); коммуникативной мотивацией и контактностью (сензитивностью ($r=0,49$); творческой мотивацией и познавательными потребностями ($r=0,42$); обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи между показателями коммуникативной мотивации и интернальностью ($r=-0,48$). На уровне ценностного компонента прямо пропорциональные взаимосвязи на высоком уровне статистической значимости выявлены между ценностями самостоятельности и принятием других ($r=0,47$); ценностями стимуляции и познавательными потребностями ($r=0,52$); ценностями власти и уровнем морально-этической ответственности ($r=0,39$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями ценностей комфорта и контактности ($r=-0,41$); ценностями традиций и агрессивностью ($r=-0,47$); ценностями безопасности и цинизмом ($r=-0,53$) (рис. 46).

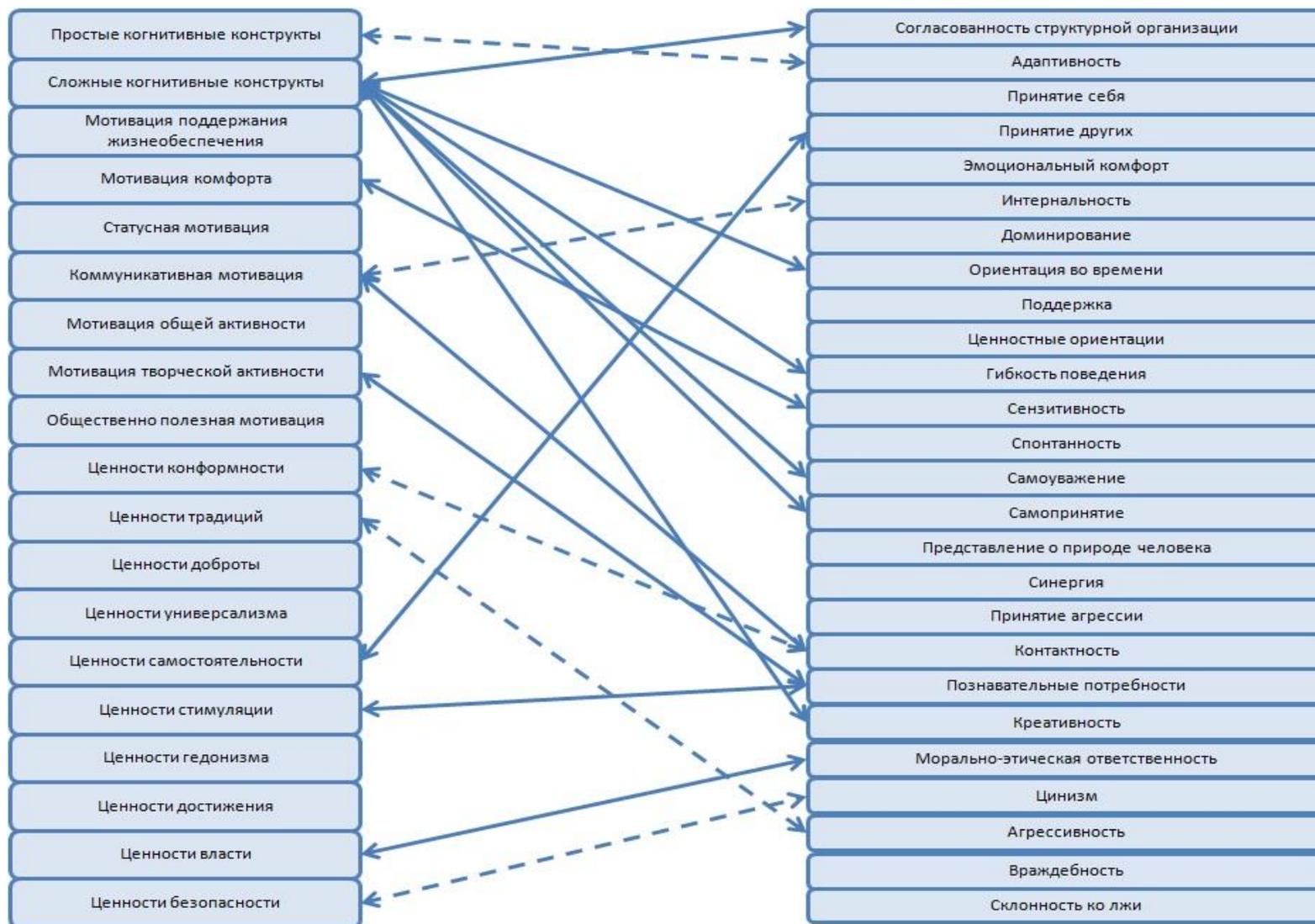
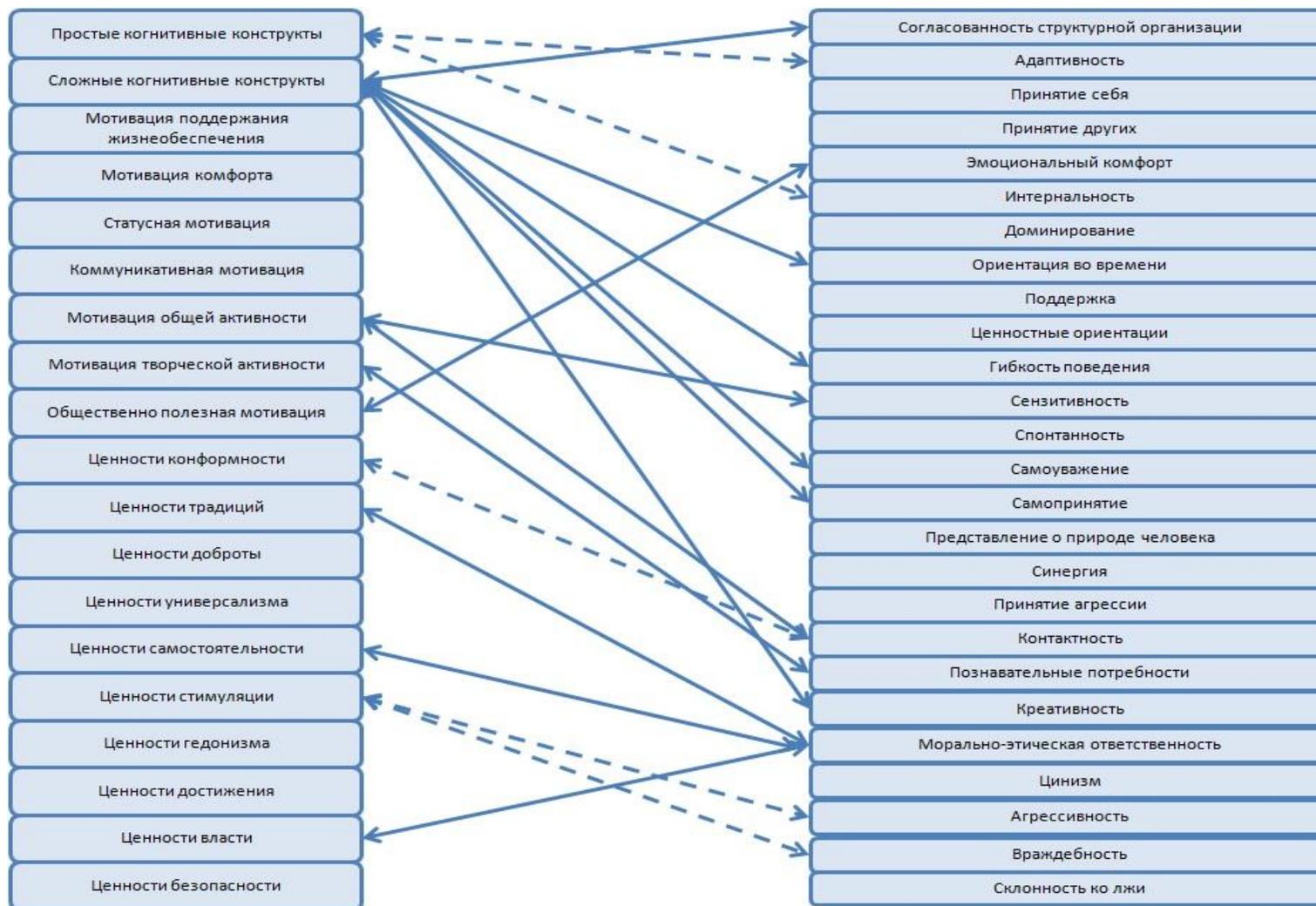

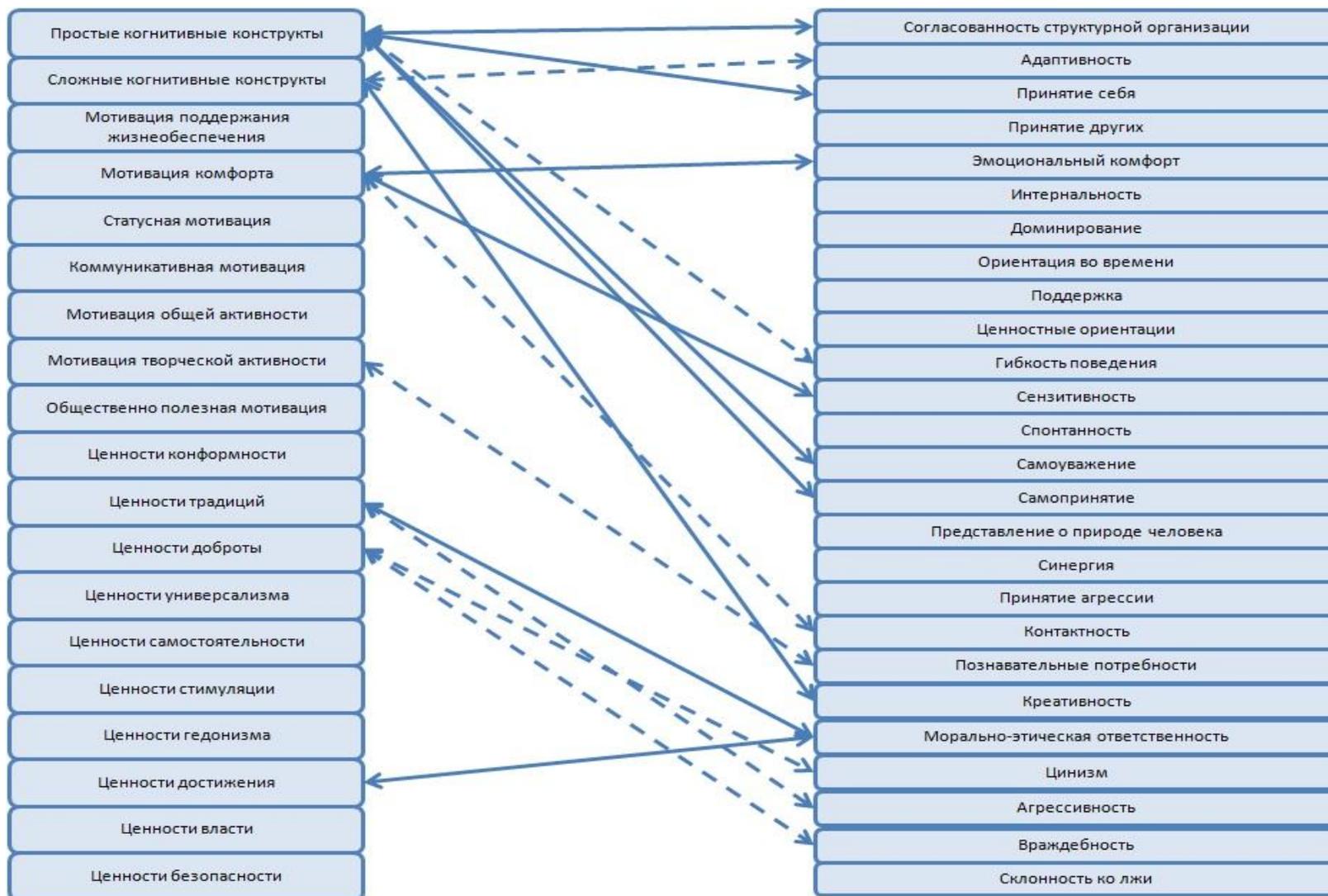
Рисунок - 46 **Корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания в юношеском возрасте**

На этапе взрослости структура взаимосвязей показателей компонентов социальной идентичности и критериального содержания на уровне когнитивного компонента характеризуется прямо пропорциональными статистически значимыми взаимосвязями между показателями сложных когнитивных конструкторов с согласованностью структурной организации ($r=0,49$), ориентацией во времени ($r=0,54$), гибкостью поведения ($r=0,42$), самоуважением ($r=0,39$), самопринятием ($r=0,51$), креативностью ($r=0,38$); обратно пропорциональными взаимосвязями между показателями простых когнитивных конструкторов с адаптивностью ($r=-0,34$) и интернальностью ($r=-0,41$). На уровне мотивационного компонента, проявляющегося через прогрессивный мотивационный профиль, выявлены прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи между показателями общей мотивационной активности с сензитивностью ($r=0,51$) и контактностью ($r=0,49$); мотивацией творческой активности и познавательными потребностями ($r=0,37$); общественно полезной мотивацией и эмоциональным комфортом ($r=0,42$). На уровне ценностного компонента прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между уровнем морально-этической ответственности с ценностями самостоятельности ($r=0,39$), традиций ($r=0,57$) и власти ($r=0,43$); обратно пропорциональные взаимосвязи на высоком уровне статистической значимости выявлены между ценностями стимуляции с агрессивностью ($r=-0,41$) и враждебностью ($r=-0,52$); ценностями конформности и контактности ($r=-0,36$) (рис. 47).

Рисунок - 47 Корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания в период взрослости

В период старости корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания на уровне когнитивного компонента характеризуется прямо пропорциональными статистически значимыми взаимосвязями между показателями простых когнитивных конструкторов с согласованностью структурной организации ($r=0,37$), принятием себя ($r=0,46$), самоуважением ($r=0,51$), самопринятием ($r=0,42$); показателями сложных когнитивных конструкторов и креативности ($r=0,44$); обратно пропорциональные взаимосвязи на высоком уровне статистической значимости выявлены между простыми когнитивными конструкторами и гибкостью поведения ($r=-0,41$); а также сложными когнитивными конструкторами и адаптивностью ($r=-0,52$). На уровне мотивационного компонента, реализующегося через экспрессивный мотивационный профиль, прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между мотивацией комфорта с эмоциональным комфортом ($r=0,43$) и сензитивностью ($r=0,52$); обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями мотивации комфорта и контактности ($r=-0,41$); мотивацией творческой активности и познавательными потребностями ($r=-0,57$). На уровне ценностного компонента прямо пропорциональные взаимосвязи на высоком уровне статистической значимости выявлены между показателем уровня морально-этической ответственности с ценностями традиций ($r=0,61$) и ценностями достижения ($r=0,64$); обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между ценностями доброты с показателями цинизма ($r=-0,36$) и враждебности ($r=-0,43$); между ценностями традиций и агрессивностью ($r=-0,47$) (рис. 48).

Рисунок - 48 Корреляционная структура взаимосвязей показателей структурных компонентов социальной идентичности и критериального содержания в период поздней взрослости

3.2. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при аддиктивном поведении

Исследования аддиктивной идентичности, представляющей собой нарушение социальной идентичности, в структурно-критериальном аспекте обусловлены, с одной стороны, увеличением своей распространенности и дифференцированности в условиях современной реальности. С другой стороны, возрастание распространенности и дифференцированности феномена аддиктивной идентичности сопровождается невысокой исследовательской активностью типичности и специфичности проявлений данного феномена.

Осуществив запрос в системе научной электронной библиотекиLibrary по ключевым словам «социальная идентичность» за период 2006-2016, очевидно фиксируем противоречие: за последние 10 лет количество научных публикаций увеличилось в 7,8 раза, а количество исследований по всем видам нарушений идентичности (аддиктивной, делинквентной и т.д.) составляет не более 1% (работы К.В. Злоказова [97, 98, 99, 100]; Е.В. Руденского, О.А. Викторовой [261, 262]; И.С. Мякотина [178]; И.Ю. Суворовой [293]; G. Reith, [394]; M.D. Litt, R.M. Kadden, H. Tennen, [374]; M. Beckwith, D. Best, D. Lubman, G. Dingle, C. Perryman, [345]).

На теоретическом уровне при многообразии теорий и подходов к изучению феномена социальной идентичности проявляется тенденция отсутствия согласованности критериев нарушения социальной идентичности (психодинамический подход – Дж. Марсиа, А. Ватерман; когнитивно-бихевиоральный подход – Х. Тэджфел, Дж. Тернер; структурный подход – Дж. Келли, А.С. Waterman, G.M. Breakwell, Т.Г. Стефаненко, Н.Л. Иванова, В.Б. Никишина, Е.А. Петраш; феноменологический подход – Г. Гарфинкель, Э. Гоффман, L. Krappmann). Изучению нарушений социальной идентичности посвящены работы К.В. Злоказова; Е.В. Руденского, О.А. Викторовой и др.

Обобщая и систематизируя опыт критеризации нормы и нарушения психологического, нами сформирован в дихотомической логике перечень

критериев, которые соотнесены, в свою очередь, с идеей дифференциации нарушений социальной идентичности по отношению к реальности (Н. Пезешкиан) [205]. Таким образом, выделены три группы нарушений социальной идентичности: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (аддиктивная идентичность); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (делинквентная идентичность); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии). Аддиктивная идентичность как нарушение социальной идентичности характеризуется способом ухода от реальности, проявляется как на уровне структуры диффузностью и дезорганизованностью, так и на уровне критериально-феноменологическом: рассогласованностью структурной организации; дезадаптивностью; нарушением самоактуализации; безответственностью; бессовестливостью (лживостью); деструктивностью.

В научных работах аддиктивное поведение и аддиктивную идентичность дифференцируют по объекту зависимости с выделением химического и физического вариантов, при том что каждая из групп имеет внутреннюю дифференциацию: химическая зависимость включает в себя алкогольную, наркотическую зависимость, зависимость от курительных смесей; физическая зависимость включает игровую, компьютерную зависимость и др.

Критериальный подход к социальной идентичности формировался на теоретических положениях К.К. Платонова [239], который выделил следующие критерии нормы/отклонения: согласованность/рассогласованность, адаптивность/неадаптивность, самоактуализация/нарушение самоактуализации, ответственность/безответственность, совестливость/бессовестливость, конструктивность/деструктивность (таблица 22).

Критерии «нормы–нарушения» социальной идентичности:
содержательно-методический анализ

Критерий	Характеристика	Инструментально-диагностическое содержание критерия
Согласованность/ рассогласованность	Системное свойство, характеризующееся соотношенностью структурных компонентов идентичности в их взаимосвязях.	Методика исследования структурной организации личностной идентичности (МИСОЛИ) (Никишина В.Б., Петраш Е.А.). Высокая, средняя, низкая, очень низкая степень согласованности структурой организации идентичности.
Адаптивность/ неадаптивность	Свойство системы, проявляющееся в способности к изменениям в соответствии с требованиями внешней социальной ситуации.	Опросник социально-психологической адаптации (Роджерс К., Даймонд Р.). Адаптивность.
Самоактуализация/ нарушение самоактуализации	Свойство, проявляющееся в стремлении к максимально возможному выявлению и развитию своих потребностей и возможностей.	Опросник самоактуализации (Шостром Э.). Ориентация во времени, самоуважение, креативность.
Ответственность/ безответственность	Свойство, проявляющееся в способности отвечать за свои действия и поступки и их моральная оценка.	Методика диагностики уровня морально-этической ответственности личности (ДУМЭОЛ) (Муздыбаев К.К.). Общий уровень морально-этической ответственности.
Совестливость/ бессовестливость (лживость)	Свойство принимать ответственность за свои действия и поступки.	Методика определения склонности ко лжи (Экман П.). Уровень склонности ко лжи.
Конструктивность/ деструктивность	Свойство, проявляющееся в отсутствии направленности на причинение вреда другим или себе.	Шкала враждебности (Кука-Медлей). Враждебность.

*Эмпирическая аргументация дифференциации нарушений функционирования
социальной идентичности при аддикции*

Общий объем выборки составил 239 человек (128 мужчин и 111 женщин) в возрасте 26-54 года (средний возраст составил 35,14±4,62 лет). В экспериментальную группу вошли 189 человек с аддикцией. В контрольную группу вошли 50 испытуемых, имеющих заключение «здоров» по

результатам прохождения процедуры профосмотра и психологического исследования структурной организации социальной идентичности.

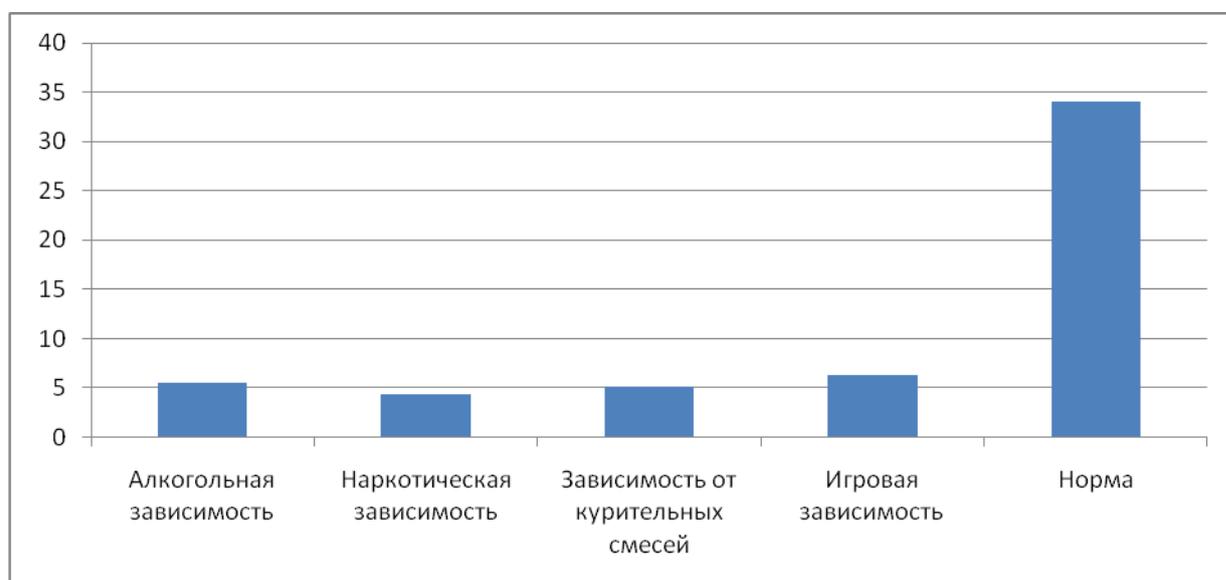
В соответствии с целью исследования экспериментальная группа была разделена на четыре исследовательские выборки по критерию объекта зависимости: 55 человек с алкогольной зависимостью (F10.2 «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя – синдром зависимости» по МКБ-10) [160]; 41 человек с наркотической (опиоидной) зависимостью (F11.2 – «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиоидов – синдром зависимости» по МКБ-10); 39 человек с зависимостью от курительных смесей (F19.2 «Психические и поведенческие расстройства, вызванные одновременным употреблением нескольких наркотических средств и использованием других психоактивных веществ – синдром зависимости» по МКБ-10); 54 человека с игровой зависимостью (F63.0 «Патологическое влечение к азартным играм» по МКБ-10). Эмпирическое исследование осуществлялось на базе Курского областного наркологического диспансера на условиях информированного согласия.

Количественная и качественная обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение), сравнительной статистики – непараметрических критериев (U-критерий Манна-Уитни), многомерной статистики (факторный анализ с varimax-вращением).

Организация исследования осуществлялась последовательно в два этапа. На первом этапе проводилась количественно-качественная оценка структуры и критериев нарушения социальной идентичности при аддикции (через попарное сравнение каждого вида зависимости с группой нормы). Завершающим этапом исследования являлась оценка факторной структуры критериев аддиктивной идентичности с учетом объекта зависимости.

Анализируя полученные результаты, установлено, что вне зависимости

от объекта зависимости на уровне критериальных оценок выявлен низкий уровень согласованности/рассогласованности структурной организации аддиктивной идентичности в сравнении с группой нормы (рис. 49).

Рисунок - 49 Гистограмма значений согласованности/рассогласованности структуры аддиктивной идентичности по объекту зависимости

Рассогласованность структурной организации аддиктивной идентичности как при химической, так и при нехимической зависимости характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивостью системы ценностных ориентаций, а также низким уровнем рефлексивности и самостоятельности.

При исследовании критериев проявления аддиктивной идентичности вне зависимости от объекта типизирующими проявлениями являются бессовестливость, проявляющаяся в высокой склонности ко лжи; дезадаптивность, проявляющаяся в общей дезадаптивности и непринятии других; нарушение самоактуализации, проявляющееся во временной дезориентации, ригидности поведения и низкой сензитивности; а также деструктивность, проявляющаяся в высоком уровне враждебности (таблица 23).

Таблица 23

Показатели средних значений критериев аддиктивной идентичности ($\bar{x} \pm \sigma$)

Критериальное содержание	Показатель средних значений			
	Алкогольная зависимость	Наркотическая зависимость	Зависимость от курительных смесей	Игровая зависимость
Согласованность структурной организации	12,6±2,18	9,34±1,92	13,1±3,16	12,9±2,57
Адаптивность	37,54±3,26	31,48±3,54	34,52±2,96	36,78±4,12
Ориентация во времени	7,6±1,92	5,16±1,54	6,29±1,73	7,12±2,05
Самоуважение	8,21±1,96	6,34±2,15	6,98±2,54	7,14±2,68
Креативность	7,4±2,12	5,69±1,37	6,12±2,44	6,94±2,15
Морально-этическая ответственность	12,42±2,19	10,34±2,57	11,02±2,30	11,38±2,54
Склонность ко лжи	6,2±0,94	4,7±0,49	5,18±1,06	5,82±1,14
Враждебность	26,1±4,59	28,05±5,83	27,16±6,14	26,92±6,12

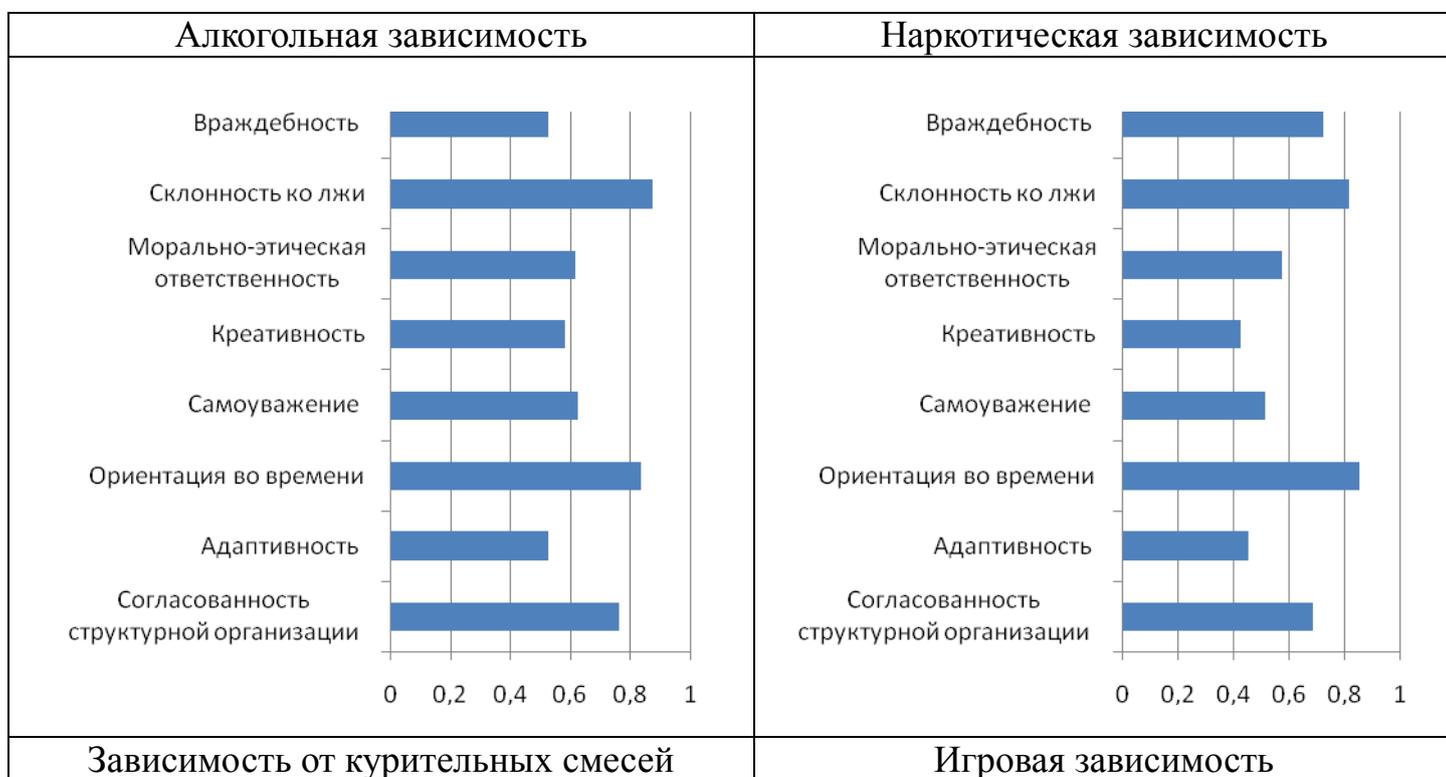
Специфицирующими проявлениями критериев аддиктивной идентичности при алкогольной зависимости являются низкий уровень эмоционального комфорта, интернальности и доминирования, раскрывающих содержание критерия неадаптивности. Нарушение самоактуализации как критерий аддиктивной идентичности при алкогольной зависимости реализуется в низком самоуважении, а также отсутствии познавательных потребностей и креативности. Специфическими проявлениями критериев аддиктивной идентичности при наркотической зависимости являются низкая синергия, проявляющаяся в нарушении целостности восприятия мира и себя, а также высокий уровень принятия агрессии как содержание критерия нарушения самоактуализации (таблица 24).

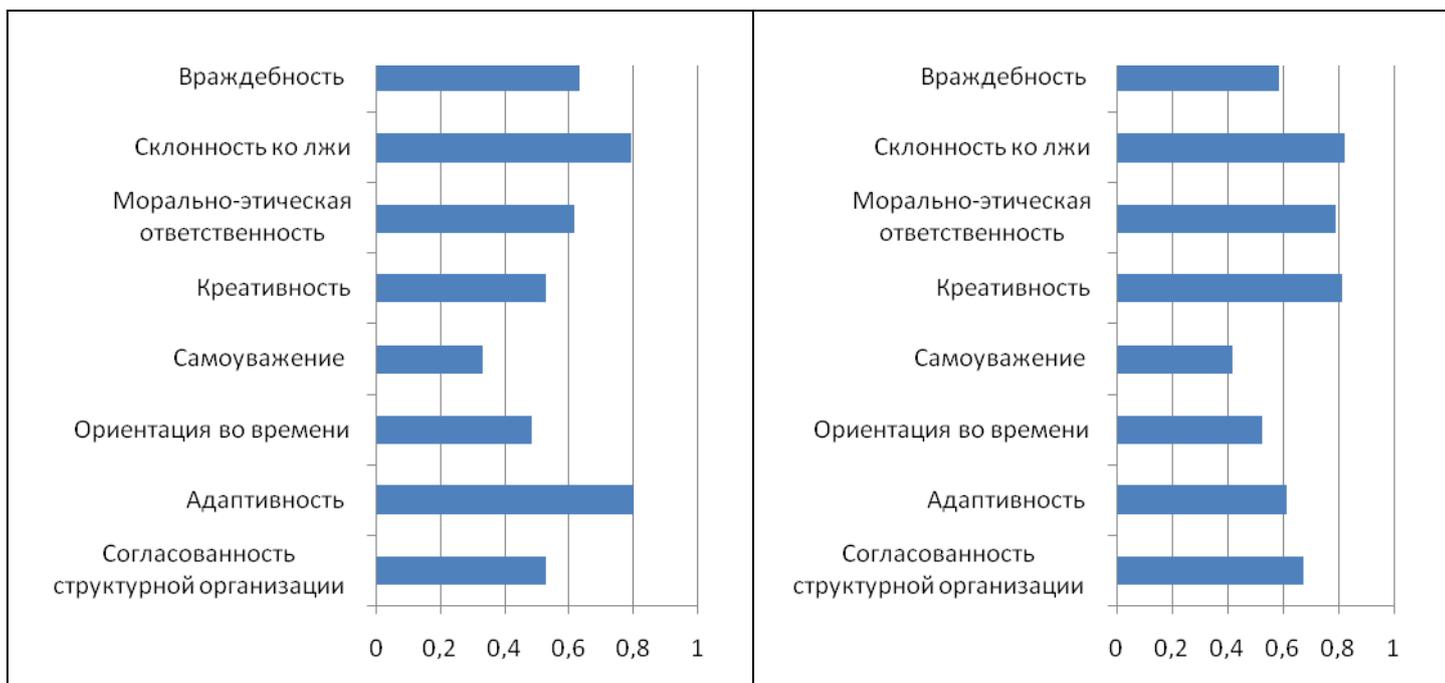
Эмпирическое обобщение критериеваддиктивной идентичности

Критерии	Химическая зависимость			Игровая зависимость
	Алкогольная зависимость	Наркотическая зависимость	Зависимость от курительных смесей	
Адаптивность / дезадаптивность	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в непринятии других, экстернальности при эмоциональном комфорте.	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в непринятии себя и других, интернальности.	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в непринятии себя и других, интернальности, эмоциональном комфорте.	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в стремлении к доминированию, принятию других, экстернальности.
Самоактуализация / нарушение самоактуализации	Нарушение самоактуализации проявляется в дезориентации во времени, ригидности поведения, низкой сензитивности по отношению к окружающим.			
	Низкая сензитивность по отношению к себе.	Высокий уровень принятия агрессии, низкая синергия.	Высокое самоуважение, выраженность познавательных потребностей, креативности в поиске объекта удовлетворения патологического влечения.	
	Отсутствие познавательной потребности и креативности.			
Ответственность / безответственность	Низкий уровень морально-этической ответственности, проявляющийся в снижении альтруистических эмоций и морально-этических ценностей.			
Совестливость / бессовестливость	Высокий уровень склонности ко лжи.			
Конструктивность / деструктивность	Высокий уровень враждебности и агрессивности.		Высокий уровень враждебности и цинизма.	

При зависимости от курительных смесей специфическими проявлениями критериев аддиктивной идентичности являются высокое самоуважение, а также выраженные познавательные потребности и креативность в поиске объекта удовлетворения патологического влечения как содержание критерия нарушения самоактуализации. При игровой зависимости специфическим проявлением на уровне содержания критерия неадаптивности является стремление к доминированию и экстернальность; на уровне критерия нарушения самоактуализации – высокое самоуважение и выраженность познавательных потребностей.

Для определения иерархичности в распределении критериев аддиктивной идентичности оценка факторной структуры критериев аддиктивной идентичности с учетом объекта зависимости осуществлялась с использованием метода факторного анализа с varimax-вращением ($p < 0,05$). Для графического представления полученных результатов использовались значения показателей первого фактора с основной факторной нагрузкой (рис. 50).

Рисунок - 50 Факторная структура критериев аддиктивной идентичности по объекту зависимости

При алкогольной зависимости факторная структура критериев аддиктивной идентичности характеризуется преобладанием склонности ко лжи, дезориентацией во времени как проявлением нарушения самоактуализации, что обеспечивает дезинтегрированность структурной организации аддиктивной идентичности. При наркотической зависимости в факторной структуре преобладающими являются критерии бессовестливости (проявляющейся в склонности ко лжи), враждебности, а также нарушения самоактуализации (проявляющиеся в дезориентации во времени). При зависимости от курительных смесей в качестве ключевых критериев аддиктивной идентичности, характеризующейся дезинтегрированностью структурной организации, выступают бессовестливость и дезадаптивность. При игровой зависимости несогласованность структурной организации аддиктивной идентичности реализуется в критериальных оценках бессовестливости (проявляющейся в склонности ко лжи), безответственности, а также нарушении самоактуализации, проявляющемся через показатель креативности.

Аддиктивная идентичность на структурном уровне вне зависимости от объекта зависимости характеризуется рассогласованностью структурной организации, проявляющейся в низком уровне выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивости системы ценностных ориентаций, низком уровне рефлексивности и самостоятельности. Типизирующими критериями аддиктивной идентичности при химической и физической зависимости выступают бессовестливость (как склонность ко лжи), нарушение самоактуализации, а также деструктивность как проявление враждебности.

Специфицирующими критериями аддиктивной идентичности при алкогольной зависимости являются низкий уровень принятия других, эмоциональный дискомфорт, интернальность, отсутствие стремления к доминированию, характеризующие содержание критерия неадаптивности; низкое самоуважение, отсутствие познавательных потребностей и креативности, характеризующие нарушение самоактуализации. При наркотической зависимости специфицирующими критериями аддиктивной идентичности являются низкая синергия и высокий уровень принятия агрессии как содержание критерия нарушения самоактуализации. При зависимости от курительных смесей специфицирующими критериями аддиктивной идентичности являются высокое самоуважение при выраженных познавательных потребностях и креативности, характеризующих нарушений самоактуализации. Специфицирующими критериями аддиктивной идентичности при игровой зависимости являются стремление к доминированию и экстернальность как проявления неадаптивности; высокое самоуважение, креативность и выраженность познавательных потребностей как проявления нарушения самоактуализации.

3.3. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при делинквентном поведении

Исследование нарушений функционирования социальной идентичности при делинквентном поведении обусловлено тем, что при многообразии теорий и подходов к изучению феномена социальной идентичности отсутствует согласованность критериев дифференциации нормы и нарушения социальной идентичности.

Обобщение и систематизация накопленного опыта критеризации нормы и нарушения позволили нам сформированный в дихотомической логике перечень критериев «нормы– нарушения» социальной идентичности соотнести с дифференциацией нарушений социальной идентичности по отношению к реальности (уход, противостояние, приспособление). Нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности осуществляется в делинквентном поведении. В свою очередь, делинквентное поведение, по критерию направленности деструктивных действий, делится на деструктивное (совершение деструктивных действий в отношении внешних объектов – других людей, либо материальных предметов) и аутодеструктивное (совершение деструктивных действий в отношении себя). Деструктивное поведение в рамках данной работы рассматривается как форма активности, реализуемая в противоправных действиях, реализуемых в причинении вреда либо жизни и здоровью других людей, либо имуществу других [294]. Аутодеструктивное поведение понимается как различные формы активности, направляемые представлением о лишении себя жизни или причинении вреда себе, проявляющиеся в деструктивных действиях разрешения субъективно значимых проблем.

Критериальный подход к социальной идентичности формировался на теоретических положениях К.К. Платонова [239], согласно которым в качестве критериев нормы/отклонения выступают: согласованность/рассогласованность, адаптивность/неадаптивность, самоактуализация/нарушение самоактуализации, ответственность/безответственность,

совестливость/бессовестливость,

конструктивность/деструктивность

(таблица 25).

Таблица 25

Критерии «нормы–нарушения» социальной идентичности:
содержательный анализ

Критерий	Характеристика
Согласованность/ рассогласованность	Системное свойство, характеризующееся соотносительностью структурных компонентов идентичности в их взаимосвязях.
Адаптивность / неадаптивность	Свойство системы, проявляющееся в способности к изменениям в соответствии с требованиями внешней социальной ситуации.
Самоактуализация/ нарушение самоактуализации	Свойство, проявляющееся в стремлении к возможно более полному выявлению и развитию своих потребностей и возможностей.
Ответственность/ безответственность	Свойство, проявляющееся в способности отвечать за свои действия и поступки и их моральная оценка.
Совестливость/ бессовестливость (лживость)	Свойство принимать ответственность за свои действия и поступки.
Конструктивность / деструктивность	Свойство, проявляющееся в отсутствии направленности на причинение вреда другим или себе.

Эмпирическая аргументация дифференциации нарушений

функционирования социальной идентичности при делинквентном поведении

Общий объем выборки на данном этапе исследования составил 186 человек.

В первую экспериментальную группу вошли 98 испытуемых – заключенных, находящихся в местах лишения свободы: 47 человек в возрасте 25-57 лет (средний возраст составил $37,18 \pm 5,63$ лет), причинивших вред жизни и здоровью граждан (осужденные за причинение вреда жизни или здоровью граждан по 105, 111, 112, 113, 114, 131, 132 статьям УК РФ), имеющих от 2 до 8 судимостей; 51 человек в возрасте 24-57 лет (средний возраст составил $33,54 \pm 6,12$ лет), причинивших вред имуществу граждан (осужденные за причинение вреда имуществу граждан по 158, 159, 162, 264, 288, 313, 325 статьям УК РФ), имеющих от 2 до 8 судимостей. Группа уравнивалась по полу (все испытуемые – мужчины), количеству рецидивов и судимостей.

Во вторую экспериментальную группу вошли 38 человек с суицидальным поведением: 17 мужчин (средний возраст которых составил $25,17 \pm 2,29$ лет), находящихся на принудительном лечении в психиатрической больнице после незавершенной попытки суицида (X70 – «Преднамеренное самоповреждение путем повешения, удушения и удушения»; X78 – «Преднамеренное самоповреждение острым предметом» по МКБ-10); 21 женщина (средний возраст которых составил $27,34 \pm 2,16$ лет), находящаяся на лечении в токсикологическом отделении городской клинической больницы после незавершенной попытки суицида (X69 – «Преднамеренное самоотравление и воздействие другими и неуточненными химическими и ядовитыми веществами» по МКБ-10). Критериями включения испытуемых в экспериментальные группы являлись наличие клинического диагноза (по МКБ-10) и отсутствие в анамнезе и при госпитализации другого психиатрического диагноза и любых проявлений психопатологии. При формировании групп контролировалось количество суицидальных попыток – все испытуемые были принудительно госпитализированы после первой (единственной) попытки суицида.

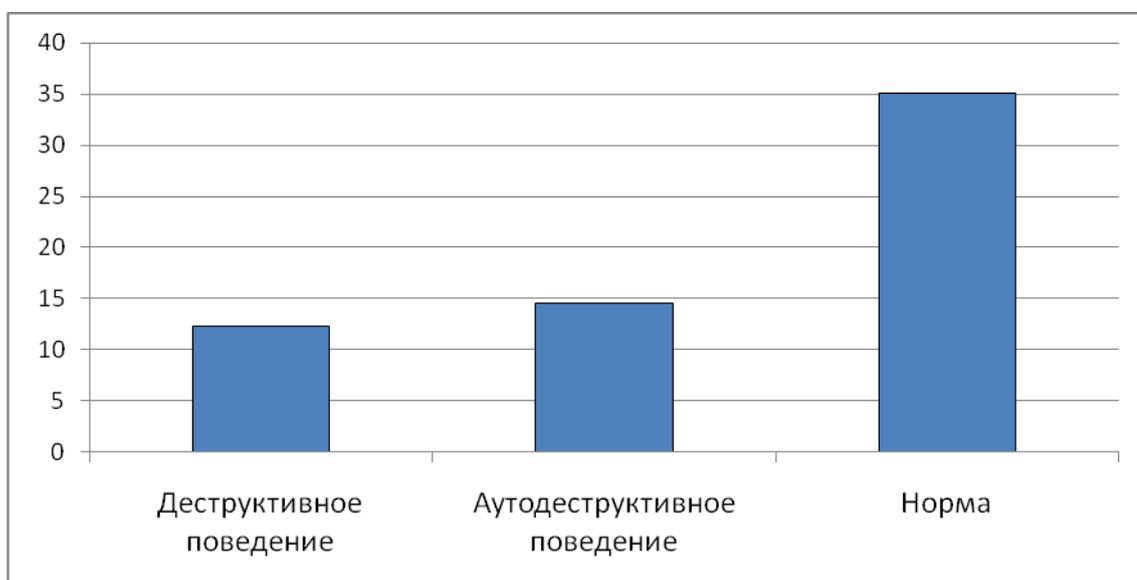
В контрольную группу вошли 50 испытуемых, имеющих заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра и психологического исследования структурной организации социальной идентичности.

Количественная и качественная обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение), сравнительной статистики – непараметрических критериев (U-критерий Манна-Уитни); многомерной статистики (факторный анализ с *varimax*-вращением).

Организация исследования осуществлялась последовательно в два этапа. На первом этапе проводилась количественно-качественная оценка структуры и критериев нарушения социальной идентичности при

делинквентном поведении (через попарное сравнение с группой нормы). Завершающим этапом исследования являлась оценка факторной структуры критериев делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении.

На основании полученных результатов установлено, что при деструктивном поведении на уровне критериальных оценок социальная идентичность характеризуется низким уровнем согласованности структурной организации, при аутодеструктивном поведении характеризуется средним с тенденцией к низкому уровню согласованности структурной организации идентичности в сравнении с группой нормы (рис. 51).

Рисунок - 51 Гистограмма значений согласованности/рассогласованности структуры делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении

При исследовании критериев проявления делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении типизирующими проявлениями являются бессовестливость, проявляющаяся в высокой склонности ко лжи; дезадаптивность, проявляющаяся в непринятии других; нарушение самоактуализации, проявляющееся во временной дезориентации и ригидности поведения; а также деструктивность, проявляющаяся в высоком уровне враждебности (таблица 26).

Таблица 26

Показатели средних значений критериев делинквентной идентичности ($x \pm \sigma$)

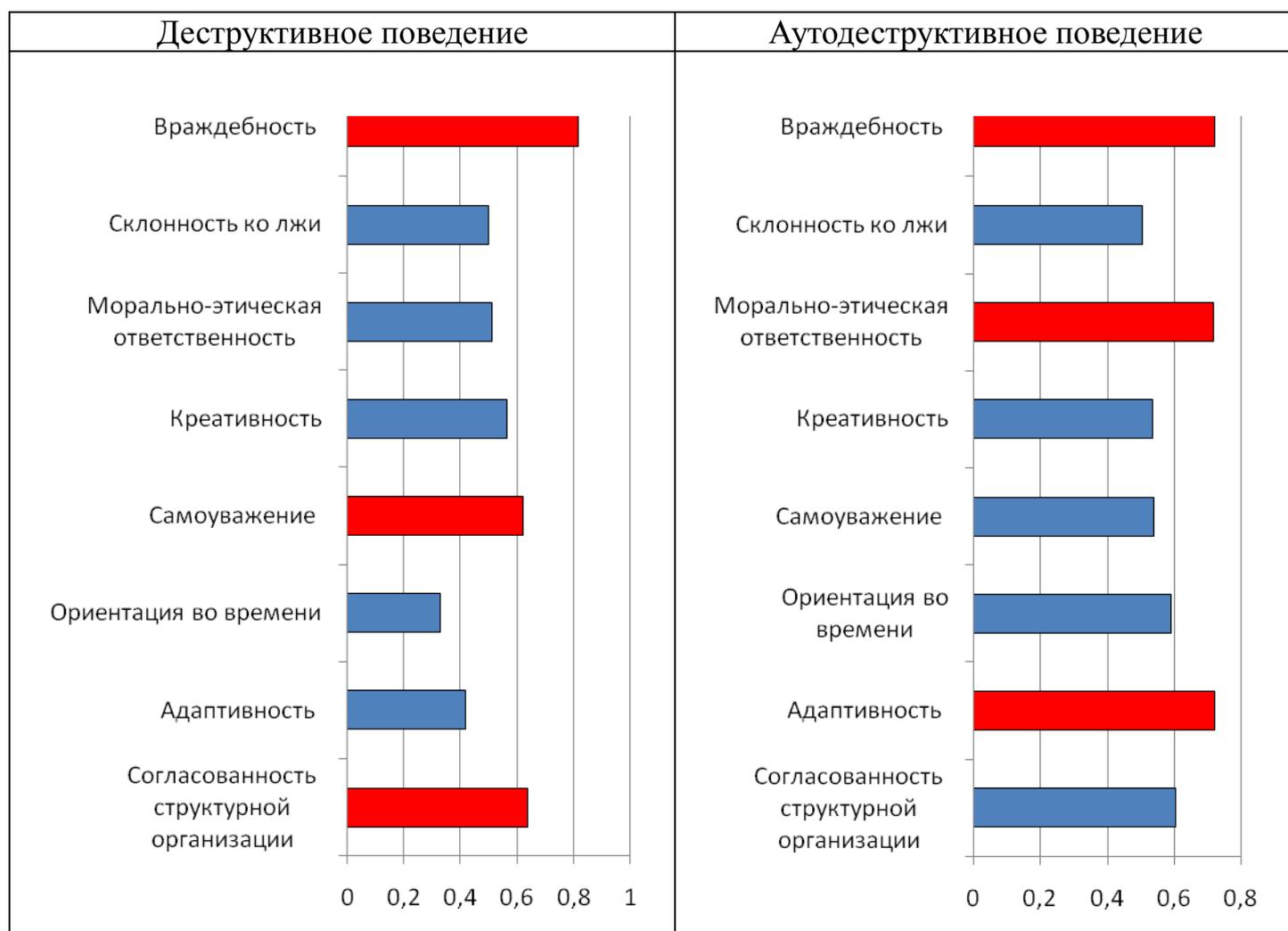
Критериальное содержание	Показатель средних значений ($x \pm \sigma$)	
	Деструктивное поведение	Аутодеструктивное поведение
Согласованность структурной организации	12,5±2,23	11,34±1,94
Адаптивность	35,57±3,07	32,74±3,39
Ориентация во времени	7,8±1,87	6,28±1,16
Самоуважение	8,04±1,75	7,37±2,29
Креативность	7,46±2,35	7,02±1,18
Морально-этическая ответственность	12,49±2,31	11,32±2,16
Склонность ко лжи	6,8±0,92	5,73±0,67
Враждебность	27,18±4,35	26,29±5,51

Специфицирующими проявлениями критериев делинквентной идентичности при деструктивном поведении являются высокий уровень эмоционального комфорта, экстернальности и доминирования, раскрывающие содержание критерия дезадаптивности. Нарушение самоактуализации как критерий делинквентной идентичности при деструктивном поведении реализуется в высоком самоуважении, а также принятии агрессии с целью оправдания своего поведения. Критерий безответственности характеризуется отсутствием морально-этических ценностей и низкой рефлексией на морально-этические ситуации. Проявлением критерия деструктивности является высокий уровень агрессивности и цинизма. Специфическими проявлениями критериев делинквентной идентичности при аутодеструктивном поведении являются: непринятие себя, интернальность и эмоциональный дискомфорт как проявления критерия дезадаптивности; низкая сензитивность к себе, низкий уровень самопринятия и самоуважения, низкая синергия, проявляющаяся в нарушении целостности восприятия мира и себя, как характеристики критерия нарушения самоактуализации; а также отсутствие экзистенциальной ответственности как проявление критерия безответственности (таблица 27).

**Критерии нарушения социальной идентичности
при делинквентном поведении**

Критерии	Деструктивное поведение	Аутодеструктивное поведение
Согласованность/ рассогласованность	Низкий уровень согласованности структурной организации личностной идентичности.	Средний уровень согласованности структурной организации личностной идентичности.
Адаптивность / неадаптивность	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в стремлении к доминированию, принятию других, экстернальности, эмоциональном комфорте.	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в непринятии как себя, так и других, интернальности, эмоциональном дискомфорте.
Самоактуализация/ нарушение самоактуализации	Нарушение самоактуализации проявляется в дезориентации во времени, ригидности поведения.	
	Высокое самоуважение и принятие агрессии с целью оправдания своего поведения.	Низкая сензитивность к себе, низкое самопринятие и самоуважение, низкая синергия.
Ответственность/ безответственность	Низкий уровень морально-этической ответственности, проявляющийся в отсутствии альтруистических эмоций.	
	Отсутствие морально-этических ценностей, низкая рефлексия на морально-этические ситуации.	Отсутствие экзистенциальной ответственности.
Совестливость/ бессовестливость	Высокий уровень склонности ко лжи.	
Конструктивность / деструктивность	Высокий уровень враждебности.	
	Высокий уровень агрессивности и цинизма.	

Определение иерархичности в распределении критериев делинквентной идентичности осуществлялось через оценку факторной структуры критериев делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении с использованием метода факторного анализа с varimax-вращением ($p < 0,05$). Графическое представление полученных результатов формировалось на основании значений показателей первого фактора с основной факторной нагрузкой (рис. 52).

Рисунок - 52 Факторная структура критериев делинквентной идентичности при деструктивном и аутодеструктивном поведении

При деструктивном поведении факторная структура критериев делинквентной идентичности характеризуется преобладанием враждебности, высокого самоуважения как проявления нарушения самоактуализации, что обеспечивает дезинтегрированность структурной организации делинквентной идентичности. При аутодеструктивном поведении в факторной структуре преобладающими являются критерии безответственности (проявляющиеся в низком уровне морально-этической ответственности), враждебности как проявлении деструктивности, а также дезадаптивности, что, в свою очередь, поддерживает дезинтегрированность

структурной организации социальной идентичности при аутодеструктивном поведении.

3.4. Дифференциация нарушений функционирования социальной идентичности при соматической патологии

Исследование нарушения социальной идентичности при соматической патологии, с обобщением и систематизацией опыта критеризации нормы и нарушения психологического, нами осуществлялось в логике сформированного перечня критериев, которые соотнесены с идеей дифференциации нарушений социальной идентичности по отношению к реальности (уход от реальности, противостояние реальности и приспособление к реальности). Таким образом, выделяя группы нарушений социальной идентичности (аддиктивная идентичность как уход от социальной реальности; делинквентная идентичность как противостояние социальной реальности), нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности возникает при соматической патологии, оказывающей влияние на социальное функционирование субъекта (приводя либо к внешнему дефекту – мастэктомия, колостома, ампутация, либо к снижению качества жизни и ее сокращению – при онкогематологических заболеваниях, при сосудистых поражениях головного мозга).

Нарушение социальной идентичности при соматической патологии характеризуется приспособлением к социальной реальности, проявляется на уровне структуры дезорганизованностью и диффузностью, на критериальном уровне – рассогласованностью структурной организации; дезадаптивностью; нарушением самоактуализации; безответственностью; бессовестливостью (лживостью); деструктивностью.

Реализуя критериальный подход к социальной идентичности, в качестве теоретического основания были приняты положения К.К. Платонова [239], который выделил критерии нормы/отклонения: согласованность/

рассогласованность, адаптивность/неадаптивность, самоактуализация/нарушение самоактуализации, ответственность/безответственность, совестливость/бессовестливость, конструктивность/деструктивность.

Эмпирическая аргументация дифференциации нарушений функционирования социальной идентичности при соматической патологии

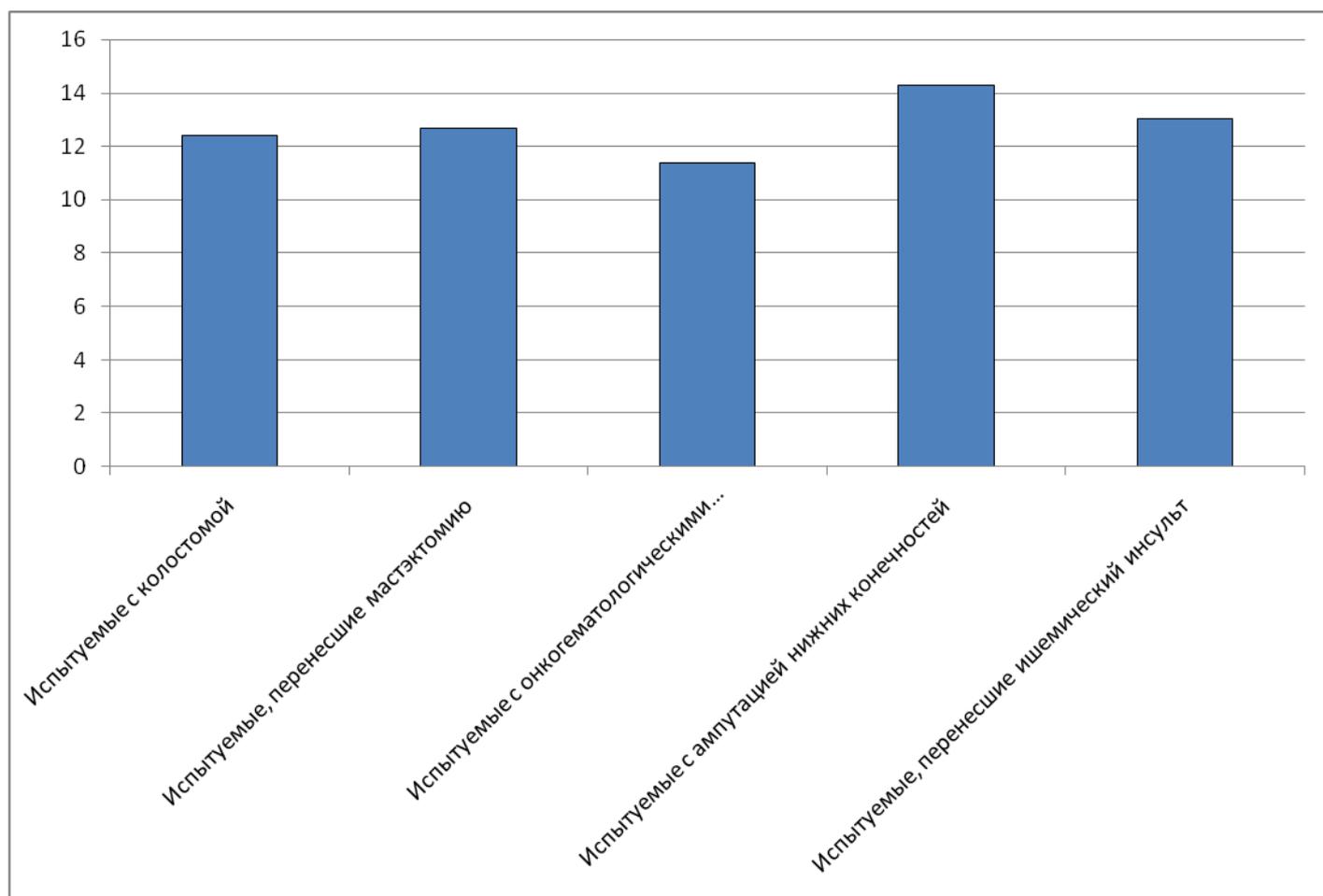
На данном этапе исследования общий объем выборки составил 315 человек (171 мужчина и 144 женщины) в возрасте 26-54 года (средний возраст составил $31,18 \pm 4,87$ лет). В экспериментальную группу вошли 248 человек с соматической патологией различной нозологической принадлежности. В контрольную группу вошли 67 испытуемых, имеющих заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра и психологического исследования структурной организации социальной идентичности. Группы уравнивались по полу и возрасту. Эмпирическое исследование осуществлялось на условиях информированного согласия.

В соответствии с целью данного этапа эмпирического исследования экспериментальная группа по критерию нозологической принадлежности была разделена на пять исследовательских выборок: в первую экспериментальную группу (Э_1) вошли 37 человек (мужчин) с колостомой (С21 – «Злокачественное новообразование заднего прохода и анального канала» без отдаленных метастаз, перенесших оперативное вмешательство с колостомой» по МКБ-10); вторую экспериментальную группу (Э_2) составили 30 человек (женщин), перенесших мастэктомию (С50 – «Злокачественное новообразование молочной железы» по МКБ-10); в третью экспериментальную группу (Э_3) вошли 50 человек (23 мужчины и 27 женщин) с онкогематологическим заболеванием (С91 «Лимфоидный лейкоз» по МКБ-10); четвертую экспериментальную группу (Э_4) составили 94 человека с ампутацией нижних конечностей (57 мужчин и 37 женщин); в пятую экспериментальную группу (Э_5) вошли 37 человек (21 мужчина и 16 женщин), перенесших ишемический инсульт (I63 «Инфаркт мозга» по МКБ-10).

Количественная и качественная обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с использованием методов описательной, сравнительной и многомерной статистики.

Организация исследования осуществлялась последовательно в два этапа: на первом этапе проводилась количественно-качественная оценка критериев нарушения социальной идентичности при соматической патологии (через попарное сравнение каждой нозологии с группой нормы). Вторым этапом исследования являлась оценка факторной структуры критериев нарушения социальной идентичности с учетом нозологии.

Анализируя полученные результаты, установлено, что вне зависимости от нозологии на уровне критериальных оценок выявлен низкий уровень согласованности структурной организации социальной идентичности в сравнении с группой нормы (рис. 53).

Рисунок - 53 Гистограмма значений согласованности/рассогласованности структуры социальной идентичности при соматической патологии

Рассогласованность структурной организации социальной идентичности при соматической патологии характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивостью системы ценностных ориентаций, а также низким уровнем рефлексивности и самостоятельности.

При исследовании критериев проявления нарушения социальной идентичности при соматической патологии вне зависимости от нозологии типизирующими проявлениями являются рассогласованность структурной организации идентичности, снижение уровня социально-психологической адаптации, нарушение самоактуализации, проявляющееся во временной дезориентации, ригидности поведения, а также деструктивность, проявлением которой является враждебность (таблица 28).

Таблица 28

Показатели средних значений критериев нарушения социальной идентичности при соматической патологии ($x \pm \sigma$)

Критериальное содержание	Показатель средних значений				
	Колостомы	Мастэктомия	Онкогематологические заболевания	Ампутация нижних конечностей	Ишемический инсульт
Согласованность структурной организации	11,5±2,29	10,31±2,42	12,3±3,28	12,7±1,37	12,2±2,04
Адаптивность	35,24±3,57	33,28±3,18	32,51±3,12	31,88±4,29	31,16±3,92
Ориентация во времени	7,5±1,33	7,16±1,12	6,34±1,29	5,15±2,35	5,18±2,63
Самоуважение	8,15±2,04	8,24±2,57	6,92±2,12	6,34±2,71	6,22±2,35
Креативность	7,43±2,57	7,49±2,64	6,29±2,13	6,38±2,66	6,43±2,18
Морально-этическая ответственность	12,52±2,49	11,94±2,73	10,12±2,34	11,12±2,44	11,35±2,39
Склонность ко лжи	6,4±0,92	6,7±0,59	5,96±1,12	7,24±1,67	7,12±1,39
Враждебность	28,1±4,22	28,3±5,37	26,56±6,02	24,73±5,27	24,39±4,96

Специфицирующими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности у испытуемых с колостомой и испытуемых, перенесших мастэктомию, являются неприятие себя и других, интернальность, эмоциональный дискомфорт и конформность как проявления критерия

дезадаптивности. Нарушение самоактуализации как критерий нарушения социальной идентичности реализуется в низком самопринятии и самоуважении, а также низкой спонтанности. Безответственность как критерий нарушения социальной идентичности у испытуемых с колостомой и испытуемых, перенесших мастэктомию, проявляется в непринятии морально-этических ценностей. Высокая враждебность и цинизм являются проявлениями критерия деструктивности.

Специфическими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности у испытуемых с онкогематологическими заболеваниями являются непринятие себя при принятии других, интернальность и эмоциональный комфорт как проявления критерия дезадаптивности; отсутствие контактности, высокая спонтанность и непринятие агрессии как проявления критерия нарушения самоактуализации. Критерий безответственности проявляется в непринятии экзистенциальной ответственности, рефлексивности на морально-этические ситуации и в альтруистических эмоциях. Совестьливость как критерий нарушения социальной идентичности проявляется в низкой склонности ко лжи; проявлением деструктивности является низкая враждебность и высокий цинизм.

Специфическими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности при ампутации нижних конечностей являются непринятие себя при принятии других, экстернальность и стремление к доминированию как проявления критерия дезадаптивности. Нарушение самоактуализации проявляется в высокой спонтанности и принятии агрессии. Отсутствие альтруистических эмоций и непринятие морально-этических ценностей являются проявлениями критерия безответственности. Высокая агрессивность и враждебность являются проявлениями критерия деструктивности (таблица 29).

Таблица 29

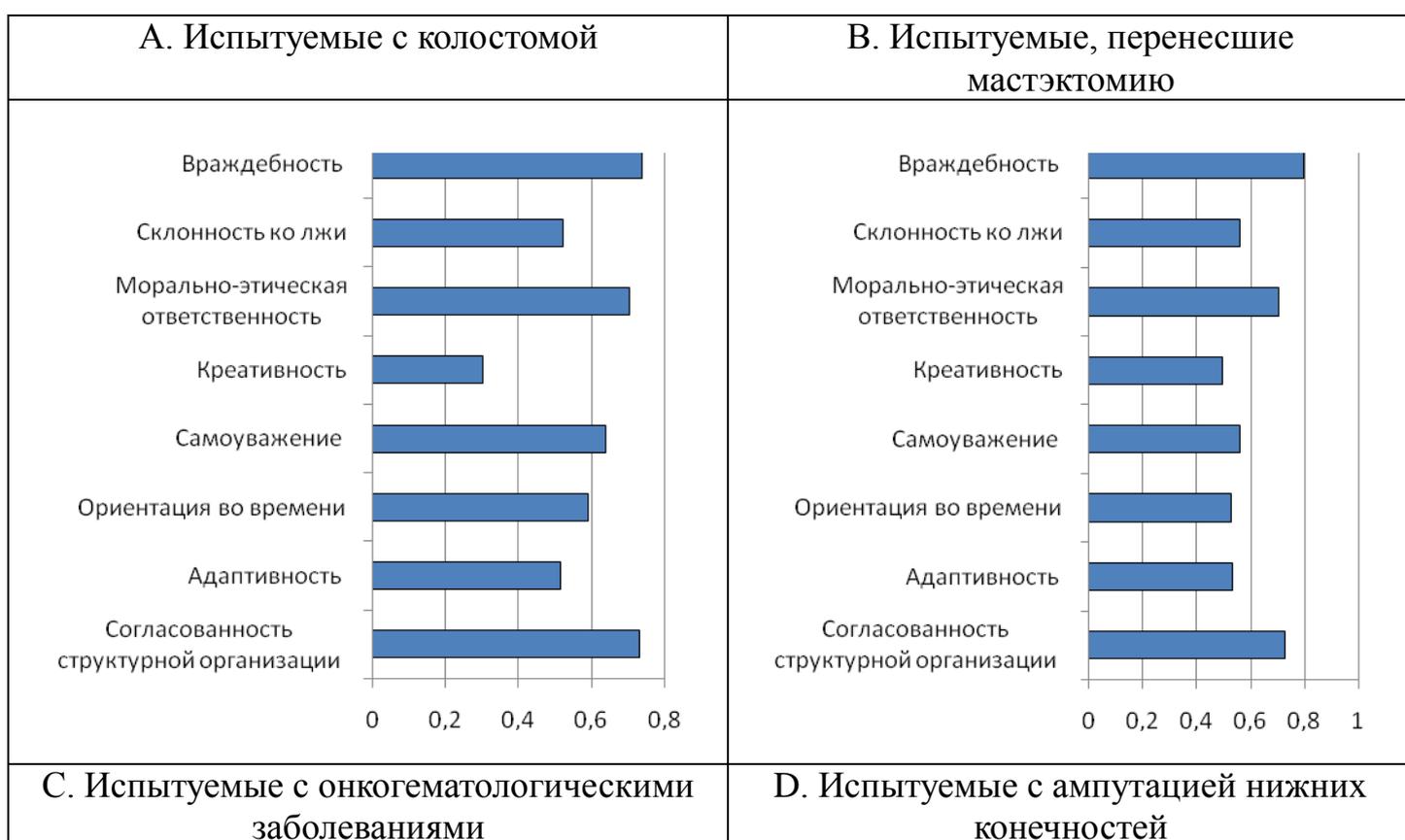
Эмпирическое обобщение критериев нарушения социальной идентичности при соматической патологии

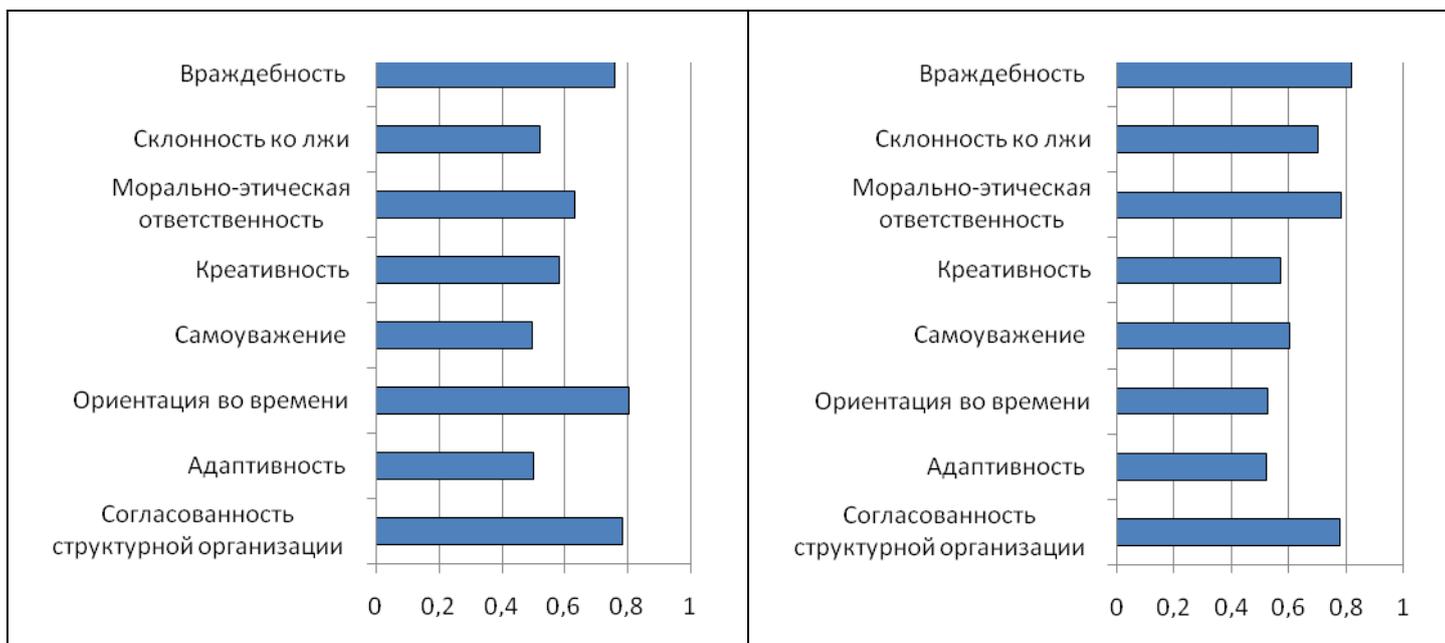
Критерии	Онкологические заболевания			Ампутация нижних конечностей	Ишемический инсульт	
	Колостома	Мастэктомия	Гематологические заболевания			
Согласованность/ рассогласованность	Средний уровень согласованности структурной организации идентичности			Средний уровень согласованности структурной организации идентичности		
Адаптивность/ неадаптивность	Низкий уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в неприятии себя и других, интернальности, эмоциональном дискомфорте, конформности			Средний уровень социально-психологической адаптации, проявляющийся в неприятии себя.		
				Принятие других, экстернальность, стремление к доминированию	Интернальность, эмоциональный дискомфорт.	
Самоактуализация/ нарушение самоактуализации	Нарушение самоактуализации; проявляется в дезориентации во времени, ригидности поведения					
	Низкое самопринятие и самоуважение, низкая спонтанность; низкие значения показателей представлений о природе человека			Отсутствие контактности, высокая спонтанность, неприятие агрессии		Высокая спонтанность, принятие агрессии
Ответственность/ безответственность	Низкий уровень морально-этической ответственности, проявляющийся в неприятии морально-этических ценностей			Низкий уровень морально-этической ответственности, проявляющийся в отсутствии альтруистических эмоций		
	Высокая рефлексия на морально-этические ситуации	Проявление альтруистических эмоций		Низкая рефлексия на морально-этические ситуации		

			эмоциях и рефлексии на морально-этические ситуации		
Совестливость/ бессовестливость	Высокий уровень склонности ко лжи		Низкий уровень склонности ко лжи		
Конструктивность/ деструктивность	Высокий уровень враждебности и цинизма		Низкий уровень враждебности при высоком цинизме	Высокий уровень агрессивности и враждебности	

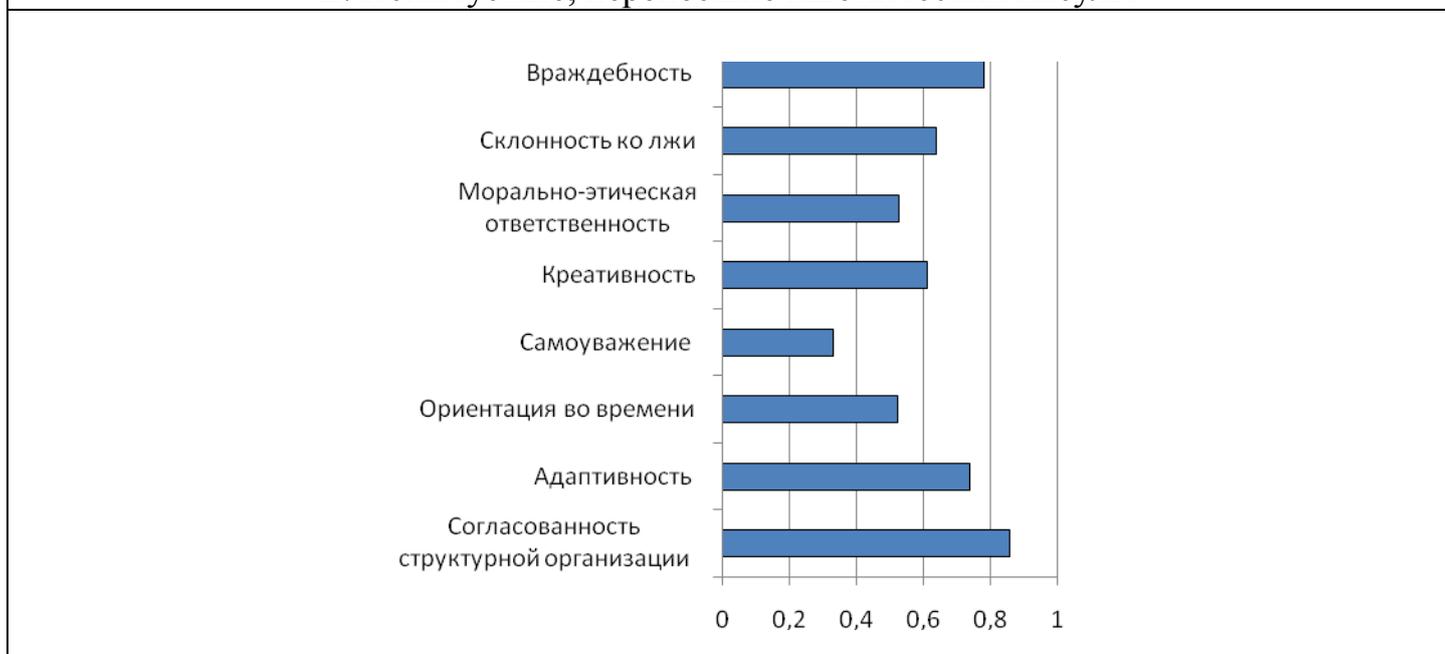
У испытуемых, перенесших ишемический инсульт, специфическими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности являются интернальность и эмоциональный дискомфорт как проявления дезадаптивности. Нарушение самоактуализации проявляется в низкой спонтанности и непринятии агрессии. Отсутствие альтруистических эмоций, непринятие морально-этических ценностей, низкая рефлексия на морально-этические ситуации являются проявлениями критерия безответственности. Высокая агрессивность и враждебность являются содержанием критерия деструктивности.

Для определения иерархичности в распределении критериев нарушения социальной идентичности при соматической патологии оценка факторной структуры критериев нарушения социальной идентичности с учетом нозологии осуществлялась с использованием метода факторного анализа с varimax-вращением ($p < 0,05$). Для графического представления полученных результатов использовались значения показателей первого фактора с основной факторной нагрузкой (рис. 54).

Е. Испытуемые, перенесшие ишемический инсульт

Рисунок - 54 Факторная структура критериев нарушения социальной идентичности по нозологическим группам

Факторная структура критериев нарушения социальной идентичности у испытуемых с колостомой и испытуемых, перенесших мастэктомию, характеризуется преобладанием несогласованности структурной организации идентичности, морально-этической ответственности и враждебности. У испытуемых с онкогематологическими заболеваниями факторная структура критериев нарушения социальной идентичности

характеризуется преобладанием враждебности и дезориентации во времени как проявлениями нарушения самоактуализации, что, в свою очередь, обеспечивает дезинтегрированность структурной организации идентичности при онкогематологических заболеваниях. Факторная структура критериев нарушения социальной идентичности при ампутации нижних конечностей характеризуется преобладанием склонности ко лжи, морально-этической ответственности и деструктивности, проявляющейся во враждебности, что поддерживает рассогласованность структурной организации идентичности. У испытуемых, перенесших ишемический инсульт, факторная структура критериев нарушения социальной идентичности характеризуется преобладанием дезадаптивности и враждебности, обеспечивающих рассогласованность структурной организации идентичности.

Нарушение социальной идентичности при соматической патологии на структурном уровне вне зависимости от нозологии характеризуется рассогласованностью структурной организации, проявляющейся в дезадаптивности, неустойчивости системы ценностных ориентаций, низкой рефлексивности и самостоятельности. Типизирующими критериями нарушения социальной идентичности при соматической патологии выступают деструктивность как проявление враждебности, рассогласованность структурной организации идентичности, дезадаптивность, а также нарушение самоактуализации, проявляющееся через временную дезориентацию и ригидность поведения.

Специфицирующими критериями нарушения социальной идентичности у испытуемых с колостомой и испытуемых, перенесших мастэктомию, являются неприятие себя и других, интернальность, эмоциональный дискомфорт и конформность, низкое самопринятие и самоуважение, низкая спонтанность, неприятие морально-этических ценностей, высокая враждебность и цинизм. У испытуемых с онкогематологическими заболеваниями специфицирующими критериями нарушения социальной идентичности являются неприятие себя при принятии других,

интернальность, эмоциональный комфорт, отсутствие контактности, высокая спонтанность, непринятие агрессии, непринятие экзистенциальной ответственности, рефлексивность на морально-этические ситуации и альтруистические эмоции, низкая склонность ко лжи и враждебность при высоком цинизме. Специфическими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности при ампутации нижних конечностей являются непринятие себя при принятии других, экстернальность, стремление к доминированию, высокая спонтанность и принятие агрессии; отсутствие альтруистических эмоций и непринятие морально-этических ценностей; высокая агрессивность и враждебность. Специфическими проявлениями критериев нарушения социальной идентичности у испытуемых, перенесших ишемический инсульт, являются интернальность и эмоциональный дискомфорт; низкая спонтанность и непринятие агрессии как нарушение самоактуализации; отсутствие альтруистических эмоций, непринятие морально-этических ценностей, низкая рефлексия на морально-этические ситуации как проявления безответственности; высокая агрессивность и враждебность как проявления деструктивности.

Выводы по главе 3

В процессе создания концепции разработка вопросов функционирования социальной идентичности выступает логичным и необходимым этапом, поскольку совокупность функциональных закономерностей составляет важнейшую часть общей качественной определенности системы.

Функционирование социальной идентичности осуществляется в континууме «норма-нарушение» и обусловлено наличием встроенного метасистемного уровня. Являясь динамической системой, социальная идентичность характеризуется вариативностью структурной организации как на уровне структурных компонентов, так и на уровне их взаимосвязи (т.е. способностью к изменению внутрисистемных связей при сохранении целостности системы).

Обобщение и систематизация накопленного опыта критеризации нормы и нарушения психологического, позволила сформировать перечень критериев в дихотомической логике: согласованность–рассогласованность структурной организации; адаптивность–неадаптивность; самоактуализация–нарушение самоактуализации; ответственность–безответственность; совестливость–бессовестливость; конструктивность–деструктивность). Далее выделенные критерии были соотнесены с идеей дифференциации нарушений социальной идентичности по отношению к реальности: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (при аддиктивном поведении); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии).

На основании полученных эмпирических результатов установлено, что предикторами деструктивных изменений являются структурные феномены. При этом причины деструктивных изменений определяются не на уровне структурных компонентов социальной идентичности, а на уровне их

взаимосвязанности, определяющей специфику структурной организации. При нарушении происходит качественная трансформация структурной организации социальной идентичности, что, в свою очередь, приводит к нарушению функционирования.

Функционирование социальной идентичности в норме обеспечивается структурной организацией, характеризующейся снижением степени структурной организации в подростковом возрасте и старости при повышении степени структурной организации в юношеском возрасте и в период взрослости. На качественном уровне выявлена разнородность структур социальной идентичности на разных этапах онтогенеза: структурная организация социальной идентичности в подростковом возрасте и старости характеризуется гетерогенностью, в юношеском возрасте и взрослости – гомогенностью. Нарушение функционирования социальной идентичности (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии) проявляется в снижении степени структурной организации социальной идентичности на уровне количественной оценки, а также гетерогенностью структур социальной идентичности на уровне качественной оценки. Общий сходный показатель индекса организованности структуры социальной идентичности в ситуации нарушения проявляется через различные базовые качества при различных типах нарушений.

В процессе эмпирического исследования было установлено, что социальная идентичность обладает не только синхронической, но и диахронической системностью. Диахронической закономерностью функционирования социальной идентичности как в норме, так и при нарушении является значимое изменение структурированности на количественном и качественном уровнях.

Глава 4. Генез социальной идентичности в норме и при нарушении

4.1. Генез социальной идентичности в норме

На основании значительного количества исследований генеза социальной идентичности можно выделить два основных направления: анализ факторов и условий, влияющих на процесс ее формирования, с одной стороны, с другой – структурно-содержательный анализ социальной идентичности отдельных групп (возрастные этапы, профессиональные группы, этнические группы и т.д.).

Возрастные факторы формирования социальной идентичности представлены в работах В.И. Слободчикова [280, 281, 282], А.И. Нихотиной [194], М.В. Семышева, В.М. Семышевой, Е.А. Андрищенко [305], Г.И. Куцебо, Г.В. Гарбузовой [62], М.В. Ведерниковой [54], L.-C.Girard, J.-V.Pingault, O. Doyle, B. Falissard, R.E. Tremblay [361], Т.М. Dumas, M. Maxwell-Smith, J.P. Davis, P.A. Giuliatti [355]; семья как фактор формирования социальной идентичности рассматривается в работах Н.В. Лукьянченко [152, 153], А.И. Баталина, О.В. Муниной [31], М.Ю. Лозовой [149], Н.-L.F. Eriksen, С. Hvidtfeldt, Н.В. Lilleor [359] и др.

Принимая в качестве методологического основания концепцию социализации Шамионова Р.М. [318, 319, 320, 321], процесс формирования социальной идентичности осуществляется в процессе социализации и является одним из значимых ее эффектов, выполняя защитную функцию в отношении социализации через закрепление социальных ценностей, норм, представлений и т.д. Характеристики социализации определяют устойчивость приобретенных социальных норм и других характеристик внутренних инстанций личности, определяющих содержание структурных компонентов социальной идентичности.

Организация исследования с использованием метода «поперечных срезов» позволяет выявить не только возрастные различия структурной

организации социальной идентичности, но и различия структурной организации социальной идентичности при нарушениях.

На основании эмпирических результатов исследования структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза (в подростковом возрасте, юношеском возрасте, в периоды взрослости и геронтогенеза) нами была сформирована эмпирическая модель структурно-генетической организации социальной идентичности в норме (рис. 55).

Онтогенетические этапы развития

Рисунок - 55 Эмпирическая модель структурно-генетической организации социальной идентичности в норме

На качественно структурном уровне социальная идентичность в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструктов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. На уровне статусных проявлений социальная идентичность в подростковом возрасте соответствует статусу диффузной. В юношеском возрасте преобладающими являются сложные, дифференцированные когнитивные конструкты. Мотивационный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте представлен импульсивным мотивационным профилем. Ценностный компонент социальной идентичности характеризуется рассогласованностью ценностных ориентаций. В юношеском возрасте на уровне статусных проявлений преобладающим является статус моратория социальной идентичности. В период взрослости на уровне когнитивного компонента преобладающими являются сложные, дифференцированные когнитивные конструкты. Мотивационный компонент представлен прогрессивным мотивационным профилем. Ценностный компонент социальной идентичности является согласованным. Социальная идентичность к периоду взрослости на уровне статусных проявлений достигает статуса позитивной идентичности. На этапе поздней взрослости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении. На уровне статусных проявлений социальная идентичность в поздней взрослости вновь соответствует статусу диффузной.

При анализе степени организованности системы социальной идентичности в норме на разных этапах онтогенеза выявлено снижение степени структурной организации социальной идентичности в подростковом возрасте и старости при повышении степени структурной организации в юношеском возрасте и в период взрослости. При этом на качественном

уровне выявлена статистически достоверная разнородность структур социальной идентичности на разных этапах онтогенеза: структурная организация социальной идентичности в подростковом возрасте и старости характеризуется гетерогенностью, в юношеском возрасте и взрослости – гомогенностью (таблица 30).

Таблица 30

Мера организованности коррелограмм структурных компонентов социальной идентичности, ведущие, базовые качества на разных этапах онтогенеза

Группы	ИКС	ИДС	ИОС	Ведущие качества	Базовые качества
Подростковый возраст	18	36	-18	Простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Коммуникативная мотивационная направленность на уровне мотивационного компонента; простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента
Юношеский возраст	44	23	21	Сложные когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Сложная когнитивная организация на уровне когнитивного компонента; ценности самостоятельности на уровне ценностного компонента
Взрослость	49	16	33	Сложные когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Сложная когнитивная организация на уровне когнитивного компонента
Старость	19	24	-5	Сложные когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Ценности традиций на уровне ценностного компонента; сложная когнитивная организация на уровне когнитивного компонента

Условные обозначения: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индексдивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры.

При общем сходном показателе индекса организованности структуры социальной идентичности в подростковом возрасте и старости структурная организация системы социальной идентичности проявляется через различные базовые качества. Структурная организация социальной идентичности в подростковом возрасте на уровне базовых качеств проявляется через

коммуникативную мотивационную направленность на уровне мотивационного компонента структуры социальной идентичности.

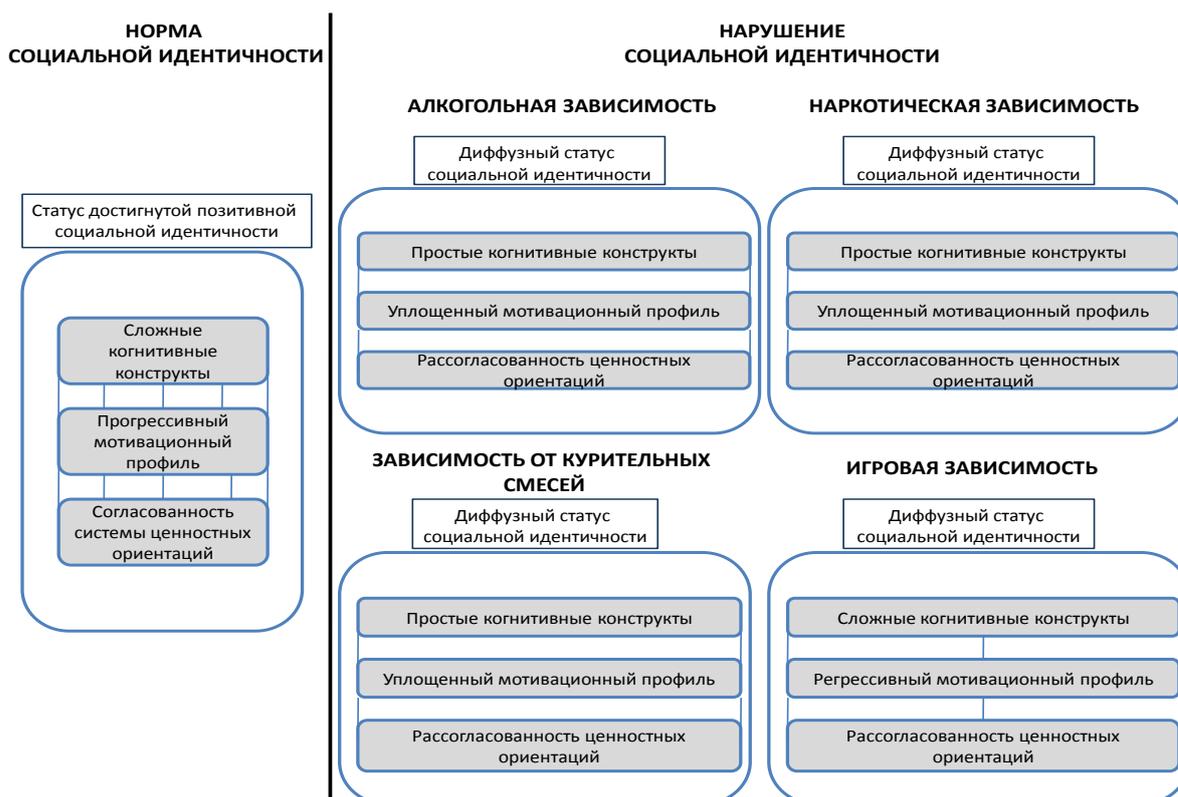
4.2. Генез социальной идентичности при нарушении (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии)

Рассматривая генез социальной идентичности в контексте процесса социализации, Р.М. Шамионов [318, 319] указывает на неоднозначность их взаимосвязи. Наличие негативной (нарушенной) идентичности не означает обязательного непринятия ценностей соответствующих социальных групп. При этом, изменения, происходящие в жизни субъекта, взаимодействие с новыми социальными группами, запускают процесс социализации, что, в свою очередь, отражается на внутренних инстанциях личности, составляющих структурные компоненты социальной идентичности [320]. Трансформация структурных компонентов социальной идентичности осуществляется лишь в случае субъективной значимости той социальной общности, в которую включен субъект. Если социальная общность не является значимой для субъекта, то при включении в деятельность данной общности ее социальные нормы и ценности выступают в качестве основы социально-психологической адаптации и являются ситуативными. В связи с этим, процесс социализации может быть либо тотальным (при значимости социальной общности, социальные цели и ценности которой субъект принимает), и в данном случае речь идет о трансформации внутренних инстанций личности; либо избирательным (при незначимости социальной общности, где цели и ценности служат основанием процесса социально-психологической адаптации), не затрагивая при этом глубинный уровень внутренних инстанций (Шамионов Р.М.) [318, 319, 320, 321].

В связи с этим возникает необходимость изучения генеза социальной идентичности с принципиально новой позиции – динамики структурно-содержательных аспектов социальной идентичности с учетом принципа

диахронии, являющегося одним из ключевых в понимании изменения социального функционирования личности в случае девиации (ненормативности).

Структурно-генетический анализ нарушений социальной идентичности при зависимости реализуется в континуальности «норма–нарушение» как на уровне структурных компонентов, так и на уровне их организации (рис. 56).

Рисунок - 56 Эмпирические модели структурно-генетической организации социальной идентичности при аддиктивном поведении

Структурная организация социальной идентичности при нарушениях (при аддиктивном, делинквентном поведении, соматопатологии) характеризуется снижением степени организованности в сравнении с группой нормы.

Нарушение социальной идентичности при зависимости проявляется через стратегию ухода как способ отношения с реальностью и реализуется в аддиктивной идентичности. Аддиктивная идентичность проявляется в деструктивности жизненного маршрута, системы ценностей, присущих

аддиктивной личности. На уровне структурных компонентов вне зависимости от объекта зависимости аддиктивная идентичность характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и их реализации в поведении; деструктивности мотивационного компонента, проявляющегося дисгармоничностью мотивационного профиля. Содержанием когнитивного компонента аддиктивной идентичности является объект зависимости. Структура социальной идентичности при аддиктивном поведении характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей при вирулентных видах химической зависимости (от алкогольной к наркотической). На феноменологическом уровне социальная идентичность при состоянии зависимости соответствует диффузной.

Структурная организация социальной идентичности при аддиктивном поведении, учитывая объект зависимости, является гомогенной. При общем сходном показателе индекса организованности структуры проявляется через различные базовые качества. Структурная организация социальной идентичности при алкогольной зависимости на уровне базовых качеств проявляется через мотивацию комфортности на уровне мотивационного компонента. При наркотической зависимости структурная организация социальной идентичности на уровне базовых качеств, обеспечивающих структурную интегрированность, проявляется через мотивационный компонент – мотивацию поддержания жизнеобеспечения. Структурная организация социальной идентичности на уровне базовых качеств при зависимости от курительных смесей проявляется в простой когнитивной организации на уровне когнитивного компонента и на уровне мотивационного компонента в мотивации комфортности. При игровой зависимости структурная организация социальной идентичности на уровне базовых качеств проявляется через ценностный компонент – ценности гедонизма. На качественно структурном уровне выявлена статистически

достоверная однородность структур социальной идентичности при различных видах аддиктивного поведения (таблица 31).

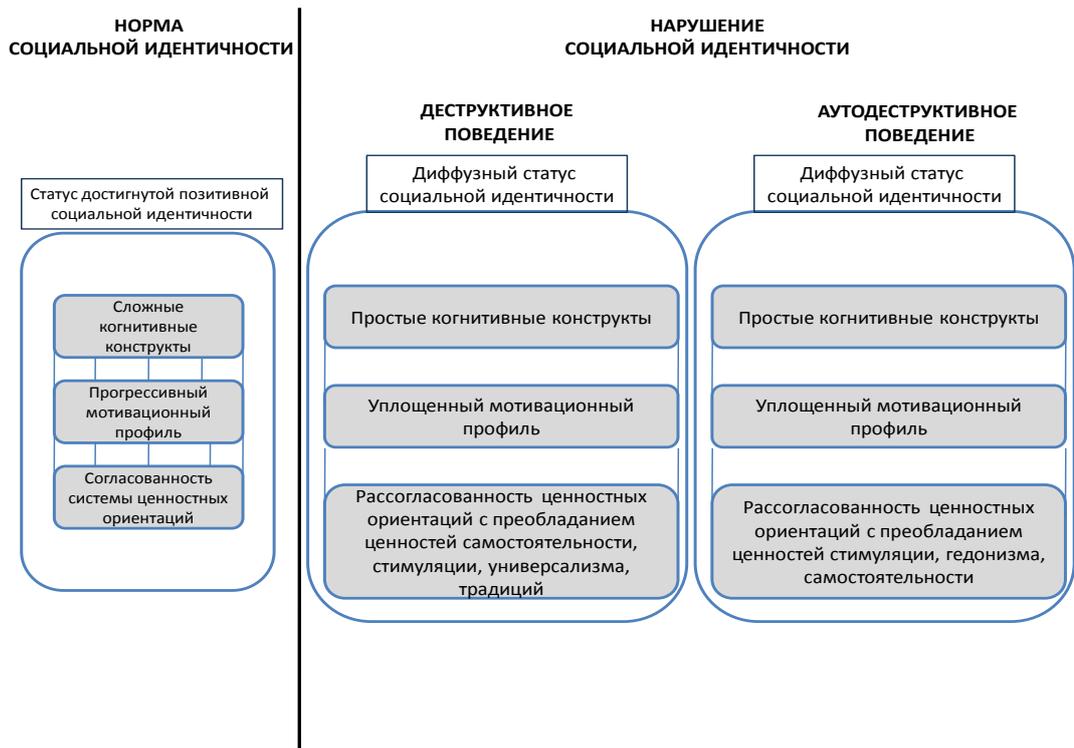
Таблица 31

Мера организованности коррелограмм структурных компонентов социальной идентичности, ведущие, базовые качества при аддиктивном поведении

Группы	ИКС	ИДС	ИОС	Ведущие качества	Базовые качества
Алкогольная зависимость	4	6	-2	Простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Мотивация комфортности на уровне мотивационного компонента
Наркотическая зависимость	2	5	-3	Ценность гедонизма на уровне ценностного компонента	Мотивация поддержания жизнеобеспечения на уровне мотивационного компонента
Зависимость от курительных смесей	3	7	-4	Простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Простая когнитивная организация на уровне когнитивного компонента; мотивация комфортности на уровне мотивационного компонента
Игровая зависимость	6	7	-1	Простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Ценность гедонизма на уровне ценностного компонента

Условные обозначения: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры.

Эмпирико-теоретические модели структурно-генетической организации социальной идентичности при делинквентном поведении характеризуются специфическими особенностями как на уровне структурных компонентов, так и на уровне их организации. Нарушение социальной идентичности при делинквентном поведении проявляется через стратегию противостояния как способа отношения с реальностью и реализуется в делинквентной идентичности. Делинквентная идентичность проявляется в деструктивности жизненного маршрута и временной перспективы (рис. 57).

Рисунок - 57 Эмпирические модели структурно-генетической организации социальной идентичности при делинквентном поведении

Нарушение социальной идентичности как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении на уровне когнитивного компонента проявляется в простой когнитивной организации; на уровне мотивационного компонента – в уплощенном мотивационном профиле, характеризующемся общим снижением мотивационной активности; несогласованностью ценностных ориентаций на уровне представлений и их реализации в поведении. Специфические особенности делинквентной идентичности проявляются на уровне ценностного компонента структуры социальной идентичности: при деструктивном поведении ценностный компонент реализуется в несогласованности ценностных ориентаций с преобладанием декларативных ценностей самостоятельности и традиций при реализации ценностей стимуляции и универсализма. При аутодеструктивном поведении ценностный компонент реализуется в несогласованности ценностных ориентаций с преобладанием декларативной ценности самостоятельности при реализуемых ценностях гедонизма и стимуляции.

Структурная организация социальной идентичности при делинквентном поведении интегрируется на уровне мотивационного компонента социальной идентичности вне зависимости от деструктивной направленности (как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении). В качестве базового системообразующего качества, обеспечивающего интегрированность структуры социальной идентичности при деструктивном поведении, выступает мотивация поддержания жизнеобеспечения; при аутодеструктивном поведении – мотивация общей активности на уровне мотивационного компонента и ценность самостоятельности на уровне ценностного компонента. В результате оценки качественного своеобразия структур социальной идентичности установлена статистически достоверная однородность структур социальной идентичности при делинквентном поведении (таблица 32).

Таблица 32

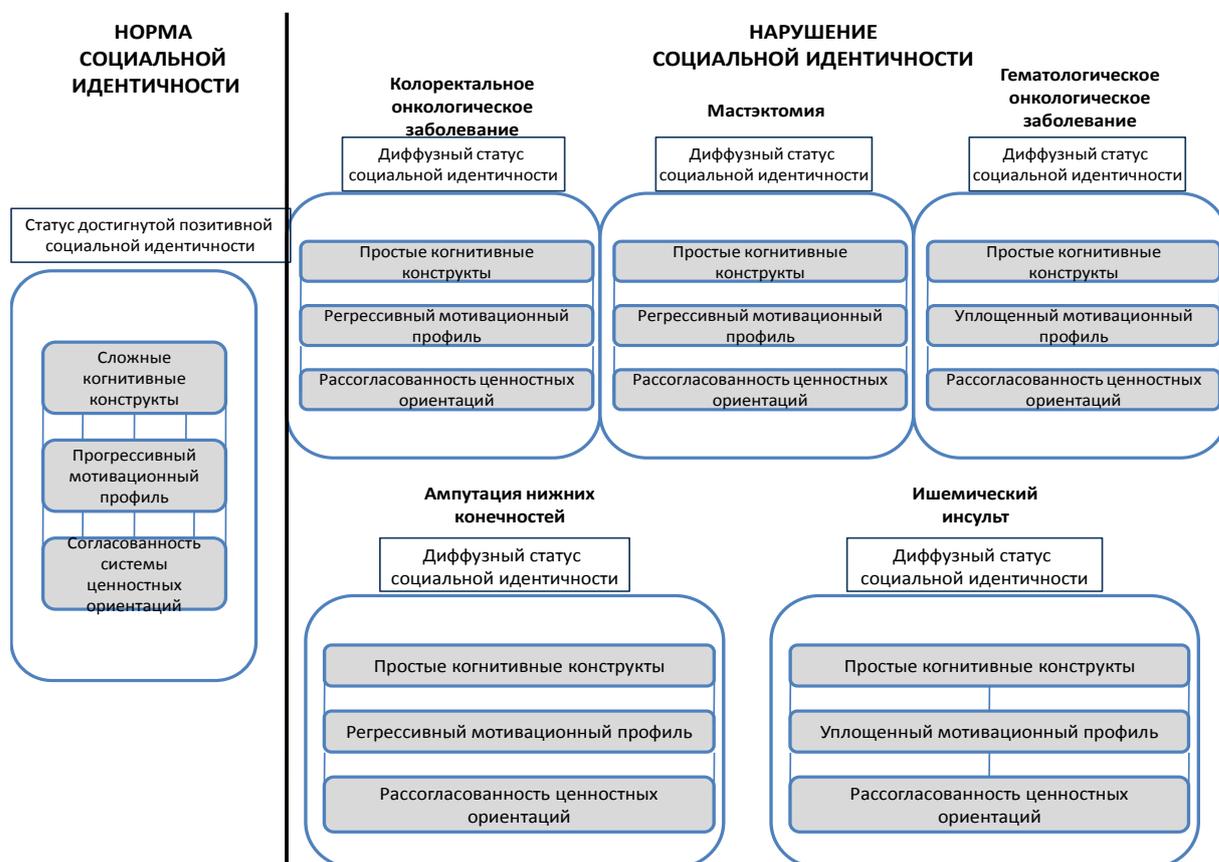
Мера организованности коррелограмм структурных компонентов социальной идентичности, ведущие, базовые качества при делинквентном поведении

Группы	ИКС	ИДС	ИОС	Ведущие качества	Базовые качества
Деструктивное поведение	7	8	-1	Простые когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Мотивация поддержания жизнеобеспечения на уровне мотивационного компонента
Аутодеструктивное поведение	7	9	-2	Сложные когнитивные конструкты на уровне когнитивного компонента	Ценность самостоятельности на уровне ценностного компонента; мотивация общей активности на уровне мотивационного компонента

Условные обозначения: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры.

Социальная идентичность при соматической патологии характеризуется диффузно-статусной структурой при высокой рассогласованности структурной организации на уровне простых,

недифференцированных когнитивных конструктов, рассогласованности ценностных ориентаций при снижении общей мотивационной активности (снижении дифференцированности мотивов и мотивации, направленной на поддержание жизнеобеспечения) (рис. 58).

Рисунок - 58 Эмпирические модели структурно-генетической организации социальной идентичности при соматической патологии

Нарушения социальной идентичности в ситуации соматического заболевания с внешним дефектом проявляются в снижении социальной активности и ограничении сфер социальных отношений.

Структурная организация социальной идентичности характеризуется снижением степени организованности при соматической патологии в сравнении с группой нормы. Вне зависимости от вида соматической патологии интегрированность структурной организации обеспечивается на уровне мотивационного компонента в структуре социальной идентичности: у испытуемых с онкологическими заболеваниями (испытуемых с колостомой,

испытуемых, перенесших мастэктомию, испытуемых с онкогематологическим заболеванием) базовым качеством является мотивация поддержания жизнеобеспечения; у испытуемых с ампутацией нижних конечностей базовым качеством является мотивация комфортности на уровне мотивационного компонента и ценность самостоятельности на уровне ценностного компонента; у испытуемых, перенесших ишемический инсульт, базовыми качествами являются мотивация общей активности на уровне мотивационного компонента социальной идентичности и простая когнитивная организация на уровне когнитивного компонента. На качественном уровне вне зависимости от вида соматической патологии выявлена статистически достоверная однородность (гомогенность) структур социальной идентичности (таблица 33).

Таблица 33

Мера организованности коррелограмм структурных компонентов социальной идентичности, ведущие, базовые качества при соматопатологии

Группы	ИКС	ИДС	ИОС	Ведущие качества	Базовые качества
Испытуемые с колостомой	12	15	-3	Ценность самостоятельности на уровне ценностного компонента	Мотивация поддержания жизнеобеспечения на уровне мотивационного компонента
Испытуемые, перенесшие мастэктомию	11	14	-3	Ценность самостоятельности на уровне ценностного компонента	Мотивация поддержания жизнеобеспечения на уровне мотивационного компонента
Испытуемые с онкогематологическим заболеванием	10	12	-2	Ценность безопасности на уровне ценностного компонента	Мотивация поддержания жизнеобеспечения на уровне мотивационного компонента
Испытуемые с ампутацией нижних конечностей	13	16	-3	Ценности традиций и доброты на уровне ценностного компонента	Мотивация комфортности на уровне мотивационного компонента; ценности самостоятельности на уровне ценностного компонента
Испытуемые, перенесшие ишемический инсульт	9	11	-2	Простые когнитивные конструкторы на уровне когнитивного	Мотивация общей активности на уровне мотивационного компонента; простые

				компонента	когнитивные конструкторы на уровне когнитивного компонента
--	--	--	--	------------	--

Условные обозначения: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры.

Таким образом, генез социальной идентичности вне зависимости от типа нарушения (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии) характеризуется гетерогенностью структур в сравнении с нормой. При этом нарушение социальной идентичности внутри каждой группы нарушения (при аддиктивном поведении: алкогольной зависимости, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей, игровой зависимости; при делинквентном поведении: деструктивном и аутодеструктивном поведении; при соматической патологии: испытуемые с колостомой, испытуемые, перенесшие мастэктомию, испытуемые с онкогематологическим заболеванием, испытуемые с ампутацией нижних конечностей, испытуемые, перенесшие ишемический инсульт) проявляется в статистически достоверной гомогенности структур социальной идентичности.

Вывод по главе 4

Генез социальной идентичности нами представлен в двух аспектах: как процесс трансформации структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза (в подростковом, юношеском возрасте, периодах взрослости и старости); как процесс обратного развития (дисгенеза) при различных нарушениях (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии). Любое нарушение социальной идентичности не является дискретным, проявляется в континуальности «норма–нарушение». В результате эмпирического исследования установлено, что генез и дисгенез социальной идентичности подчиняются одним и тем же закономерностям как системогенеза, так и метасистемогенеза, которые составляют диалектическое единство.

Генез социальной идентичности характеризуется последовательной сменой онтогенетических этапов (от подросткового возраста к юношескому и далее), характеризующихся качественной трансформацией структурной организации социальной идентичности в сторону повышения степени интеграции. На качественно структурном уровне норма социальной идентичности в генетическом аспекте реализуется в направлении от дезинтегрированности структурной организации в подростковом возрасте к интегрированной организации в юношестве, характеризуется нарастанием данной тенденции в период взрослости и дезинтеграцией структурной организации социальной идентичности в старости. Установлено, что при общих сходных показателях индекса организованности структуры социальной идентичности на разных этапах онтогенеза структурная организация системы социальной идентичности проявляется через различные базовые качества. Дисгенез социальной идентичности вне зависимости от типа нарушения реализуется в направлении от интегрированности в норме к дезинтегрированности и дезорганизованности при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии. Специфические особенности структурной организации социальной идентичности при общей

дезинтегрированности проявляются на уровне базовых качеств, обеспечивающих интеграцию социальной идентичности.

Глава 5. Интегративный уровень организации социальной идентичности в норме и при нарушении

5.1. Интегративный уровень организации социальной идентичности в норме

В соответствии с логикой организации исследования в рамках метасистемного подхода завершающим этапом разработки концепции социальной идентичности в норме и при нарушении является анализ интегративного аспекта, который, с одной стороны, направлен на выявление интегративных (системных) качеств социальной идентичности; с другой – обеспечивает синтез предыдущих аспектов исследования (метасистемного, структурного, функционального, генетического) в некую целостность.

Данный этап исследования реализует обобщающую функцию по отношению ко всем данным, полученным на предшествующих этапах построения концепции и содержательно соответствует качественному анализу, который позволяет выявить наиболее важные характеристики объекта изучения – социальной идентичности, позволяющие дифференцировать его от внешней среды и от других сходных объектов.

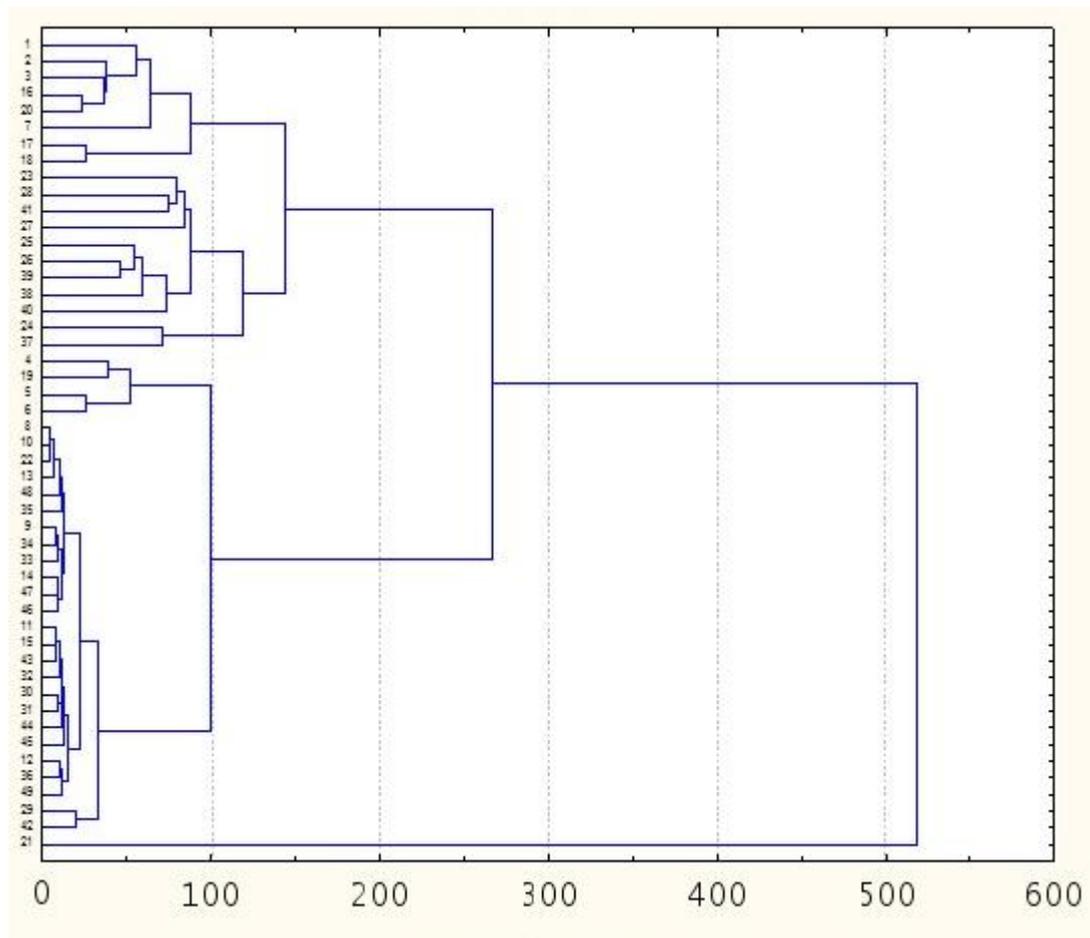
Раскрытие интегративных закономерностей социальной идентичности в норме и при нарушении реализуется через раскрытие ее содержания и определение критериев, дифференцирующих изучаемую систему (социальную идентичность) от внешней среды, а также определение системных качеств. Интегративный этап исследования позволяет решить основной гносеологический вопрос, раскрывающий качественную определенность социальной идентичности в норме и при нарушении.

С целью определения соотношения выделенных критериев нормы социальной идентичности осуществлялся кластерный анализ. В результате процедуры кластеризации были сформированы эмпирические модели структурно-критериальных показателей на разных возрастных этапах (в

подростковом возрасте, юношеском возрасте, периодах взрослости и поздней взрослости).

В подростковом возрасте простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, креативности, ориентации во времени, гибкости поведения. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в высокой сензитивности к себе и окружающим, спонтанности, экстернальности, самопринятии и стремлении к доминированию. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма, стимуляции и безопасности на критериальном уровне проявляется в альтруистических эмоциях и морально-этических ценностях доброты и традиций, низкой враждебности, отсутствии цинизма и снижении склонности ко лжи (рис. 59).

В юношеском возрасте сложные когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в высокой согласованности структурной организации идентичности, креативности, гибкости поведения, самопринятии и самоуважении, ориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через импульсивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в высокой сензитивности к себе и окружающим, контактности, выраженности познавательных потребностей.

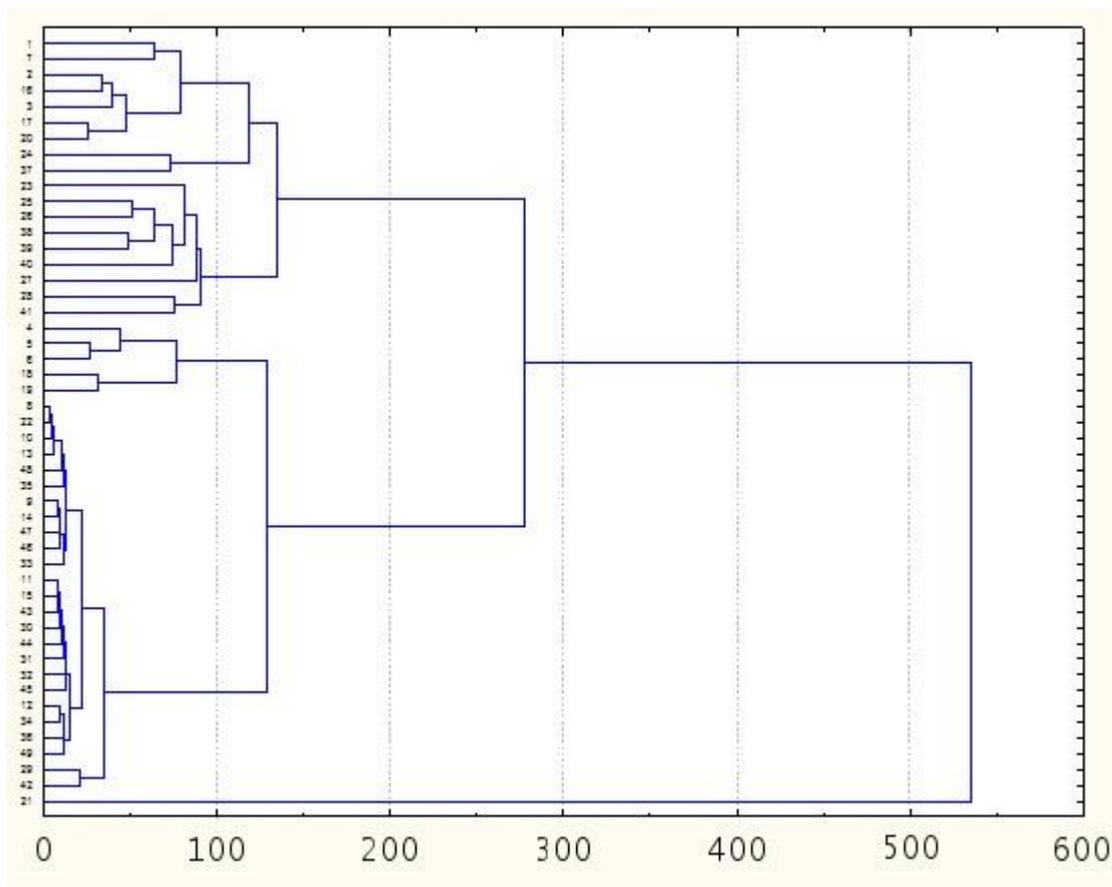

Условные обозначения: 1-простые когнитивные конструкты, 2-сложные когнитивные конструкты, 3-мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4-мотивация комфорта, 5-статусная мотивация, 6-коммуникативная мотивация, 7-мотивация общей активности, 8-мотивация творческой активности, 9-общественно полезная мотивация, 10-ценности конформности, 11-ценности традиций, 12-ценности доброты, 13-ценности универсализма, 14-ценности самостоятельности, 15-ценности стимуляции, 16-ценности гедонизма, 17-ценности достижения, 18-ценности власти, 19-ценности безопасности, 20-согласованность структурной организации идентичности, 21-адаптивность, 22-принятие себя, 23-принятие других, 24-эмоциональный комфорт, 25-интернальность, 26-доминирование, 27-ориентация во времени, 28-поддержка, 29-ценностные ориентации, 30-гибкость поведения, 31-сензитивность, 32-спонтанность, 33-самоуважение, 34-самопринятие, 35-представление о природе человека, 36-синергия, 37-принятие агрессии, 38-контактность, 39-познавательные потребности, 40-креативность, 41-рефлексия на морально-этические ситуации, 42-интуиция в морально-этической сфере, 43-экзистенциальная ответственность, 44-альтруистические эмоции, 45-морально-этические ценности, 46-склонность ко лжи, 47-цинизм, 48-агрессивность, 49-враждебность.

Рисунок - 59 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности в подростковом возрасте

Ценностный компонент с преобладанием ценностей традиций, самостоятельности и власти на критериальном уровне проявляется в принятии морально-этических ценностей, интуиции в морально-этической

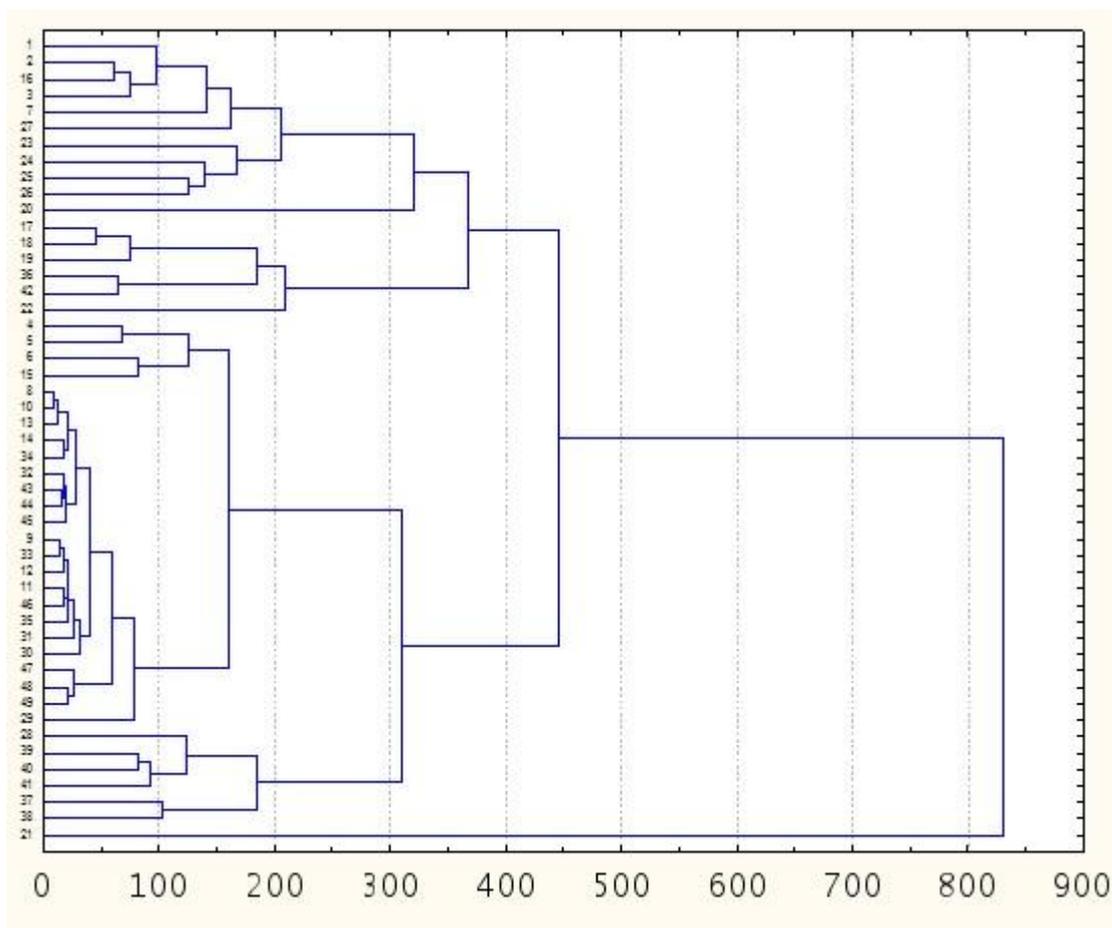
сфере, альтруистических эмоциях, низкой враждебности, агрессивности, отсутствии цинизма и склонности ко лжи (рис. 60).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкции, 2 - сложные когнитивные конструкции, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок - 60 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности в юношеском возрасте.

В период взрослости сложные когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в высокой согласованности структурной организации идентичности, креативности, гибкости поведения, ориентации во времени, самопринятии и самоуважении. Мотивационный компонент, представленный через прогрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в сензитивности к себе и окружающим, выраженности познавательных потребностей, контактности, эмоциональном комфорте. Ценностный компонент с преобладанием ценностей традиций, самостоятельности и власти на критериальном уровне проявляется через альтруистические эмоции, морально-этические ценности, принятие экзистенциальной ответственности, в отсутствии враждебности, агрессивности, цинизма и склонности ко лжи (рис. 61).

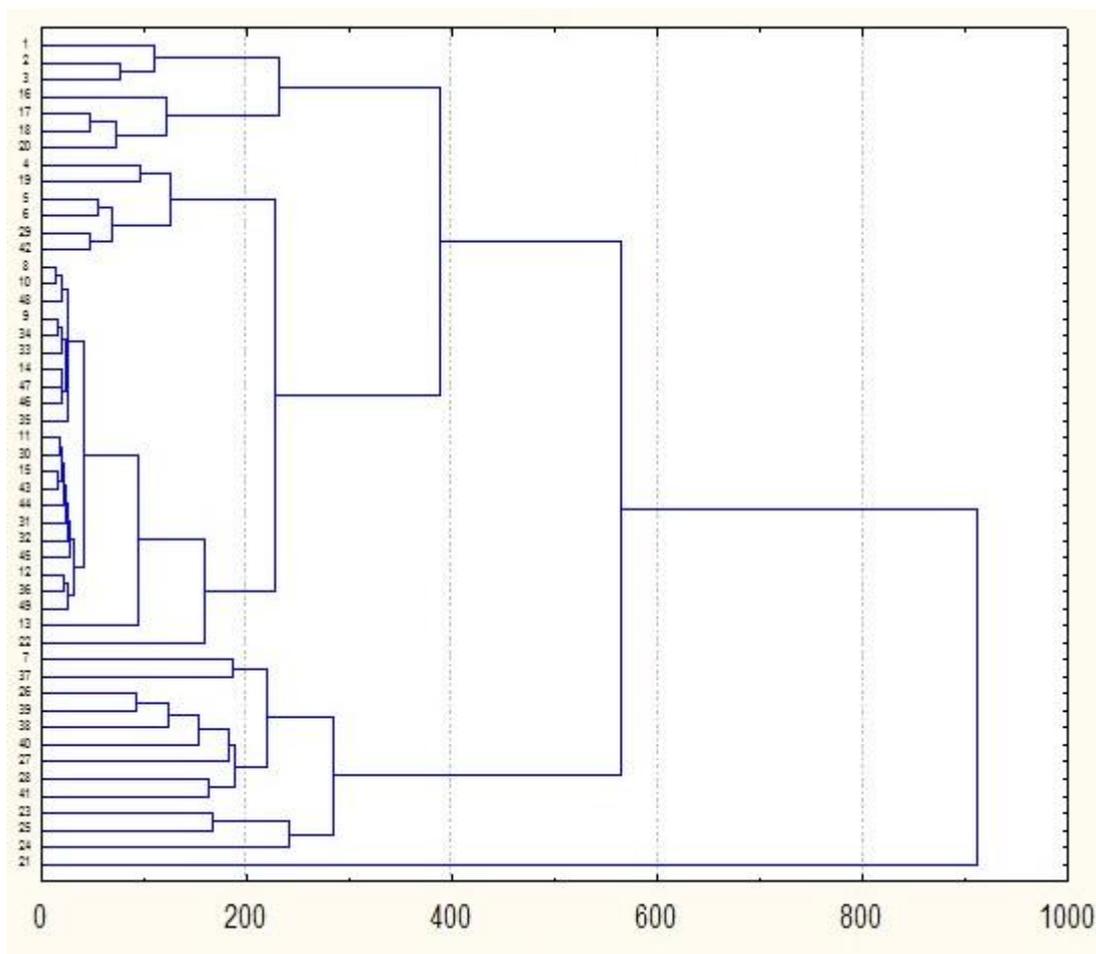

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей

активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 61 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности в период взрослости

На этапе поздней взрослости простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, самопринятии и самоуважении, креативности, ригидности поведения и ориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через экспрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в высокой сензитивности к себе и окружающим, неконтактности, снижении познавательных потребностей, эмоциональном комфорте. Ценностный компонент с преобладанием ценностей традиций, доброты и достижений на критериальном уровне проявляется через альтруистические эмоции и морально-этические ценности при низкой враждебности и агрессивности, отсутствии цинизма и склонности ко лжи (рис. 62).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 62 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности в период поздней взрослости

Социальная идентичность, являясь системным интегративным феноменом, функционирует в континууме «норма–нарушение».

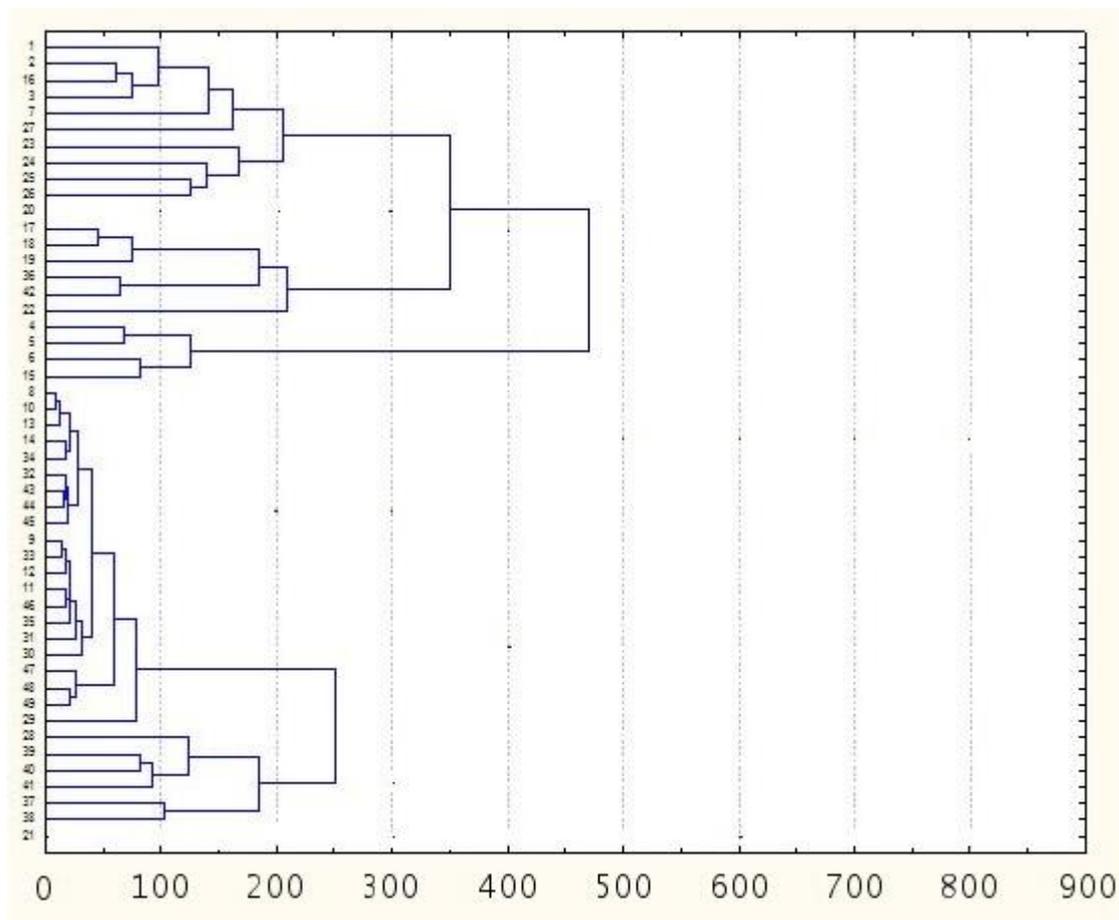
Характеризуясь континуальностью, критериальное содержание в оценочных аспектах социальной идентичности формировалось на положениях К.К. Платонова (1986). Критериальное содержание социальной идентичности на разных возрастных этапах характеризуется специфическими особенностями. Норма социальной идентичности в критериальных оценках реализуется в высоком уровне согласованности структурной организации идентичности, адаптивности, проявляющейся в самопринятии, социальном принятии и эмоциональном комфорте, самоактуализации, реализующейся в целостности временной перспективы личности, а также высоком уровне морально-этической ответственности при низкой склонности ко лжи.

5.2. Интегративный уровень организации социальной идентичности при аддиктивном поведении

При алкогольной зависимости на уровне структурных компонентов социальная идентичность характеризуется преобладанием простых когнитивных конструктов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованной системой ценностных ориентаций, проявляющихся на уровне представлений и на уровне поведения. При этом структурная организация социальной идентичности при алкогольной зависимости является дезинтегрированной, о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента согласованности структуры.

На уровне критериальных оценок простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности проявляются в низкой согласованности структурной организации идентичности, отсутствии креативности, ригидности поведения и дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в низкой сензитивности к себе и окружающим, экстернальности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей,

высокой враждебности, агрессивности и склонности ко лжи (рис. 63).

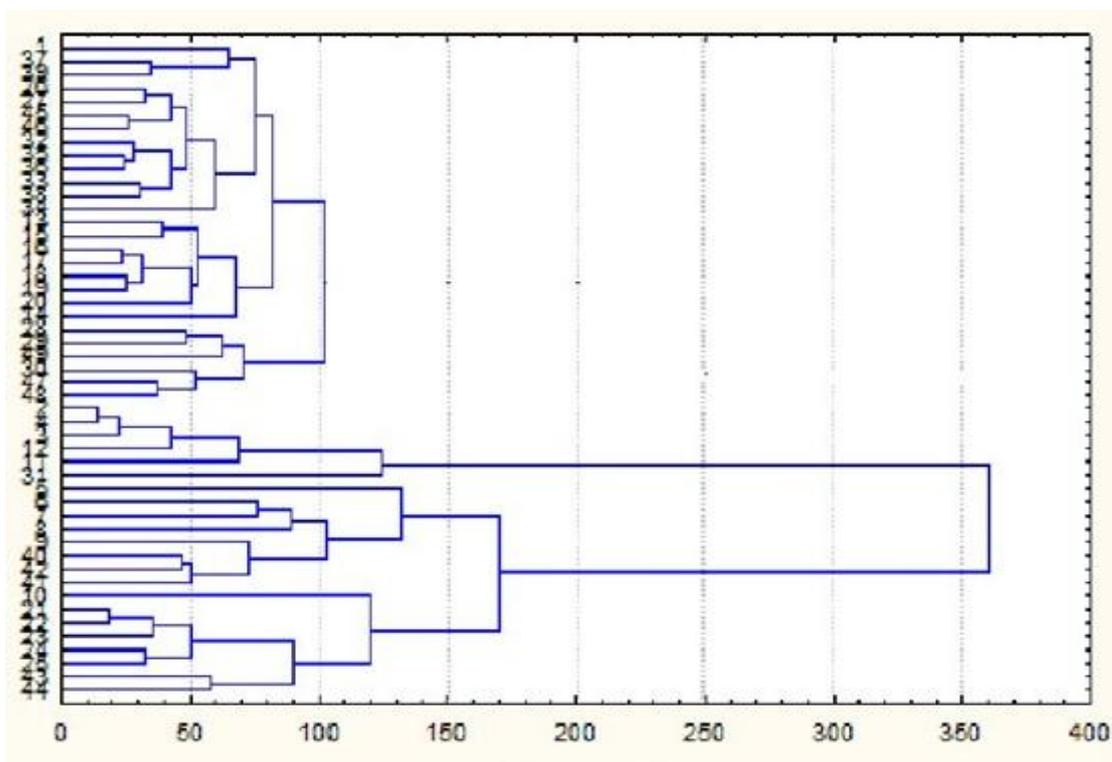

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 63 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при алкогольной зависимости

При наркотической зависимости на уровне структурных компонентов социальная идентичность характеризуется преобладанием простых

когнитивных конструктов, уплощенным мотивационным профилем и несогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. При этом структурная организация социальной идентичности при наркотической зависимости является дезинтегрированной, о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента согласованности структуры (рис. 64).

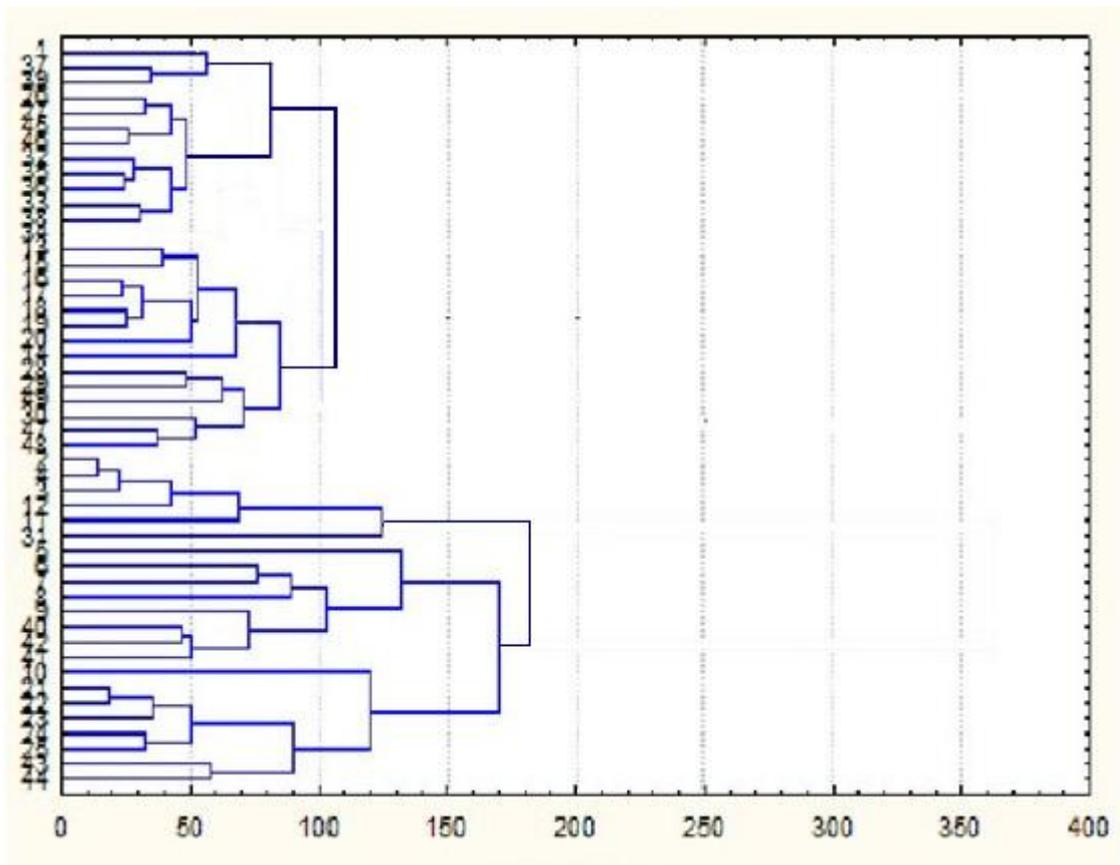

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 64 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при наркотической зависимости

На критериальном уровне простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности при наркотической зависимости проявляются в низкой согласованности структурной организации идентичности, непринятии себя и других, интернальности, ригидности поведения и дезориентации во времени, отсутствии креативности. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в высоком уровне принятия агрессии, низкой синергии, отсутствии познавательных потребностей. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокой враждебности, агрессивности и склонности ко лжи.

При зависимости от курительных смесей на уровне структурных компонентов социальная идентичность характеризуется преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструктов, содержательно ориентированных на объект зависимости, уплощенным мотивационным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания жизнеобеспечения и комфорта; рассогласованностью ценностных ориентаций на уровне представлений и их поведенческой реализации при значимом преобладании ценностей гедонизма, безопасности, традиций, конформности (рис. 65).

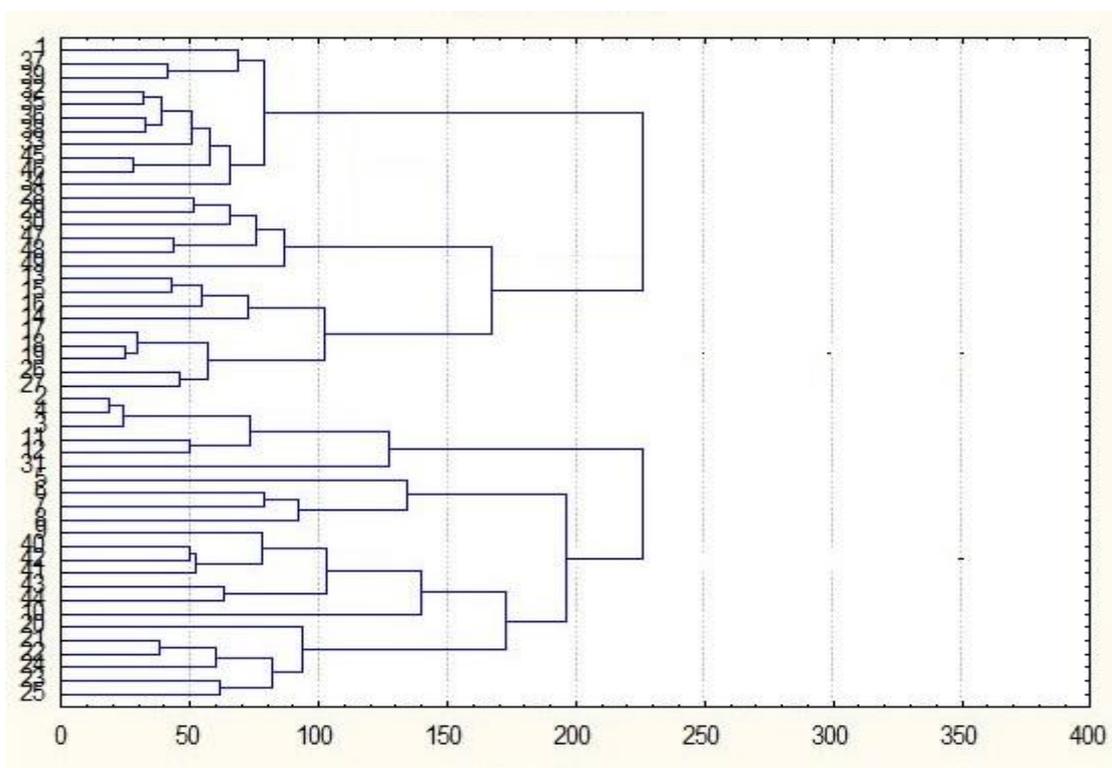
Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкции, 2 - сложные когнитивные конструкции, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 65 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при зависимости от курительных смесей

На критериальном уровне простые когнитивные конструкции в структуре социальной идентичности при зависимости от курительных смесей проявляются в низкой согласованности структурной организации

идентичности, непринятии себя и других, интернальности, эмоциональном комфорте, ригидности поведения и дезориентации во времени, отсутствии креативности. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в низкой сензитивности по отношению к окружающим, высоком самоуважении, высоком уровне враждебности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в снижении альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокоцинизме и склонности ко лжи.

При игровой зависимости на уровне структурных компонентов аддиктивная идентичность характеризуется преобладанием сложных, дифференцированных когнитивных конструкторов, содержательно ориентированных на объект зависимости, регрессивным мотивационным профилем со значимым преобладанием мотивации поддержания комфорта и креативности; рассогласованностью ценностных ориентаций с преобладанием ценностей гедонизма и власти (рис. 66).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкторы, 2 - сложные когнитивные конструкторы, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация

комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

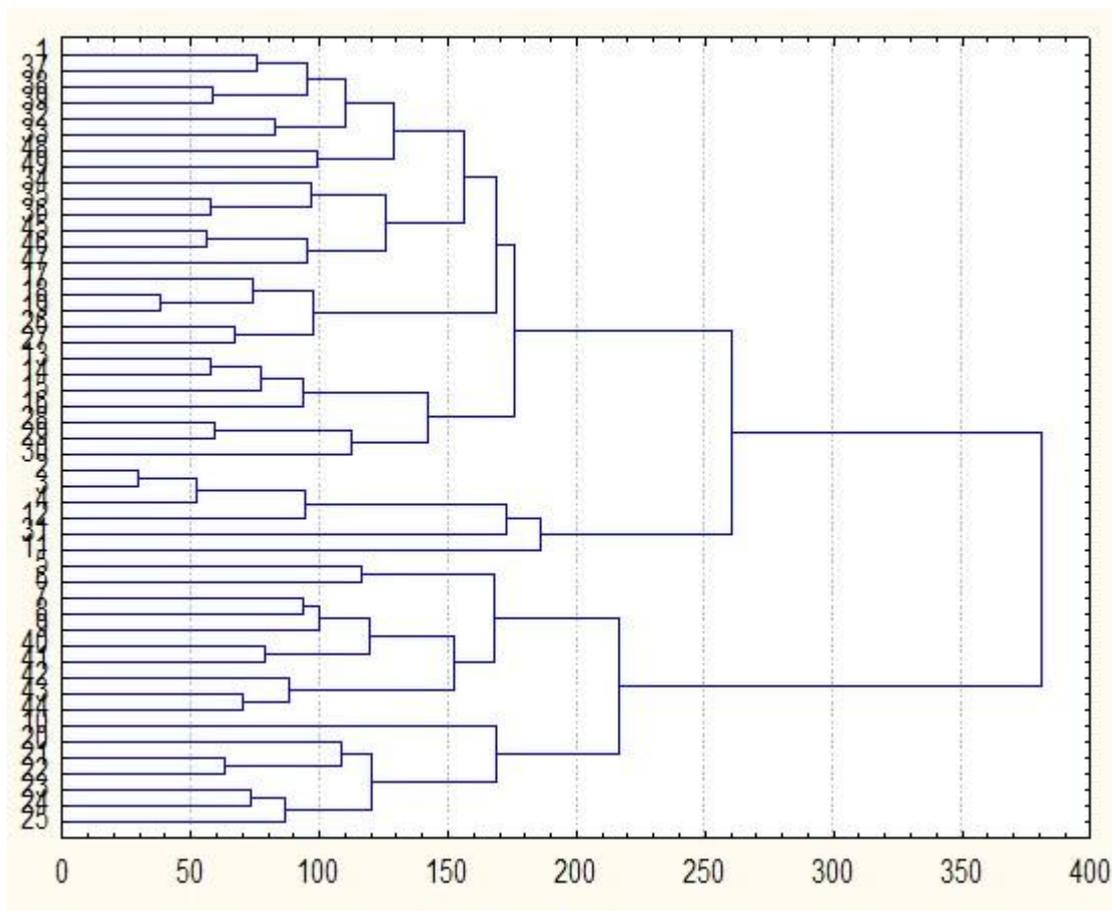
Рисунок – 66 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при игровой зависимости

Сложные когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности при игровой зависимости на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации идентичности, стремлении к доминированию, ригидности поведения и дезориентации во времени, креативности. Мотивационный компонент, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в низкой сензитивности по отношению к окружающим, высоком самоуважении, выраженности познавательных потребностей. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокой враждебности, цинизме и склонности ко лжи.

5.3. Интегративный уровень организации социальной идентичности при делинквентном поведении

Делинквентная идентичность при деструктивном поведении характеризуется тем, что простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в низкой

согласованности структурной организации идентичности, ригидности поведения и дезориентации во времени (рис. 67).

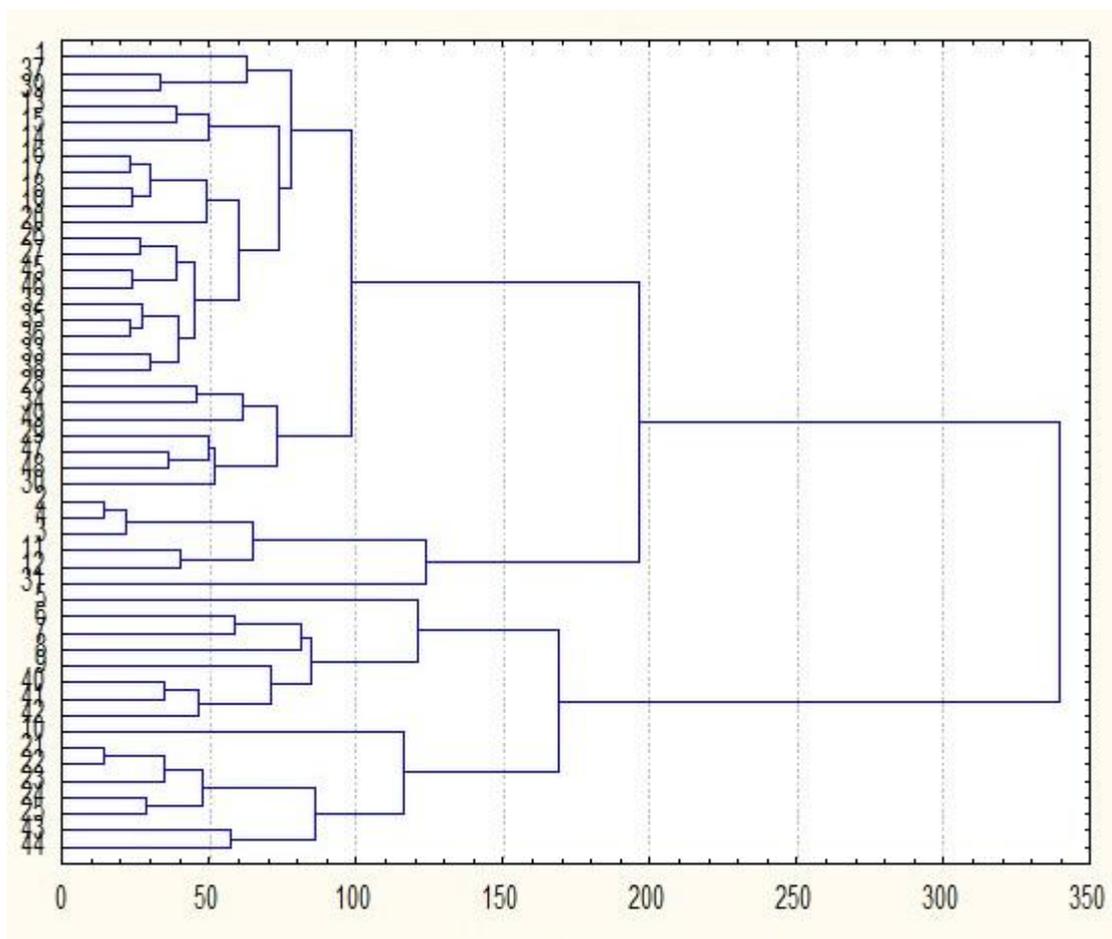

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 67 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при деструктивном поведении

Мотивационный компонент, представленный через импульсивный мотивационный профиль, на критериальном уровне реализуется через стремление к доминированию, принятие агрессии и непринятие других. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности, традиций, стимуляции и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, низкой рефлексивностью на морально-этические ситуации, высокой враждебностью, агрессивностью и цинизмом.

В структуре делинквентной идентичности при аутодеструктивном поведении сложные когнитивные конструкты на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, интернальности, непринятии как себя, так и других, дезориентации во времени (рис. 68).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация,

10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

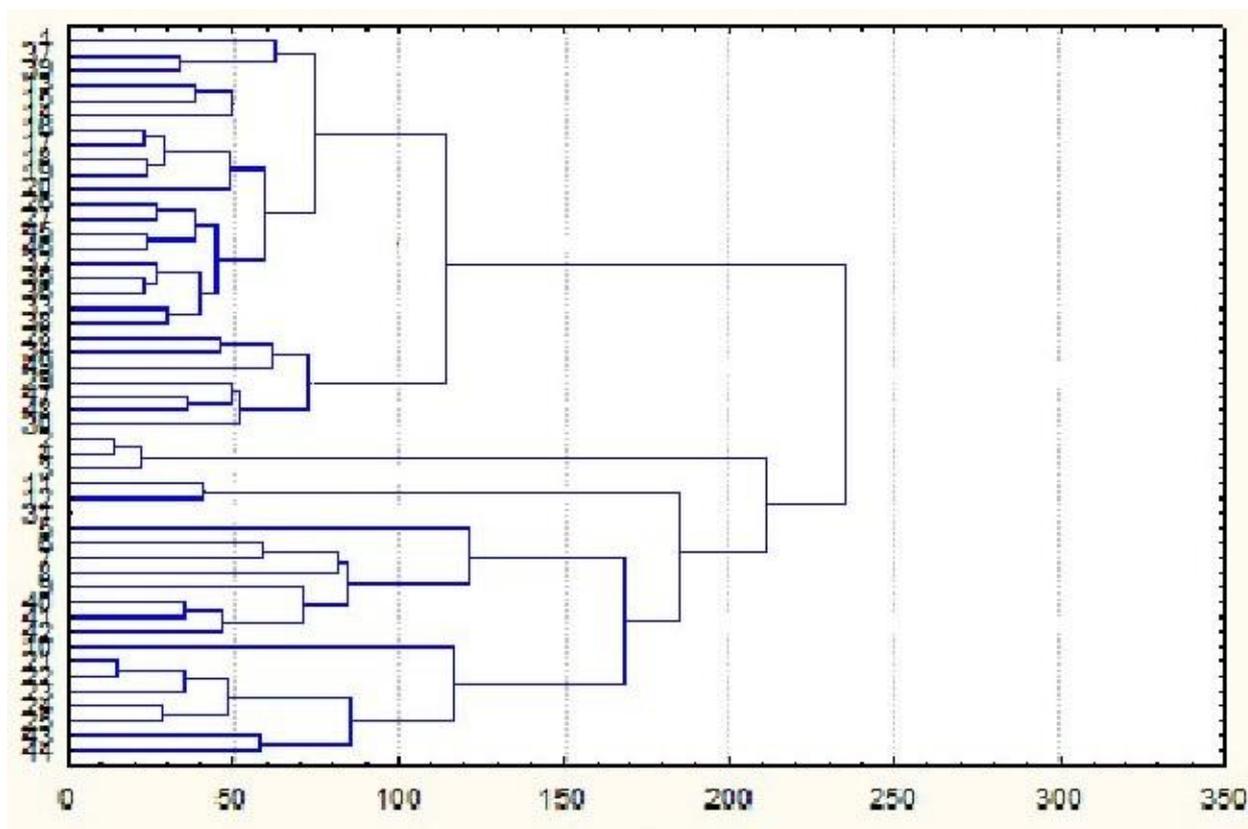
Рисунок – 68 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности при аутодеструктивном поведении

Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций, отсутствии экзистенциальной ответственности, низкой синергии, ригидности поведения. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности, традиций, достижения на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций, низкой сензитивности к себе, низких показателях самопринятия и самоуважения, высокой враждебностью и склонностью ко лжи.

5.4. Интегративный уровень организации социальной идентичности при соматической патологии

В структуре социальной идентичности у пациентов с колостомой простые когнитивные конструкты на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, интернальности, непринятии как себя, так и других, дезориентации во времени. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном дискомфорте, конформности и ригидности поведения. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне

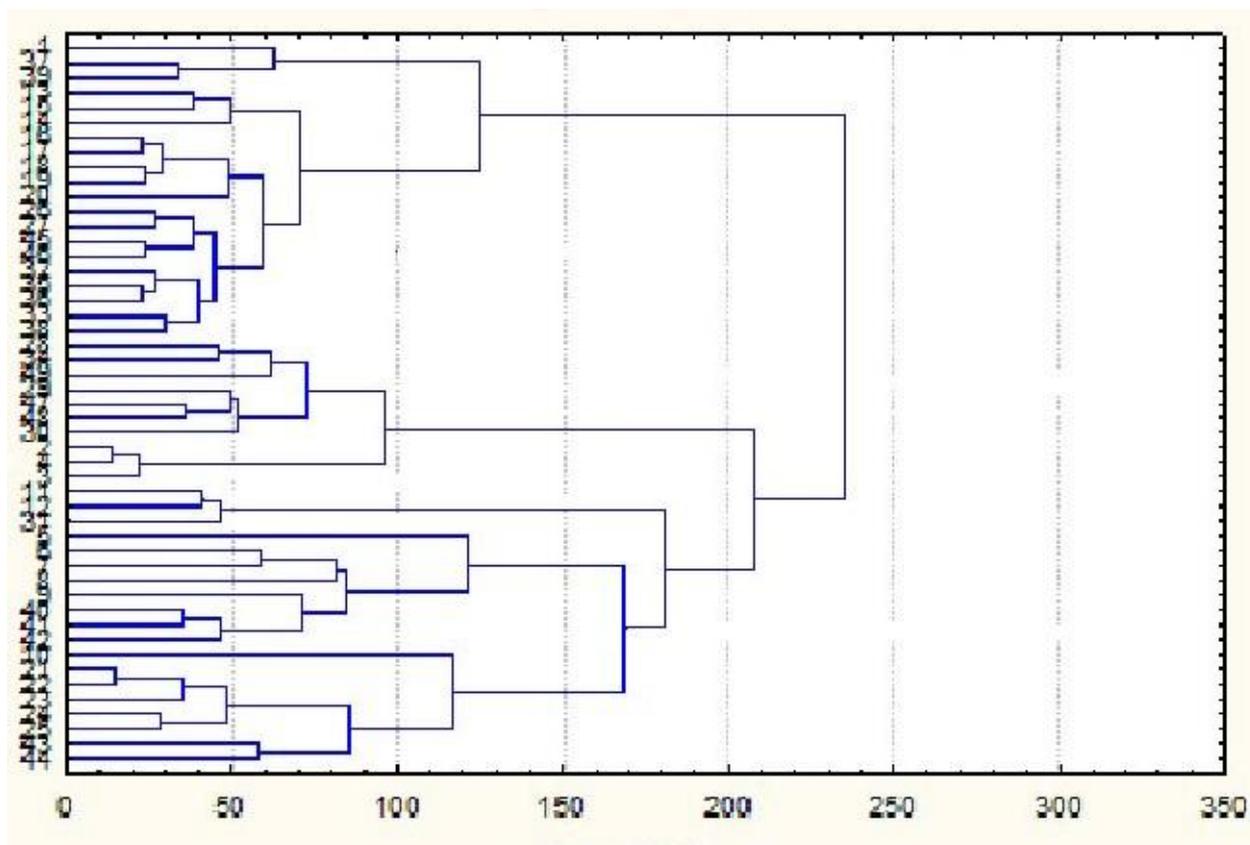
проявляется в высоком уровне морально-этических ценностей и рефлексивности на морально-этические ситуации, низком самопринятии и самоуважении, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности (рис. 69).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 69 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности у пациентов с колостомой

В структуре социальной идентичности пациентов, перенесших мастэктомию, простые когнитивные конструкты, характеризующие содержание когнитивного компонента, на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, интернальности, принятии себя и других (рис. 70).

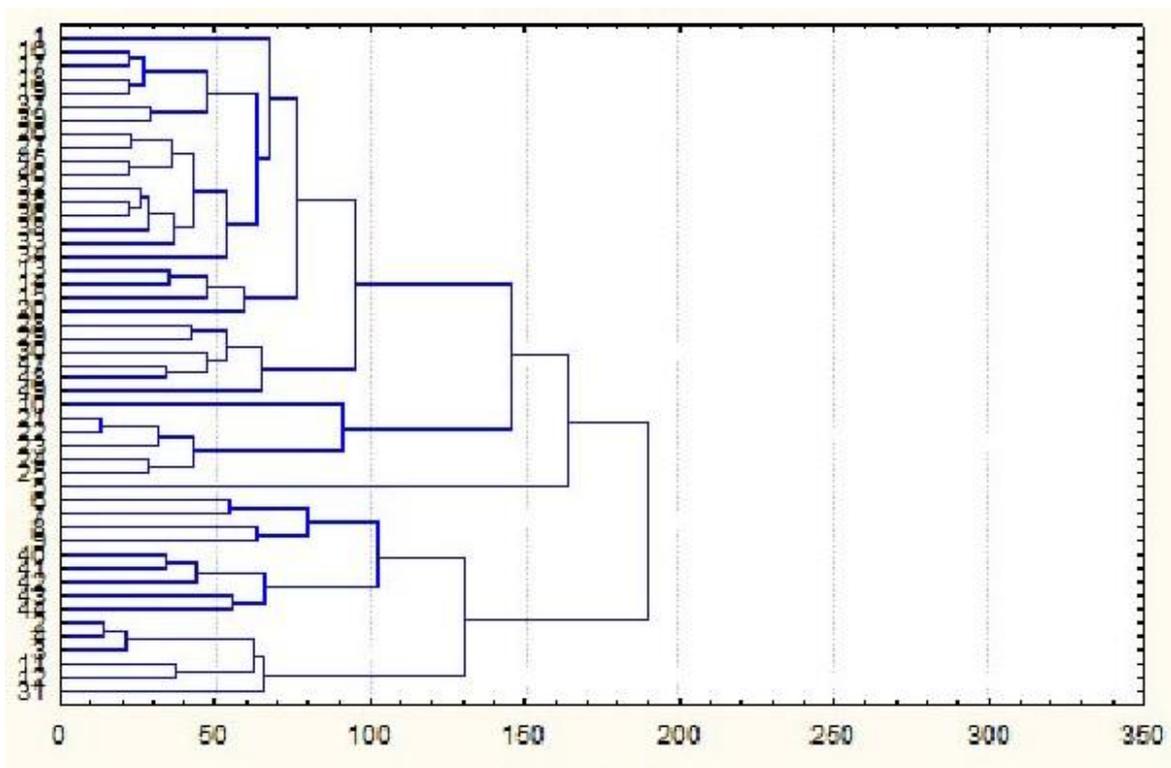

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 70 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности у пациентов, перенесших мастэктомию

Мотивационный компонент, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном дискомфорте, ригидности и конформности поведения, дезориентации во времени. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в высоком уровне морально-этических ценностей и альтруистических эмоциях, низком самопринятии и самоуважении, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности.

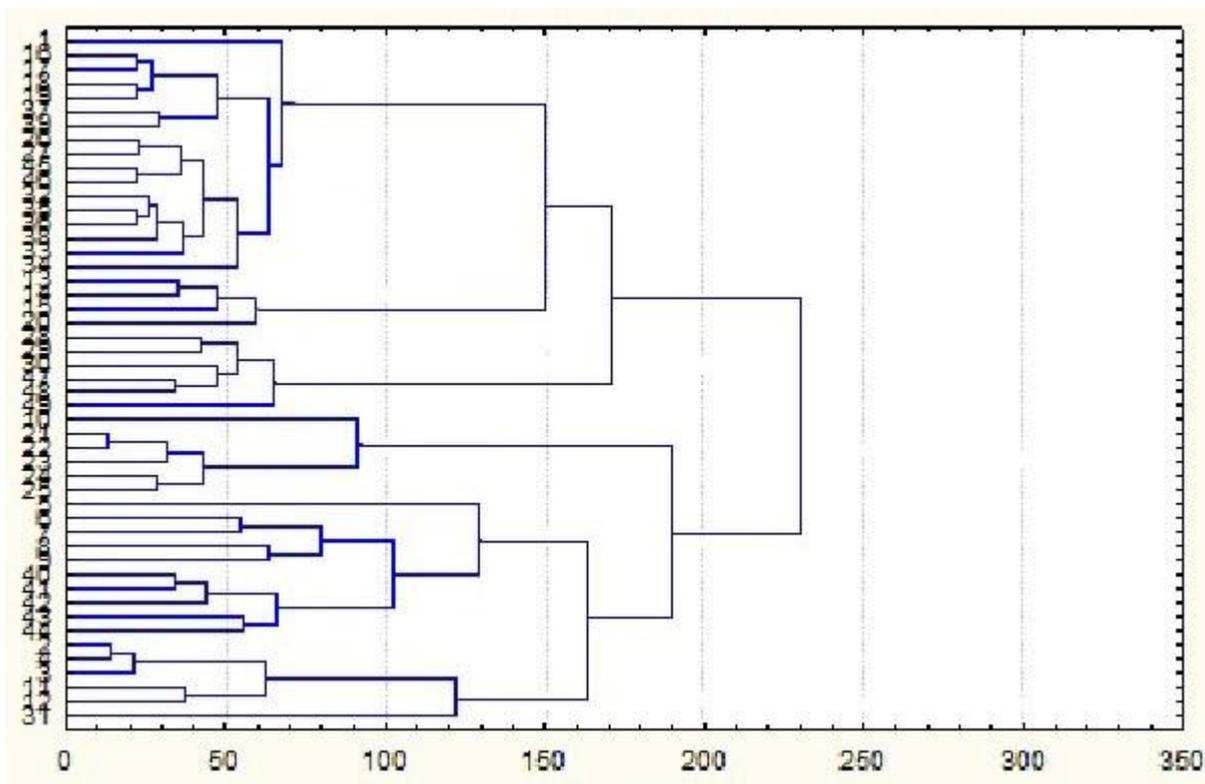
В структуре социальной идентичности пациентов с заболеваниями онкогематологического профиля простые когнитивные конструкты на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации идентичности, интернальности, непринятии себя, принятии других при отсутствии контактности, дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном комфорте, ригидности поведения, спонтанности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в альтруистических эмоциях, высоком уровне экзистенциальной ответственности и рефлексивности на морально-этические ситуации, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности (рис. 71).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкции, 2 - сложные когнитивные конструкции, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации личностной идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 71 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности у пациентов с заболеваниями онкогематологического профиля

В структуре социальной идентичности пациентов с ампутацией нижних конечностей сложные когнитивные конструкции на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации идентичности, экстернальности, непринятии себя, принятии других, дезориентации во времени (рис. 72).

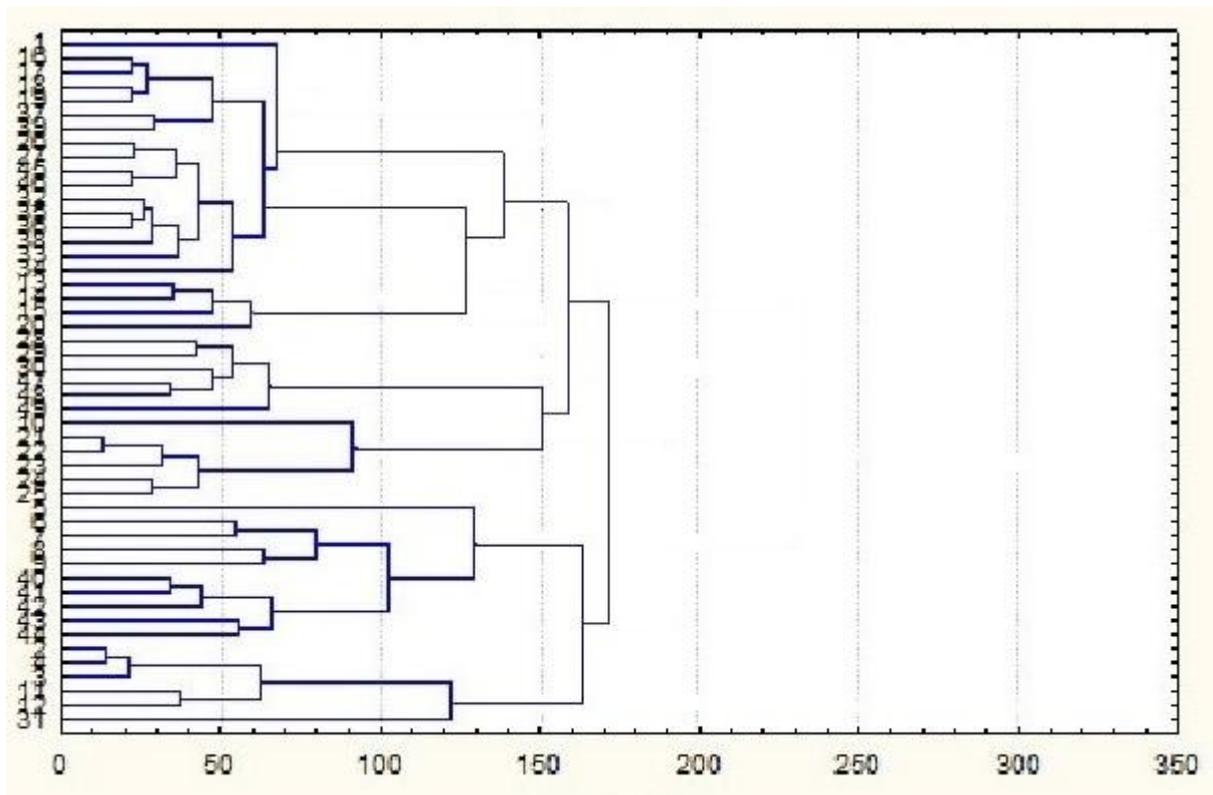
Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации личностной идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 72 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности у пациентов с ампутацией нижних конечностей

Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности пациентов с ампутацией нижних конечностей, представленный через импульсивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в стремлении к доминированию, ригидности поведения, принятию агрессии и спонтанности. Ценностный компонент с преобладанием

ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и низкой рефлексивности на морально-этические ситуации, высокой враждебности, агрессивности и склонности к лжи.

В структуре социальной идентичности у пациентов, перенесших ишемический инсульт, когнитивный компонент, представленный простыми недифференцированными когнитивными конструктами, на уровне критериальных оценок проявляется в расогласованности структурной организации идентичности, интернальности, эмоциональном дискомфорте. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности, представленный через уплощенный мотивационный профиль с преобладанием общественно полезной мотивации и мотивации поддержания жизнеобеспечения, на критериальном уровне проявляется в ригидности поведения, характеризующей критерий нарушения самоактуализации, и враждебности как проявлении критерия деструктивности. Ценностный компонент в структуре социальной идентичности пациентов, перенесших ишемический инсульт, характеризующийся преобладанием ценностей конформности, традиций и безопасности на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и низкой спонтанности (рис. 73).

Условные обозначения: 1 - простые когнитивные конструкты, 2 - сложные когнитивные конструкты, 3 - мотивация поддержания жизнеобеспечения, 4 - мотивация комфорта, 5 - статусная мотивация, 6 - коммуникативная мотивация, 7 - мотивация общей активности, 8 - мотивация творческой активности, 9 - общественно полезная мотивация, 10 - ценности конформности, 11 - ценности традиций, 12 - ценности доброты, 13 - ценности универсализма, 14 - ценности самостоятельности, 15 - ценности стимуляции, 16 - ценности гедонизма, 17 - ценности достижения, 18 - ценности власти, 19 - ценности безопасности, 20 - согласованность структурной организации личностной идентичности, 21 - адаптивность, 22 - принятие себя, 23 - принятие других, 24 - эмоциональный комфорт, 25 - интернальность, 26 - доминирование, 27 - ориентация во времени, 28 - поддержка, 29 - ценностные ориентации, 30 - гибкость поведения, 31 - сензитивность, 32 - спонтанность, 33 - самоуважение, 34 - самопринятие, 35 - представление о природе человека, 36 - синергия, 37 - принятие агрессии, 38 - контактность, 39 - познавательные потребности, 40 - креативность, 41 - рефлексия на морально-этические ситуации, 42 - интуиция в морально-этической сфере, 43 - экзистенциальная ответственность, 44 - альтруистические эмоции, 45 - морально-этические ценности, 46 - склонность ко лжи, 47 - цинизм, 48 - агрессивность, 49 - враждебность.

Рисунок – 73 Дендрограмма структурно-критериальных показателей социальной идентичности у пациентов, перенесших ишемический инсульт

Таким образом, в работе установлены качественные отличия социальной идентичности в норме (в различные возрастные периоды) и при различных типах нарушений. Генез социальной идентичности происходит, с одной стороны, в процессе последовательной смены возрастных этапов

развития; с другой стороны, в процессе обратного развития при переходе к нарушенной социальной идентичности; и отражает системогенетические и метасистемогенетические закономерности.

Выводы по главе 5

Осуществляя исследование в методологической логике метасистемного подхода, завершающим этапом исследования является разработка интегративного аспекта, позволяющего, с одной стороны, выявить интегративные системные качества социальной идентичности, с другой – осуществить синтез предшествующих аспектов исследования (структурного, функционального, генетического).

Реализация гносеологического варианта метасистемного подхода, включающего пять основных аспектов исследования, которые выступали этапами комплексной стратегии построения концепции социальной идентичности, позволила выявить ряд закономерностей, которые находятся в постоянном взаимодействии. Выявленные базовые закономерности (онтологические, структурные, функциональные, генетические) внутри каждого из рассмотренных аспектов концепции нормы и нарушения социальной идентичности, взаимодополняя друг друга, образуют качественно новые метазакономерности и проявляются в интегративной целостности социальной идентичности.

В рамках представленного этапа исследования определены качественные характеристики социальной идентичности на уровне структурных компонентов, а также системы их взаимосвязи как в норме, так и при различных видах нарушений (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии).

Многообразие проявлений социальной идентичности как в норме, так и при нарушении реализуется в критериально-иерархических моделях. Каждая критериально-иерархическая модель характеризуется качественным своеобразием как на уровне структурных компонентов и их взаимосвязи, так и на уровне базовых качеств, обеспечивающих структурную интегрированность социальной идентичности.

Глава 6. Апробация и стандартизация инструментально-методического обеспечения изучения социальной идентичности

6.1. Анализ методического обеспечения современных исследований идентичности

Активизация исследовательского интереса в отношении феноменов, концептуализирующих психологическое содержание личности, отражает интегративные тенденции в современной психологии. В феномене идентичности максимально реализуются интегративные процессы формирования личности. Исследовательская активность в изучении идентичности осуществляется в направлениях ее видовой специфики (Г. Гарфинкель, [63]; Э. Гофман, [71]; Е.Ю. Баженова [27], Н.Т. Варданян [52], И.С. Клёцина [124], L.Krappmann, [372]), структурной организации (Н.Л. Иванова, [102]; С.А. Дроздова [80], А.В. Микляева [165], Дж. Тэйлор [299], Е.Л. Солдатова [286], E.S. Abes [337], С.Е. Amiot et al. [341]; I. Adarves-Yomo et al. [339]; A.S. Waterman, [418]), Z. Bauman [344], D.R. Matteson [379]; генеза (М.В. Заковоротная, [91]; Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева, [105]; Н.В. Трусова, [298]; В.Н. Павленко [203], Р.М. Шамионов [318, 319, 320, 321]; M. Bennet, [346]; S. Costarelli [354]), детерминации (G.M. Breakwell, [348]; Н. Tajfel, [408, 409, 410]). Методологическая множественность изучения идентичности приводит к методическим противоречиям в измерении идентичности. В зависимости от методологической логики методический инструментарий исследования идентичности базируется либо на формальных проявлениях, которые типизируются в статусы или виды (типологический подход); либо в рамках структурно-функционалистской парадигмы (номотетический подход). Структурно-функционалистский подход предполагает соответствие психодиагностического инструментария каждому структурному блоку идентичности и их взаимосвязи (Н.Л. Иванова, [104]; Т.Г. Стефаненко, [289, 290]). Однако диагностического инструментария, позволяющего в рамках

этого подхода измерять социальную идентичность, не найдено [115, 292, 302].

Осуществление анализа современных исследований феномена идентичности на предмет их методической обеспеченности включало в себя следующие этапы: запрос по ключевым слова «идентичность» и «исследование идентичности» в разделе «Психология» по системе Научной электронной библиотеки eLibrary в глубине 15 лет (2000-2015 гг.); найдено 1423 научные публикации. Вторым этапом процедуры были выделены научные работы, содержащие эмпирические и экспериментальные данные. Количество таких работ составило 167 (11,7% от общего количества публикаций). Следующим этапом был проведен методический анализ авторских исследований на предмет использования психодиагностического инструментария. Общим итогом данного этапа работы стало выявление следующих методических тенденций в изучении идентичности: во-первых, самыми распространенными методиками являются «Методика исследования личностной идентичности» Л.Б. Шнейдер [325], методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда [47, 264], опросник выявления статусов профессиональной идентичности Дж. Марсиа [376, 377] (46% исследований); во-вторых, 54% исследований феномена идентичности реализованы с использованием непрофильных психодиагностических методик исследования идентичности (например, Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [144, 145], методика «Личностный профиль кризиса» А.Е. Тарасова [159], Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [253] и др.); в-третьих, используемые методики дифференцируются на опросные (опросник выявления статусов профессиональной идентичности Дж. Марсиа [376, 377]) и основанные на использовании семантического дифференциала Осгуда (методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда [47, 264], «Методика исследования личностной идентичности» Л.Б. Шнейдер [325]); в-четвертых, психодиагностический инструментарий для исследования идентичности не охватывает полностью видовую специфику идентичности (в работах Л.Б.

Шнейдер представлены методики исследования личностной идентичности (МИЛИ), гендерной идентичности (МИГИ), профессиональной идентичности (МИПИ) [325]; Дж. Марсиа разработан Опросник выявления статусов профессиональной идентичности), при этом методов исследования социальной идентичности не выявлено.

Чаще других в исследованиях встречаются следующие методы: тест «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда и «Методика исследования личностной идентичности» (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер. Преимуществами теста «Кто Я» М.Куна и Т.Макпартленда является то, что данная методика охватывает не только ролевые аспекты, но все сферы представлений человека о своей личности и ее ядре – «Я»; процедура может применяться к подросткам и взрослым любых социальных групп, за исключением больных в остром психотическом состоянии; методика может быть использована для диагностики отношений в паре, в рамках индивидуальной или групповой работы. Преимуществами «Методики исследования личностной идентичности» (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер являются применимость к разному возрастному контингенту, а также простая обработка результатов исследования.

Таким образом, результаты проведенного анализа указывают на отсутствие психодиагностического инструментария в отечественных психологических исследованиях, позволяющего исследовать структурную организацию идентичности, что приводит нас к необходимости конструирования методики исследования структурной организации личностной и социальной идентичности.

Прежде чем приступить к конструированию психодиагностического инструментария для исследования структурной организации личностной и социальной идентичности, необходимо дифференцировать видовую специфику социальной и личностной идентичности, а также определить и разграничить их содержание. Ориентируясь на результаты концептуально-теоретического анализа, представленного в первой главе данной работы,

представим содержание понятий личностной и социальной идентичности. Личностная идентичность представляет собой набор устойчивых индивидуальных качеств, характеризующихся преемственностью во времени и пространстве, определяющих уникальность каждого индивида, то есть делает человека подобным самому себе и отличным от других. Социальная идентичность, будучи рассмотренной в контексте группового поведения, представляет собой два аспекта: с точки зрения подобия социально-психологических характеристик с членами «своей» социальной группы, с одной стороны; с точки зрения отличия, «дифференциации» от представителей других социальных групп, членом которых индивид не является, с другой стороны.

Критериальное содержание в оценочных аспектах социальной идентичности формировалось на положениях К.К. Платонова [239]. Установление соответствия между содержанием и инструментальным обеспечением критериев оценки представлено в таблице 34.

Таблица 34

Критерии нарушения социальной идентичности

Критерии	Методика диагностики
Согласованность/рассогласованность	МИСОЛИ
Адаптивность/неадаптивность	Опросник СПА К. Роджерса, Р. Даймонд
Самоактуализация/нарушение самоактуализации	Опросник самоактуализации Э. Шострома
Ответственность/безответственность	Методика диагностики уровня морально-этической ответственности личности (ДУМЭОЛ) К.К. Муздыбаева
Совестливость/бессовестливость	Методика определения склонности ко лжи
Конструктивность/деструктивность	Шкала враждебности Кука-Медлей

6.2. Концептуально-методологическое обоснование методики исследования структурной организации социальной идентичности

Как мы определились ранее, в норме социальная идентичность представляет собой системный интегративный феномен, включающий онтогенетические и социогенетические основания, характеризующийся множественностью проявлений на структурном, генетическом, функциональном, интегративном и метасистемном уровнях; определяем ее как осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я.

Нарушение социальной идентичности по критерию отношения к реальности функционирует в трех формах: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (при зависимости); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии) (Н. Пезешкиан) [205].

Рассматривая социальную идентичность в нескольких планах (ее структурной организации, функционирования и содержания), мы предполагаем, что критерии оценки социальной идентичности соответствуют выделенным планам. Структурный план исследования раскрывает механизмы и закономерности, лежащие в основе собственной организации социальной идентичности; характеризуется показателями объема реализации и реализованностью социальных ролей. Функциональный план раскрывает особенности развертывания социальной идентичности во времени; реализуется через ролевую самооценку. Содержанием социальной идентичности является ролевая принадлежность.

Стимульный материал методики был структурирован и организован в форму таблицы (Приложение). Процедура проведения методики осуществлялась в несколько этапов. Первоначально респондентам

предлагается составить список ролей, отвечая на вопрос: кто я? Далее необходимо объединить выделенные роли в следующие группы: семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг (интересы). Следующим этапом испытуемым необходимо дать характеристику каждой из перечисленных ролей, отвечая на вопрос: как я выполняю свою роль (по каждой роли отдельно). После оценки респондентам необходимо перечислить тех, в отношении кого (и какого количества людей) реализуется каждая социальная роль. Завершающим этапом процедуры является перечисление действий, в которых реализуется каждая из указанных социальных ролей. Критерии оценки методики исследования социальной идентичности представлены в таблице 35.

Таблица 35

Соотнесение критериев оценки социальной идентичности и содержания этапов инструктирования испытуемых

Критерий оценки социальной идентичности		Этап инструктирования
Содержание социальной идентичности	Ролевая принадлежность	Составьте список ролей, отвечая на вопрос: кто я? Объедините выделенные роли в следующие группы: семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг (интересы).
Функционирование социальной идентичности	Ролевая самооценка	Дайте характеристику каждой из перечисленных ролей, отвечая на вопрос: как я выполняю свою роль ...?
Структура социальной идентичности	Объем реализации социальной роли	Перечислите, в отношении кого (и какого количества людей) реализуется каждая социальная роль.

	Реализованность социальной роли	Перечислите, в каких действиях реализуется каждая из указанных социальных ролей.
--	---------------------------------	--

Разработка и апробация методики исследования социальной идентичности осуществлялась последовательно в три этапа: на I этапе определялись психодиагностические параметры методики (ролевая принадлежность, ролевая самооценка, объем реализации социальной роли, реализованность социальной роли); на II этапе выявлялись нормативные показатели методики в группе нормы по выделенным параметрам; на III этапе осуществлялся расчет психометрических показателей разрабатываемой методики (конвергентной валидности через сопоставление с показателями методик «Кто я?» Куна, РЕП-теста Келли, МИСОЛИ; надежности через расчет коэффициента надежности-согласованности и ретестовой надежности методики).

В основном исследовании по модификации и апробации методики приняли участие 668 человек (357 мужчин и 311 женщин) в возрасте 12–64 лет. Группы формировались по возрастным периодам: подростковый возраст (12-15 лет), юношеский возраст (16-21 лет), период взрослости (22-60 лет), период старости (61-64 года). Группы уравнивались по полу. Исследование проводилось в индивидуальной форме на условиях информированного согласия.

На I этапе разработки и апробации методики исследования социальной идентичности решалась задача определения психодиагностических параметров: ролевая принадлежность, ролевая самооценка, объем реализации социальной роли, реализованность социальной роли. Для определения расчетных показателей по психодиагностическим параметрам методики исследования социальной идентичности были сформированы две группы испытуемых: в экспериментальную группу вошли 55 человек в возрасте 21-57 лет ($x \pm \sigma = 37 \pm 4,51$) с клиническим диагнозом F10.2 – «Синдром зависимости» в соответствии с МКБ-10. Основанием включения данной

клинической группы в исследование стала задача определения нормативных границ реализации социальной идентичности. Обследование данной группы испытуемых осуществлялось в условиях стационара областной наркологической больницы после снятия острого интоксикационного состояния. Контрольную группу составили испытуемые с нормой, соответствующие возрастному этапу взрослости (22-55 лет; 68 человек), имеющие заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра.

Методика исследования социальной идентичности включает в себя ряд процедур: испытуемым на специальном бланке предлагается составить список ролей, отвечая на вопрос: «кто я?», после чего выделенные роли сгруппировать (семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг). Далее испытуемым необходимо дать характеристику каждой из перечисленных ролей, отвечая на вопрос: как я выполняю свою роль (по каждой роли отдельно). Следующим этапом испытуемым необходимо перечислить тех, в отношении кого (и какого количества людей) реализуется каждая социальная роль. Заключительным этапом процедуры проведения является перечисление действий, в которых реализуется каждая из указанных социальных ролей.

Расчет количественных показателей методики исследования социальной идентичности в экспериментальной и контрольной группах осуществляется в соответствии с выделенными психодиагностическими параметрами (таблица 36).

Таблица 36

Психодиагностические параметры методики исследования социальной идентичности

Психодиагностические параметры	Содержание и процедура расчета
Ролевая принадлежность	Общее количество социальных ролей.
	Количество группировок социальных ролей по сферам

	(семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг).
Ролевой диапазон	Отношение общего количества социальных ролей к количеству группировок по сферам $РД = \frac{\text{количество социальных ролей}}{\text{количество группировок по сферам}}$
Объем реализации социальных ролей	Количество тех, в отношении кого (и какого количества) реализуется каждая социальная роль по сферам.
	Общее количество ролей, в отношении кого (и какого количества) реализуется каждая социальная роль.
Реализованность социальных ролей	Количество действий, через которые реализуется каждая социальная роль.
Ролевая самооценка	Количество положительных (успешных) и отрицательных (неуспешных) социальных ролей.

Сравнительная оценка осуществлялась с использованием шкалы порядка (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) (таблица 37).

Таблица 37

Оценка значимости различий психодиагностических параметров методики исследования социальной идентичности (U-критерий Манна-Уитни)

Психодиагностические параметры	Норма ($x \pm \sigma$)	Алкогольная зависимость ($x \pm \sigma$)	Значимость различий ($p < 0,05$)
Количество социальных ролей	19,24±3,76	7,26±2,14	0,014*
Количество ролевых группировок	4,85±0,12	2,27±1,37	0,024*
Ролевой диапазон	3,8±0,24	3,2±0,29	0,039*
Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	44,51±6,23	11,24±2,83	0,044*
Реализованность социальных ролей	57±5,94	19,61±3,28	0,012*

Количество успешных социальных ролей	14,95±2,23	5,05±1,39	0,032*
Количество неуспешных социальных ролей	4,29±1,18	2,21±0,92	0,019*

Примечание: *различия значимы по критерию Манна-Уитни.

По анализируемым показателям выявлены статистически значимые различия по всем психодиагностическим параметрам. В качестве расчетных показателей психодиагностических параметров методики исследования социальной идентичности нами были выделены параметры, характеризующие содержание, структуру и функционирование социальной идентичности и имеющие количественное выражение: количество социальных ролей, количество группировок социальных ролей и коэффициент ролевого диапазона (как расчетные показатели ролевой принадлежности); количество успешных и неуспешных социальных ролей (как расчетный показатель ролевой самооценки); количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль (как расчетный показатель объема реализации социальных ролей), а также общее количество действий, через которые реализуется каждая социальная роль (как расчетный показатель реализованности социальных ролей).

Таким образом, в структуру расчетных показателей методики мы ввели следующие: количество социальных ролей, количество группировок социальных ролей, коэффициент ролевого диапазона, количество успешных и неуспешных социальных ролей, количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль, а также общее количество действий, через которые реализуется каждая социальная роль.

На основании полученных результатов исследования выявлены следующие тенденции: чем меньше значение показателей ролевой принадлежности, тем сильнее выражены нарушения содержания социальной идентичности; чем меньше ролевой диапазон, тем сильнее выражены

нарушения содержания социальной идентичности; чем меньше объем реализации социальных ролей, тем сильнее выражены структурные нарушения социальной идентичности; чем ниже реализованность социальных ролей, тем сильнее выражены структурные нарушения социальной идентичности; чем больше количество неуспешных социальных ролей, тем сильнее выражены нарушения функционирования социальной идентичности.

На II этапе разработки и апробации методики исследования социальной идентичности ставилась и решалась задача определения нормативных значений психодиагностических параметров по возрастным этапам: подростковый возраст (12-15 лет; 112 человек), юношеский возраст (16-21 лет; 92 человек), период зрелости (22-55 лет; 68 человек), период старости (56-64 года; 71 человек). В реализации данного этапа принимали участие 393 человека (183 мужчин и 210 женщин), имеющих медицинское заключение «здоров» по результатам прохождения процедур медицинского обследования в поликлиниках (для подросткового, юношеского возраста и периода старости) и профессионального медицинского осмотра (для периода зрелости).

Статистический анализ нормативных показателей осуществлялся по выделенным диагностическим параметрам на каждом возрастном этапе с использованием показателей средних значений (таблица 38).

Таблица 38

Средние значения психодиагностических параметров методики исследования социальной идентичности на разных возрастных этапах ($\bar{x} \pm \sigma$)

Психодиагностические параметры	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период зрелости	Период старости
Количество социальных ролей	16,32±2,29	17,94±1,64	19,24±3,76	18,07±2,35
Количество ролевых группировок	3,39±1,19	3,95±0,69	4,85±0,12	4,18±0,57

Ролевой диапазон	4,8±0,36	4,5±0,29	3,8±0,24	4,3±0,41
Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	37,24±3,18	41,22±4,29	44,51±6,23	43,48±4,22
Реализованность социальных ролей	48,37±4,94	52,63±5,18	57±5,94	54,33±4,81
Количество успешных социальных ролей	12,19±1,92	13,44±2,36	14,95±2,23	13,67±2,11
Количество неуспешных социальных ролей	4,13±1,62	4,5±1,38	4,29±1,18	4,4±1,54

Онтогенетическая тенденция изменений показателей структурно-функциональной организации и содержания социальной идентичности характеризуется криволинейной зависимостью: по мере взросления (от подросткового возраста к юношескому возрасту, от юношества к взрослости) выявлено возрастание показателей ролевой принадлежности и расширение ролевого диапазона на уровне содержания социальной идентичности; увеличение объема реализации и степени реализованности социальных ролей на уровне структуры социальной идентичности; возрастание показателя ролевой самооценки на уровне функционирования социальной идентичности. В старости данные показатели социальной идентичности незначительно снижаются.

Поскольку социальная идентичность представляет собой системный интегративный феномен, характеризующийся континуальностью, норма социальной идентичности на уровне структурно-содержательной организации и функционирования характеризуется широким диапазоном ролевой принадлежности, сгруппированным по пяти основным сферам (семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг), позитивной ролевой самооценкой, высоким объемом и реализованностью социальных ролей. Нормативные диапазоны значений показателей методики изучения социальной идентичности представлены в таблице 39.

Таблица 39

Нормативные диапазоны значений показателей методики исследования
социальной идентичности

Показатели	Количественные значения			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период старости
Количество социальных ролей	14,00 - 18,6	16,30 – 19,58	15,48 – 23,00	15,72 – 20,42
Количество ролевых группировок	2,20 - 4,58	3,26 – 4,64	4,73 – 4,97	3,61 – 4,75
Ролевой диапазон	4,44 – 5,16	4,21 - 4,79	3,56 – 4,04	3,89 – 4,71
Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	34,10 – 40,42	36,93 – 45,51	38,28 – 50,74	39,26 – 47,70
Реализованность социальных ролей	43,43 – 53,31	47,45 – 57,81	51,06 – 62,94	49,52 – 59,14
Количество успешных социальных ролей	10,27 – 14,11	11,08 – 15,80	12,72 – 17,18	11,56 – 15,78
Количество неуспешных социальных ролей	2,51 – 5,75	3,12 – 5,88	3,11 – 5,47	2,86 – 5,94

Задачей III этапа разработки и апробации методики исследования социальной идентичности являлся расчет психометрических показателей: надежности-согласованности, конвергентной валидности, а также ретестовой надежности. На данном этапе исследования участвовали 393 человека, средний возраст которых составил $34,6 \pm 5,48$ года. В экспериментальные группы (325 человек) включались испытуемые с нарушением социальной идентичности: с аддиктивной и делинквентной идентичностью.

Распределение испытуемых по полу с нарушениями социальной идентичности осуществлялось в соответствии с общепопуляционными тенденциями.

В группу испытуемых с аддиктивной идентичностью вошли пациенты с алкогольной зависимостью – F10.2 «Синдром зависимости» в соответствии с МКБ-10 (55 человек); 41 человек с наркотической (опиоидной) зависимостью (F11.2 – «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиоидов – синдром зависимости» по МКБ-10); 39 человек с зависимостью от курительных смесей; 54 человека с игровой зависимостью.

В группу испытуемых с делинквентной идентичностью вошли 98 человек с деструктивным поведением (заключенные, отбывающие наказание в местах лишения свободы); 38 человек с аутодеструктивным поведением (испытуемые с незавершенной попыткой суицида).

Контрольную группу на данном этапе исследования составили 68 человек, имеющие заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра.

Расчет показателей надежности методики исследования социальной идентичности осуществлялся последовательно: сначала для группы нормы (отдельно для каждого возрастного этапа), затем для группы с нарушением социальной идентичности (отдельно для каждого нарушения).

В результате оценки надежности–согласованности методики исследования социальной идентичности в группе нормы через расчет показателей коэффициента α -Кронбаха установлен достаточный уровень надежности–согласованности (табл. 40).

Таблица 40

Значение коэффициента надежности методики исследования социальной идентичности в группе нормы по Кронбаху (α)

Показатели	Альфа Кронбаха			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период старости
Количество социальных ролей	0,712	0,731	0,732	0,758
Количество ролевых группировок	0,734	0,754	0,744	0,744
Ролевой диапазон	0,711	0,722	0,736	0,785
Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	0,784	0,729	0,762	0,731
Реализованность социальных ролей	0,725	0,751	0,740	0,726
Количество успешных социальных ролей	0,694	0,737	0,729	0,720
Количество неуспешных социальных ролей	0,753	0,710	0,683	0,754

Диапазон достоверности: $>0,9$ – очень высокий уровень надежности; $>0,8$ – хороший уровень надежности; $>0,7$ – достаточный уровень надежности; $>0,6$ – сомнительный уровень надежности; $>0,5$ – низкий уровень надежности; $\leq 0,5$ – недостаточный уровень надежности.

Количественные показатели надежности, представленные в таблице 41, свидетельствуют о достаточном уровне надежности–согласованности психодиагностических параметров методики исследования социальной идентичности в группах с нарушением социальной идентичности.

Таблица 41

Значение коэффициента надежности-согласованности методики исследования социальной идентичности в группах с нарушением социальной идентичности по Кронбаху (α)

Группы испытуемых	Количество социальных ролей	Количество ролевых группировок	Ролевой диапазон	Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	Реализованность социальных ролей	Количество успешных социальных ролей	Количество неуспешных социальных ролей
Алкогольная зависимость	7,26±2,14	2,27±1,37	3,20±0,29	11,24±2,83	19,61±3,28	5,05±1,39	2,21±0,92
Наркотическая зависимость	6,34±3,24	2,44±1,53	3,10±0,44	9,34±2,19	14,57±3,34	4,15±1,03	1,95±0,28
Зависимость от курительных смесей	8,39±2,47	2,49±1,52	3,96±0,58	10,32±2,22	15,42±3,14	5,18±1,69	3,24±0,67
Игровая зависимость	9,37±3,16	3,48±1,81	3,09±0,47	12,22±2,37	18,34±3,14	6,29±1,18	2,94±1,37
Деструктивное поведение	8,39±2,29	3,54±1,19	2,81±1,22	14,65±3,29	19,27±4,57	4,37±1,92	4,51±1,54
Аутодеструктивное поведение	7,92±2,51	3,39±2,36	2,29±1,19	15,37±4,18	19,64±4,08	2,74±1,39	4,51±1,88

В качестве критериев конвергентной валидности методики исследования социальной идентичности использовались: методика «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) для показателей общего количества социальных ролей, количества сфер, ролевого диапазона, а также ролевой самооценки; методика исследования структурной организации личностной идентичности (Е.А. Петраш, В.Б. Никишина) для показателей объема реализации и реализованности социальных ролей [186, 274].

Оценка конвергентной валидности осуществлялась с помощью метода корреляционного анализа (г-критерий ранговой корреляции Спирмена,

$p < 0,05$) последовательно: сначала в группе нормы, затем отдельно для каждой экспериментальной группы (с аддиктивной и делинквентной идентичностью). Полученные прямо пропорциональные взаимосвязи между диагностическими показателями методики исследования социальной идентичности и показателями ранее разработанных методик подтверждают достаточный уровень конвергентной валидности авторской методики как в группе нормы, так и в группе с нарушением социальной идентичности.

Оценка ретестовой надежности методики исследования социальной идентичности осуществлялась через процедуру сравнительного анализа спустя 6 месяцев с использованием критерия χ^2 Фридмана для оценки значимости различий диагностических показателей в различных условиях ($p < 0,05$). Объем выборки составил 234 человека с нарушением социальной идентичности из общего объема выборки. Результаты оценки ретестовой надежности представлены в таблице 42.

Таблица 42

Показатели ретестовой надежности психодиагностических параметров методики исследования социальной идентичности в группах с аддиктивной и делинквентной идентичностью (критерий χ^2 Фридмана, $p < 0,05$)

Группы испытуемых	Количество социальных ролей	Количество ролевых группировок	Ролевой диапазон	Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	Реализованность социальных ролей	Количество успешных социальных ролей	Количество неуспешных социальных ролей
Алкогольная зависимость	0,573	0,072	0,122	0,078	0,084	0,092	0,221
Наркотическая зависимость	0,0632	0,094	0,127	0,092	0,057	0,116	0,078
Зависимость от курительных смесей	0,087	0,088	0,432	0,068	0,064	0,140	0,084

Игровая зависимость	0,125	0,092	0,059	0,737	0,083	0,077	0,073
Деструктивное поведение	0,067	0,066	0,063	0,061	0,112	0,076	0,059
Аутодеструктивное поведение	0,057	0,071	0,047*	0,079	0,042*	0,088	0,094

*различия значимы

Отсутствие значимых различий по психодиагностическим показателям методики указывает на достаточный уровень устойчивости полученных результатов во времени.

В результате разработки и апробации методики исследования социальной идентичности определены следующие психодиагностические параметры, характеризующие содержание, структуру и функционирование социальной идентичности: показатель ролевой принадлежности; показатель ролевой самооценки; показатель объема реализации социальных ролей; показатель реализованности социальных ролей.

Параметр ролевой принадлежности, характеризующий содержание социальной идентичности, рассчитывался через три показателя: количество социальных ролей, количество группировок социальных ролей и коэффициент ролевого диапазона. Параметр ролевой самооценки рассчитывался через количество успешных и неуспешных социальных ролей. Параметр объема реализации социальных ролей в количественном выражении представлен количеством ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль. Параметр реализованности социальных ролей количественно определялся как общее количество действий, через которые реализуется каждая социальная роль.

Согласно полученным в ходе исследования данным, авторская методика исследования социальной идентичности является валидным психодиагностическим инструментом с достаточным уровнем надежности.

6.3. Концептуально-методологическое обоснование методики исследования структурной организации личностной идентичности

Личностная идентичность конструируется в формальных проявлениях психолого-феноменологического комплекса, составляющими которого являются общение, опыт и роли, порождающие идентичность, а также речь, через которую идентичность выражается [272, 325]. Образ Я консолидируется в категориальном означивании и формирует видовую (личностную, социальную, гендерную) структуру идентичности. Содержание феномена идентичности представляет собой не единичный конструкт, а целостную систему, консолидирующую взаимосвязанные конструкты, характеризующуюся вариабельностью структуры в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта (G.A.Kelly) [371].

Методологические основания создания методики реализовались с учетом принципа системной организации параметров личностной идентичности, которые проявляются на когнитивном, эмоционально-мотивационном и поведенческом уровнях. Диагностическим показателем методики выступала оценка степени согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности по психосемантическому основанию. Согласованность/рассогласованность структурной организации личностной идентичности определяется как системное свойство, характеризующееся соотносительностью по сходству и порядку структурных параметров личностной идентичности в их психосемантическом выражении. Методика ориентирована на поиск значений семантически связанных объектов и фиксацию связей между ними. Как и в большинстве методов семантической направленности, в методике был сделан акцент на оценке семантического сходства, с той лишь разницей, что оценка семантического сходства не обозначалась как прямая и непосредственная задача для испытуемых. По результатам факторного анализа были выделены роли, которые распределялись по трем лингвосемантическим блокам, соответствующим структурным параметрам

личностной идентичности (когнитивному, эмоционально-мотивационному и поведенческому). Используя систему ранжирования (в убывающей логике), испытуемый должен выстроить свою систему семантических отношений предложенных ему объектов, которая на следующем этапе оценивалась по степени связанности и установления сходства [192].

В зарубежных исследованиях в области семантического анализа, начиная с 40-х гг. прошлого века, через процедуры субъективного шкалирования осуществлялся анализ значений по связям существительных, прилагательных и глаголов. Но, к сожалению, исследовательских материалов, в которых была бы представлена соотнесенность грамматических форм и когнитивного, эмоционально-мотивационного и поведенческого параметров идентичности, не выявлено.

Исходным теоретическим положением психосемантического анализа выступило понимание образа Я, который означает в семантическом пространстве, в его содержании и структуре. Структура семантического пространства реализуется в языковых формах, содержание реализуется в значениях и смыслах. Любая идентичность имеет социальное ядро, которое формируется в условиях социального взаимодействия и семантически от значения к личностному смыслу переходит в содержании роли. А уникальность роли уже проявляется в отношении к ней и семантически реализуется в грамматических формах (существительные, прилагательные и глаголы).

Обобщая методологическое основание конструируемой диагностической процедуры, мы исходили из следующей логики: устанавливая соответствие между лингвограмматическими формами в рамках каждой роли через процедуру семантического согласования, которая реализовывалась в установлении последовательности в означивании ролевой иерархии, факт согласованности в обозначении значимости ролей обобщался в свойство согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности. Речь не идет о прямом сопоставлении

грамматических форм и структурных параметров идентичности, речь идет о соотношении иерархической последовательности ролей системы личностной идентичности, которые маркировались с использованием различных грамматических форм.

Личностная идентичность, как интегративная структура, включает в себя восприятие себя «Я о себе». Следствием этого выступает абстрагирование индивида от себя, способность видеть себя со стороны, а затем индивид опирается на этот образ как на реальность. Методика личностной идентичности предназначена для исследования степени согласованности/ рассогласованности структурной организации личностной идентичности на психосемантическом основании.

Разработка методики осуществлялась последовательно в несколько этапов. На первом этапе по результатам теста «Кто я?» (М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т.Р. Румянцевой) [296, 309] предназначенного для изучения содержательных характеристик идентичности личности, было определено 109 лингвосемантических форм, отражающих содержание ролей. Лингвосемантические формы были представлены существительными (как индикаторы содержания когнитивного параметра в структурной организации идентичности), прилагательными (как индикаторы содержания эмоционально-мотивационного параметра в структурной организации идентичности) и глаголами (как индикаторы содержания поведенческого параметра в структурной организации идентичности). На втором этапе разработки методики исследования личностной идентичности лингвосемантические формы идентификационного пространства анализировались методом частотного анализа. В результате были выделены 54 лингвосемантические формы (существительные, прилагательные и глаголы) согласно логике нормального распределения ($x \pm \sigma$), отражающие содержание ролей. На третьем этапе с помощью метода Уорда была проведена кластеризация, в результате чего было выделено три больших кластера по психосемантическому основанию. Лингвосемантические формы,

входящие в каждый кластер, отражают содержание структурных параметров личностной идентичности. В окончательный вариант методики вошли 45 лингвосемантических форм, соответствующих содержанию 15 ролей (15 существительных, соответствующих когнитивному параметру личностной идентичности; 15 прилагательных, соответствующих эмоционально-мотивационному параметру личностной идентичности; 15 глаголов, соответствующих поведенческому параметру личностной идентичности). Основанием включения лингвосемантических единиц в методику являлась представленность каждого ролевого содержания в трех грамматических формах (например, покупатель – покупающий – покупать).

Стимульный материал был структурирован и организован в форму регистрационного бланка в виде таблицы.

Процедура проведения методики личностной идентичности осуществлялась по следующему алгоритму. Первоначально респондентам предлагается последовательно проранжировать в порядке убывания (1 – максимальная значимость, 15 – минимальная значимость) представленные в методике лингвосемантические формы, соответствующие когнитивному (первый столбец ролей, содержащих существительные), эмоционально-мотивационному (второй столбец ролей, содержащих прилагательные) и поведенческому (третий столбец ролей, содержащих глаголы) структурным параметрам личностной идентичности с позиции «Я о себе». Обработка полученных результатов осуществлялась путем переноса полученных баллов на Бланк обработки результатов.

Затем в бланке обработки результатов оценивалось в баллах количество совпадений в каждой горизонтальной строке в соответствии со значениями ключа (таблица 43).

Ключ обработки результатов методики исследования личностной
идентичности

Количество совпадений	Балл	Расшифровка
0	1	Все ранги в горизонтальной строке разные
1	2	Совпадают значения рангов в одном из следующих случаев: – существительные и прилагательные – существительные и глаголы – прилагательные и глаголы
2	3	Все ранги в горизонтальной строке совпадают

Далее полученные по каждой строке баллы суммируются и итоговый результат сравнивается с эталонной таблицей значений, позволяющей отнести полученный результат к одному из четырех уровней, характеризующихся различной степенью согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности: высокая, средняя, низкая, очень низкая степень согласованности структурной организации личностной идентичности.

Четвертый этап включал в себя процедуры стандартизации методики по следующим психометрическим параметрам: конструктивной, содержательной и критериальной валидности, а также надежности (в том числе и ретестовой надежности).

Общий объем выборки стандартизации опросника составил 731 человек в возрасте 19–45 лет (362 мужчины и 369 женщин). Все респонденты имели высшее, незаконченное высшее образование (обучаются на различных формах обучения в высшей школе). Исследование проводилось в течение 2013 года.

Для оценки конструктивной валидности, осуществляемой через процедуру корреляционного анализа (по Пирсону), в качестве валидирующего основания были использованы «Методика исследования личностной идентичности» (МИЛИ) (Л.Б. Шнейдер) и опросник выявления статусов профессиональной идентичности (Дж. Марсиа). Процедура оценки конструктивной валидности осуществлялась с учетом шкалы распределения психометрических данных: авторская методика исследования и методика исследования личностной идентичности Л.Б. Шнейдер являются одношкальными (статус личностной идентичности или степень согласованности/рассогласованности структурной организации определяется по соответствию полученных испытуемым результатов определенному диапазону значений). Опросник выявления статусов профессиональной идентичности Дж. Марсиа является многошкальным, соответственно, статус идентичности определяется по критерию максимального результата по одной из четырех шкал. Статистически значимые взаимосвязи выявлены между параметрами опросника МИЛИ Л.Б. Шнейдер и авторской методики исследования личностной идентичности (0,76*). Также статистически значимые взаимосвязи выявлены между параметрами опросника статусной системы профессиональной идентичности Дж. Марсиа и авторской методики исследования личностной идентичности. Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне конструктивной валидности разработанной авторами методики (таблица 44).

Значения конструктивной валидности количественных и качественных показателей личностной идентичности (по Пирсону, $p \leq 0,05$)

Параметры	Опросник личностной идентичности
Неопределенная идентичность	-0.31*
Навязанная идентичность	-0.30*
Мораторий идентичности	-0.39*
Сформированная идентичность	0.73*

* значимость взаимосвязи

Так как диагностируемый параметр согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности носит дихотомический характер, то взаимосвязь положительной направленности (например, между статусом сформированной идентичности и диагностируемым параметром авторской методики) соответствует полюсу согласованности. В свою очередь, взаимосвязь отрицательной направленности соответствует полюсу рассогласованности.

С целью выявления результатов содержательной валидности опросника, оценивающей соответствие содержащихся в ней заданий общим цели и замыслу методики, также осуществлялся анализ взаимосвязи психосемантических параметров, отражающих содержание структурной организации личностной идентичности методики (когнитивного, представленного существительными; эмоционально-мотивационного, представленного прилагательными; поведенческого, представленного глаголами) (таблица 45).

Содержательная валидность показателей личностной идентичности(по
Спирмену, $p \leq 0,05$)

Структурные компоненты личностной идентичности	Когнитивный компонент	Эмоционально-мотивационный компонент
Когнитивный компонент	1.00	
Эмоционально-мотивационный компонент	0.67*	1.00
Поведенческий компонент	0.61*	0.49*

* значимость взаимосвязи

Полученные коэффициенты корреляции соответствуют высокому уровню конструктивной валидности.

Процедура психометрической проверки надежности осуществлялась через расчет коэффициента надежности Кронбаха (когнитивный компонент $\alpha=0.694$; эмоционально-мотивационный компонент $\alpha=0.597$; поведенческий компонент $\alpha=0.648$). Полученные результаты свидетельствуют о статистической достаточности уровня надежности.

Оценка ретестовой надежности методики исследования личностной идентичности осуществлялась через 1.5 месяца с использованием процедуры корреляционного анализа (по Пирсону). Объем выборки составил 584 человека из выборки апробации. Коэффициент корреляции степени согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности составил 0.78^* (при уровне статистической значимости $p \leq 0.05$), что указывает на высокий уровень устойчивости результатов во времени.

Разработанная методика исследования личностной идентичности позволяет выявить четыре степени согласованности/рассогласованности структурной организации личностной идентичности на психосемантическом

уровне (высокая, средняя, низкая и очень низкая согласованность) и соотнести их со статусными характеристиками идентичности (таблица 46).

Таблица 46

Соотношение количественных и качественных показателей
по методикам исследования идентичности

Статус личностной идентичности	Количественные показатели по опроснику МИЛИ (Л.Б. Шнейдер)	Количественные показатели по авторской методике исследования личностной идентичности	
		Баллы	Степень согласованности/рассогласованности структурной организации идентичности
Достигнутая позитивная (сформированная) идентичность	3.00-4.00	45 – 34	Высокая
Мораторий идентичности	2.00-3.00	33 – 22	Средняя
Диффузная (неопределенная) идентичность	1.00-2.00	21 – 10	Низкая
Преждевременная (навязанная) идентичность	0.00-1.00	10 – 0	Очень низкая

Высокая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях всех структурных параметров идентичности и характеризуется высоким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, позитивным самоотношением, стабильной системой ценностных ориентаций, высоким уровнем рефлексивности и самостоятельности при низкой авторитарности. Средняя степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях двух из трех структурных параметров идентичности (когнитивный с эмоционально-мотивационным и поведенческим; эмоционально-мотивационный с когнитивным и

поведенческим) и характеризуется средним уровнем выраженности социально-психологической адаптации, позитивным самоотношением, устойчивой системой ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности, самостоятельности и авторитарности. Низкая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в выявленных взаимосвязях двух структурных параметров идентичности (когнитивного с эмоционально-мотивационным или когнитивного с поведенческим или эмоционально-мотивационного с поведенческим) и характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивым самоотношением, неустойчивой системой ценностных ориентаций, средним уровнем рефлексивности и авторитарности при высокой самостоятельности. Очень низкая степень согласованности структурной организации идентичности проявляется в отсутствии взаимосвязей между структурными параметрами идентичности и характеризуется низким уровнем выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивой системой ценностных ориентаций, низким уровнем рефлексивности и самостоятельности.

По результатам процедуры стандартизации методика исследования личностной идентичности соответствует высокому уровню надежности, а также конструктивной, содержательной и критериальной валидности. Выявленные взаимосвязи психосемантически соотнесенных грамматических форм и структурных параметров личностной идентичности отражают качество степени согласованности/рассогласованности (высокая, средняя, низкая, очень низкая). Выделенный диагностический параметр методики исследования личностной идентичности (согласованность/рассогласованность структурной организации личностной идентичности по психосемантическому основанию) реализуется в статусной системе личностной идентичности [186, 274].

6.4. Модификация методики «Автопортрет» с целью исследования диссоциации образа Я

Анализируя содержательную соотнесенность понятия идентичности с понятием Я-концепции, или образа Я, необходимо отметить, что в западной психологии понятие «идентичность» традиционно рассматривается в диаде «Я-концепция» – «образ Я», при этом ряд исследователей понятие Я-концепции рассматривает как содержательный эквивалент идентичности. Представители отечественной психологии, анализируя содержание понятия идентичность, которая понимается ими как осознание личностью тождественности самой себе, непрерывности во времени собственной личности и связанное с этим ощущение признания другими, в большинстве своем соотносят данное понятие с самосознанием (И.И. Чеснокова) [311], либо противопоставляя его понятию Я-концепции (Х. Ремшмидт) [250], либо отождествляя (В.В. Столин) [291].

Современное исследовательское пространство активно концептуализируется в категориальном означивании представлений и отношений человека к самому себе через понятия образа Я (Г.Е. Залесский, [92]; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [281, 282]). Зачастую, перечисленные обозначения выступают дефинициями по отношению друг к другу. Образ Я понимается как динамическое представление о себе, формируемое на основании субъективного отношения человека к собственным объективным характеристикам (С.Л. Рубинштейн) [257]. Структура образа Я включает в себя три компонента: схему тела, представление о своем Я и отношение к своему Я (Р. Бернс) [34,35]. Схема тела представляет собой совокупность информации о структурно-динамической организации тела, регулирующей процессы поддержания и формирования позы и организации движений (Айламазян, Каминская) [12]. Представление о своем Я определяется как когнитивный концепт о себе, формируемый на основании субъективного отношения человека к собственным объективным характеристикам. Отношение к своему Я определяется как эмоциональная оценка себя, которая

чаще всего проявляется в дихотомических критериях «нравится – не нравится» (Раусте фон Вихт) [249]. Базовым свойством образа Я, которое обеспечивает устойчивость представлений и отношений к себе, является его целостность. Нарушение целостности образа Я проявляется в его диссоциации, которая в своем психологическом содержании определяется как нарушение взаимосвязи между психическими функциями как на внутрифункциональном, так и на межфункциональном уровне (Waller, Putman, [417]; Yun at al., [381, 421]); процессы диссоциации являются закономерными для состояния психической нормы (Н.В. Тарабрина и др.) [243]. Диссоциация характеризуется нарушением или разрывом в закономерном протекании аффективных процессов поведения, сенсорно-перцептивных процессов, которое может произойти как на каком-либо одном уровне, так и на нескольких уровнях сразу (Б.М. Коган) [125].

Диагностических процедур, направленных на оценку образа Я в свойстве его целостности – диссоциативности, во-первых, недостаточно, во-вторых, представлены они в основном опросными методами.

Мы исходили из того, что существующие на данный момент различные модификации методики «Автопортрет» направлены на изучение индивидуально-личностных особенностей, а также на их проявления в системе межличностных отношений (Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина) [255]. При этом ресурс данной методики в диагностике целостности–диссоциативности как базового свойства образа Я не рассматривается.

Мы предполагаем, что в качестве параметров нарушения диссоциации образа Я выступают: на уровне схемы тела – нарушение восприятия схемы тела; на уровне представлений о себе – трансдукция мышления (способ рассуждения, основанный на переходе от частного к частному, минуя общее) и возникновение образа суб Я как проявления дезинтеграции представлений о себе; на уровне отношения к себе – проявления деструктивности или амбивалентности.

Процедура проведения методики реализуется в следующей последовательности: испытуемому предлагается на листе бумаги нарисовать свой автопортрет в полный рост (далее в тексте обозначается как основное изображение), потом на этом же листе ему предлагается нарисовать тень своего изображения. Далее испытуемому необходимо написать пять характеристик, описывающих отношения между основным изображением и его тенью (далее в тексте обозначается как дополнительное изображение).

Модификация и апробация методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я осуществлялись последовательно в три этапа: на I этапе определялись диагностические параметры методики (нарушение восприятия схемы тела, трансдукция мышления, возникновение образа суб Я, амбивалентность/деструктивность в отношении себя); на II этапе модификации и апробации выявлялись нормативные показатели методики в группе нормы; на III этапе осуществлялся расчет психометрических показателей модифицированной методики (конвергентной валидности, оцениваемой в сопоставлении с показателями шкалы диссоциации DES в адаптации Н.В. Тарабриной [243]; надежности через расчет коэффициента надежности – согласованности и ретестовой надежности методики).

В основном исследовании по модификации и апробации методики приняли участие 863 человека (506 мужчин и 357 женщин) в возрасте 12–64 лет. Группы формировались по возрастным периодам: подростковый возраст (12-15 лет), юношеский возраст (16-21 лет), период взрослости (22-60 лет), период старости (61-64 года). Группы уравнивались по полу. Исследование проводилось в индивидуальной форме на условиях информированного согласия.

На I этапе модификации и апробации методики «Автопортрет» решалась задача определения диагностических параметров: нарушение восприятия схемы тела, трансдукция мышления, возникновение образа суб Я, деструктивность/амбивалентность отношения к себе. Формируя расчетные показатели, соответствующие выделенным диагностическим параметрам, мы

руководствовались, во-первых, исследовательскими разработками в области проективной психологии (С. Леви, Г. Прошанский [245], Р. Лазарус [373] и др.), во-вторых, мы минимизировали анализ структурных (детализация изображения, его целостность, расположение на листе и т.д.) и графологических (штриховка, нажим, направление линий и т.д.) параметров изображения, лежащих в основе проективного подхода, через введение показателей отношения друг к другу основного и дополнительного изображений.

Для определения расчетных показателей по диагностическим параметрам диссоциации образа Я были сформированы две группы испытуемых: в экспериментальную группу вошли 62 человека (29 мужчин и 33 женщины в возрасте 21-57 лет; $x \pm \sigma = 34 \pm 9,21$) с клиническим диагнозом F20– «Параноидная шизофрения» (по МКБ-10), в структуре которого выявлен высокий уровень диссоциации по шкале DES ($x \pm \sigma = 54,8 \pm 18,61$). Основанием включения данной клинической группы в исследование стала задача определения нормативных границ диссоциации. Диссоциация является одним из основных диагностических проявлений психического расстройства по МКБ-10 [160]. Обследование данной группы испытуемых осуществлялось в условиях психиатрического стационара при достижении устойчивой ремиссии. Контрольную группу составили испытуемые с нормой, имеющие заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра (101 человек – 54 мужчины и 47 женщин), у которых диагностировался низкий уровень диссоциации по шкале диссоциации DES ($x \pm \sigma = 9,6 \pm 1,29$). Низкий уровень диссоциации является одним из показателей психического здоровья, поэтому при формировании контрольной группы включались испытуемые только психически и соматически здоровые. Уровень диссоциации по отношению к данному критерию является дополнительным и контролировался через процедуру измерения.

В соответствии с процедурой исследования, испытуемым предлагается сначала изобразить автопортрет в полный рост (в последующем будет нами

обозначаться как основное изображение), а затем изображение своей тени (далее обозначается нами как дополнительное изображение). Психофизический смысл связи двух изображений рисунков (основного и дополнительного) определяется согласно физическому закону прямолинейного распространения света: изображение тени и основное изображение взаимосвязаны (всегда имеют точку соприкосновения).

Анализ изображений в экспериментальной и контрольной группах проводился по 17 параметрам, по которым осуществляется анализ проективных методик (Р.Ф. Беяускайте) [33]. Сравнительная оценка осуществлялась с использованием номинативной шкалы (критерий значимости различий ϕ -Фишера, $p < 0,05$) и шкалы порядка (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) (таблица 47).

Таблица 47

Оценка значимости различий диагностических параметров модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я (критерий ϕ -Фишера*; U-критерий Манна-Уитни**; $p < 0,05$)

Основное изображение (уровень значимости различий)	Параметры	Дополнительное изображение (уровень значимости различий)
0,007**	Размер (высота изображения)	0,019**
0,218	Изображение лица фас	0,084
0,324	Левый профиль лица	0,127
0,314	Правый профиль лица	0,069
0,214	Изображение лица анфас	0,164
0,093	Изображение в полный рост	0,058
0,067	Изображение только лица	0,204
0,104	Верхняя половина тела	0,071
0,136	Кол-во деталей изображения	0,062

0,181	Кол-во изображенных предметов одежды	0,173
0,094	Кол-во внешних деталей (за пределами изображения)	0,057
0,059	Наличие/отсутствие прорисовки черт лица	0,014*
0,154	Наличие/отсутствие деталей одежды	0,007*
0,073	Сильный нажим	0,129
0,061	Слабый нажим	0,307
0,059	Наличие штриховки	0,211
0,067	Отсутствие штриховки	0,068
0,068	Горизонтальное направление штриховки	0,573
0,071	Вертикальное направление штриховки	0,084

Примечание: *различия значимы по критерию ф-Фишера; **различия значимы по критерию Манна-Уитни.

По анализируемым показателям статистически значимых различий не выявлено, кроме показателей размера изображения, а также наличия прорисовки черт лица и деталей одежды у дополнительного изображения.

В качестве расчетных показателей диагностических параметров модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я нами были выделены параметры, связывающие основное и дополнительное изображения и имеющие количественное выражение: показатель величины угла между основным и дополнительным изображением (как расчетный показатель трансдукции мышления); показатель разности высот основного и дополнительного изображений (как расчетный показатель нарушения восприятия схемы тела); а также расстояние между основным и

дополнительным изображением (как расчетный показатель возникновения образа суб Я).

Таким образом, в структуру расчетных показателей методики мы ввели следующие: разность величины основного и дополнительного изображения в миллиметрах, разность максимального и минимального расстояния между основным и дополнительным изображением в миллиметрах, угол между вертикальными осями, проведенными по средней линии основного и дополнительного изображений, а также наличие прорисовки черт лица и деталей одежды у дополнительного изображения (в качестве дополнительного показателя), после чего провели процедуру корреляционного анализа с показателями диссоциации по шкале DES в экспериментальной и контрольной группах (таблица 48).

Таблица 48

Коэффициенты корреляции уровня диссоциации по шкале DES и диагностических параметров модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я
(r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$)

Параметры	Параноидная шизофрения	Норма
Δd_1 (мм)	-0,73*	-0,67*
Δd_2 (мм)	0,69*	0,64*
Величина угла	-0,71*	-0,73*

Примечание: *взаимосвязь значима.

Выделенными расчетными показателями стали: индекс Δd_1 (показатель разности величины основного и дополнительного изображения в миллиметрах), характеризующий диагностический параметр нарушения схемы тела; Δd_2 (показатель разности максимального и минимального расстояния между основным и дополнительным изображением в миллиметрах), характеризующий параметр возникновения образа суб Я как

проявление диссоциации представлений о себе; угол между изображениями (угол между вертикальными осями, проведенными по средней линии основного и дополнительного изображений) как расчетный показатель параметра трансдукции мышления.

В качестве показателя, характеризующего отношения к себе, выступают пять характеристик отношений между основным и дополнительным изображениями, которые определяет испытуемый: положительное (приятное, доброжелательное отношение); нейтральное (безоценочное отношение); амбивалентное (проявление взаимоисключающих отношений); деструктивное (негативное отношение, направленное на причинение вреда и ущерба).

На основании полученных результатов исследования выявлены следующие тенденции:

- чем меньше величина угла между основным и дополнительным изображением, тем выше уровень диссоциации образа Я;

- чем меньше значение показателя разности величины основного и дополнительного изображения в миллиметрах (отрицательное значение, когда дополнительное изображение больше основного), тем выше уровень диссоциации образа Я;

- чем больше расстояние между основным и дополнительным изображением, тем выше уровень диссоциации образа Я.

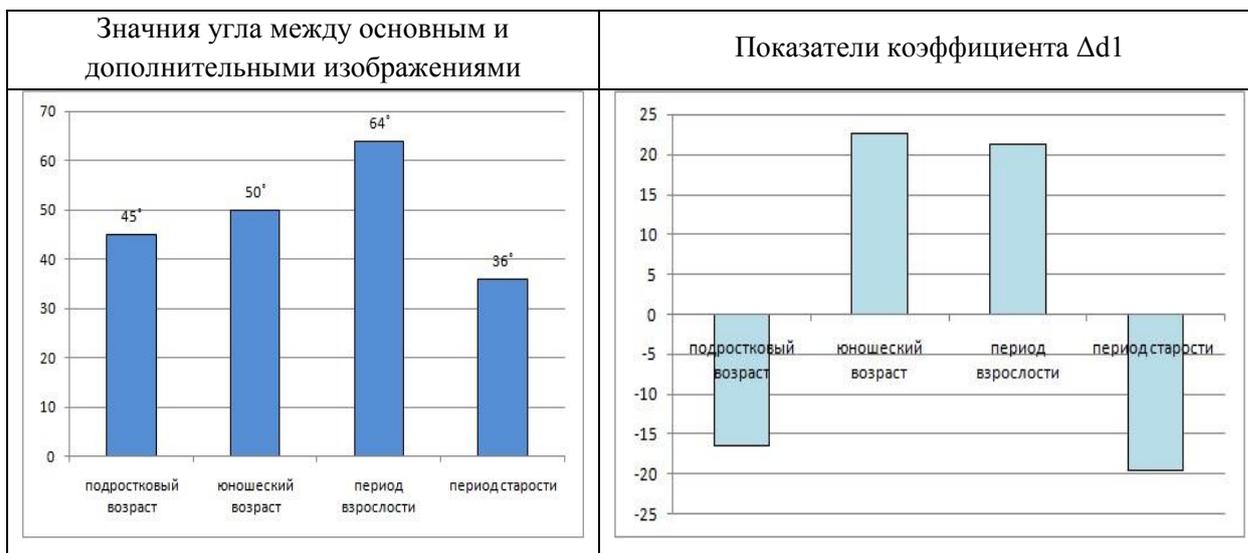
Качественная характеристика нормативности показателей модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я представлена в таблице 49.

Качественная характеристика нормативности показателей
модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я

Уровень диссоциации	Характеристика
Высокий уровень диссоциации	- нарушение схемы тела; - возникновение образа суб Я; - трансдукция мышления; - деструктивное/амбивалентное отношение к себе.
Средний уровень диссоциации	- возникновение образа суб Я; - трансдукция мышления; - деструктивное/амбивалентное отношение к себе.
Норма диссоциации	- нарушение схемы тела (в показателях разности высот основного и дополнительного изображения); - нейтральное/положительное отношение к себе.

На II этапе модификации и апробации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я ставилась и решалась задача определения нормативных значений диагностических параметров по возрастным этапам: подростковый возраст (12-15 лет; 116 человек), юношеский возраст (16-21 лет; 78 человек), период взрослости (22-55 лет; 101 человек), период старости (56-64 года; 100 человек). В реализации данного этапа принимали участие 395 человек (186 мужчин и 209 женщин), имеющих медицинское заключение «здоров» по результатам прохождения процедур медицинского обследования в поликлиниках (для подросткового, юношеского возраста и периода старости) и профессионального медицинского осмотра (для периода взрослости).

Статистический анализ нормативных показателей осуществлялся по выделенным диагностическим параметрам на каждом возрастном этапе с использованием показателей средних значений (рис. 74).

Рисунок – 74 Гистограмма средних значений диагностических показателей диссоциации образа Я по модификации методики «Автопортрет»

Онтогенетическая тенденция изменений показателей диссоциации образа Я характеризуется криволинейной зависимостью: от высоких показателей диссоциации в подростковом возрасте к снижению показателей в юношеском возрасте и периоде взрослости, возрастанию уровня диссоциации в периоде старости.

Диссоциативные проявления не являются дискретными и составляют континуум «норма – патология». Норма диссоциации проявляется в абсорбции, рассеянности, обособленности психических функций (Н.В. Тарабрина) [243]. Нормативные диапазоны значений показателей модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я представлены в таблице 50.

Нормативные диапазоны значений показателей модификации методики
«Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я

Показатели	Количественные значения			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период старости
Δd_1 (мм)	(-14,27) – (-17,82)	18,70 – 24,17	16,03 – 26,57	(-17,64) – (-21,38)
Δd_2 (мм)	6,29 – 10,38	8,11 – 16,54	3,17 – 11,43	7,89 – 19,63
Величина угла	38,15 – 47,64	46,18 – 52,64	55,24 – 74,58	31,57 – 37,26

Задачей III этапа модификации и апробации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я являлся расчет психометрических показателей: надежности – согласованности, конвергентной валидности, а также ретестовой надежности. На данном этапе исследования участвовали 569 человек, средний возраст которых составил $38,4 \pm 6,22$ года. В экспериментальные группы (468 человек) включались испытуемые с клиническими проявлениями: с соматическими заболеваниями, с психическими и поведенческими расстройствами, с нарушениями социального поведения. Все испытуемые экспериментальных групп имели в своей клинической картине проявления диссоциации. Гендерное распределение испытуемых с клиническими проявлениями осуществлялось в соответствии с общепопуляционными тенденциями.

В группу испытуемых с соматическими заболеваниями вошли пациенты с онкологическими заболеваниями, имеющими внешний дефект (83 человека): больные с колостомой – С21 по МКБ-10 (38 мужчин); больные, перенесшие мастэктомию – С50 по МКБ-10 (45 женщин); больные, перенесшие ампутацию нижних конечностей (89 человек – 48 мужчин и 41 женщина).

В группу испытуемых с психическими и поведенческими расстройствами вошли: больные с алкогольной зависимостью (F10.1 по МКБ-10) в количестве 94 человека (мужчины); больные с параноидной формой шизофрении (F20 по МКБ-10) в количестве 62 человека (29 мужчин, 33 женщины); испытуемые с незавершенной попыткой суицида (54 человека – 25 мужчин и 29 женщин).

В группу испытуемых с нарушениями социального поведения вошли заключенные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, в количестве 86 человек (все мужчины).

Контрольную группу на данном этапе исследования составили 101 человек, имеющие заключение «здоров» по результатам прохождения процедуры профосмотра (54 мужчины и 47 женщин).

Расчет показателей надежности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я осуществлялся последовательно: сначала для группы нормы (отдельно для каждого возрастного этапа), затем для группы с клиническими проявлениями (отдельно для каждого нарушения).

В результате оценки надежности–согласованности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в группе нормы через расчет показателей коэффициента α -Кронбаха установлен достаточный уровень надежности–согласованности (таблица 51).

Таблица 51

Значение коэффициента надежности модификации методики «Автопортрет»
для изучения диссоциации образа Я в группе нормы
по Кронбаху (α)

Группы испытуемых	Δd_1 (мм)			Δd_2 (мм)			Величина угла		
	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха
Подростковый возраст	-16,4	8,29	0,729	12,6	5,12	0,725	45,18	9,22	0,724
Юношеский возраст	22,7	6,31	0,716	8,2	3,62	0,731	50,22	10,14	0,715
Взрослость	21,3	5,27	0,722	7,3	4,13	0,749	64,91	9,67	0,783
Геронтогенез	-19,6	6,24	0,738	18,4	6,37	0,752	36,34	6,78	0,725
<i>Диапазон достоверности: >0,9 – очень высокий уровень надежности; >0,8 – хороший уровень надежности; >0,7 – достаточный уровень надежности; >0,6 – сомнительный уровень надежности; >0,5 – низкий уровень надежности; ≤0,5 – недостаточный уровень надежности</i>									

Количественные показатели надежности, представленные в таблице 52, свидетельствуют о достаточном уровне надежности–согласованности диагностических параметров модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в клинических группах.

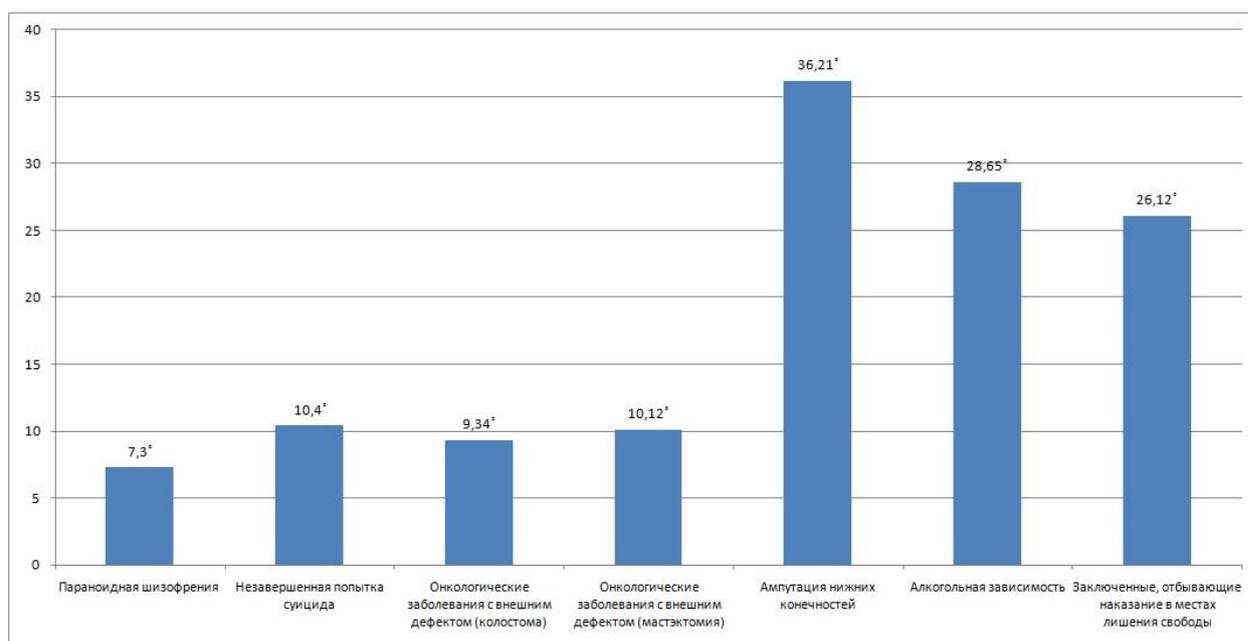
Таблица 52

Значение коэффициента надежности–согласованности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в клинических группах по Кронбаху (α)

Группы испытуемых	Δd_1			Δd_2			Величина угла		
	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха
Параноидная шизофрения	-39,8	6,18	0,813	37,6	8,42	0,726	7,3	6,21	0,735
Незавершенная попытка суицида	-34,6	4,22	0,721	31,2	7,35	0,729	10,4	5,36	0,702
Онкологические заболевания с внешним дефектом (колостома)	-29,8	8,29	0,704	28,5	7,14	0,816	9,34	6,54	0,793
Онкологические заболевания с внешним дефектом (мастэктомия)	-30,1	6,34	0,731	28,2	7,91	0,841	10,12	6,29	0,731
Ампутация нижних конечностей	-28,4	7,12	0,754	26,4	5,83	0,718	36,21	8,57	0,784
Алкогольная зависимость	-26,2	8,16	0,716	24,6	6,12	0,762	28,65	8,78	0,739
Заклученные, отбывающие наказание в местах лишения свободы	-20,8	6,31	0,783	23,8	4,35	0,737	26,12	9,32	0,757

В качестве критерия конвергентной валидности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я использовалась

шкала диссоциации DES. На рис. 75 представлены показатели средних значений уровня диссоциации по шкале DES по клиническим группам.

Рисунок – 75 Гистограмма средних значений показателей уровня диссоциации по шкале DES по клиническим группам (%)

Оценка конвергентной валидности осуществлялась с помощью метода корреляционного анализа (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$) последовательно: сначала в группе нормы, затем отдельно для каждой экспериментальной группы (с соматическими нарушениями, с психическими и поведенческими расстройствами) (таблицы 53, 54).

Таблица 53

Оценка конвергентной валидности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в группе нормы (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$)

Показатели DES (по группам)	Δd_1	Δd_2	Величина угла
Подростковый возраст	0,49*	0,42*	0,38*
Юношеский возраст	0,51*	0,36*	0,46*
Взрослость	0,54*	0,39*	0,48*
Старость	0,57*	0,37*	0,36*

Примечание: *взаимосвязь значима.

Полученные прямо пропорциональные взаимосвязи между диагностическими показателями модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я и уровня диссоциации по шкале диссоциации DES подтверждают достаточный уровень конвергентной валидности авторской модификации методики в группе нормы.

Таблица 54

Оценка конвергентной валидности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в клинических группах (r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$)

Показатели DES (по группам)	Δd_1	Δd_2	Величина угла
Параноидная шизофрения	0,54*	0,49*	0,73*
Незавершенная попытка суицида	0,68*	0,52*	0,49*
Онкологические заболевания с внешним дефектом (колостома)	0,64*	0,59*	0,46
Онкологические заболевания с внешним дефектом (мастэктомия)	0,58*	0,61*	0,74*
Ампутация нижних конечностей	0,48*	0,54*	0,63*
Алкогольная зависимость	0,42*	0,57*	0,69*
Заклученные, отбывающие наказание в местах лишения свободы	0,62*	0,49*	0,73*
Примечание: *взаимосвязь значима.			

Оценка ретестовой надежности модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я осуществлялась через процедуру сравнительного анализа спустя 6 месяцев с использованием критерия χ^2 Фридмана для оценки значимости различий диагностических показателей в различных условиях ($p < 0,05$). Объем выборки составил 275 человек с

клиническими проявлениями из общего объема выборки. Результаты оценки ретестовой надежности представлены в таблице 55.

Таблица 55

Показатели ретестовой надежности диагностических параметров модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я в клинических группах (критерий χ^2 Фридмана, $p < 0,05$)

Группы	Δd_1	Δd_2	Величина угла
Параноидная шизофрения	0,067	0,234	0,428
Незавершенная попытка суицида	0,144	0,112	0,131
Онкологические заболевания с внешним дефектом (колостома)	0,251	0,094	0,092
Онкологические заболевания с внешним дефектом (мастэктомия)	0,092	0,076	0,088
Ампутация нижних конечностей	0,122	0,051*	0,116
Алкогольная зависимость	0,071	0,037*	0,130
Заклученные, отбывающие наказание в местах лишения свободы	0,221	0,024*	0,074
Примечание: *различия значимы.			

Отсутствие значимых различий по диагностическим показателям методики указывает на достаточный уровень устойчивости полученных результатов во времени.

В результате модификации методики «Автопортрет», с целью ее использования для диагностики диссоциации образа Я, определены следующие параметры: нарушение восприятия схемы тела, трансдукция мышления, возникновение образа суб Я, нарушение отношения к себе. Параметр нарушения восприятия схемы тела рассчитывался как показатель разности величины высот основного и дополнительного изображения; параметр трансдукции мышления рассчитывался как показатель величины

угла между основным и дополнительным изображениями. Параметр возникновения образа суб Я как результат проявления диссоциации представлений о себе представлен двумя показателями: показателем разности величин максимального и минимального расстояния между основным и дополнительным изображениями, с учетом показателя наличия или отсутствия детализации внутреннего содержания дополнительного изображения в виде прорисовки деталей одежды и черт лица. Параметр нарушения отношения к себе проявляется в деструктивности или амбивалентности отношений.

Решены задачи расширения психодиагностических возможностей методики «Автопортрет» через включение диагностических параметров диссоциации представлений о себе, а также введение количественных показателей оценки изображения в рамках проективного подхода, который связан преимущественно с качественным анализом и описательностью.

Согласно полученным в ходе исследования данным, авторская модификация методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я является валидным психодиагностическим инструментом с достаточным уровнем надежности [220].

6.5. Методика событийной реконструкции временной перспективы личности

Наши рассуждения в отношении событийного пространства личности базируются на понимании того, что психологическое время (Е.И. Головаха, А.А. Кроник) [68, 69, 362] и временная перспектива (С.Л. Рубинштейн [257, 260]; Ф. Зимбардо, [96, 422, 423]) формируются на основе переживания личностью причинно-следственных связей между основными событиями жизни личности. Временную перспективу мы будем рассматривать как совокупность причинных и целевых связей между событиями прошлого, настоящего, будущего. Связи между событиями хронологического прошлого определяются как реализованные; связи, реализация которых началась в

прошлом и еще не завершилась, определяются как актуальные; связи между событиями хронологического будущего, реализация которых еще не началась, определяются как потенциальные (Е.И. Головаха, А.А. Кроник) [68, 69, 362].

Субъективное событийное пространство является содержанием семантического пространства личности, которое и означает в лингвистических формах (существительных, прилагательных, глаголах, местоимениях). Семантическое пространство определенным образом структурировано и представлено во взаимосвязях всех событий и вихопосредствованиях.

Существующие психодиагностические методики исследования временного пространства личности условно можно разделить на две группы: 1) методики исследования временной перспективы (Опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPI) [96, 295, 422, 423], Семантический дифференциал времени, Шкала временных установок Ж. Нюттена и У. Ленса [195, 383, 384], Циклический тест времени Коттла, Каузометрия [68, 69, 362] и др.) и 2) методики исследования событийного пространства (Каузометрия, Шкала оценки влияния травматического события (IES-R) и др.).

Все обозначенные методики имеют преимущественно психодиагностическую направленность. А так как временная перспектива и событийное пространство личности выступают в качестве мишени психотерапевтических воздействий в целом ряде особых психических состояний (травматических, фрустрационных, состояний дезадаптации и др.), то актуальной задачей является необходимость конструирования методики с психотерапевтической направленностью.

Особую роль в событийном пространстве личности играют события с посттравматическими последствиями, так как они аккумулируют в себе систему межсобытийных связей и нарушают временную перспективу личности. Травматические события определяются как сверхэкстремальные критические события, обладающие мощным негативным воздействием

(ситуации угрозы, требующие от индивида экстраординарных усилий по совладанию с последствиями воздействия). По длительности травмирующего воздействия эти события могут быть непродолжительными, но чрезвычайно мощными по силе воздействия, и пролонгированными (Н.В. Тарабрина) [243]. Результатом воздействия травматического события является сужение временной перспективы и «замыкание» событийного пространства личности вокруг данного события.

Целью методики реконструкции событийного пространства личности является изменение индивидуальной системы значений, через призму которых происходит восприятие субъектом мира, себя и других во временной перспективе.

Методика событийной реконструкции реализуется в двух функциональных направлениях: в психодиагностическом (психологическая диагностика взаимосвязей событийного пространства личности) и психотерапевтическом (психологическая реконструкция событийного пространства личности с оценкой психотерапевтической эффективности). Наши рассуждения формировались на следующих предположениях: чем выше степень актуальности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому настоящему; чем выше степень реализованности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому прошлому; чем выше степень потенциальности события, тем выше вероятность отнесения события к психологическому будущему; травматическое событие нарушает временную перспективу личности, концентрируя в себе межсобытийные связи. Снижение роли нагрузки травматического события является основным психотерапевтическим эффектом методики.

Моделирование событийного пространства личности представлено в схематическом изображении двух окружностей разного диаметра, расположенных одна внутри другой. Процедура методики событийной реконструкции временной перспективы личности реализуется в два этапа:

первый этап диагностический, второй этап психотерапевтический. На первом этапе испытуемым предлагается вспомнить события своей жизни, происходившие в прошлом, и отметить их точкой (указать время и название события) на внешней окружности. Затем на внутренней окружности им необходимо отделить чертой настоящее от будущего и отметить события (указав время и название) настоящего и будущего. Далее около каждого отмеченного жизненного события ставится знак «+» или «-», характеризующий эмоциональное отношение к каждому событию. В завершение первого этапа испытуемым необходимо отметить связи между событиями, соединив их стрелками: между событиями прошлого и событиями настоящего; между событиями прошлого и событиями будущего; между событиями настоящего; между событиями настоящего и будущего. Процедура психотерапевтического этапа методики аналогична диагностическому этапу с единственным отличием в обозначении окружностей: на внешней окружности отмечаются события настоящего и будущего, а на внутренней – события прошлого.

Методика событийной реконструкции включает в себя ряд процедур. Процедуры психодиагностического этапа: определение хронологических границ, размеров и содержания прошлого, настоящего, будущего; оценка эмоционального отношения к событиям (+/-); обозначение взаимосвязей между событиями. Процедурами психотерапевтического этапа являются: отсроченное определение событий настоящего–будущего; отсроченное определение хронологических границ, размеров и содержания прошлого; обозначение взаимосвязей реконструированных событий прошлое–настоящее и прошлое–будущее.

Задачей лингвосемантического анализа методики является определение показателя смысловой наполненности образов событий временной перспективы. Значение события приобретает смысл, если выражено в лингвистических формах, в которых проявляется отношение к объекту или событию. Это те грамматические формы, которыми

обозначаются события. В этом случае лингвистическая композиция семантического означивания реализуется в различных сочетаниях существительных как основной лингвистической формы с другими формами (прилагательными, глаголами, местоимениями). Лингвосемантический анализ реализуется через определение объема лингвосемантических единиц в обозначении событий прошлого, настоящего, будущего.

Семантическое означивание события в событийном пространстве осуществляется в том случае, если преобладающей грамматической формой являются существительные и выполняется неравенство: отношение количества существительных к общему количеству лингвистических единиц больше, чем отношение количества других лингвистических форм к общему количеству лингвистических единиц.

$$\frac{\text{количество существительных}}{\text{общее количество лингвистических единиц}} > \frac{\text{общее количество других лингвистических форм}}{\text{общее количество лингвистических единиц}}$$

Расчет количественных показателей методики событийной реконструкции событийного пространства личности осуществляется в соответствии с выделенными психодиагностическими параметрами.

Психотерапевтический функционал методики событийной реконструкции у людей с травматическим событием реализуется в содержании следующих задач: 1) перестройка (трансформация) системы взаимосвязей событийного пространства личности; 2) расширение объема событийного пространства и временной перспективы личности; 3) интеграция событийного пространства личности в протяженности прошлого—настоящего—будущего; 4) построение субъективно-ценностной иерархии событийного пространства временной перспективы личности.

Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности проводилась последовательно в три этапа. Вначале осуществлялась оценка значимости различий событийной организации

временной перспективы личности у людей с травматическим событием в опыте и отсутствием травматического события. На втором этапе оценивались психометрические характеристики методики: оценка внешней валидности (в сопоставлении с показателями опросника временной перспективы Ф. Зимбардо [295] и шкалы временных установок Ж. Нюттена и У. Ленса [195]) и надежности (через расчет коэффициента надежности α Кронбаха). Задачами заключительного этапа являлись оценка психотерапевтической эффективности и ретестовой надежности методики, характеризующей устойчивость полученных результатов во времени [220].

Количественная и качественная обработка данных осуществлялась с использованием программного приложения Excel и пакета прикладных статистических программ.

Объем выборки составил 537 человек в возрасте 21–60 лет (297 мужчин и 240 женщин). В первую экспериментальную группу ($\mathcal{E}_1$) (172 человека) включались испытуемые с травматическим событием соматического характера (испытуемые с ампутацией нижних конечностей – 95 человек (длительность ампутации не менее года); онкологические больные (стомированные) с длительностью заболевания не менее 1 года – 81 человек); вторую экспериментальную группу ($\mathcal{E}_2$) составили испытуемые с травматическим событием социально-психологического характера (участники контртеррористических боевых действий – 87 человек).

Все испытуемые с травматическим событием в опыте имеют высокий уровень выраженности показателей ПТСР по шкале Mississippi Scale, Keane et al (в адаптации Н.В. Тарабриной, 2001) [243]. Испытуемые с травмирующим событием в личном опыте уравнивались как по количественным, так и по качественным (возрасту, полу, образовательному уровню) характеристикам. В контрольную группу (К) вошли испытуемые, не имеющие хронических соматических заболеваний, не имеющие по субъективной оценке в опыте травматического события, проходящие процедуру профосмотра на базе областной клинической больницы с низким

и средним уровнем выраженности по шкале Mississippi Scale, Keane et al (в адаптации Н.В. Тарабриной) и заключением «здоров» (274 человека: 152 мужчины и 122 женщины).

По критерию Манна-Уитни (U) статистически подтверждено значимое сужение размеров будущего (Ft) и размера временной перспективы личности в целом (PP), снижение интегрированности событийного пространства настоящего (R_{pt}) и будущего (R_{ft}), дезинтегрированность событийного пространства в целом (R), а также снижение хронологической протяженности временной перспективы личности (L) у испытуемых с травматическим событием в опыте (как соматического, так и социально-психологического характера) по сравнению с испытуемыми с отсутствием в опыте травматических событий (таблица 56).

Таблица 56

Количественные показатели параметров методики событийной реконструкции временной перспективы личности у испытуемых с травматическим событием в анамнезе по уровню значимости (U-критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$)

Диагностический критерий	Показатель	Уровень значимости различий	
		Ξ_1 -К	Ξ_2 -К
Размеры прошлого (Pt)	Количество событий прошлого	0,071	0,069
Размеры настоящего (Pr)	Количество событий настоящего	0,059	0,071
Размеры будущего (Ft)	Количество событий будущего	0,021*	0,026*
Объем событийного пространства (PP)	Общее количество событий	0,038*	0,041*
Положительный вектор событийной направленности (PP ⁺)	Количество позитивных событий	0,074	0,082
Отрицательный вектор событийной направленности (PP ⁻)	Количество негативных событий	0,118	0,104
Отношение количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого (P)	Отношение количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого	0,081	0,094
Интегрированность событийного пространства прошлого (R_{pt})	Количество взаимосвязей событий прошлого	0,059	0,062

Интегрированность событийного пространства настоящего (R_{pr})	Количество взаимосвязей событий настоящего	0,031*	0,039*
Интегрированность событийного пространства будущего (R_{ft})	Количество взаимосвязей событий будущего	0,019*	0,014*
Интегрированность событийного пространства (R)	Общее количество взаимосвязей событийного пространства	0,007*	0,012*
Системообразующее событие (S_{max})	Количество группирующих событий	0,072	0,051*
Сбалансированность событийного пространства (I_s)	Отношение количества группирующих событий к общему количеству событий	0,129	0,134
Событийная дискретность прошлого (D_{pt})	Среднее расстояние между событиями прошлого в хронологической протяженности	0,067	0,072
Событийная дискретность настоящего (D_{pr})	Среднее расстояние между событиями настоящего в хронологической протяженности	0,427	0,418
Событийная дискретность будущего (D_{ft})	Среднее расстояние между событиями будущего в хронологической протяженности	0,068	0,061
Общая событийная дискретность (D)	Соотнесенность хронологической последовательности событийного ряда с последовательностью их включения в событийное пространство (порядковый номер события)	0,122	0,146
Хронологическая протяженность временной перспективы (L)	Общая суммарная длительность событий во времени	0,019*	0,031*
Примечание: *значимость различий.			

Надежность–согласованность

Количественные показатели, отраженные в таблице 57, указывают на достаточный уровень надежности–согласованности шкал методики.

Значение коэффициента надежности методики событийной реконструкции
по Кронбаху (α)

Диагностические критерии	К			Э ₁			Э ₂		
	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл	Альфа Кронбаха
Pt	13	2,7	0,702	5	1,7	0,794	5	2,1	0,714
Pr	5	1,6	0,691	5	2,2	0,781	5	1,8	0,448
Ft	8	2,5	0,718	4	1,3	0,742	2	0,9	0,731
PP	26	5,4	0,834	14	3,7	0,890	12	4,2	0,881
PP ⁺	15	4,7	0,724	5	2,4	0,738	4	1,6	0,736
PP ⁻	11	3,9	0,732	9	3,1	0,746	8	3,8	0,737
P	1	0,2	0,812	2,5	0,7	0,889	1,4	0,3	0,834
R _{pt}	3	1,1	0,710	5	1,4	0,749	5	2,1	0,730
R _{pr}	3	1,2	0,726	3	0,9	0,781	3	1,1	0,785
R _{ft}	7	2,4	0,714	1	0,4	0,773	2	0,8	0,776
R	13	4,2	0,822	9	3,7	0,877	10	3,2	0,871
S _{max}	3,7	1,7	0,804	1,4	0,8	0,854	1,2	1,02	0,862
I _s	0,06	0,01	0,715	0,03	0,01	0,789	0,02	0,01	0,794
D _{pt}	0,67	0,24	0,736	0,49	0,12	0,779	0,42	0,19	0,762
D _{pr}	0,53	0,16	0,693	0,91	0,27	0,755	0,79	0,31	0,747
D _{ft}	0,69	0,19	0,742	1,12	0,34	0,791	1,03	0,27	0,794
D	0,63	0,17	0,836	0,84	0,22	0,878	0,75	0,31	0,872
L	75,3	8,3	0,712	49,4	6,5	0,771	47,1	5,8	0,762

Диапазон достоверности: >0,9 – очень высокий уровень надежности; >0,8 – хороший уровень надежности; >0,7 – достаточный уровень надежности; >0,6 – сомнительный уровень надежности; >0,5 – низкий уровень надежности; ≤0,5 – недостаточный уровень надежности

Семантический анализ лингвистических форм означивания событийного пространства личности при наличии травматических событий в анамнезе (соматического и социально-психологического характера) позволяет делать вывод о сосредоточении негативных событий прошлого по следующему соотношению: $\frac{49}{97} > \frac{48}{97} = 0,51 > 0,49$ (таблица 58).

Результаты лингвосемантического анализа событийного пространства личности

Событийное пространство	Количество лингвосемантических единиц		Грамматические формы лингвосемантических единиц									
			Существительное		Прилагательное		Глагол		Местоимение		Другие	
	Э ₁	Э ₂	Э ₁	Э ₂	Э ₁	Э ₂	Э ₁	Э ₂	Э ₁	Э ₂	Э ₁	Э ₂
Прошлое	47	43	29	26	5	7	7	5	3	2	3	3
Настоящее	26	34	11	14	3	4	4	6	6	6	2	4
Будущее	24	20	9	9	2	0	5	4	3	4	5	3
Всего	97	97	49	49	10	11	16	15	12	12	10	10

Корреляции шкал методики

Выявлены статистически значимые корреляционные взаимосвязи между большинством параметров методики (г-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,01$): индексом событийного пространства личности (Р) и размерами прошлого ($r_1 = 0,62^*$; $r_2 = 0,58^*$), размерами настоящего ($r_1 = 0,71^*$; $r_2 = 0,64^*$) и размерами будущего ($r_1 = 0,65^*$; $r_2 = 0,47^*$); между показателем размеров временной перспективы и ее хронологической протяженностью ($r_1 = 0,81^*$; $r_2 = 0,71^*$); между индексом эмоциональной привлекательности и положительным ($r_1 = 0,78^*$; $r_2 = 0,59^*$) и отрицательным ($r_1 = -0,74^*$; $r_2 = -0,61^*$) векторами событийной направленности; между параметрами интегрированности и дискретности событийного пространства прошлого ($r_1 = 0,82^*$; $r_2 = 0,63^*$), настоящего ($r_1 = 0,80^*$; $r_2 = 0,78^*$) и будущего ($r_1 = 0,77^*$; $r_2 = 0,81^*$). Значения большинства коэффициентов корреляции менее 0,80 указывают на отсутствие повторяемости параметров методики.

Внешняя валидность методики

Показатели по шкале «размеры прошлого» положительно коррелируют с показателями позитивного прошлого, негативного прошлого и установок на

прошлой не связаны с показателями гедонистического и фаталистического настоящего, показателями будущего, а также установками на настоящее и будущее. Размеры настоящего, наоборот, положительно коррелируют с показателями гедонистического и фаталистического настоящего, а также установками на настоящее. Размеры будущего на среднем уровне коррелируют с показателями будущего и установками на будущее (таблица 59).

Таблица 59

Корреляции показателей методики с показателями опросника временной перспективы Ф. Зимбардо и шкалой временных установок Ж. Нюттена и У. Ленса (r-критерий Спирмена, $p < 0,01$)

Параметры	Размеры прошлого (Pt)		Размеры настоящего (Pr)		Размеры будущего (Ft)	
	Э ₁ -К	Э ₂ -К	Э ₁ -К	Э ₂ -К	Э ₁ -К	Э ₂ -К
позитивное прошлое	0,51*	0,48*	0,22	0,28	-0,15	-0,11
негативное прошлое	0,47*	0,41*	0,19	0,11	0,26	0,32
установки на прошлое	0,54*	0,39*	-0,07	-0,06	0,20	0,28
гедонистическое настоящее	0,26	0,04	0,54*	0,64*	-0,14	-0,21
фаталистическое настоящее	0,14	0,22	0,67*	0,54*	0,21	0,27
установки на настоящее	0,08	0,04	0,55*	0,46*	0,14	0,06
показатели будущего	0,01	0,11	0,10	0,18	0,69*	0,62*
установки на будущее	0,18	0,01	-0,06	-0,09	0,52*	0,46*

Пимечание: * значимость взаимосвязи.

Психотерапевтическая эффективность методики

Психотерапевтическая эффективность методики событийной реконструкции при наличии травматических событий соматического и социально-психологического характера в анамнезе оценивалась в два этапа. На первом этапе реализуются процедуры отсроченного событийного означивания настоящего–будущего; отсроченной событийной реконструкции прошлого; установления взаимосвязей реконструированных событий прошлого–настоящего и прошлого–будущего. На втором этапе (объем выборки составил 218) осуществлялась оценка значимости различий показателей диагностического этапа и показателей этапа

событийной реконструкции с целью определения устойчивости результатов во времени (таблица 60).

Оценка устойчивости результатов, полученных на этапе реконструкции, осуществлялась через 6 месяцев. Объем выборки составил 191 человек с травматическим событием в анамнезе из общего объема выборки. Полученные показатели указывают на устойчивость результатов реконструкции во времени.

Таблица 60

Показатели терапевтической эффективности методики событийной реконструкции (критерий χ^2 Фридмана, $p < 0,05$)

Диагностический критерий	Терапевтическая эффективность		Устойчивость результатов	
	Ξ_1	Ξ_2	Ξ_1	Ξ_2
Размеры прошлого (P_t)	0,022*	0,024*	0,052	0,048*
Размеры настоящего (P_r)	0,037*	0,038*	0,067	0,050*
Размеры будущего (F_t)	0,044*	0,046*	0,041*	0,037*
Объем событийного пространства (PP)	0,030*	0,034*	0,045*	0,024*
Положительный вектор событийной направленности (PP^+)	0,022*	0,012*	0,129	0,087
Отрицательный вектор событийной направленности (PP^-)	0,018*	0,014*	0,174	0,218
Отношение количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого (P)	0,012*	0,011*	0,326	0,426
Интегрированность событийного пространства прошлого (R_{pt})	0,036*	0,033*	0,068	0,016*
Интегрированность событийного пространства настоящего (R_{pr})	0,024*	0,022*	0,033*	0,032*
Интегрированность событийного пространства будущего (R_{ft})	0,048*	0,041*	0,029*	0,021*
Интегрированность событийного пространства $\mathbb{R}$	0,029*	0,030*	0,020*	0,008*
Системообразующее событие (S_{max})	0,049*	0,042*	0,457	0,527
Сбалансированность событийного пространства (I_s)	0,012*	0,009*	0,071	0,814
Событийная дискретность прошлого (D_{pt})	0,029*	0,012*	0,132	0,116
Событийная дискретность настоящего (D_{pr})	0,031*	0,024	0,067	0,058
Событийная дискретность будущего (D_{ft})	0,024*	0,026*	0,088	0,092
Общая событийная дискретность (D)	0,045*	0,044*	0,073	0,038*
Хронологическая протяженность временной перспективы (L)	0,016*	0,019*	0,032*	0,022*

Примечание: *значимость различий.

Выявленные статистически значимые различия по параметрам размеров прошлого, настоящего, будущего, размера временной перспективы личности в целом и индекса событийного пространства указывают на расширение границ событийного пространства личности за счет увеличения дифференцированности событий прошлого, а также количества событий настоящего и будущего. Значимость различий по параметрам интегрированности событийного пространства прошлого, настоящего и будущего свидетельствует о переструктурировании системы межсобытийных связей через снижение роли травмирующих событий при увеличении количества эмоционально положительных системообразующих событий настоящего и будущего [184].

6.6. Методика диагностики структуры событийного пространства личности на разных этапах онтогенеза

В логике схематизации структура событийного пространства личности представляется как изображение двух окружностей разного диаметра, расположенных одна внутри другой, и реализуется в три последовательных этапа. Первым этапом оценки структуры событийного пространства личности необходимо на внутренней окружности отметить точкой события собственной жизни (В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, А.А. Кузнецова) [210]. На следующем этапе на внешней окружности необходимо отметить события, которые происходили во внешнем мире. Для каждого события как собственной жизни, так и происходивших во внешнем мире необходимо указать дату, место, где происходило событие, его содержание (название), а также оценить эмоциональное отношение к событию, обозначив его знаком «+» или «-». Заключительным этапом структурирования событийного пространства личности является установление взаимосвязей между внутренними событиями собственной жизни и событиями внешнего мира.

В качестве методов исследования использовались: Методика событийной реконструкции временной перспективы личности [184],

опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [170, 171, 172], методика «Ханойская башня» (адаптация: С.М. Окулова). [198]

Расчет количественных показателей структуры событийного пространства личности осуществлялся в соответствии с выделенными нами ранее психодиагностическими параметрами, представленными в таблице 61.

Таблица 61

Психодиагностические параметры структуры событийного пространства

Параметры внутреннего событийного пространства		Параметры внешнего событийного пространства	
Общий объем внутреннего событийного пространства	Общее количество событий собственной жизни	Общий объем внешнего событийного пространства	Общее количество внешних событий
Положительные события	Количество позитивных внутренних событий	Положительные события	Количество позитивных внешних событий
Отрицательные события	Количество негативных внутренних событий	Отрицательные события	Количество негативных внешних событий
Событийная дискретность внутреннего пространства	Среднее расстояние между событиями собственной жизни в хронологической протяженности	Событийная дискретность внешнего пространства	Среднее расстояние между внешними событиями хронологической протяженности
Общая протяженность внутреннего событийного пространства	Суммарная длительность событий собственной жизни в годах	Общая протяженность внешнего событийного пространства	Суммарная длительность внешних событий в годах
Системообразующее событие собственной жизни	Количество группирующих событий собственной жизни	Системообразующее внешнее событие	Количество группирующих событий внешнего пространства
Сбалансированность внутреннего событийного пространства	Отношение количества группирующих событий собственной жизни к общему количеству событий жизни	Сбалансированность внешнего событийного пространства	Отношение количества группирующих внешних событий к общему количеству внешних событий
		Дискретность внешнего событийного пространства	Показатель разности между внешними событиями, имеющими взаимосвязи с событиями

			собственной жизни
			Отношение общей хронологической протяженности внешнего событийного пространства к хронологической разности
Интегрированность событийного пространства личности		Интегративный показатель структуры событийного пространства – показатель количества взаимосвязей между событиями собственной жизни и внешними событиями.	

Количественная и качественная обработка данных осуществлялась с использованием пакета прикладных статистических программ и программного приложения Excel.

Общий объем выборки составил 388 человек (181 мужчина, 207 женщин). Формирование исследовательских групп осуществлялось в соответствии с возрастными этапами: 1) подростковый возраст (12–15 лет; 119 испытуемых); 2) юношеский возраст (16–21 лет; 95 испытуемых); 3) период взрослости (22–55 лет; 107 человек); 4) период старости (60–74 года; 67 человек). Исследование осуществлялось на условиях информированного согласия.

При исследовании структуры событийного пространства личности на разных возрастных этапах по выделенным психодиагностическим параметрам при обозначении внутренних событий собственной жизни выявлена положительная динамика, проявляющаяся в увеличении общего количества событий, характеризующего общий объем событийного пространства преобладанием событий настоящего и будущего. При этом отмечается снижение общей хронологической протяженности событийного пространства в процессе онтогенеза (от подросткового возраста к юношескому и далее). В процессе онтогенеза также отмечается снижение общей протяженности событийного пространства, проявляющееся в снижении суммарной длительности событий собственной жизни в годах. На разных этапах онтогенеза выявлено преобладание положительных

внутренних событий над отрицательными с тенденцией к их возрастанию в процессе онтогенеза (таблица 62).

Таблица 62

Показатели средних тенденций психодиагностических параметров
внутренних событий на разных возрастных этапах ($\bar{x} \pm \sigma$)

Психодиагностические параметры	Этапы онтогенеза			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Взрослость	Старость
Общий объем внутреннего событийного пространства	19,42±5,29	24,31±3,18	28,16±4,37	32,59±6,24
Положительные события	11,43±4,22	15,43±4,31	16,62±7,05	18,12±5,22
Отрицательные события	8,16±3,29	9,21±2,94	12,32±5,29	14,15±6,35
Событийная дискретность внутреннего пространства	0,72±0,07	0,69±0,19	0,65±0,09	0,54±0,12
Общая протяженность внутреннего событийного пространства	83,17±6,29	81,21±5,34	76,4±5,26	75,92±6,12
Системообразующее событие собственной жизни	1,09±0,12	2,31±0,14	4,1±1,29	3,8±1,07
Гармоничность внутреннего событийного пространства	1,04±0,07	0,095±0,004	0,146±0,011	0,117±0,003

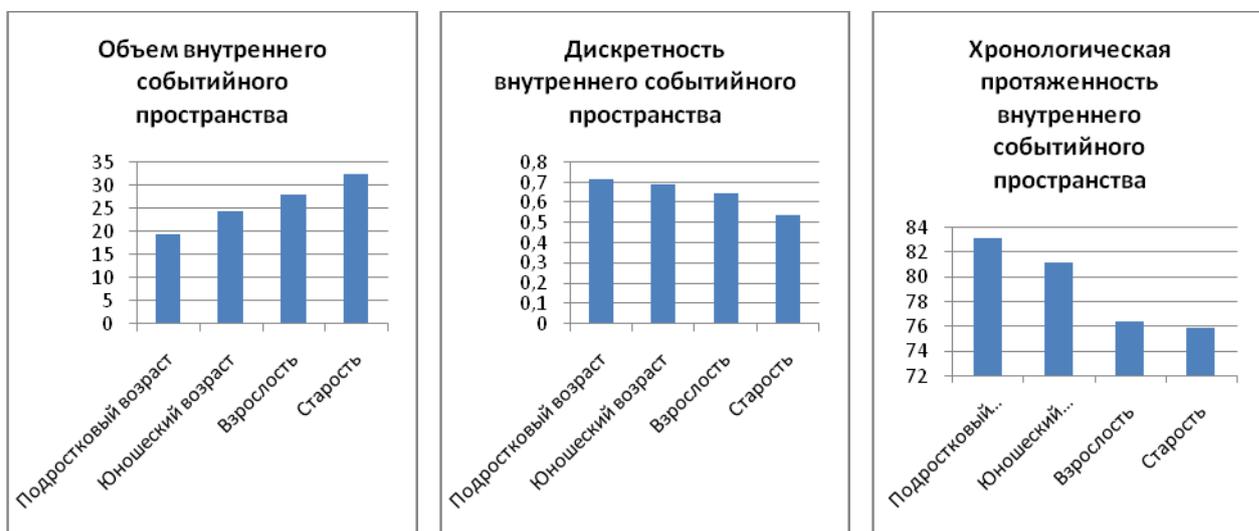
В подростковом возрасте во внутреннем событийном пространстве преобладающими являются события с положительной оценкой настоящего и будущего при незначительном количестве событий прошлого. Выявлена высокая событийная дискретность (среднее расстояние между событиями собственной жизни в годах) внутреннего пространства в подростковом возрасте и общая низкая организованность, на что указывает отсутствие системообразующего события (события, имеющего максимальное количество взаимосвязей с другими событиями) у большинства испытуемых подросткового возраста.

В юношеском возрасте показатели общего объема событийного пространства (общего количества событий собственной жизни) в сравнении с подростковом возрастом увеличиваются; при этом общая хронологическая протяженность внутреннего событийного пространства, а также событийная дискретность снижаются. Полученные данные указывают на возрастание событийной насыщенности жизни, что является онтогенетически

закономерным. Преобладающими так же, как и в подростковом возрасте являются события настоящего и будущего, которые оцениваются как позитивные. Доля негативных событий составляет 37%.

В периоды зрелости и старости выявленная тенденция усиливается: отмечается увеличение объема внутреннего событийного пространства при сокращении общей протяженности; снижается событийная дискретность в сравнении с юношеским возрастом, так как возрастает количество системообразующих событий. Внутреннее событийное пространство в периоды зрелости и старости является интегрированным.

Внутреннее событийное пространство в процессе онтогенеза характеризуется расширением объема событийного пространства при снижении хронологической протяженности, что свидетельствует о возрастании событийной насыщенности жизненного опыта. Максимальный объем внутреннего событийного пространства личности соответствует периоду старости, что является онтогенетически закономерным: приобретенный к периоду старости жизненный опыт существенно шире в сравнении с подростковом возрастом, юношеским возрастом, а также зрелостью. При этом выявленное снижение общей хронологической протяженности внутреннего событийного пространства личности при увеличении общего количества событий указывает на возрастание событийной насыщенности жизни к периоду старости (рис. 76).

Рисунок – 76 Гистограмма средних значений показателей объема, событийной дискретности, общей протяженности внутреннего событийного пространства

Внешнее событийное пространство включает в себя события, которые происходят в мире и являются внешними по отношению к субъекту. На уровне внешних событий в структуре событийного пространства личности отмечается расширение общего объема внешнего событийного пространства в юношеском возрасте в сравнении с подростковым, а также в период взрослости в сравнении с юношеским возрастом. В периоде старости отмечается снижение общего объема внешнего событийного пространства. Выявлено возрастание общей хронологической протяженности внешнего событийного пространства при переходе от подросткового возраста к юношескому, от юношеского возраста к взрослости, от взрослости к старости. Внешнее событийное пространство на разных этапах онтогенеза характеризуется снижением событийной дискретности, проявляющейся в уменьшении хронологического расстояния (в годах) между внешними событиями по мере взросления (при переходе от подросткового возраста к юношескому и далее) (таблица 63).

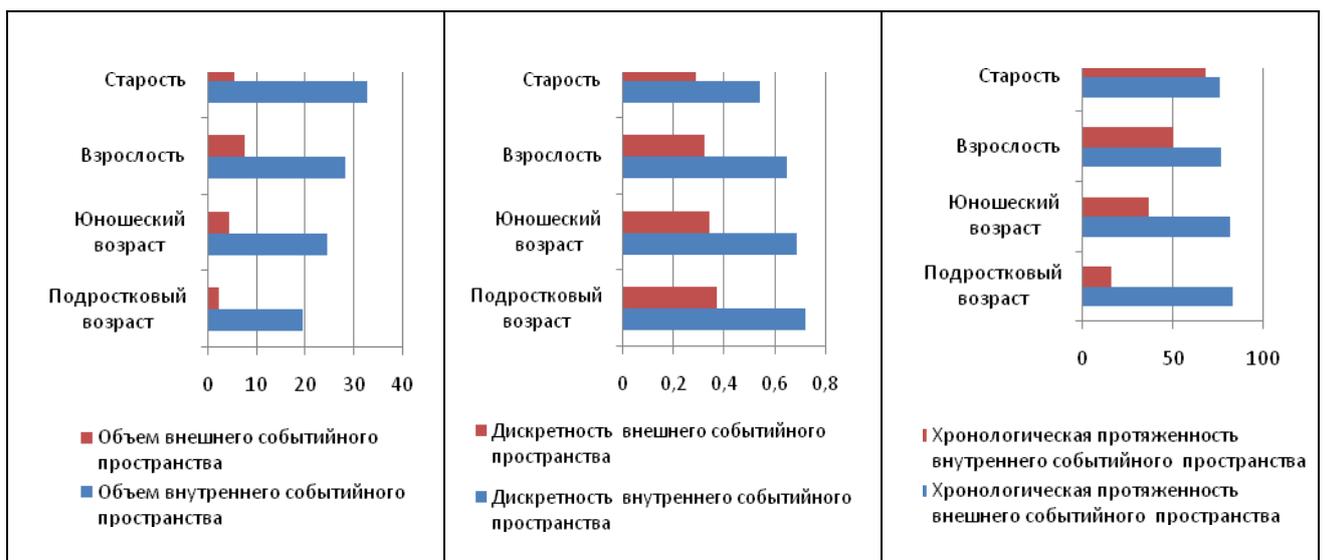
Таблица 63

Показатели средних тенденций психодиагностических параметров внешних событий на разных возрастных этапах ($\bar{x} \pm \sigma$)

Психодиагностические параметры	Этапы онтогенеза			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Взрослость	Старость
Общий объем внешнего событийного пространства	2,14±0,37	4,12±1,24	7,31±3,16	5,28±1,64
Положительные события	1,06±0,02	3,04±1,07	4,18±1,35	3,54±1,08
Отрицательные события	1,38±0,17	1,12±0,94	3,22±1,09	2,16±0,92
Событийная дискретность внешнего пространства	0,37±0,02	0,34±0,08	0,32±0,04	0,29±0,05
Общая протяженность внешнего событийного пространства	15,63±3,29	36,19±5,37	49,84±6,39	67,84±6,92
Системообразующее внешнее событие	0,09±0,04	2,31±0,92	3,19±0,64	2,93±1,29

Гармоничность внешнего событийного пространства	0,04±0,02	0,08±0,02	0,44±0,08	0,55±0,12
Дискретность внешнего событийного пространства	0,21±0,07	29,36±6,93	21,18±4,35	16,35±5,22
Отношение общей хронологической протяженности внешнего событийного пространства к хронологической разности	0,37±0,09	1,23±0,68	2,35±1,06	4,15±1,39

Анализируя соотношение психодиагностических параметров внутреннего и внешнего событийного пространства на разных этапах онтогенеза, мы выявили следующие тенденции: в процессе онтогенеза отмечается увеличение объема как внутреннего, так и внешнего событийного пространства личности; выявлено снижение событийной дискретности внутреннего и внешнего событийного пространства, проявляющееся в уменьшении среднего расстояния в годах между событиями (как внутренними, так и внешними) в хронологической протяженности; показатель хронологической протяженности внутреннего событийного пространства в процессе онтогенеза снижается, а внешнего событийного пространства – возрастает. Полученные результаты указывают на то, что по мере взросления происходит расширение событийной наполненности и детализации субъективного опыта (рис. 77).

Рисунок – 77 Гистограммы средних значений показателей объема, событийной дискретности, общей протяженности внутреннего и внешнего событийного пространства

Показатель, характеризующий интегрированность структуры событийного пространства личности, оценивался как количество взаимосвязей между внутренними событиями собственной жизни и внешними событиями. В результате выявлено значимое возрастание показателя интегрированности событийного пространства личности в юношеском возрасте и взрослости при снижении значения в старости. Средние значения показателя интегрированности событийного пространства личности в подростковом возрасте составляют 0, в юношеском возрасте соответствуют значениям $3,26 \pm 1,09$; в период взрослости $6,34 \pm 1,68$; в старости показатель интегрированности составляет $4,21 \pm 1,27$. Максимальная степень интегрированности событийного пространства личности выявлена в период взрослости.

Анализ процессов регуляции, обеспечивающих структурную организацию событийного пространства личности, осуществлялся последовательно в два этапа. На первом этапе осуществлялась оценка уровня выраженности регуляторных процессов на разных этапах онтогенеза. На втором этапе с использованием процедуры корреляционного анализа осуществлялась оценка взаимосвязей параметров событийного пространства личности и регуляторных процессов (планирования, моделирования, программирования, антиципации).

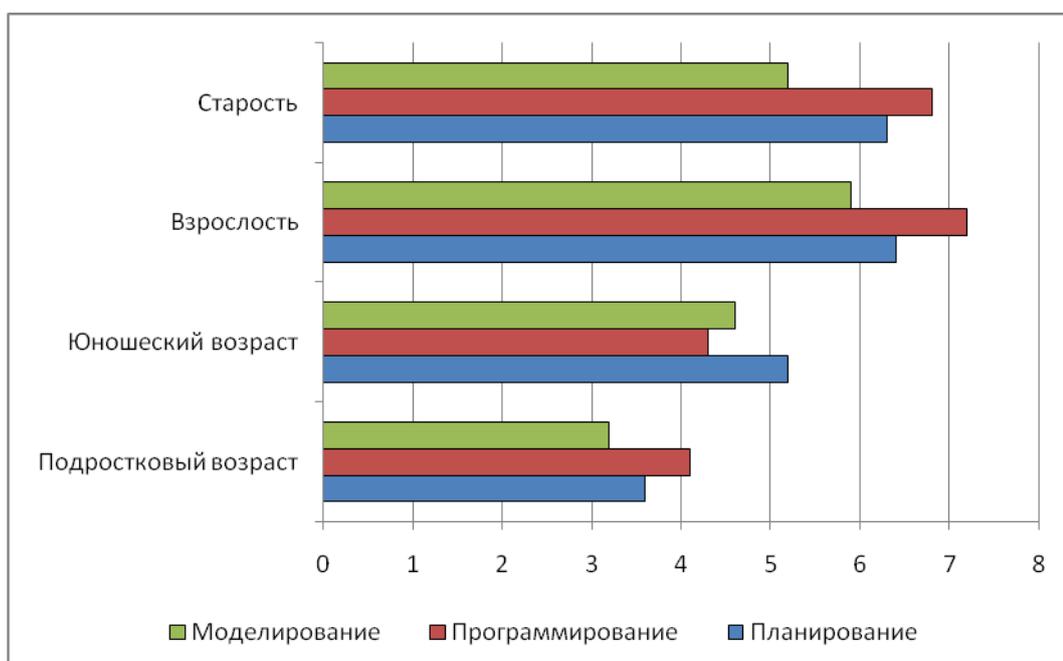
В результате исследования регуляторных процессов на разных возрастных этапах в подростковом возрасте выявлен низкий уровень планирования, программирования и моделирования. В юношеском возрасте, периодах взрослости и старости показатели планирования, программирования и моделирования соответствуют диапазону средних значений с тенденцией к высоким (таблица 64).

Значения средних тенденций показателей процессов саморегуляции
на разных возрастных этапах

Процессы саморегуляции	Этапы онтогенеза			
	Подростковый возраст (x±σ)	Юношеский возраст (x±σ)	Взрослость (x±σ)	Старость (x±σ)
Планирование	3,6±0,83	5,2±1,12	6,4±1,67	6,3±1,92
Программирование	4,1±1,09	4,3±1,36	7,2±2,04	6,8±2,03
Моделирование	3,2±0,96	4,6±1,28	5,9±1,70	5,2±1,83

Полученные результаты указывают на то, что в подростковом возрасте снижение процесса планирования приводит к тому, что цели являются неустойчивыми, малореалистичными и, как правило, достигаются редко. Следствием чего будет являться то, что подростки предпочитают не задумываться о своем будущем, живут сегодняшним днем, цели выдвигают ситуативно. Низкий уровень моделирования у подростков проявляется в неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств достижения целей, в связи с чем возникают трудности в определении программы действий, адекватной текущей ситуации. Низкий уровень программирования у подростков проявляется в неспособности определить последовательность своих действий, что реализуется в преобладании импульсивности поведения.

По мере взросления на последующих этапах онтогенетического развития (в юношеском возрасте, взрослости и старости) уровень выраженности процессов саморегуляции возрастает, что проявляется в реалистичности, детализированности, иерархичности и устойчивости выдвигаемых целей, продуманности собственных действий и поведения для достижения целей, адекватной оценке условий достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем (рис. 78).

Рисунок – 78 Профили процессов саморегуляции на разных этапах онтогенеза

Формирование целей, планирование и программирование поведения обеспечиваются процессом антиципации, позволяющим принимать решения с определенным пространственно-временным упреждением по отношению к ожидаемым событиям. Оценка процесса антиципации осуществлялась с использованием экспериментальной методики «Ханойская башня». В соответствии с процедурой эксперимента, решение экспериментальной задачи повторяется последовательно три раза (три серии эксперимента) (таблица 65).

Таблица 65

Значения средних тенденций показателя антиципации на разных возрастных этапах

Возрастные этапы	Количество операций ($\bar{x} \pm \sigma$)		
	1 серия	2 серия	3 серия
Подростковый возраст	18,4±3,18	16,37±2,19	14,10±2,67
Юношеский возраст	15,2±0,07	14,9±0,93	14,10±0,1
Взрослость	14,1±0,02	14,03±0,04	14,03±0,02
Старость	15,3±1,16	15,3±1,02	14,3±0,95

В результате исследования процесса антиципации на разных возрастных этапах выявлен низкий уровень антиципационно-прогностической функции в подростковом возрасте и повышение его в юношеском возрасте, взрослости и старости.

Оценка взаимосвязей параметров событийного пространства личности и регуляторных процессов на разных этапах онтогенеза осуществлялась с использованием процедуры корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$).

В результате корреляционного анализа в подростковом возрасте были выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между параметрами общего объема внутреннего событийного пространства и регуляторным процессом планирования ($r=0,37$), общей хронологической протяженностью внешнего событийного пространства и регуляторным процессом программирования ($r=0,42$), дискретностью внешнего событийного пространства и регуляторным процессом моделирования ($r=0,47$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями количества системообразующих событий и регуляторного процесса планирования ($r=-0,39$), а также между показателями интегрированности событийного пространства личности и процесса антиципации ($r=-0,52$). Полученные результаты указывают, с одной стороны, на дезинтегрированность событийного пространства личности в подростковом возрасте, с другой - позволяют рассматривать процесс антиципации в качестве одного из ведущих механизмов, обеспечивающих и поддерживающих интегрированность событийного пространства личности.

В юношеском возрасте выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между регуляторным процессом планирования с параметрами общего объема внутреннего ($r=0,37$) и внешнего ($r=0,49$) событийного пространства; общей хронологической протяженностью как внешнего ($r=0,44$), так и внутреннего ($r=0,42$) событийного пространства и регуляторным процессом программирования;

количеством системообразующих событий как на уровне внешнего ($r=0,38$), так и на уровне внутреннего ($r=0,35$) событийного пространства с процессом антиципации; показателями общей протяженности внутреннего ($r=0,42$) и внешнего ($r=0,44$) событийного пространства с регуляторным процессом программирования; дискретностью внешнего событийного пространства и регуляторным процессом моделирования ($r=0,47$). Обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями интегрированности событийного пространства личности и процесса антиципации ($r=-0,57$). Полученные результаты указывают на интегрированность событийного пространства личности в юношеском возрасте.

В период взрослости выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между регуляторным процессом планирования с параметрами общего объема внутреннего ($r=0,34$) и внешнего ($r=0,47$) событийного пространства; общей хронологической протяженностью внешнего ($r=0,52$) и внутреннего ($r=0,46$) событийного пространства с регуляторным процессом программирования; количеством системообразующих внешних ($r=0,39$) и внутренних ($r=0,35$) событий с процессом антиципации; дискретностью внешнего событийного пространства и регуляторным процессом моделирования ($r=0,44$); положительными событиями с процессом моделирования ($r=0,37$). Обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями интегрированности событийного пространства личности и процесса антиципации ($r=-0,52$), а также отрицательными событиями с регуляторным процессом моделирования ($r=-0,39$). Полученные результаты свидетельствуют о высокой связанности событийного пространства личности в период взрослости.

В старости выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между регуляторным процессом планирования с параметрами общего объема внутреннего ($r=0,36$) и

внешнего ($r=0,48$) событийного пространства; количеством системообразующих внешних ($r=0,37$) и внутренних ($r=0,48$) событий с процессом антиципации; регуляторным процессом моделирования с гармоничностью внешнего событийного пространства ($r=0,37$) и внутренними положительными событиями ($r=0,34$); общей протяженностью внешнего событийного пространства с регуляторным процессом программирования ($r=0,54$). Обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями интегрированности событийного пространства личности и процесса антиципации ($r=-0,63$), а также отрицательными событиями с регуляторным процессом моделирования ($r=-0,44$). Полученные результаты свидетельствуют о высокой взаимосвязанности событийного пространства личности в период старости.

Выводы по главе 6

В соответствии с логикой метасистемного подхода инструментально-методическое обеспечение изучения социальной идентичности представлено результатами разработки и апробации двух авторских методик: методики исследования структурной организации личностной идентичности (МИСОЛИ), а также методики исследования социальной идентичности. При этом личностная идентичность рассматривается как набор устойчивых индивидуальных качеств, характеризующихся преемственностью во времени и пространстве, определяющих уникальность каждого индивида, то есть делает человека подобным самому себе и отличным от других. Социальная идентичность рассматривается в контексте группового поведения в двух аспектах: с точки зрения подобия социально-психологических характеристик с членами «своей» социальной группы; с точки зрения отличия, «дифференциации» от представителей других социальных групп, членом которых индивид не является.

Представленная авторская модификация методики «Автопортрет» с целью изучения диссоциации образа Я позволяет выявлять степень рассогласованности представлений о себе, что, в свою очередь, выступает в качестве одного из критериев нарушения идентичности.

Методика событийной реконструкции временной перспективы личности обладает диагностическим и психотерапевтическим потенциалом. Психодиагностический потенциал методики реализуется через оценку показателей, характеризующих событийное пространство личности. Психотерапевтический ресурс методики заключается в снижении эмоциональной напряженности в переживании травмирующего события; изменении системы межсобытийных взаимосвязей и построении субъективно-ценностной иерархии событийного пространства временной перспективы личности; расширении объема событийного пространства и протяженности временной перспективы личности; интеграции событийного пространства личности вне травматического события; семантическом преобразовании значений событийного пространства без травматического контекста. Согласно полученным в ходе исследования данным, методика

событийной реконструкции временной перспективы личности является валидным психодиагностическим инструментом с достаточным уровнем надежности; рекомендуется к использованию в психотерапевтической практике.

Таким образом, представленные психодиагностические методики рассматриваются в качестве взаимодополняющего инструментария диагностики социальной идентичности, представляющей собой системный интегративный феномен, функционирующий в континууме «норма–нарушение».

Глава 7. Концептуализация по эмпирическому основанию системы нормы и нарушения социальной идентичности

7.1. Гносеологические основания построения концепции нормы и нарушения социальной идентичности

Любая задача, позиционируемая как методологическая, определенно должна быть соотнесена с парадигмально-теоретическим основанием ее реализации. Согласно определению Т.Куна [139], парадигма (от греч. *paradeigma* – пример, образец) определяется как строго научная теория, господствующая в течение определенного исторического периода в научном обществе; представляет собой модель постановки проблем, методов их исследования и решения. В системе научного знания парадигма рассматривается не просто в качестве текущей теории, а в качестве целостного мировоззрения, в котором она существует вместе со всеми выводами. В современной методологии науки можно выделить четыре основных компонента теории: 1) исходную эмпирическую основу, эмпирический базис, который включает в себя множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу, представляющую собой множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект 3) логику теории, содержащую множество допустимых в рамках теории правил логических выводов и доказательств; 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания [116, 118]. Методологически основная роль в формировании теории принадлежит идеализированному объекту, представляющему собой теоретическую модель существующих связей реальности и представленных с помощью определенных гипотетических допущений. Именно данная теоретическая модель, выстроенная на конкретных методологических позициях

метасистемного подхода, эмпирически аргументирована, раскрывается в содержании данной части работы.

Концептуализируя и приводя к алгоритмизации, системно организованному знанию, объект нашего исследования – социальную идентичность в рамках метасистемного подхода, во-первых, мы создали факторизованную модель нормы и нарушения социальной идентичности, а во-вторых, представили ее эмпирические основания на структурном, генетическом, функциональном, интегративном и метасистемном уровнях.

Руководствуясь тезисом, что системная организация мира не может быть исчерпана только системами онтологического плана, отображение которых в познании приводит к становлению систем плана, принимающих форму целостных теорий [118], исследовательскую логику мы выстроили как последовательность онтологических и гносеологических этапов. В этом случае этапы исследования реализовывались следующим образом: 1) определение метасистемы по отношению к изучаемому объекту, не только его качественной определенности, но и специфичности, которую он обретает в метасистеме; 2) определение компонентов, связей, структуры – структурный этап; 3) функциональный; 4) генетический; 5) интегративный.

Метасистемный этап исследования раскрывает онтологически представленную целостность, в которую включен изучаемый объект (в рамках данной работы это социальная идентичность) во всей полноте его характеристик и свойств, в которой помимо онтологических оснований бытия изучаемой системы заложены необходимые для его объяснения гносеологические средства (А.В. Карпов) [118]. Только при включении в метасистему изучаемая система социальной идентичности обретает объективные детерминанты своего формирования и функционирования, качественную определенность и специфичность по отношению к этой метасистеме. Структурный этап системного анализа направлен на изучение внутрисистемных механизмов и закономерностей, лежащих в основе собственной организации (компонентов, связей, структуры) социальной

идентичности. Структурный план исследования, в свою очередь, является гетерогенным: с одной стороны, раскрывает компонентный состав изучаемой системы, с другой стороны, раскрывает структурно-уровневую организацию строения системы и установления ее базовых уровней и межуровневых взаимодействий. Функциональный уровень анализа системы направлен на выявление и интерпретацию особенностей, закономерностей и механизмов диахронической организации развертывания изучаемого объекта (социальной идентичности) во времени. Генетический уровень анализа системы также реализуется в нескольких направлениях: филогенетическом, онтогенетическом, социогенетическом и др. Основной целью интегративного аспекта системного анализа являются выявление и интерпретация интегративных свойств (системных качеств) объекта исследования на основе всех предыдущих этапов исследования. Результаты интегративного уровня системного анализа позволяют установить качественную определенность изучаемого предмета [118].

Представленные этапы исследования предмета позволяют показать основания причинного объяснения выявляемых в нем закономерностей в аспектах структурной, генетической и функциональной причинности. Подобным образом системно организованное знание о социальной идентичности в критериях нормы и нарушения выступает в качестве необходимого условия его перевода с эмпирико-феноменологического уровня на теоретический уровень (рис. 79).

Рисунок – 79 Теоретическая модель структурно-уровневой организации социальной идентичности

На онтологическом уровне существования выявлены закономерности континуальности исследуемого объекта от нормы как целостности к нарушению как деструктуризации этой целостности. Понимая онтологические закономерности как базовые, выделяют пять категорий закономерностей существования объекта: первая – онтологические, то есть те, которые встроены в него, его субстанциональные, аутохтонные, по которым объект функционирует в контексте целостности; аутохтонные внутренние закономерности объект получает во всей целостности его бытия, включенного в метасистемную организацию. Вторая категория закономерностей – это так называемые структурные закономерности, это закономерности, которые характеризуют структурную организацию в аспектах содержания и состава. Третья категория – это так называемые

функциональные закономерности, которые характеризуют динамику с целью обнаружения и интерпретации особенностей и закономерностей, феноменов и механизмов собственно диахронической организации развертывания социальной идентичности во времени. Четвертая категория закономерностей – это генетические закономерности, предполагающие следующие: филогенетическое, онтогенетическое, социогенетическое и др. –направления реализации. Пятая категория представлена интегративными закономерностями, основной целью которых является выявление, характеристика и интерпретация на базе результатов всех предшествующих этапов наиболее обобщенных, системных свойств социальной идентичности [118].

На гносеологическом уровне анализа с помощью алгоритма системного исследования нами были выделены критерии анализа объекта (социальной идентичности) в континуальности «норма–нарушение», определено их видоспецифическое содержание (аддиктивная идентичность, делинквентная идентичность, нарушенная социальная идентичность при соматопатологии) и доказана их изоморфность по отношению друг к другу. Критерием качества теории является ее практико-эмпирическая верифицируемость.

Изучение социальной идентичности с позиции системного подхода направлено на выявление обозначенных категорий закономерностей в соответствии с представленным алгоритмом системного исследования.

Изучение социальной идентичности как континуального объекта реализуется на трех уровнях: структурном (через организацию системы взаимосвязей структурных компонентов);генетическом (через онтогенетические этапы формирования); феноменологическом (через систему статусов).

Конкретизируя теоретическую проекцию социальной идентичности на исследовательский уровень, установлено, что структурная организация социальной идентичности, включающая когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты, характеризуется спецификой компонентного

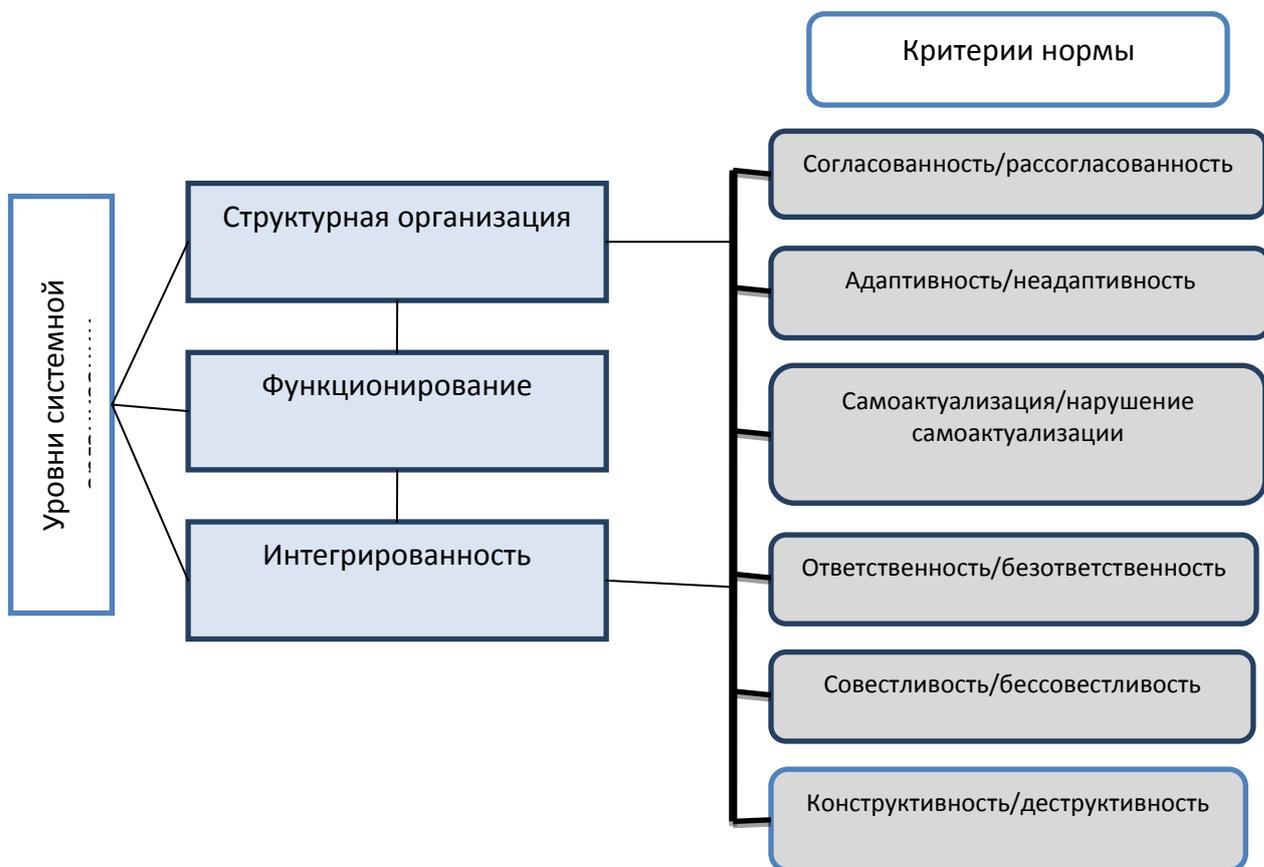
содержания, качеств когерентности и дивергентности, а также общей структурной организованности социальной идентичности в генезе (на разных возрастных этапах: в подростковом возрасте, в юношеском возрасте, во взрослости, геронтогенезе). Функциональный аспект социальной идентичности реализуется в континууме «норма– нарушение», выстроенном по дихотомическому основанию. Интегративный уровень анализа социальной идентичности как в норме, так и при нарушении характеризуется интеграцией структурного, функционального, генетического содержания и обеспечивает трансляцию явления на метасистемный уровень. Метасистемная проекция нарушения социальной идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций (увеличение количества правонарушений; увеличение объектов зависимости; повышение уровня инвалидизации населения при соматической патологии, увеличение количества переходов соматических заболеваний в хроническую форму). На уровне микросоциума активирует негативную патологическую среду, запуская и масштабируя процессы нарушений социальной идентичности. В содержании и структурной организации социальной идентичности отражается внешняя по отношению к личности социальная метасистема, включающая в себя систему социальных норм, правил и характеристик социального взаимодействия.

Критеризация нормы и нарушения социальной идентичности формировалось на теоретических положениях К.К. Платонова [239] и Б.С. Братуся [50], согласно которым обобщенными критериями нормы выступают функциональность и приспособляемость к окружающей среде. Нарушение в этом случае оценивается через дисфункциональность и дезадаптивность.

Социальная идентичность не может быть реализована в жесткой дихотомии «норма– нарушение». И здесь возникает методологическая задача, требующая решения, которая связана с необходимостью критеризации нормы – нарушения социальной идентичности, где критерий рассматривается как признак, на основании которого производится оценка,

определение, классификация чего-либо. В качестве критериев нормы поведения К.К. Платонов [239] выделяет следующие: сбалансированность/несбалансированность психических процессов на уровне свойств темперамента; адаптивность/неадаптивность; самоактуализация/нарушение процесса самоактуализации на уровне характерологических особенностей; духовность/бездуховность; ответственность/безответственность; совестливость/бессовестливость (на личностном уровне).

Социальная идентичность функционирует в континуальности «норма–нарушение» по критериальной дихотомии согласованности/рассогласованности структурной организации; адаптивности/неадаптивности; самоактуализации/нарушении самоактуализации; ответственности/безответственности; совестливости/бессовестливости; конструктивности/деструктивности (рис. 80).

Рисунок – 80 Проекция проявлений критериальной дихотомии функционирования социальной идентичности в норме и при нарушении

По критериальным оценкам нормы социальная идентичность характеризуется согласованностью, адаптивностью, самоактуализацией, ответственностью, конструктивностью и совестью.

В регламенте сформированной теоретической модели были реализованы эмпирические программы, результаты и выводы по которым приведены в обобщенной форме [224, 226, 235].

7.2. Метасистемный аспект нормы и нарушения социальной идентичности

Социальная идентичность как системный феномен, включающий онтогенетические и социогенетические основания, характеризующийся множественностью проявлений, определяется как осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я. Континуальность социальной идентичности реализуется на трех системных уровнях: структурном (через организацию системы взаимосвязей структурных компонентов); генетическом (через онтогенетические этапы формирования); феноменологическом (через систему статусов).

Социальная метасистема [335], с которой взаимодействует личность, в которую она объективно включена и которая является внешней по отношению к ней, представлена во временно-пространственном континууме отношений и событийного пространства, в которое включена личность. Метасистемная проекция нарушения социальной идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций (увеличение количества правонарушений; увеличение объектов зависимости; утрату работоспособности населения при соматической патологии, увеличение количества переходов соматических заболеваний в хроническую форму). На уровне микросоциума активизирует негативную патологическую

среду, запуская и масштабируя процессы нарушений социальной идентичности.

В метасистемном плане социальная идентичность реализуется во временно-пространственном континууме отношений и событийного пространства. Феномен событийного пространства имеет многообразные и противоречивые интерпретации. Соотносимым по содержанию с понятием событийного пространства являются понятия жизненного пространства личности (К. Левин) [95, 142, 143, 308], субъективного пространства личности (А.А. Бодалев) [43], психологического пространства личности (С.Л. Рубинштейн) [259]. Событийное пространство личности формируется на основе временной перспективы (С.Л. Рубинштейн, [259]; Ф. Зимбардо, [422, 423]) и психологического времени (Е.И. Головаха, А.А. Кроник) [68, 69] на основе переживания личностью причинно-следственных связей между субъективно значимыми событиями.

Событийное пространство личности на уровне элементов образовано совокупностью событий (внутренние события жизни с дифференциацией на прошлое, настоящее, будущее; и внешние по отношению к субъекту), системой межсобытийных связей, а также механизмами регуляции, представленными на уровне процессов саморегуляции: планирования, программирования, моделирования и антиципации (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, [68, 69]; О.Н. Ганина, [61]; В.И. Слободчиков [280, 281, 282]). Событийное пространство личности рассматривается как система субъективного отражения пространственно-временных отношений и знаний человека в окружающем мире, проявляющихся в событиях и их оценке.

Событие как элемент структуры событийного пространства представляет собой эпицентрический феномен, в котором реальные изменения в объективном времени трансформируются в персонифицированные переживания и становятся субъективно значимыми. Количество и интенсивность происходящих событий, оцениваемых как значимые для человека субъективные составляющие, определяют

содержание восприятия пространственно-временных соотношений (Е.И. Головаха, А.А. Кроник) [68, 69]. События в структуре событийного пространства подразделяются на внутренние события жизни и внешние по отношению к субъектусобытия. Внутренние события рассматриваются как субъективно-ценностное переживание изменений в жизни человека, имеющее чувственную или образную структуру и дифференцирующееся на события настоящего, прошлого, будущего (Nuttin, Lens) [283, 284]. В настоящее время входят события, начало которых принадлежит к хронологическому прошлому, а конец – будущему. В прошлое время входят события, начало и конец которых относятся к хронологическому прошлому. К будущему времени относятся события, которые еще не начались. Каждое событие (как внутреннее, так и внешнее) имеет собственную структуру, включающую три компонента: время события (когда происходило), место события (где происходило) и содержание события (что происходило). События, генерируясь в пространство, формируют его протяженность и содержание. Те события, которые характеризуются максимальной включенностью в систему взаимосвязей внутренних и внешних событий, выступают как системообразующие.

Событийное пространство личности помимо входящих в него событий и их субъективной оценки характеризуется также системой взаимосвязей между внутренними и внешними событиями. Система взаимосвязей внутренних и внешних событий реализуется причинно-следственными и инструментально-целевыми связями (Е.И. Головаха, А.А. Кроник) [68, 69]. В реализации причинно-следственных взаимосвязей предшествующие события детерминируют последующие; в реализации инструментально-целевых взаимосвязей последующие события являются детерминантой предшествующих. В хронологическом континууме постановка цели всегда предшествует выбору средства, в сознании личности событие-цель как бы проецируется на тот отрезок времени, который хронологически расположен за моментом реализации события-средства (Golovaha, Kronik) [362].

Организация событийного пространства личности обеспечивается через процессы планирования, моделирования, программирования и антиципации жизненных целей (через их достижение связывают жизненные события между собой в субъективном опыте). Процессы планирования характеризуют индивидуальные особенности выдвижения и удержания целей, сформированность у человека осознанного планирования деятельности (В.И. Моросанова) [170, 171, 172]. Процессы планирования обеспечивают взаимосвязь, преемственность целеполагания с предшествующим опытом. Процессы программирования характеризуют индивидуальную развитость осознанного программирования человеком своих действий (В.И. Моросанова) [170, 171, 172]. Программирование своих действий направлено на обеспечение личностью содержания событий в структуре событийного пространства. Процессы моделирования характеризуют индивидуальную развитость представлений о внешних и внутренних значимых условиях, степень их осознанности, детализированности и адекватности (В.И. Моросанова) [170, 171, 172]. Моделирование в организации событийного пространства обеспечивает взаимосвязь между внутренними и внешними событиями; внешние события при этом выступают в качестве условий планирования и реализации внутренних событий личности. Антиципация определяется как способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых событий; обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения, она включается в процессы принятия решения, текущего контроля и в коммуникативные акты (Б.Ф. Ломов) [150, 151]. Именно благодаря антиципации организуется взаимодействие личности с окружающим миром на пространственно-временном предвосхищении как на уровне двигательной активности, а также на уровне целенаправленного поведения, целеполагания, планирования [219].

Исходя из представленного обобщения, возникает вопрос о том, как измеряется событийное пространство личности в метасистемном плане в норме на разных возрастных этапах (подростковом возрасте, юношеском возрасте, взрослости, старости), а также как изменяется система регуляции событийного пространства. Мы предполагаем, что изучение структуры событийного пространства личности на разных возрастных этапах активизирует процессы антиципации и прогнозирования как механизмов регуляции в подростковом и юношеском возрасте, становится необходимым условием увеличения объема событийного пространства, интеграции его структуры, а значит, и собственный опыт будет учить. Одной из ключевых задач развития в подростковом возрасте является становление психосоциальной идентичности, одним из этапов которой является осознание временной протяженности собственного Я, включающей детское прошлое и определяющей проекцию себя в будущее (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) [281].

Структурная организация событийного пространства личности на разных возрастных этапах характеризуется высокой взаимосвязанностью в юношеском возрасте, взрослости и старости при снижении степени связанности событийного пространства в подростковом возрасте. Регуляция объема событийного пространства личности на разных возрастных этапах обеспечивается процессами планирования, общая хронологическая протяженность событийного пространства поддерживается регуляторным процессом программирования. В качестве основного регуляторного процесса, обеспечивающего общий уровень интегрированности событийного пространства личности вне зависимости от возрастного этапа, выступает антиципация, позволяющая учитывать событийный опыт прошлого в планировании и прогнозировании будущего.

Структура событийного пространства личности в процессе онтогенеза изменяется и имеет свои особенности как по соотношению элементов, так и по связям между ними.

В подростковом возрасте структура событийного пространства является дезинтегрированной, характеризуется на уровне внутренних событий низкой протяженностью с преобладанием событий настоящего и будущего при незначительном количестве событий прошлого. При этом большинство внутренних событий оцениваются как положительные. На уровне внешних событий событийное пространство характеризуется сужением объема внешнего событийного пространства при неточном обозначении событий (несовпадении по времени, месту и содержанию внешнего события с объективной реальностью). Отсутствие значимых взаимосвязей между внутренними и внешними событиями указывает на дезинтегрированность структуры событийного пространства личности в подростковом возрасте, которая поддерживается низкими показателями регуляторных процессов планирования, программирования и моделирования, а также низким предвосхищением. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки не используют приобретенный событийный опыт как основание предвосхищения и планирования; события не протраиваются в собственную жизненную перспективу. Снижение процессов антиципации не позволяет подросткам оценивать последствия как отдельных поступков, так и поведения в целом.

В юношеском возрасте и в период взрослости структура событийного пространства личности является интегрированной с преобладанием положительных событий настоящего и будущего. На уровне внешних событий событийное пространство личности характеризуется увеличением объема и хронологической протяженности при снижении событийной дискретности в сравнении с подростковом возрасте. Также отмечается возрастание точности внешних событий в параметрах места, времени и содержания. Наличие взаимосвязей между внутренними и внешними событиями свидетельствует об интегрированности структуры событийного пространства личности в юношеском возрасте и взрослости, которая поддерживается на уровне общего объема событийного пространства

процессами планирования, на уровне общей протяженности событийного пространства регуляторными процессами программирования, на уровне системообразующих событий – высоким уровнем процесса антиципации, который, в свою очередь, также поддерживает общий уровень интегрированности событийного пространства.

В старости интегрированность структуры событийного пространства личности незначительно снижается. На содержательном уровне также отмечается преобладание положительных событий в общем объеме событийного пространства. При этом изменяется их соотношение: преобладающими являются события настоящего и прошлого, что обусловлено особенностями данного возрастного этапа. Отмечается сужение общего объема внешнего событийного пространства при расширении объема внутреннего событийного пространства в сравнении с предшествующими онтогенетическими этапами. Количество взаимосвязей между внутренними и внешними событиями также снижается, что, в свою очередь, приводит к снижению интегрированности структуры событийного пространства личности в старости. На уровне регуляторных процессов структурная организация событийного пространства в период старости поддерживается тенденцией к низкому уровню выраженности регуляторных процессов планирования, программирования, моделирования при высоком уровне предвосхищения. В старости приобретенный событийный опыт выступает в качестве основания антиципации.

Таким образом, метасистемный уровень, рассматриваемый через пространственно-временной континуум событийного пространства, включает онтологически представленную в системе социальной идентичности метасистему (социум), которая функционально встроена в систему социальной идентичности и образует на метасистемном уровне (посредством активного порождения, конструирования) свои ментальные репрезентации. Социальная идентичность, в свою очередь, входит в состав социальной

метасистемы (через социальное функционирование личности) и может оказывать на нее воздействие.

7.3. Структурный аспект нормы и нарушения социальной идентичности

В соответствии с реализуемым в представленной работе принципом метасистемности, структурные образования социальной идентичности как в норме, так и при нарушении испытывают детерминацию со стороны метасистем: только при включении в метасистему (социум) изучаемая система социальной идентичности обретает объективные детерминанты своего формирования и функционирования, качественную определенность и специфичность по отношению к этой метасистеме.

Базовым методологическим принципом определения структурных компонентов социальной идентичности выступил принцип метасистемности, согласно которому социум, выступая как метасистема в отношении социальной идентичности, встраивается и конституирует весь набор структурных компонентов (когнитивный, мотивационный и ценностный). Таким образом, социальная идентичность представляет собой интериоризированный и представленный в виде структурных компонентов социум. В свою очередь, каждый структурный компонент одновременно является характеристикой личности, характеристикой социума и компонентом в структуре социальной идентичности.

При рассмотрении социальной идентичности как структурного феномена его организация оценивалась по компонентному содержанию, по взаимосвязи компонентов, а также на уровне качеств когерентности, дивергентности и общей организованности структуры социальной идентичности. На качественно структурном уровне норма социальной идентичности в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструкторов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне

представлений и на уровне поведения. В юношеском возрасте преобладающими являются сложные, дифференцированные когнитивные конструкты; мотивационный компонент представлен импульсивным мотивационным профилем, ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне их поведенческой реализации. В период взрослости норма социальной идентичности на уровне структурных компонентов характеризуется преобладанием сложных, дифференцированных когнитивных конструктов, прогрессивным мотивационным профилем, согласованностью системы ценностных ориентаций. На этапе поздней взрослости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении.

На статусном уровне социальная идентичность в подростковом возрасте соответствует статусу диффузной; в юношеском возрасте преобладающим является статус моратория социальной идентичности; к периоду взрослости социальная идентичность достигает статуса позитивной идентичности; на этапе гериогенеза социальная идентичность феноменологически вновь соответствует статусу диффузной.

7.4. Функциональный аспект нормы и нарушения социальной идентичности

Функционирование социальной идентичности осуществляется в континууме «норма – нарушение» и обусловлено наличием встроенного метасистемного уровня. Социальная идентичность, являясь динамической системой, обладает вариативностью структурной организации (способностью к изменению внутрисистемных связей при сохранении компонентного состава и общей целостности системы).

Социальная идентичность характеризуется не только синхронической, но и диахронической системностью, проявляющейся в значимом изменении структурированности на количественном и качественном уровнях как в норме, так и в основных случаях нарушения: при аддиктивном поведении (алкогольной, наркотической зависимости, зависимости от курительных смесей, игровой зависимости), делинквентном поведении (деструктивном и аутодеструктивном поведении), соматической патологии (онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей, ишемическом инсульте головного мозга).

В свою очередь, структурные феномены являются предикторами деструктивных изменений. При этом причины деструктивных изменений определяются не на уровне структурных компонентов социальной идентичности, а на уровне их взаимосвязанности, определяющей структурную организацию: в случаях нарушения происходит качественная трансформация структурной организации социальной идентичности.

Структурная организация социальной идентичности в норме характеризуется снижением степени структурной организации в подростковом возрасте и старости при повышении степени структурной организации в юношеском возрасте и в период взрослости. На качественном уровне выявлена статистически достоверная разнородность структур социальной идентичности на разных возрастных этапах: структурная организация социальной идентичности в подростковом возрасте и старости характеризуется гетерогенностью, в юношеском возрасте и взрослости – гомогенностью.

Нарушение социальной идентичности (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии) характеризуется снижением степени структурной организации социальной идентичности на уровне количественной оценки; гетерогенностью структур социальной идентичности в сравнении с нормой на уровне качественной оценки. При общем сходном показателе индекса организованности структуры социальной

идентичности при нарушении качественная специфика структурной организации социальной идентичности при различных типах нарушений проявляется через различные базовые качества.

Метасистемная проекция нарушения социальной идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций (увеличение количества правонарушений; рост объектов зависимости; повышение уровня инвалидизации населения при соматической патологии, увеличение количества переходов соматических заболеваний в хроническую форму). На уровне микросоциума формирует негативную патологическую среду, запуская и масштабируя процессы нарушений социальной идентичности.

Общие тенденции при нарушении социальной идентичности по критериальным оценкам проявляются рассогласованностью структурной организации; неадаптивностью; нарушением самоактуализации; безответственностью; бессовестливостью; деструктивностью.

Эмпирические модели социальной идентичности в норме и при нарушении (при аддиктивном поведении, при делинквентном поведении, при соматопатологии) интегрируют структурное, функциональное, генетическое содержание, обеспечивая трансляцию явления на онтологический (метасистемный) уровень. Социальная идентичность функционирует в континууме «норма–нарушение», выстроенном по критериально-дихотомическому основанию согласованности/рассогласованности структурной организации; адаптивности/неадаптивности; самоактуализации/нарушении самоактуализации; ответственности/безответственности; совестливости/бессовестливости; конструктивности/деструктивности (рис. 81).

Рисунок – 81 Критериально-иерархическая модель социальной идентичности в норме и при нарушении

Нарушения социальной идентичности можно дифференцировать по критерию отношения к реальности (уход, противостояние, приспособление). Выделяем три формы нарушения социальной идентичности: как уход от социальной реальности (при аддикции); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (при делинквентном поведении); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии).

Системный анализ нарушения социальной идентичности позволил определить системные качества инвариантности нарушений социальной идентичности, трансформацию их структурной организации, выявить системообразующие факторы, обеспечивающие устойчивость нарушенной организации, то есть подтвердить тезис о том, что нарушенная идентичность сохраняет свойства системного объекта, но его гомеостаз и устойчивость обеспечиваются качественным и количественным изменением взаимосвязей структурных компонентов объекта.

7.5. Генетический аспект нормы и нарушения социальной идентичности

Генез социальной идентичности раскрывает качественно-количественную специфику ее структурной организации и представлен в двух аспектах. С одной стороны, в его традиционном понимании – как процесс трансформации структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза – в подростковом, юношеском возрасте, периодах зрелости и старости). Соответственно, генез социальной идентичности характеризуется последовательной сменой онтогенетических этапов (от подросткового возраста к юношескому и далее), характеризующихся качественной трансформацией структурной организации социальной идентичности в сторону повышения степени интеграции. На качественно структурном уровне норма социальной идентичности в генетическом аспекте реализуется в направлении от дезинтегрированности структурной организации в подростковом возрасте к интегрированной организации в юношестве, нарастанием данной тенденции в период зрелости и дезинтеграцией структурной организации социальной идентичности в старости.

На эмпирическом уровне анализ структурной организации социальной идентичности в норме осуществлялся последовательно от подросткового возраста до этапа поздней зрелости (включая этапы юношеского возраста и зрелости) через расчет коэффициента организованности структуры, который определяется как разность коэффициентов когерентности и дивергентности.

Генез социальной идентичности на структурном уровне реализуется в направлении от дезинтегрированности структурной организации в подростковом возрасте к интегрированной организации в юношестве, нарастанием данной тенденции в период зрелости и дезинтеграцией структурной организации социальной идентичности в геронтогенезе. На уровне статусной системы генез социальной идентичности реализуется в

последовательной смене статусов: от диффузной идентичности в подростковом возрасте к статусу моратория в период юношеского возраста, к достигнутой позитивной идентичности в период взрослости и диффузной социальной идентичности в период поздней взрослости.

С другой стороны, понимание генеза социальной идентичности представлено с принципиально новой позиции – как процесс обратного развития (дисгенеза) при различных нарушениях (при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии). Соответственно, любая патология, любое нарушение социальной идентичности следует рассматривать как дисгенез. При этом, генез и дисгенез социальной идентичности подчиняются одним и тем же закономерностям как системогенеза, так и метасистемогенеза, которые составляют диалектическое единство.

Дисгенез социальной идентичности вне зависимости от типа нарушения реализуется в направлении от интегрированности в норме к дезинтегрированности и дезорганизованности при аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии.

7.6. Интегративный аспект нормы и нарушения социальной идентичности

Анализ данных, полученных при разработке метасистемного, структурного, функционального и генетического аспектов изучения социальной идентичности позволил выделить специфику структурной организации социальной идентичности на разных этапах онтогенеза и при различных нарушениях, а также критерии ее нормы и нарушения, что, в свою очередь, является необходимым и достаточным условием для разработки целостных концептуальных представлений о социальной идентичности в норме и при нарушении.

Критериально-иерархическая модель социальной идентичности в норме характеризуется преобладанием согласованной системы ценностных

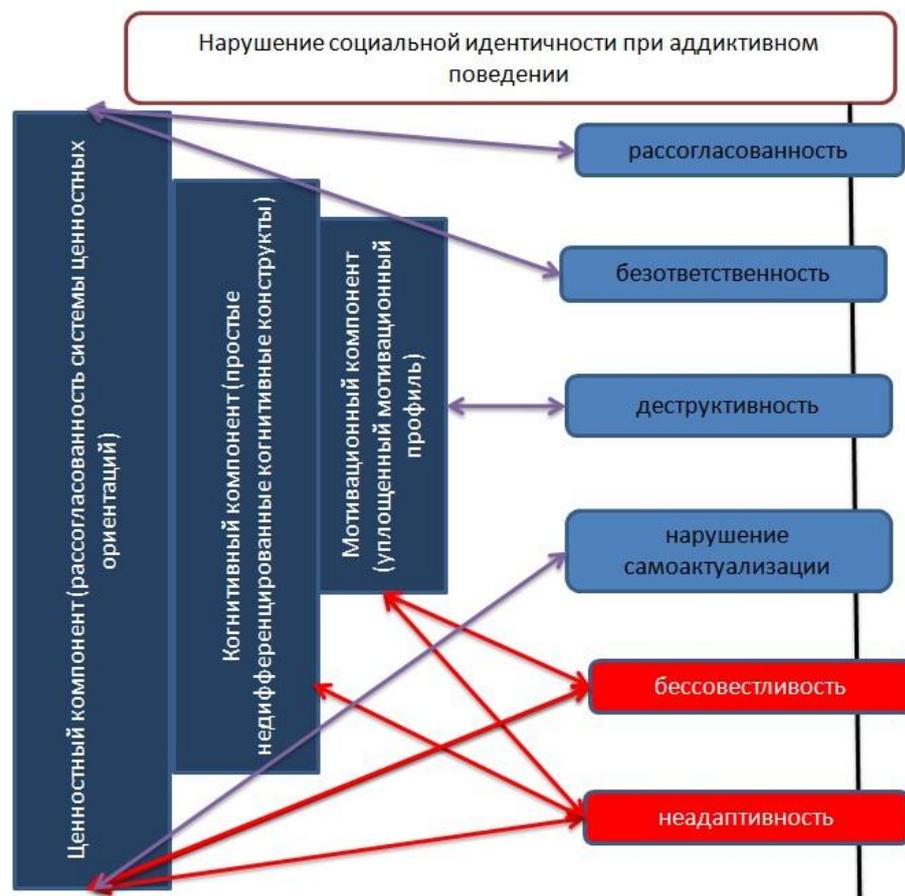
ориентаций, обеспечивающей интегрированность ее структурной организации как на уровне сложных когнитивных конструкторов, проявляющихся на критериальном уровне в высокой согласованности структурной организации, адаптивности и конструктивности, так и на уровне мотивационного компонента, реализующегося в критериальных оценках адаптивности и самоактуализации.

Нарушение социальной идентичности при алкогольной зависимости характеризуется преобладанием простых когнитивных конструкторов в структуре социальной идентичности, на критериальном уровне проявляющихся в низкой согласованности структурной организации личностной идентичности, отсутствии креативности, ригидности поведения и дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в низкой сензитивности к себе и окружающим, экстернальности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокой враждебности, агрессивности и склонности ко лжи.

При наркотической зависимости простые когнитивные конструкторы в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации личностной идентичности, неприятии себя и других, интернальности, ригидности поведения и дезориентации во времени, отсутствии креативности. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в высоком уровне принятия агрессии, низкой синергии, отсутствии познавательных потребностей. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокой враждебности, агрессивности и склонности ко лжи.

Сложные когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности при игровой зависимости на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации личностной идентичности, стремлении к доминированию, ригидности поведения и дезориентации во времени, креативности. Мотивационный компонент, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в низкой сензитивности по отношению к окружающим, высоком самоуважении, выраженности познавательных потребностей. Ценностный компонент с преобладанием ценностей гедонизма и универсализма на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, высокой враждебности, цинизме и склонности ко лжи.

Таким образом, структура социальной идентичности при аддиктивном поведении характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей при вирулентных видах химической зависимости (от алкогольной к наркотической). На феноменологическом уровне социальная идентичность при состоянии зависимости соответствует диффузной. Специфика структуры социальной идентичности при аддиктивных нарушениях характеризуется ее реализацией на двух не взаимосвязанных блоках, где интегрирующую роль принимают лживость и дезадаптивность (рис. 82).

Рисунок – 81 Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при аддиктивном поведении

Нарушение социальной идентичности при делинквентном поведении рассматривалось в двух формах: в форме деструктивного поведения (нахождение в местах лишения свободы) и аутодеструктивном поведении (попытка суицида в анамнезе).

В структуре социальной идентичности простые когнитивные конструкторы при деструктивном поведении на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации личностной идентичности, ригидности поведения и дезориентации во времени. Мотивационный, компонент, представленный через импульсивный мотивационный профиль, на критериальном уровне реализуется через стремление к доминированию, принятие агрессии и непринятие других. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности, традиций, стимуляции и универсализма, на критериальном уровне

проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и морально-этических ценностей, низкой рефлексивностью на морально-этические ситуации, высокой враждебностью, агрессивностью и цинизмом.

В структуре социальной идентичности при аутодеструктивном поведении сложные когнитивные конструкты на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации личностной идентичности, интернальности, непринятии как себя, так и других, дезориентации во времени. Мотивационный, компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в отсутствие альтруистических эмоций, отсутствии экзистенциальной ответственности, низкой синергии, ригидности поведения. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности, традиций, достижения, на критериальном уровне проявляется в отсутствие альтруистических эмоций низкой сензитивности к себе, низких показателях самопринятия и самоуважения, высокой враждебностью и склонностью ко лжи.

Итак, нарушение структуры социальной идентичности при делинквентном поведении характеризуется преобладанием дивергентности и низкой организованностью как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении. На феноменологическом уровне социальная идентичность при делинквентном поведении соответствует диффузной, характеризующейся неустойчивостью системы ценностных ориентаций, неудовлетворенностью собой и самообвинительными реакциями. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить деструктивность, проявляющуюся во враждебности и агрессивности, как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации других критериев в сторону нарушения (рассогласованность, неадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, бессовестливость) (рис. 83).

Рисунок – 83 Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при делинквентном поведении

Нарушение социальной идентичности при соматической патологии на эмпирическом уровне рассматривалось при онкологических заболеваниях (больные с колостомой, больные, перенесшие мастэктомию, онкогематологические больные), а также при ампутации нижних конечностей.

У пациентов с колостомой простые когнитивные конструкторы в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации личностной идентичности, интернальности, непринятии как себя, так и других, дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном дискомфорте, конформности и ригидности

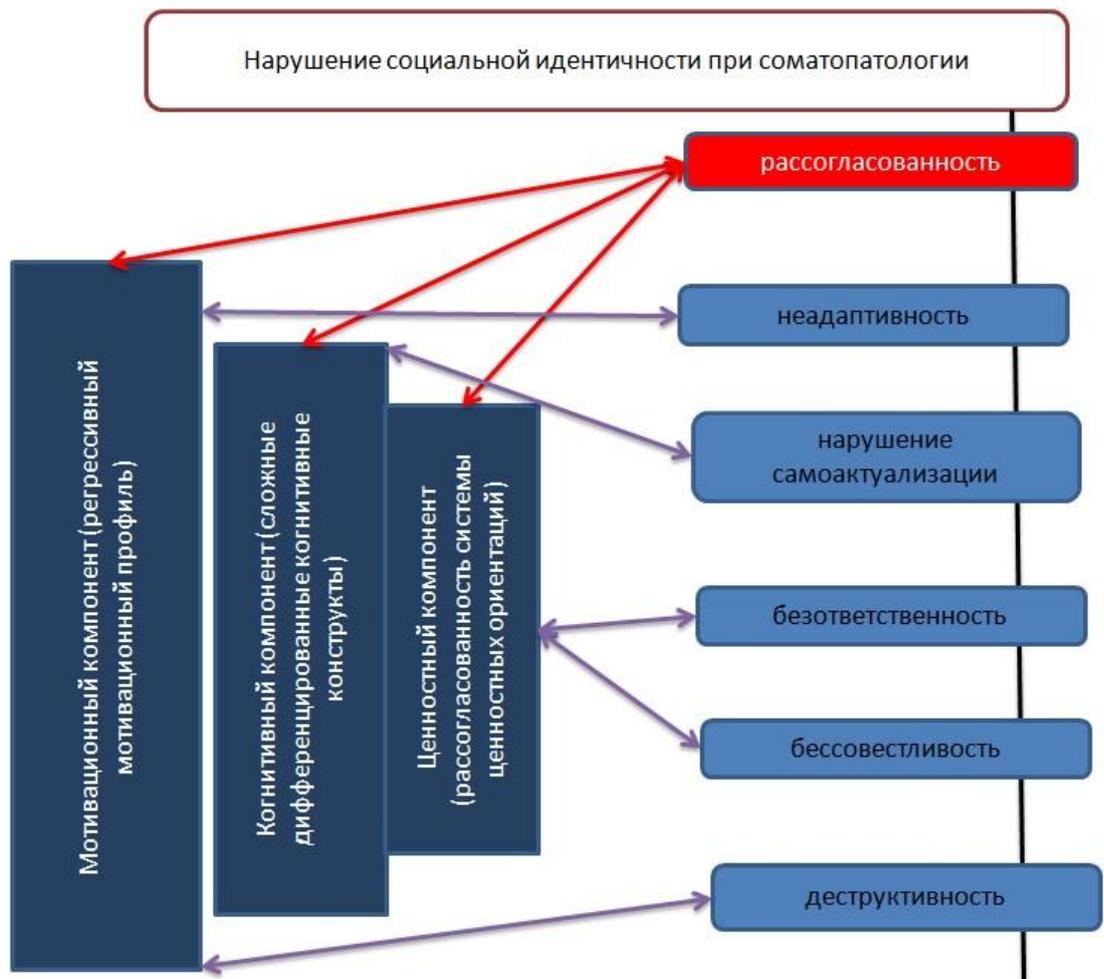
поведения. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в высоком уровне морально-этических ценностей и рефлексивности на морально-этические ситуации, низком самопринятии и самоуважении, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности.

У пациентов, перенесших мастэктомию, простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации личностной идентичности, интернальности, непринятии себя и других. Мотивационный компонент, представленный через регрессивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном дискомфорте, ригидности и конформности поведения, дезориентации во времени. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в высоком уровне морально-этических ценностей и альтруистических эмоциях, низком самопринятии и самоуважении, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности.

У пациентов с заболеваниями онкогематологического профиля простые когнитивные конструкты в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в низкой согласованности структурной организации личностной идентичности, интернальности, непринятии себя, принятии других при отсутствии контактности, дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через уплощенный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в эмоциональном комфорте, ригидности поведения, спонтанности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в альтруистических эмоциях, высоком уровне экзистенциальной ответственности и рефлексивности на морально-этические ситуации, высоком цинизме, склонности ко лжи и враждебности.

У пациентов с ампутацией нижних конечностей сложные когнитивные конструкторы в структуре социальной идентичности на критериальном уровне проявляются в средней согласованности структурной организации личностной идентичности, экстернальности, неприятии себя, принятии других, дезориентации во времени. Мотивационный компонент, представленный через импульсивный мотивационный профиль, на критериальном уровне проявляется в стремлении к доминированию, ригидности поведения, принятии агрессии и спонтанности. Ценностный компонент с преобладанием ценностей самостоятельности на критериальном уровне проявляется в отсутствии альтруистических эмоций и низкой рефлексивности на морально-этические ситуации, высокой враждебности, агрессивности и склонности ко лжи.

Таким образом, нарушение структуры социальной идентичности при соматической патологии характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей. На феноменологическом уровне социальная идентичность при соматической патологии соответствует диффузной. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить рассогласованность как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации всех других критериев в сторону нарушения (дезадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, деструктивность, бессовестливость) (рис. 84).

Рисунок – 84 Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при соматопатологии

Таким образом, критериально-факторизованная модель нарушения социальной идентичности характеризуется преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструкций, реализующихся в критериальных оценках безответственности и бессовестливости и обеспечивающих дезинтегрированность структурной организации на уровне мотивационного компонента, представленного недифференцированной системой мотивации, реализующейся в уплощенном мотивационном профиле и проявляющемся в критериальных оценках рассогласованности и нарушении самоактуализации; и ценностного компонента, реализующегося в рассогласованности системы ценностных ориентаций и проявляющемся в критериальных оценках бессовестливости и рассогласованности.

Выводы по главе 7

В заключительной главе представлены основные результаты разработки концепции социальной идентичности в норме и при нарушении. Основной целью выступало комплексное объяснение фундаментальной проблемы социальной идентичности в норме и при нарушении. Поскольку построение концепции выступает как средство решения комплекса проблем социальной идентичности, необходимо учитывать ее внутреннюю целостность, которая, в свою очередь, обеспечивается (реализуется) в основных гносеологических аспектах (метасистемном, структурном, функциональном, генетическом, интегративном). В связи с этим, в качестве средства реализации поставленной цели был избран гносеологический вариант метасистемного подхода. Построение целостной концепции социальной идентичности в норме и при нарушении в русле метасистемной методологии позволяет осуществить переход от аналитического, эмпирического уровня на концептуально–теоретический.

Реализуя комплексную стратегию исследования, нами были рассмотрены пять основных гносеологических аспектов изучения феномена социальной идентичности (метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный). При этом очевидной остается невозможность полномасштабного изучения всех деталей проблемы социальной идентичности в одном исследовании.

В представленной работе наиболее подробно представлены структурный, функциональный и генетический гносеологические этапы. Что касается метасистемного и интегративного аспектов изучения социальной идентичности, то в данном направлении были выдвинуты значимые предположения и выявлены новые закономерности; на основании полученных результатов сформулированы важные выводы. Тем не менее, данные направления исследований в данный момент представляют перспективу для дальнейших исследований. Таким образом, разработанная

концепция является полной в отношении состава, но открытой для содержательного дополнения каждого аспекта.

Совокупность полученных теоретических и эмпирических данных, а также метасистемный подход, выступающий в качестве базового методологического основания данного исследования, позволяют перейти к теоретическому уровню осмысления проблемы социальной идентичности в норме и при нарушении.

Проблема изучения социальной идентичности в норме и при нарушении раскрывается в основных гносеологических аспектах (метасистемном, структурном, функциональном, генетическом, интегративном), что, в свою очередь, позволяет выявить базовые закономерности социальной идентичности, необходимые для ее концептуального понимания. Взаимосвязанность перечисленных аспектов изучения социальной идентичности, представленная в работе, указывает на системность и целостность изучаемого объекта. Полученные эмпирические результаты исследования структурного, функционального, генетического и интегративного аспектов социальной идентичности в норме и при нарушении характеризуются определенной общностью, что, в свою очередь, позволяет рассматривать социальную идентичность как систему со встроенным метасистемным уровнем.

Таким образом, создание целостной концепции позволяет осуществить переход от преобладающего в данный момент в науке аналитического знания к собственно теоретическому (концептуальному).

Заключение

Реализация метасистемного подхода позволила разработать концепцию нормы и нарушения социальной идентичности в ее основных гносеологических аспектах: метасистемном, структурном, функциональном, генетическом, интегративном. Ключевые положения концепции и итоги диссертационной работы изложены в выводах.

1. В процессе теоретико-методологического анализа была проанализирована история изучения социальной идентичности в отечественной и зарубежной психологической науке. Обзор исследований позволил выявить противоречие в исследовании социальной идентичности как в отечественной, так и в зарубежной науке: при высокой исследовательской активности в отношении как феномена идентичности в целом, так и в отношении социальной идентичности как одного из видов идентичности отсутствие единой концептуально-методологической платформы, которая позволила бы систематизировать представления о феномене социальной идентичности в единую концепцию.

2. На основании используемой метасистемной методологии разработана процедура проведения эмпирического исследования, соответствующая поставленным целям, задачам, а также специфике предметно-объектной области исследования (социальной идентичности в норме и при нарушении).

3. Социальная идентичность представляет собой системный феномен, включающий онтогенетические и социогенетические основания, характеризуется множественностью проявлений, что позволяет в качестве методологического основания использовать метасистемный подход, предполагающий исследование предмета в пяти гносеологических планах: структурном, генетическом, функциональном, интегративном и метасистемном.

4. Специфика метасистемного уровня заключается в наличии онтологически представленной в социальной идентичности метасистемы (социума), которая функционально включена в структуру и содержание системы социальной идентичности, определяя тем самым на метасистемном уровне компонентный состав социальной идентичности. Социальная идентичность, в свою очередь, включена в качестве структурного компонента в метасистему и может оказывать воздействие.

5. Структурная организация социальной идентичности как в норме, так и при нарушении, включающая когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты, характеризуется спецификой компонентного содержания, качеств когерентности и дивергентности, а также общей структурной организованности социальной идентичности на разных возрастных этапах (в подростковом возрасте, в юношеском возрасте, взрослости, старости).

6. Норма социальной идентичности в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструктов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. В юношеском возрасте преобладающими являются сложные, дифференцированные когнитивные конструкты; мотивационный компонент представлен импульсивным мотивационным профилем, ценностный компонент характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне их поведенческой реализации. В период взрослости норма социальной идентичности на уровне структурных компонентов характеризуется преобладанием сложных, дифференцированных когнитивных конструктов, прогрессивным мотивационным профилем, согласованностью системы ценностных ориентаций. На этапе старости в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкты, экспрессивный мотивационный профиль и рассогласованность системы

ценностных ориентаций на уровне представлений и их реализации в поведении.

7. Структура социальной идентичности при аддиктивном поведении характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей при вирулентных видах химической зависимости (от алкогольной к наркотической). На феноменологическом уровне социальная идентичность при состоянии зависимости соответствует диффузной. Специфика структуры социальной идентичности при аддиктивных нарушениях характеризуется ее реализацией на двух невязанных блоках, где интегрирующую роль принимают лживость и дезадаптивность.

8. Нарушение структуры социальной идентичности при делинквентном поведении характеризуется преобладанием дивергентности и низкой организованностью как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении. На феноменологическом уровне социальная идентичность при делинквентном поведении соответствует диффузной, характеризующейся неустойчивостью системы ценностных ориентаций, неудовлетворенностью собой и самообвинительными реакциями. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить деструктивность, проявляющуюся во враждебности и агрессивности, как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации других критериев в сторону нарушения (рассогласованность, неадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, бессовестливость).

9. Нарушение структуры социальной идентичности при соматической патологии (онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей) характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей. На феноменологическом уровне социальная идентичность при соматической патологии (онкологических заболеваниях, ампутации нижних конечностей, ишемическом инсульте

головного мозга) соответствует диффузной. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить рассогласованность как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации всех других критериев в сторону нарушения (дезадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, деструктивность, бессовестливость).

10. Функциональный аспект социальной идентичности реализуется в континууме «норма – нарушение», выстроенном по дихотомическому основанию. Обобщая и систематизируя опыт критеризации нормы и нарушения психологического, в дихотомической логике сформирован перечень критериев (согласованности/рассогласованности структурной организации; адаптивности/неадаптивности; самоактуализации/нарушении самоактуализации; ответственности/безответственности; совестливости/бессовестливости; конструктивности/деструктивности), которые соотнесены, в свою очередь, с идеей дифференциации нарушений социальной идентичности по отношению к реальности: нарушение социальной идентичности как уход от социальной реальности (аддиктивная идентичность); нарушение социальной идентичности как противостояние социальной реальности (делинквентная идентичность); нарушение социальной идентичности как приспособление к социальной реальности (при соматической патологии).

11. Социальная идентичность по критериальным оценкам нормы характеризуется согласованностью, адаптивностью, самоактуализацией, ответственностью, конструктивностью и совестливостью. Общие тенденции при нарушении социальной идентичности по критериальным оценкам проявляются рассогласованностью структурной организации; неадаптивностью; нарушением самоактуализации; безответственностью; бессовестливостью; деструктивностью.

12. Генез нормы социальной идентичности раскрывает качественно-количественную специфику ее структурной организации и статусных

проявлений на разных возрастных периодах: в подростковом возрасте, в юношеском возрасте, этапе взрослости и этапе геронтогенеза. В генезе отражается и континуальность всех проявлений социальной идентичности в норме и при нарушении. Генез нормы социальной идентичности на структурном уровне реализуется в направлении от дезинтегрированности структурной организации в подростковом возрасте к интегрированной организации в юношестве, с нарастанием данной тенденции в период взрослости и дезинтеграцией структурной организации социальной идентичности в старости. На уровне статусов генез нормы социальной идентичности реализуется в последовательной смене статусов: от диффузной идентичности в подростковом возрасте к статусу моратория в период юношеского возраста, к достигнутой позитивной идентичности в период взрослости и диффузной социальной идентичности в период старости.

13. Дисгенез социальной идентичности при нарушении (аддиктивном поведении, делинквентном поведении, соматической патологии) проявляется в структурных перестройках, которые реализуются в направлении от интегрированности в норме к дезинтегрированности и дезорганизованности при нарушении. Снижение интегрированности структурной организации социальной идентичности, проявляющееся в качественно-количественной трансформации, определяет глубину деструкции при всех типах нарушения социальной идентичности.

14. Интегративный план анализа социальной идентичности как в норме, так и при нарушении характеризуется интеграцией структурного, функционального, генетического содержания и обеспечивает трансляцию явления на метасистемный уровень. Метасистемная проекция нарушения социальной идентичности на макросоциальном уровне продуцирует увеличение количества девиаций (увеличение количества правонарушений; увеличение объектов зависимости; утрату работоспособности населения при соматической патологии, увеличение количества переходов соматических заболеваний в хроническую форму). На уровне микросоциума активизирует

негативную патологическую среду, запуская и масштабируя процессы нарушений социальной идентичности.

15. Эмпирические модели социальной идентичности в норме и при нарушении (при аддиктивном поведении, при делинквентном поведении, при соматопатологии) интегрируют структурное, функциональное, генетическое содержание, обеспечивая трансляцию явления на метасистемный уровень. Критериально-факторизованная модель социальной идентичности в норме характеризуется преобладанием согласованной системы ценностных ориентаций, обеспечивающей интегрированность ее структурной организации как на уровне сложных когнитивных конструкторов, проявляющихся на критериальном уровне в высокой согласованности структурной организации, адаптивности и конструктивности, так и на уровне мотивационного компонента, реализующегося в критериальных оценках адаптивности и самоактуализации.

16. Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности характеризуется преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструкторов, реализующихся в критериальных оценках безответственности и бессовестливости и обеспечивающих дезинтегрированность структурной организации на уровне мотивационного компонента, представленного недифференцированной системой мотивации, реализующейся в уплощенном мотивационном профиле и проявляющейся в критериальных оценках рассогласованности и нарушении самоактуализации; и ценностного компонента, реализующегося в рассогласованности системы ценностных ориентаций и проявляющегося в критериальных оценках бессовестливости и рассогласованности.

17. Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при аддиктивном поведении характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей при вирулентных видах химической зависимости (от алкогольной к наркотической). На феноменологическом уровне социальная идентичность

при состоянии зависимости соответствует диффузной. Специфика структуры социальной идентичности при аддиктивных нарушениях характеризуется ее реализацией на двух невзаимосвязанных блоках, где интегрирующую роль принимают лживость и дезадаптивность.

18. Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при делинквентном поведении характеризуется преобладанием дивергентности и низкой организованностью как при деструктивном, так и при аутодеструктивном поведении. На феноменологическом уровне социальная идентичность при делинквентном поведении соответствует диффузной, характеризующейся неустойчивостью системы ценностных ориентаций, неудовлетворенностью собой и самообвинительными реакциями. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить деструктивность, проявляющуюся во враждебности и агрессивности, как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации других критериев в сторону нарушения (рассогласованность, неадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, бессовестливость).

19. Критериально-иерархическая модель нарушения социальной идентичности при соматической патологии характеризуется дивергентностью и низкой организованностью с тенденцией нарастания данных особенностей. На феноменологическом уровне социальная идентичность при соматической патологии соответствует диффузной. Критериальный анализ социальной идентичности с использованием процедуры факторизации позволил выделить рассогласованность как критерий с основной факторной нагрузкой при континуализации всех других критериев в сторону нарушения (дезадаптивность, нарушение самоактуализации, безответственность, деструктивность, бессовестливость).

20. Инструментально-методическое обеспечение психологической диагностики социальной идентичности опирается на структурно-функционалистский подход, предполагающий соответствие

психодиагностического инструментария структурным блокам идентичности и их взаимосвязи; включает в себя концептуально-методологические обоснования и результаты апробации методики исследования структурной организации социальной идентичности, методики исследования структурной организации личностной идентичности, методику событийной реконструкции временной перспективы личности, а также результаты модификации методики «Автопортрет» с целью исследования диссоциации образа Я. Разработанные и апробированные психодиагностические методики рассматриваются в качестве взаимодополняющего инструментария диагностики социальной идентичности, представляющей собой системный феномен, функционирующий в континууме «норма – нарушение».

Библиографический список

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов / Г.С. Абрамова.– М. : Академический Проект, 2000.– 624 с.
2. Абульханова – Славская, К.А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова – Славская. – М.: Наука, 1980. – 267с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности/ К.А. Абульханова – Славская.– М., 1989.– 245 с.
4. Аванесян, Г.Г. Особенности стратегий совладания и Я-концепции у людей, зависящих от ПАВ: дис. ... канд. психол. наук / Г.Г. Аванесян. – М., 2003. – С.61-63.
5. Агапов, В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии / В.С. Агапов // Акмеология. – 2013. – № 1 (45). – С. 27-30.
6. Агапов, В.С. Эмпирические параметры социального Я подростков / В.С. Агапов, Д.П. Сидоренко, Н.Н. Шенцева // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». – 2017. – Вып. 1. – С. 13-17.
7. Агапов, В.С. Взаимосвязь личностной и социальной идентичности в структуре Я-концепции будущих специалистов / В.С. Агапов, О.Н. Козлова. – М. : Изд-во РУДН, 2012. – 194 с.
8. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с
9. Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 44 - 67.
10. Агеев, В.С. Социальная идентичность личности / В.С. Агеев // Социальная психология: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М. : Аспект Пресс, 2003.– С. 349 - 362.

11. Азарова, Е.А. Психология зависимости: некоторые аспекты проблемы / Е.А. Азарова // Культура. Наука. Интеграция. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 139-142.
12. Айламазян, А.Н. Феноменология телесного образа «Я» и проблема отчуждения / А.Н. Айламазян, Н.А. Каминская // VOX Философский журнал. – 2011. – № 10. – С. 117-132.
13. Акимова, М.К. Нормативный подход в психодиагностике: обоснование и разработка методики / М.К. Акимова, Е.И. Горбачева // Вопросы психологии. – 2013 – Т.6. – № 2. – С. 45-56.
14. Анастаси, А. Психологическое тестирование. 7-е изд. / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб. : Питер, 2007. – 688 с.
15. Андреева, Г.М. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 287 с.
16. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М., 2002. – 629 с.
17. Анохин, П.К. Рефлекс цели как объект физиологического анализа / П.К. Анохин. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. – М. : Наука, 1978. – 400 с.
18. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М., 1978. – 210с.
19. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы : избр. тр. / П.К. Анохин ; отв. ред. Ф.В. Константинов, Б.Ф. Ломов, В.Б. Швырков ; АН СССР, Ин-т психологии. — М. : Наука, 1978. — 399с.
20. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы/ П.К. Анохин // Принцип системной организации функций. — М. : Наука, 1973. – С. 49-106.
21. Антонова, Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н.В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996.– № 1. – С. 131 – 143.

22. Аршинов, В.И. Когнитивные основания синергетики / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов / Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 67-108.
23. Аршинов, В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности / В.И. Аршинов // Философский ежегодник, выпуск 18, «Философия науки в мире сложности». – М. : Институт философии РАН. – 2013. – С.42-61.
24. Аршинов, В.И. Роль синергетики в формировании новой картины мира / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире; отв. ред. Н.К. Удумян. – М., 2004. – С. 374-393.
25. Асмолов, А.Г. Психология личности / А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 184с.
26. Асмолов, А.Г. Психология личности: Учебник / А.Г. Асмолов – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 367с.
27. Баженова, Е.Ю. Формирование научного концепта «Экономическая идентичность региона»: Междисциплинарный подход / Е.Ю. Баженова, С.В. Баженов // Крымский научный вестник. – 2015.– № 6. – С. 151-168.
28. Барабанщиков, В.А. Системная организация и развитие психики / В.А. Барабанщиков // Психологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 29-46.
29. Барабанщиков, В.А. Системный подход в психологии (К 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова) / В.А. Барабанщиков // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – 58с.
30. Баранова, Т.С. Социальная идентификация личности / Т.С. Баранова.– М. : Институт социологии РАН, 1993. – 168 с
31. Баталин, А.И. Формирование социальной идентичности индивида посредством института семьи / А.И. Баталин А.И., О.В. Мунина // В сборнике: современная наука: теоретический и практически взгляд, сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. – 2016. – С. 197-199.

32. Бачериков, Н.Е. Эмоциональный стресс в этиологии и патогенезе психических и психосоматических заболеваний Репина, Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Н.Е. Бачериков, М.П. Воронцов, И.Т. Петрюк, А.Я. Цыганенке. – Харьков : Основа, 1995. – 276 с.
33. Беляускайте, Р.Ф. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребенка / Р.Ф. Беляускайте // Детский практический психолог. – 1994., Январь. – С. 30–34.
34. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс.– М., 1986 – 347 с.
35. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – 422 с.
36. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. Берталанфи // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов ; общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23-82.
37. Биктимирова, Ф.М. Структура инвалидности, связанной с ампутацией конечностей / Ф.М. Биктимирова // Казанский медицинский журнал, 2011. – Т. 92. – № 2. – С. 281-284.
38. Блауберг, И.В. Понятие целостности и его роль в научном познании (в соавтор.с Э.Г.Юдиным) / И.В. Блауберг. – М., 1972. – 196 с.
39. Блауберг, И.В. Целостность и системность / И.В. Блауберг // Системные исследования. Ежегодник 1977. – М., 1977. – 290 с.
40. Богданов, А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). 3-е изд., ч. I / А.А. Богданов. – М., 1925-1929. – 261 с.
41. Богданова, С. В. Психосемантическое исследование сознания несовершеннолетних правонарушителей: дис. ...канд. психол. наук / С.В. Богданова. – Рязань, 2006. – 222 с.
42. Богдановская, И.М. Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков / И.М. Богдановская, Г.Ю. Иконникова, Н.Н.

- Королева // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 1-11.
43. Бодалев, А.А. Общее и особенное в субъективном пространстве мира и факторы, которые их определяют / А.А. Бодалев // Мир психологии, 1999. – № 4. – С. 26-29.
44. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте/ Л.И. Божович. – М., 1968. – 381 с.
45. Божович, Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Л.И. Божович. – М. : Педагогика, 1972. – 439 с.
46. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1979. – № 4. – С.23-24.
47. Большая энциклопедия психологических тестов. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
48. Бохан, Н.А. Коморбидность алкоголизма и терапевтической патологии в общемедицинской практике / Н.А. Бохан, Т. В. Коробицина // Психические расстройства в общей медицине. – М. : Медиа Медика, 2008, – № 3. – С.11-17.
49. Бохан, Н.А. Нейробиологические проблемы изучения аддиктивных расстройств (обзор региональных исследований) / Н.А. Бохан // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – Томск, 2008. – № 1. – С.59-62.
50. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 301 с.
51. Бурлачук, Л.Ф. Словарь - справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук. – Киев, 1989. – 200 с.
52. Варданян, Н.Т. Теоретический обзор исследований развития личностной и социальной идентичности / Н.Т. Варданян //Сборники конференций НИЦ "Социосфера". – 2012. – № 16. – С. 23-27.
53. Василюк, Ф.Е. Методологический анализ в психологии / Ф.Е. Василюк. – М. : МГППУ ; Смысл, 2003. – 240 с.

54. Ведерникова, М.В. Формирование социальной идентичности подростков школьного возраста / М.В. Ведерникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 6-7. – С. 34-37.
55. Вильям, Дж. Психология / Дж. Вильям. – М. : Педагогика, 1991. – 583 с.
56. Винер, Н. Кибернетика. 2-е изд./ Н. Винер. — М., 1968.
57. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
58. Галимжанова, Ж.Б. Теоретические подходы к изучению идентичности / Ж.Б. Галимжанова // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2015. – № 4. – С. 66-73.
59. Ганзен, В.А. Системное описание функционирования психики человека в актуальном времени / В.А. Ганзен // Вестник ЛГУ. Серия 6. – 1986. – Вып.1. – С.62-69.
60. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
61. Ганина, О.Н. Событие путешествия в пространстве повседневного / О.Н. Ганина // Вестник Самарского государственного университета, 2009. – № 5 (71). – С. 3–8.
62. Гарбузова, Г.В. Профессиональная идентичность студентов как объект психолого-педагогического анализа / Г.В. Гарбузова, Г.И. Куцебо // Личность в профессионально-образовательном пространстве : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, 25 ноября 2015г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – С. 15-21.
63. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб. : Питер, 2007 – 335 с.
64. Гегель. Философия религии. В 2-х томах / Гегель. – М. : РОССПЭН, 2007. – 371 с.
65. Гидденс, Э. Социология / Э.Гадамер. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

66. Гинецинский, В.И. Парадигма аутентичной эгоидентификации в психологическом образовании / В.И. Гинецинский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2014. – № 1. – С. 21-30.
67. Гозман, Л.Я. Самоактуализационный тест / Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская. – М. : Рос. пед. агентство, 1995. – 43 с.
68. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев : Наукова думка, 1984. – 209 с.
69. Головаха, Е.И. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и дополн / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – М. : Смысл, 2008. – 267 с.
70. Гордиевская, Е.О. Индивидуально-психологические особенности инвалидов с ампутациями конечностей как значимый фактор их реабилитации / Е.О. Гордиевская, Б.В. Овчинников // Вестник санкт-петербургского университета, 2008. – Вып. 2. – С. 339-344.
71. Гофман, Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гофман. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
72. Гюльмамедов, Ф.И. Хирургические методы реабилитации больных с колостомами / Ф.И. Гюльмамедов, Г.Е. Полунин, Е.Г. Макиенко // Вестник неотложной и восстановительной медицины. – Т. 11. – 2010. – № 2. – С. 270-273.
73. Давыдов, М.И. Что такое колоректальный рак? Распространённость и виды колоректального рака [Электронный ресурс] / М.И. Давыдов, Е.М. Аксель // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН, – Т. 22. – 2011. – №3 (85) (прил. 1). – Режим доступа: <http://www.ronc.ru/main/struktura/niiko/04-13-00-00-otdelenie-khirurgicheskoe-n3-proktologicheskoe/chto-takoe-kolorektalnyj-rak-rasprostranjonnost-i-vidy-kolorektalnogo-raka.html>, свободный (26.03.2015).
74. Джемс, У. Психология / У. Джеймс. – М., 1991. – С. 27.
75. Дмитриева, Н.В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности: монография / Н.В. Дмитриева, О.В. Дубровина. – Ишим : Изд-во : Ишимского гос. педаг-ого ин-та, 2010. – 200 с.

76. Дмитриева, Н.В. Влияние рефлексии на становление идентичности личности / Н.В. Дмитриева, С.А. Дроздова // Мир науки, культуры, образования. –2010. – № 2. – С. 71-75.
77. Дмитриева, Н.В. Психологические факторы трансформации идентичности личности: дис. ... д-ра психол. наук / Н.В. Дмитриева. – Новосибирск, 1999 – 361 с.
78. Дмитриева, Т.Б. Клиническая психиатрия / Т.Б. Дмитриева. – М. : ГЭОТАР Медиа, 1998.
79. Дробижеева, Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. / Л.М. Дробижеева. – М. : Новый хронограф. – 2013. – 336 с.
80. Дроздова, С.А. Взаимосвязь содержательных характеристик рефлексии со структурными компонентами идентичности личности: дисс. канд. психол. наук / С.А. Дроздова. – Хабаровск, 2011. – 207 с.
81. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология / В.Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 2008. – 320 с.
82. Дубровина, А.В. Психическая саморегуляция как средство гармонизации Я-концепции личности с виртуальной аддикцией (на материале лиц юношеского возраста): автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.В. Дубровина. – Новосибирск, 2009 – 24 с.
83. Дубровина, И.В. Школьная психологическая служба / И.В. Дубровина. – М.,1991. – 216 с.
84. Дубровина, О.В. Особенности образа «Я» личности с виртуальной аддикцией / О.В. Дубровина // Аспирантский сборник НГПУ - 2007 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): в 4ч. – Часть 1. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. – С.24 -31.
85. Дубровина, О.В. Структурно-содержательные характеристики Я-концепции личности с виртуальной аддикцией / О.В. Дубровина // Педагогическое образование и наука. – М., 2009. – № 1. – С. 108-113.

86. Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб. : Речь, 2007 – 190 с.
87. Егоров, А.Ю. Особенности алкогольных психозов в психиатрической клинике / А.Ю. Егоров, Д.С. Алексин, Н.Н. Петрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 11: Медицина. – 2012. – № 1. – С. 29-40.
88. Елизаров, С.Г. Нарушение идентичности сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях / С.Г. Елизаров, А.И. Ахметзянова // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2017. – № 2. – С. 130-134.
89. Елшанский, С.П. Коммуникативная дефицитарность при зависимостях от психоактивных веществ / С.П. Елшанский // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 93-95.
90. Емелин, В.А. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2013. – № 1. – С. 171-180.
91. Заковоротная, М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону : Изд-во Северокавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с.
92. Залесский, Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности / Г.Е. Залесский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 138 с.
93. Запесоцкая, И.В. Зависимость как деформация субъектности / И.В. Запесоцкая, В.Б. Никишина // Природа человеческой зависимости: клинико-психологический взгляд ; под ред. В.Б. Никишиной. – Курск : КГМУ, 2012. – С. 234-256.
94. Запесоцкая, И.В. Психология зависимости: метапсихологический анализ / И.В. Запесоцкая, В.Б. Никишина. – Курск : КГМУ, 2012. – 252 с.

95. Зейгарник, Б.В. Теория личности Курта Левина / Б.В. Зейгарник. – М., 1981. – 287 с.
96. Зимбардо, Ф. Парадокс времени / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб. : Речь, – 2010. – 352 с.
97. Злоказов К.В. Деструктивность и идентичность личности / К.В. Злоказов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 1. – С. 61-73.
98. Злоказов, К. В. Исследование деструктивного поведения личности / К.В. Злоказов // Актуальные вопросы психологии в области человеческого фактора: материалы второй междунар. науч.-практ. конф., (Екатеринбург, ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», ГОУ ВПО «Урал. ин-т гос. противопож. службы», 20–22 марта 2008г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 38-41.
99. Злоказов, К.В. Деструктивная стратегия формирования социальной идентичности / К.В. Злоказов // В сборнике: От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах ; отв. ред.: Богоявленская Д.Б. – 2015. – С. 347-349.
100. Злоказов, К.В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. – 2015. – №9. – С. 155-161.
101. Змановская, Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения/ Е.В. Змановская. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
102. Иванова, Н.Л. Проблема социальной идентичности в исследовании организаций: основные подходы / Н.Л. Иванова, Т. Мортон // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010.– № 3.– С. 89-102.
103. Иванова, Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. Дис.... д-ра психол. наук. – Ярославль, 2003. – 408 с.
104. Иванова, Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования: Монография / Н.Л. Иванова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2001. – 228 с.

105. Иванова, Н.Л. Социальная идентичность: теория и практика / Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 456 с.
106. Иванова, Н.Ю. Индивидуально-психологические особенности женщин, перенесших мастэктомию по поводу рака молочной железы / Н.Л. Иванова // В сборнике: Современная психология: теория и практика Материалы XIII международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – 2014. – С. 68-74.
107. Илларионова, Н.А. Делинкветное поведение: особенности и условия формирования / Н.А. Илларионова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 29. – С. 41-45.
108. Исаева, Э.Ш. Социальная память как фактор сохранения этнической идентичности / Э.Ш. Исаева, Г.М. Гаджимусилов // Наука в современном обществе. – 2015. – № 7. – С. 11-16.
109. Казанская, В.Г. Подросток. Трудности взросления / В.Г. Казанская. – Спб. : Питер, 2008. – 230с.
110. Камалдинов, Д.О. Нарушение идентичности при аддиктивных и личностных расстройствах: автореф. дисс. .. канд. мед. наук / Д.О. Камалдинов. – Новосибирск, 2001. – 23 с.
111. Камалдинов, Д.О. Формирование идентичности и проблема наркотической зависимости / Д.О. Камалдинов, Л.Т. Киселева // Социально-медицинская профилактика зависимых состояний: тезисы докл. научно-практ. конф. – Новосибирск, 1998. – С. 23.
112. Кант, И. Сочинения в шести томах. Том 5 / И. Кант. – М., 1966. – 564 с.
113. Кантор, Е. Психологические особенности инвалидов с ампутированными конечностями и возможности их реабилитации // Актуальные проблемы психологического знания. – 2010. – № 3. – С. 67-70.
114. Карандашев, В.Н. Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2004. – 72 с.

115. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин. – М., 2005. – 420 с.
116. Карпов, А.В. Метасистемный подход и психология сознания. Монография. / А.В. Карпов. – Ярославль-М., 2008. – 563 с.
117. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М. : Изд-во Институт психологии РАН, 2004. – 424 с.
118. Карпов, А.В. Психология сознания: Метасистемный подход / А.В. Карпов. – М. : РАО, 2011. – 1888 с.
119. Категории болезни, здоровья, нормы, патологии в психиатрии: концепции и критерии разграничения / В.Б. Первомайский [и др.] // Вісник психіатрії та психофармакотерапії. – 2003. – № 1. – С. 14-27.
120. Кауров, Б.А. Элементы системного анализа патоморфологических процессов человека (основные понятия) / Б.А. Кауров // Сборник научных трудов "Актуальные вопросы морфологии". – Красноярск, 2007г. – С. 59-61.
121. Келли, Дж. Теория личности (теория личных конструктов) /. – СПб. : Речь, 2000. - 249 с.
122. Кенкманн, П.О. Роль системы образования в жизненном самоопределении молодежи: докт. дис. Тарту. / П.О. Кенкманн. – 1985. – 263 с.
123. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование / П. Клайн, перевод с английского ; под ред. Л.Ф. Бурлачука. – Киев: ПАН Лтд., 1994. –288 с.
124. Клёцина, И.С. Аналитические подходы к определению причин гендерных конфликтов и путей их преодоления: Противоречия, конфликты, кризисы личности: субъектно-бытийный подход / И.С. Клёцина // материалы. Всероссийского научно- практического семинара. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2007. – С. 30-44.
125. Коган, Б.М. Проблема диссоциации в психологии и психиатрии / Б.М. Коган // Системная психология и социология. – 2010. –Т.1. – № 2. – URL:

http://www.systempsychology.ru/journal/2010_1_2/34-kogan-bm-problema-dissociacii-v-psihologii-i-psihiatrii.html.

126. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 342 с.
127. Кон, И.С. Социологическая психология / И.С. Кон. – М., 2002. – 324с.
128. Кордуэлл, М. Психология. А - Я: Словарь-справочник / М. Кордуэлл ; пер. с англ. К.С. Ткаченко. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
129. Корнилова, Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов / Т.В. Корнилова. – М. : Аспект Пресс, 2002.– 381 с.
130. Короленко, Ц.П. Идентичность: Развитие, перенасыщенность, бегство: монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск : НГПУ, 2007. – 468 с.
131. Короленко, Ц.П. Психодинамическая психотерапия девиантного поведения: Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Ю.М. Перевозкина. – Новосибирск, 2015. – 375 с.
132. Короленко, Ц.П. Самоубийства: психология, психопатология, терапия / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Ю.М. Перевозкина. – СПб. : ГИПИСР, 2016. – 196 с.
133. Короленко, Ц.П. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире / Ц.П. Короленко, Т.А. Донских. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 224 с.
134. Круглов, А.Н. О понятии феноменологии / А.Н. Круглов // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 2006. – С. 101-104.
135. Кузьмин, В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода / В.П. Кузьмин // Психол. журн. – 1982. – Т. 3. – № 3. – С.5.
136. Кузьмин, В.П. Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса / В.П. Кузьмин. – М., 1974. – 178 с.

137. Кузьмин, М.Ю. Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста / М.Ю. Кузьмин // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 61-75.
138. Кули, Ч. Социальная самость. В кн.: Американская социологическая мысль: Тексты. / Ч. Кули. – М. : МГУ, 1994. – 643 с.
139. Кун, Т. Структура научных революций / Т.Кун. – М. : «АСТ», 2003. – 605 с.
140. Кэмпбелл, Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект / Д.Т. Кэмпбелл // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М. : Наука, 1979. – С. 76-102.
141. Лабунская, В.А.. Психология затрудненного общения: Теория. Методы диагностики. Коррекция. Учебн. пособие для высш. учебн. заведений / В.А. Лабунская, Е.Д. Бреус, Ю.А. Менджерицкая. – М. : Издательский центр “Академия”, 2001 – 288 с.
142. Левин, К. Динамическая психология: Избранные труды / К. Левин ; под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. – М. : Смысл, 2004. – 265 с.
143. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. СПб. : Речь, 2000. – 368 с.
144. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. / Д.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 18 с.
145. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
146. Липецкий, Н.Н. Психологические особенности отношения к жизни онкологических больных (на примере женщин больных раком молочной железы III ст.) / Н.Н. Липецкий // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 372-374.

147. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – М., 1983. – С. 6.
148. Логинова, И.О. Особенности социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса / И.О. Логинова, Ю.В. Живаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. № 3-3 (63). – С. 167-172.
149. Лозовая, М.Ю. Воздействие института семьи на формирование идентичности: возможности и риски / М.Ю. Лозовая // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 28. – С. 31-37.
150. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М. : Наука, 1982.
151. Ломов, Б.Ф. О системном подходе в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – 48с.
152. Лукьянченко, Н.В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой / Н.В. Лукьянченко // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 283-294.
153. Лукьянченко, Н.В. Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы / Н.В. Лукьянченко, Е.А. Новикова // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 3. – С. 78-85.
154. Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2004. – 320 с.
155. Лушин, П.В. Личностные изменения как процесс: теория и практика / П.В. Лушин. – Одесса : Аспект, 2005. – 334 с.
156. Лысак, И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека / И.В. Лысак. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ ; Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.
157. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – М., 2004. – 673 с.
158. Малахов, В.С. Неудобства с идентичностью / В.С. Малахов // Вопросы философии. – 1998 – № 2. – С. 43-54.

159. Малкина-Пых, И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с.
160. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике : пер. на русск. яз. / Под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. – СПб. : «АДИС», 1994. – 304 с.
161. Менделевич, В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза / В.Д. Менделевич // Психологический журнал. –1996.–№ 4.–С.107-115.
162. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения: Учебное пособие / В.Д. Менделевич. – СПб. : Речь. – 2005. – 432 с.
163. Мещеряков, Б. Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М., 2002. – 640 с.
164. Мид, Дж. Интернализированные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль ; под ред. В.И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
165. Микляева, А.В. Соотношение параметрической и категориальной структур социальной идентичности: результаты эмпирического исследования / А.В. Микляева, П.В. Румянцева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1564.
166. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : Монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 8-47.
167. Мильман, В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / В.Э. Мильма / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990. – С.23-43.
168. Минаков, С.А. Краткая характеристика нехимических зависимостей и их влияние на развитие личности / С.А. Минаков // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 2. – С. 97-103.

169. Михайлова, Т.Р. Нарушение системы отношений у больных с ампутированными конечностями: дис. ... канд. психол. наук / Т.Р. Михайлова. – Л., 1977.
170. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова. – М. : Наука, 2001. – 192 с.
171. Моросанова, В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство / В.И. Моросанова. – М. : Когито-Центр, 2004. – 44 с.
172. Моросанова, В.И. Психология саморегуляции в XXI веке / В.И. Моросанова. – СПб. ; М. : Нестор-История, 2011. – 468 с.
173. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи ; пер. с фр. – М. : «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.
174. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи ; пер. с фр. – М., 1998. – 560 с.
175. Мудрик, А.В. Время поисков и решений / А.В. Мудрик – М., 1990. – 183 с.
176. Муздыбаев, К. Психология ответственности. Изд.2, доп. / К. Муздыбаев. – М. : Либроком, 2010. – 248 с.
177. Муравьева, О.И. Средовая идентичность: содержание понятия / О.И. Муравьева, С.А. Литвина, С.А. Богомаз // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 136-148.
178. Мякотин, И.С. Социальная фобия как нарушение психологических границ и искажение идентичности / И.С. Мякотин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 363-365.
179. Мясищев, В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В.Н. Мясищев. – М. ; Воронеж, 1995. – 320 с.

180. Мясищев, В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В.Н. Мясищев ; под ред. А.А. Бодалёва. – М. : Модэк МПСИ, 2004.- 399 с.
181. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие / А.Д. Наследов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Речь, 2006. – 388 с.
182. Научный центр неврологии URL:<http://www.neurology.ru/nauchno-populyarnye-stati/zabolevaniya-serdca-i-insult>.
183. Немов, Р.С. Психология. Книга 3 / Р.С. Немов.– М. : ВЛАДОС ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2001. – 632 с.
184. Никишина, В.Б. Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, А.А. Кузнецова // Вопросы психологии. – № 2. – 2015. – С.140-146.
185. Никишина, В.Б. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Ученые записки Российского государственного социального университета.– 2009. – № 1. –С. 42-47.
186. Никишина, В.Б. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (177). – Вып. 21. – С. 254-261.
187. Никишина, В.Б. Механизмы трансформации состояния зависимости / В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2010. – №17. – С. 83 – 88.
188. Никишина, В.Б. Состояние зависимости: метапсихологический анализ / В.Б. Никишина В.Б., И.В. Запесоцкая. – Курск, 2012. – 249 с.
189. Никишина, В.Б. Личностная и социальная идентичность: исследовательские контексты / В.Б. Никишина, Н.В. Реутова, Е.А. Петраш. – Курск : КГМУ, 2014. – 316 с.

190. Никишина, В.Б. Временная перспектива при нарушении идентичности у людей с алкогольной зависимостью / В.Б. Никишина [и др.] // Международный журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2014. – № 8. – С. 138.
191. Никишина, В.Б. Диссоциативные механизмы временной перспективы жизненного пути больных с колоректальным онкологическим заболеванием / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского ; отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – С. 583-585.
192. Никишина, В.Б. Психодиагностические характеристики, методология и технология опросника личностной идентичности / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, Н.В. Реутова // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Курск, КГМУ, 21-23 ноября 2013г.). – Курск : КГМУ, 2013. – С. 161-164.
193. Никишина, В.Б. Диссоциативные механизмы временной перспективы при алкогольной зависимости / В.Б. Никишина. И.В. Запесоцкая, Е.А. Петраш // Медицинская психология: достижения, развитие и перспективы. Материалы Второй международной научно-практической конференции (Украина, Киев, 21-22 ноября 2013г.) ; под научной ред. С.Д. Максименко, Б.С. Божука, Т.А. Тамаковой. – Киев, 2013. – С. 134-135.
194. Нихотина, А.И. О формировании идентичности подростков в социальных сетях / А.И. Нихотина // Народное образование. – 2015. – № 1. – С. 178-181.
195. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего: пер. с англ. У.Ю. Патяевой, Р.Р. Толстых, В.И. Шевяховой / Ж. Нюттен. – М. : Смысл, 2004. – 607 с.
196. Обухова, Л.Ф. Детская (возрастная) психология: Учебник. / Л.Ф. Обухова. – М. : Российское педагогическое агентство, 1996. – 374 с.

197. Ойзерман, Т.И. Философия Фихте / Т.И. Ойзерман. – М. : Знание, 2004. – 48 с.
198. Окулов, С.М. Ханойские башни [Электронный ресурс] / С.М. Окулов, А.В. Лялин. – 2-е изд. (эл.). – Электрон. Текстовые дан. (1 файл pdf : 248 с.). – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. – (Развитие интеллекта школьников). – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10''. ISBN 978-5-9963-2810-9.
199. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт ; [пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева] ; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2005. – 169 с.
200. Орлов, А.Б. Наука человека: человекоцентрированный подход к общей персонологии / А.Б. Орлов, Н.А. Орлова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 7-29.
201. Осипова, О. С. Девиантное поведение: благо или зло? / О.С. Осипова // Социологические исследования. – 1998. – № 9. – С. 106-109.
202. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/deaths-attributable-to-unhealthy-environments/ru/>
203. Павленко, В.Н. Трансформация социальной идентичности в пост-тоталитарном обществе / В.Н. Павленко, Н.Н. Корж // Психологический журнал, 1998. – № 1. – С. 83-95.
204. Парыгин, Б.Д. Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения / Б.Д. Парыгин ; ред. В.А. Ядова. – Л. : Наука. Ленинградское отд-е, 1981. – 192 с.
205. Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан. – М. : Институт позитивной психотерапии, 2006. – 464 с.
206. Периодическая моторная деятельность толстой кишки после реконструктивно-восстановительных операций / Н.Н. Милица [и др.] // Вестник неотложной и восстановительной медицины. – Т. 14 – 2013. – № 4. – С. 478-482.

207. Периодическая моторная деятельность толстой кишки после реконструктивно-восстановительных операций / Н.Н. Метелица [и др.] // Вестник неотложной и восстановительной медицины. – 2013. – Т. 14 – № 4. – С. 478-482.
208. Перлз, Ф. Внутри и вне помойного ведра / Ф. Перлз, пер. с англ. – СПб. : изд-во Петербург-XXI век, 1995. – 448 с.
209. Петраш, Е.А. Ассоциативно-диссоциативные механизмы временной перспективы личности при алкогольной зависимости / Е.А. Петраш [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2014. – № 1. – С. 85–91.
210. Петраш, Е.А. Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина, А.А. Кузнецова // Вопросы психологии. – 2015. – № 2. – С. 140-147.
211. Петраш, Е.А. Нарушение социальной идентичности при зависимости от курительных смесей / Е.А. Петраш // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2015. – № 1. – С. 125-129.
212. Петраш, Е.А. Нарушение социальной идентичности у больных с колоректальным онкологическим заболеванием (колостомой) / Е.А. Петраш // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2015. – № 2. – С. 120-125.
213. Петраш, Е.А. Норма социальной идентичности: структурно-генетический анализ / Е.А. Петраш // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 28. – № 24 (221). – С. 182-188.
214. Петраш, Е.А. Некоторые особенности восприятия эмоций у больных с ишемическим инсультом (нейропсихологическое исследование) / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2015. – № 10. – С. 4-9.
215. Петраш, Е.А. Дескрипторы интрацептивных ощущений при фантомно-болевым синдроме у людей с ампутацией нижних конечностей / Е.А. Петраш

- [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2015. – № 3. – С. 133-139.
216. Петраш, Е.А. Анализ показателей функциональной асимметрии мозга у больных ишемическим инсультом: нейропсихологическое исследование / Е.А. Петраш [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2014. – № 12. – 2014. – С. 28-32.
217. Петраш, Е.А. Психологические механизмы социальной идентичности при делинквентном поведении / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина, А.И. Ахметзянова // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: «Лингвистика и педагогика». – 2015. – № 3 (16). – С. 120-127.
218. Петраш, Е.А. Диссоциация образа Я при алкогольной зависимости / Е.А. Петраш [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2015. – № 4. – С. 22-127.
219. Петраш, Е.А. Психологические механизмы взаимосвязи антиципации и прогнозирования в подростковом и юношеском возрастах / Е.А. Петраш, А.И. Ахметзянова, В.Б. Никишина // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2015. – № 4 (89). – С. 46-50.
220. Петраш, Е.А. Модификация методики «Автопортрет» с целью изучения диссоциации образа Я / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С.156-166.
221. Петраш, Е.А. Структурно-уровневая организация временной перспективы личности пациентов с онкогематологическими заболеваниями / Е.А. Петраш [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2016. – № 4. – С. 117-123.
222. Петраш, Е.А. Нарушение схемы тела при ампутации нижних конечностей / Е.А. Петраш [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2016. – № 4. – С. 124-131.
223. Петраш, Е.А. Аддиктивная идентичность: структурно-критериальный аспект / Е.А. Петраш [и др.] // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2017. – № 1. – С. 130-135.

224. Петраш, Е.А. Социальная идентичность: метасистемный подход / А.В. Карпов, Е.А. Петраш, В.Б. Никишина // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2017. – № 2. – С. 119-129.
225. Петраш, Е.А. Биологическая обратная связь как технология адаптации к использованию протезов при ампутации нижних конечностей / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2017. – № 2. – С. 135-144.
226. Петраш, Е.А. Норма и патология социальной идентичности: метасистемный подход / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина. – Курск: КГМУ, 2017. – 252 с.
227. Петраш, Е.А. Структурная организация социальной идентичности: онтогенетический аспект / Е.А. Петраш // Медицинская психология в России [Электронный ресурс] : электронный научный журнал. – 2016. – № 1 (36). – URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2016_1_36/nomer09.php.
228. Петраш, Е.А. Структурная организация аддиктивной идентичности/ Е.А. Петраш // Коллекция гуманитарных исследований[Электронный ресурс] : электронный научный журнал. – 2016. – № 3. – URL: <http://j-chr.com/>
229. Петраш, Е.А. Историко-перспективный анализ системного подхода в психологии / Е.А. Петраш // Коллекция гуманитарных исследований [Электронный ресурс] : электронный научный журнал.– 2017. – № 2. – С. 58-69. –URL:<http://j-chr.com/>
230. Петраш, Е.А. Нарушение идентичности при ампутации нижних конечностей / Е.А. Петраш // «Векторы психологии-2013». Материалы Международной молодежной научной конференции (Украина, Харьков, 12 апреля 2013г.). – Харьков : Оперативная полиграфия, 2013. – С. 106-108.
231. Петраш, Е.А. Нарушение идентичности при ПТСР у больных с ампутацией нижних конечностей / Е.А. Петраш // Актуальные вопросы пограничной психической патологии (биопсихосоциальный подход). Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Курск, 2013 – С. 279-282.

232. Петраш, Е.А. Диссоциативные механизмы временной перспективы заключенных / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании. Материалы 4 Международной междисциплинарной научно-практической конференции (Турция, Кемер, 29 апреля – 7 мая 2013г.) ; под ред. М.Г. Чухровой. – Новосибирск : Изд-во ООО «Архивариус – Н», 2013. – С. 162-165.
233. Петраш, Е.А. Диссоциативные механизмы идентичности при алкогольной зависимости / Е.А. Петраш, В.Б. Никишина // Психоэмоциональные нарушения во врачебной практике: диагностика, клиника, лечение и профилактика: Материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 103-105.
234. Петраш, Е.А. Антиципационно-прогностические механизмы личностной идентичности онкологических больных / Е.А. Петраш // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сб. материалов юбилейной конференции (Москва, 29 сентября – 01 октября 2015г.). – М., 2015. – С. 309-311.
235. Петраш, Е.А. Метасистемный подход к анализу нормы и нарушения социальной идентичности / Е.А. Петраш // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Ярославль, 20-22 октября 2015г.). – Ярославль, 2015. – Ч. 1. – С. 97-99.
236. Петровский, А.В. К проблеме самоопределения личности в группе / А.В. Петровский. – М.,1972.
237. Петровский, А.В. Предпосылки и очерк стратометрической концепции групповой сплоченности. Возрастная и педагогическая психология / А.В. Петровский // Материалы Всесоюзного семинара-совещания. – С. 1-37.
238. Петровский, А.В. Психологическая теория коллектива / А.В. Петровский. – М.,1979.

239. Платонов, К.К. О системе психологии / К.К. Платонов. – М. : «Мысль», 1972. – 216 с.
240. Пономарёва, М.А. Особенности когнитивного компонента половой идентичности подростков с девиантным поведением / М.А. Пономарёва // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 169-174.
241. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 08.12.2009 N 72 "О мерах по пресечению оборота курительных смесей на территории Российской Федерации" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 22.12.2009 N 15803) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94969/ © Консультант Плюс, 1992-2015.
242. Почуев, Т.П. Объем поражения печени и результаты циторедуктивных операций у больных колоректальным раком с синхронными метастазами в печень / Т.П. Почуев, Б.А. Бердов, А.М. Исмаилов // Сибирский онкологический журнал. – 2007. – № 1 (21) – С. 5-10.
243. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.1. Теория и методы / Н.В. Тарабрина [и др.]. – М. : Изд-во «Когито-Центр», 2007. – 208 с.
244. Праскова, С.В. Социальная идентичность как критерий территориальной организации: постановка вопроса / С.В. Праскова // Академический юридический журнал. – 2015. – № 4 (62). – С. 4-13.
245. Проективная психология / Пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 528 с.).
246. Психология человека от рождения до смерти / Под общей редакцией А.А. Реан. – М., 2002 – 656 с.
247. Разорина, Д.Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии / Д.Н. Разорина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-3 (63). – С. 211-218.

248. Разработка методики «Опросник кризисной идентичности» (ОКИ) / Н.В. Дмитриева [и др.] // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2010. – № 6. – С. 69-78.
249. Раусте фон Вихт, М.Л. Особенности самоотношения к образу физического “я” в зависимости от реальности телесного самовосприятия / М.Л. Раусте фон Вихт // Вестник Самарской Гуманитарной Академии. Серия: Психология. – 2012. – № 1.– С. 75-91.
250. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М. : Мир, 1994. – 320 с.
251. Репина, Н.В. Основы клинической психологии / Н.В. Репина, Д.В. Воронцов, И.И. Юматова. – Ростов на Дону : Феникс, 2003. – 480 с.
252. Роговин, М.С. Научные критерии психической патологии: Учеб. пособие / М.С. Роговин. – Ярославль : ЯрГУ, 1981. – С. 35-50.
253. Роджерс, К.Р. Теории личности / К.Р. Роджерс. – СПб. : Питер, 2003. – 608 с.
254. Розенберг, М. Развитие образа себя, образа сверстника и взаимоотношений детей в процессе общения / М. Розенберг. – М. : Педагогика, 1989. – 261 с.
255. Романова, Е.С, Потемкина О.Ф. Графические методы в психологической диагностике / Е.С. Романова. – М. : Дидакт, 1991. – 164 с.
256. Российский статистический ежегодник. 2004 – 2012 : Стат.сб. / Росстат. – М., 2004 – 2012.
257. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 688 с.
258. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2006. – 713 с.
259. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.
260. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.,1973. – 537 с.

261. Руденский, Е.В. Виктимогенная семья как фактор виктимогенеза развивающейся личности: дефицитная идентичность и деструктивная идентичность / Е.В. Руденский, О.А. Викторова // В сборнике: Развитие человека в современном мире материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях. («Новосибирский государственный педагогический университет», 2015), – Новосибирск, 2015. – С. 55-65.
262. Руденский, Е.В. Психология ненормативного развития личности: Виктимологические основания психологической теории дефицитарной патологии развития личности / Е.В. Руденский. – Новосибирск : ГЦРО, 2000. – 180 с.
263. Румянцева, Т.В. Психологическое консультирование: Учебное пособие / Т.В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2006. – 176 с.
264. Румянцева, Т.В. Тест Куна. Тест «Кто Я?» (М.Кун, Т.Макпартленд; модификация Т.В.Румянцевой) / Т.В. Румянцева / Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. – СПб., 2006. – С.82-103.
265. Руткевич, Е. Типология социального характера Д. Рисмена / Е. Руткевич // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 118-121.
266. Рыжкова, Д.С. Социально-иерархические основы идентичности современного горожанина / Д.С. Рыжкова // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 20. – С. 87-91.
267. Сагатовский, В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) / В.Н. Сагатовский. – СПб. : ООО «Петрополис», 1999. – 288 с.
268. Садовский, В.Н. Основания общей теории систем / В.Н. Садовский. – М., 1974. – 279 с.
269. Садовский, В.Н. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – М. : Наука, 1974 – 352с.
270. Садовский, И.Н. О принципах исследования систем / И.Н. Садовский, В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1960. – № 8. – 321 с.

271. Садовский, И.Н. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И.Н. Садовский, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М., 1968. – 159 с.
272. Саклакова, Е.В. Проблема личностной идентичности: концептуальное оформление / Е.В. Саклакова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 262-268.
273. Сафин, В.Ф. Психологический аспект самоопределения / В.Ф. Сафин, Г.П. Ников // Психологический журнал, 1984. – № 4. – С. 65-74.
274. Свидетельство 2014619041 Российская Федерация. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. Методика исследования структурной организации личностной идентичности / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, И.И. Никишин; заявитель и правообладатель ГБОУ ВПО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России (RU). – заявл. 15.07.14; опублик. 08.09.14, Реестр программ для ЭВМ. – 1 с.
275. Свидетельство 2017611470 Российская Федерация. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. Программа для реализации метода оценки прогностического и актуального телесного образа представлений «Силуэт» / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, И.И. Никишин; заявители и правообладатели В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, И.И. Никишин (RU). – заявл. 18.10.16; опублик. 03.02.17, Реестр программ для ЭВМ. – 1 с.
276. Середкина, Н.Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования / Н.Н. Середкина // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 37-46.
277. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – М. : Речь, 2003. – 395 с.
278. Сирота Н.А. Эффективные программы профилактики зависимости от нарк котиков и других форм зависимого поведения / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский. – М. : ООО Центр полиграфических услуг «Радуга», 2004г. – 192 с.

279. Скарабис, М. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность / М. Скарабис, Б. Шеффер, Б. Шледер // Психология. – 2004. – № 1. – С. 24–51.
280. Слободчиков, В.И. Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко / В.И. Слободчиков // Социальная педагогика, 2013. – № 4. – С.14–20.
281. Слободчиков, В.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М. : ПСТГУ, 2014. – 540 с.
282. Слободчиков, В.И. Психология человека. Учебное пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
283. Смирнова, С.В. Социальная идентификация как фактор адаптированности студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности / С.В. Смирнова, Е.Н. Сиднева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – № 3. – Том 21. – С. 64-68.
284. Смолькина, Л.А. Проблема региональной идентичности в России / Л.А. Смолькина // Научный альманах. – 2015. – № 11-5 (13). – С. 143-145.
285. Соколовский, С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках / С.В. Соколовский // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 1. – С. 8-22.
286. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2010. – № 27 (203). – С. 66-74.
287. Степин, В.С. История и философия науки / В.С. Степин. – М., 2011. – 423 с.
288. Степин, В.С. Конструктивные и прогностические функции философии / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5-10.

289. Стефаненко, Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности / Т.Г. Стефаненко // Этническая психология и общество ; под ред. Н.М. Лебедевой. – М. : Старый сад, 1997. – С. 97–103.
290. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко – М. : Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
291. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 360 с.
292. Столяренко, Л.Д. Основы психологии / Л.Д. Столяренко – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 419 с.
293. Суворова, И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии / И.Ю. Суворова // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 34-55.
294. Сырцев, А.В. Клинико-психологические механизмы деструктивного поведения у подростков с дисгармонией психического развития: дис. ...канд. психол. наук / А.В. Сырцов. – СПб., 2003. – 246 с.
295. Сырцова, А. Методика Зимбардо Ф. по временной перспективе / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1. – С. 85-106.
296. Татарко, В.Н. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие / В.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 22 с.
297. Тернер, Дж. Социальное влияние / Дж. Тернер. – М., 2003, – 256 с.
298. Трусова, Н.В. Профессиональная идентичность и ее составляющие в фазах нормативного кризиса перехода к ранней взрослости / Н.В. Трусова // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 9. – С. 83-87.
299. Тэйлор, Дж. Белое самосознание. Расовая идентичность в XXI веке / Дж. Тэйлор. – М. : Кучково поле, Икс-Хистори, 2014. – 496 с.
300. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М. : «Мысль», 1978. – 272 с.

301. Фельдштейн, Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте / Д.И. Фельдштейн // Вопросы Психологии. – 1988. – № 6. – С.8-31.
302. Фетискин, Н.П. Диагностика самоактуализации личности (А.В.Лазукин в адаптации Н.Ф.Калина) / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., 2002. – С.426-433.
303. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. Дубровиной И.В. – М. : Педагогика, 1987. – 478 с.
304. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. И.В. Дубровиной. – М.,1983. – 234 с.
305. Формирование социально-профессиональной идентичности студентов в условиях современного профессионального образования / М.В. Семьшев [и др.] // Международный научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 90-97.
306. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм ; составитель С.Я. Левит. – М. : Аст,1998. – 568 с.
307. Хрусталева, В.В. Аксиологический компонент в структуре социальной идентичности подростков / В.В. Хрусталёва // Общество и цивилизация. – 2015. – Т. 1. – С. 32-41.
308. Хьелл, Л. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 1999. – 267с.
309. Ценности культуры и модели экономического поведения: Научная монография / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М. : Издательство «Спутник+», 2011. – 389 с.)
310. Черникова, И.В. Проблема сохранения природы человека как новый аспект кризиса идентичности / И.В. Черникова, В.В. Шеренкова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 222-229.

311. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова. – М. : Наука, 1977. – 425 с.
312. Четвериков, Д.В. Коморбидность опийной наркомании и аффективных расстройств / Д.В. Четвериков, И.Я. Ирлицына // Вопросы наркологии. – 2000. – № 3. – С. 65-78.
313. Четвериков, Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Д.В. Четвериков. – Новосибирск, 2002. – 385 с.
314. Чудова, Н.В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета» / Н.В. Чудова // Психологический журнал, 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 113-117.
315. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М., 1982.
316. Шадриков, В.Д. Психологический анализ деятельности как системы / В.Д. Шадриков // Психол. журн. – 1980. – № 3. – С. 33-46.
317. Шакурова, А.В. История становления понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии / А.В. Шакурова // Современные исследования социальных проблем [Электронный научный журнал]. – 2012. - № 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-ponyatiya-sotsialnaya-identichnost-v-zarubezhnoy-sotsiologii-i-sotsialnoy-psihologii>.
318. Шамионов, Р.М. О некоторых эффектах социализации личности в контексте системно-диахронического подхода / Р.М. Шамионов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 585.
319. Шамионов, Р.М. Соотношение идентичности и субъективного благополучия личности / Р.М. Шамионов // В сборнике: Личностная идентичность: вызовы современности материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции (с иностранным участием). Редакционная коллегия: В.В. Знаков (отв. ред), А.Н. Кимберг, Н.В. Ковалева, С.Д. Некрасова, Л.Н. Ожигова, З.И. Рябикина (отв. ред). Г.Ю. Фоменко. – 2014. – С. 46-50.

320. Шамионов, Р.М. Социальная психология личности: проблемы и перспективы / Р.М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3. – № 3. – С. 236-241.
321. Шамионов, Р.М. Ценностные отношения и гражданская идентичность молодежи / Р.М. Шамионов, А.П. Аренков // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – № 3. – С. 35-48.
322. Шаповаленко, И.В. Возрастная психология / И.В. Шаповаленко. – М., 2005. – 349 с.
323. Шаров, А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.С. Шаров. – Новосибирск, 2000. – 383 с.
324. Шнейдер, Л.Б. Идентичность: хрестоматия / Л.Б. Шнейдер. – Москва – Воронеж, 2003. – 242 с.
325. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
326. Щепаньский, Ян. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М. : Прогресс, 1969. – 237 с.
327. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб. : Питер, 2014. – 304 с.
328. Энциклопедия психологических тестов. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
329. Эпидемиология колоректального рака [Электронный ресурс] // Общероссийский союз общественных объединений «Общество специалистов по онкологической колопроктологии» – Режим доступа: <http://www.oncoproct.ru/expert/261>, свободный (26.03.2015).
330. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб., 1999. – 328 с.
331. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон ; общ. ред. А.В. Толстых, 2-е изд. – М. : Флинта, 2006. – 352 с.
332. Эриксон, Э., Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.

333. Эшби, У. Росс. Общая теория систем как новая дисциплина / У. Росс Эшби // Исследования по общей теории систем. – М., 1969. – 219 с.
334. Ядов, В.А. Социальная идентичность личности / В.А. Ядов. – М., 1994. – 397 с.
335. Якимова, Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы / Е.В. Якимова. – М., 1999. – 247 с.
336. Ясная, В.А. Искажения идентичности у подростков с отклоняющимся поведением / В.А. Ясная // Психология и право. – 2013. – № 4. – С. 121-131.
337. Abes, E.S. Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: The roles of meaning-making capacity in the construction of multiple identities / E.S. Abes, S.R. Jones, M.K. McEwen // Journal of college student development. – 2007 – № 48 (1). – P. 1 -22.
338. Abrams D. An introduction to the social identity approach / D. Abrams, M.A. Hogg / Social identity theory. – N-Y, 1990. – P. 1-10.
339. Adarves-Yomo, I. Social identity and the-recognition of creativity in4 groups / I. Adarves-Yorno, T. Postmes, S.A. Haslam // British of social psychol. - Leicester, 2006. – Vol. 45. – № 3. – P. 479-497.
340. Alvi, T. Attempted Suicide and Seriousness of Intent / T. Alvi [et al.] // J Coll Physicians Surg Pak. – 2017. – Vol. 27(1) – P. 55-56.
341. Amiot, C.E. Integration of Social Identities in the Self: Toward a Cognitive-Developmental Model / C.E. Amiot, de la R. Sablonnrre, D.J. Terry, J.R. Smith // Pers. Sos. Psychol. rev. – 2007. – № 11. – P 364-390.
342. Arendt, F. The Impact of a Highly Publicized Celebrity Suicide on Suicide-Related Online Information Seeking / F. Arendt, S. Scherr // Crisis. – 2017. – Mar. 24 – P.1-3.
343. Associative mechanisms of frustration in alcohol dependence / E.A. Petrash [and oth.] // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences, № 5 (4), 2014, p. 1642-1648 (july-august).
344. Bauman, Z. The Individualized Society / Z. Bauman. – Cambridge ;UK; Malden, MA: Polity Press, 2001. – 259 p.

345. Beckwith, M. Predictor so flexibility in so cialidentityamong people entering a therapeutic community for substance abuse / M. Beckwith [et al.] // *Alcohol. Treat.* –2015. – Vol. 33. – P. 93–104.
346. Bennett, M. Children’s subjective identification with social groups: a self-stereotyping approach / M. Bennett, F. Sani // *Development Science.* – 2008. – Vol. 11. – № 1. – P. 69-75.
347. Berzonsky, M.D. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations / M.D. Berzonsky, J. Ciecuch, B. Duriez, B. Soenens // *Personality and Individual Differences*, 2011, – Vol. 50, – P. 295–299.
348. Breakwell, G.M. Coping with threatened identities / G.M. Breakwell. – L.N.H. :Methuen, 1986. – 222 p.
349. *Brown, B.* Psychiatry – an international perspective / *B. Brown.* // *Nord. Psychiatric. Tidsskrift.* – 1980. – Vol. 34. – № 2. – P. 93-110.
350. Campbell, D.T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions / D.T. Campbell // *Psychology: A study of a science.* – New York : McGraw-Hill, 1963. – Vol. 6. – P. 94-172.
351. Chang, E.C. Hope and hopelessness as predictors of suicide ideation in Hungarian college students / E.C. Chang // *Death Stud.* – 2017. – Feb 26. – P. 1-6.
352. Cinnirella, M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities/ M. Cinnirella// *European Journal of Social Psychology.* – 1998. – N 28 (22). (March/April). – PP. 227-248.
353. Classification of stroke subtypes / P. Amarenco [et al.] // *Cerebrovasc. Dis.* 2009. Vol. 27. – № 5. – P. 493-501.
354. Costarelli, S. Social identity threat and experienced affect: the distinct roles of intergroup attributions and social identification / S. Costarelli, R.M. Calla // *Current research in social psychology.* – 2005. – № 10.
355. Dumas, T.M. Lying or longing for likes? Narcissism, peer belonging, loneliness and normative versus deceptive like-seeking on Instagram in emerging

- adulthood / T.M. Dumas, M. Maxwell-Smith, J.P. Davis, P.A. Giulietti // Computers in Human Behavior. – 2017 – Vol. 71. – P. 1-10.
356. Eisenberg S.B., Kraybill W.G., Lopez MJ. Long-term results of surgical resection of locally advanced colorectal carcinoma / S.B. Eisenberg, W.G. Kraybill, MJ. Lopez // Surgery. – 1990. – V. 108 (4). – P.779-785.
357. Ekman, P. Facial Action Coding System: Investigator's Guide.– 2nd edition / P. Ekman, W.V Friesen, J.C.Hager. – Salt Lake City : Research Nexus eBook, 2002.
358. Ericson, E.H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber / E.H. Ericson. – 1968.
359. Eriksen, H.-L.-F. Family Disruption and Social, Emotional and Behavioral Functioning in Middle Childhood / H.-L.-F. Eriksen, CHvidtfeldt, H.B. Lilleor // Journal of Child and Family Studies. – 2017 – № 26 (4). – P. 1077-1089.
360. Falgares, G. Attachment Styles and Suicide-Related Behaviors in Adolescence: The Mediating Role of Self-Criticism and Dependency / G. Falgares [et al.] // Front Psychiatry. –2017. – Mar 10 (8) – P. 36.
361. Girard, L.-C. Expressive language and prosocialbehaviour in early childhood: Longitudinal associations in the UK Millennium Cohort Study / L.-C. Girard [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. – 2017 – № 14 (4). – P. 381-398.
362. Golovaha, E.I. Vmestoposleslovija: psihologijavchera, segodnja i zavtra / E.I. Golovaha, A.A. Kronik // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – P. 447-451.
363. Hogg, M., Abrams, D. Social motivation, self-esteem and social identity / M. Hogg, D. Abrams . – L.: Routledge, 1990. – P. 28-47.
364. Hogg, M. A Social Identity Theory of Leadership. School of Psychology / M. Hogg // University of Queensland Personality and Social Psychology Review 2001. – Vol. 5. – № 3. – P. 184-200.

365. Hogg, M. Social Identity Theory: Sociological and Social Psychological Approaches / M. Hogg, C. Ridgeway // Special Issue of Social Psychology Quarterly. – 2003. – Vol. 66 (2).
366. Hogg, M. From I to We: Social Identity and the Collective Self / M. Hogg, K. Williams // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. – 2000. – Vol. 4, – № 1. – P. 81-97.
367. Hogg, M. A. Social identity theory. In: P. J. Burke (Ed.) /M. Hogg. – Contemporary social psychological theories. – Stanford: Stanford University Press. 2006. – P. 111 – 136.
368. Hogg, M. A. Managing self-uncertainty through group identification. / M. Hogg. // Psychological Inquiry. 2009. – 20 (4).– P. 221 - 224.
369. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman: University of Oklahoma Institute of Intergroup Relations / M. Sherif[and other]. – 1961.
370. Joiner, T.E. A Sociobiological Extension of the Interpersonal Theory of Suicide / T.E. Joiner [et al.] // Crisis. – 2017. – Vol. 38 (2) – P. 69-72.
371. Kelly, G.A. The psychology of personal constructs / G.A. Kelly // A theory of personality. – L. :Routledge, 1991. – 386 p.
372. Krappmann, L. Soziolinguistische Dimensionen der Identität / L. Krappmann. – Stuttgart :Klett, 1971. – 140 p.
373. Lazarus, R.S. The concept of coping emotion / R.S Lazarus, S. Folkman // Stress, Appraisal and Coping. – N.-Y., 1991. – 189-206.
374. Litt, M.D. Network Support treatment for alcohol dependence: gender differences in treatment mechanisms and outcomes / M.D. Litt, R.M. Kadden, H. Tennen // Addict. Behav. – 2015. – Vol. 45. – P. 87-92.
375. Liu, R.T. Suicidal Ideation and Self-Harm in Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Youth / R.T. Liu, B. Mustanski // American journal of preventive medicine. – 2016. – Issue: 42. – Vol. 3. – P. 221-228.
376. Marcia, J.E. Ego identity status in college women / J.E. Marcia, M.L. Friedman // Person. – 1970. – Vol. 38. – № 2. – P. 249-268.

377. Marcia, J.E. Identity in adolescence / J.E. Marcia // Handbook of adolescent psychology. – N-Y. : John Wiley, 1980.
378. Masferrer, L., Caparrós, B. Risk of Suicide and Dysfunctional Patterns of Personality among Bereaved Substance Users. / L. Masferrer, B. Caparrós // Int J Environ Res Public Health. – 2017/ – Mar 20. – 14(3). doi: 10.3390/ijerph14030316. PMID: 28335530
379. Matteson D.R. Adolescence today / D.R. Matteson. Sex roles and the search for identity. – Homewood (III), Dorsey press. 1975. – 400 p.
380. Mckew, M. Study finds risk of suicide higher for female nurses. / M. Mckew // Nurs Stand. – 2017 – Mar 22;31(30). – P.10. doi: 10.7748/ns.31.30.10.s8.
381. Modeling / Yun [and oth.]. // Personal Disorders: Theory, Research, and Treatment. – 2013. – Vol. 4(2). – P. 121-128.
382. Nikishina, V.B. Analysis of measures of functional asymmetry of the brain in patients with ischemic stroke: a neuropsychological study / V.B. Nikishina, E.A. Petrash, O.Y. Bushueva, I.V. Zapesotskaya // Neuroscience and Behavioral Physiology. – 2016. – C. 1-5.
383. Nuttin, J. Future time perspective and motivation: theory and research method / J. Nuttin, W. Lens – Leuven : Leuven University Press, 1985. – 235 p.
384. Nuttin, J. Future time perspective and motivation: theory and research method / J. Nuttin, W. Lens. – Leuven :LeuvenUniversity Press, 1985. – 235 p.
385. Obst, P.L. Three dimensional strength of identification across group memberships: A confirmatory factor analysis Self and Identity / P.L. Obst, K.M.White. –2005. –№ 4.
386. Olfson, M., Wall, M., Wang, S., Crystal, S., Gerhard, T., Blanco, C. Suicide Following Deliberate Self-Harm / M. Olfson, M. Wall, S. Wang, S. Crystal, T. Gerhard, C. Blanco // Am J Psychiatry. – 2017. – Mar 21. – P. 1218-1228
387. Pigeon, W.R. Meta-analysis of sleep disturbance and suicidal thoughts and behaviors/ W.R. Pigeon, M. Piquart, K. Conner K // Sleep. 2012. – Issue: 35. – P. A326-A326.

388. Petrash, E.A. Psychological mechanisms of the temporary perspective of patients in the situation of hematological cancer/ E.A. Petrash [and oth.]// Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – № 5 (4), 2014, p. 1686-1693 (july-august).
389. Petrash, E.A. Dissociation of time perspective of personality with oncohematological disease / E.A. Petrash[and oth.] // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – T. 11. – № 13. – C. 6113-6121.
390. Petrash, E.A. The reciprocal organization of constructive activity in drug addiction / E.A. Petrash[and oth.] // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – T. 11. – № 13. – C. 6147-6161.
391. Piaget, J., Weil, A.M. The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries / J. Piaget, A.M. Weil // International Social Science Bulletin. – 1951. – Vol. 3. – P. 561-578.
392. Prevalence, correlates, and treatment of lifetime suicidal behavior among adolescents: results from the National Comorbidity Survey Replication Adolescent Supplement / M.K. Nock [et al.] // JAMA PSYCHIATRY, 2013 – Issue: 70. – Vol. 3. – P. 300-310.
393. Prognosis of node-positive colon cancer / A.M. Cohen [et al.] // Cancer. – 1991. – Vol. 67. – P.1859-1861.
394. Reith, G. Consumption and its discontents: addiction, identity and the problems of freedom/ G. Reith //View issue TOC. – 2004. – Vol. 55. – Issue 2. – P. 283-300.
395. Richardson, J.C. Social presence in relation to students' satisfaction and learning in the online environment: A meta-analysis/J.C. Richardson, Y. Maeda, J. Lv, S. Caskurlu // Computers in Human Behavior. – 2017. – Vol. 71 – P. 402-417.
396. Schäfer, B. Identität und Fremdheit. Sozialpsychologische Aspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden/ B. Schäfer, B. Schlöder// JahrbuchfürChristlicheSozialwissenschaft. – 1994. – Vol. 35. – P. 69-87.
397. Schäfer, B. Das FremdealsHerausforderung von Identitätsansprüchen / B. Schäfer // Ethik&Unterricht. – 1993. – №4. – P.2-8.

398. Schäfer, B., Schlöder, B. National bewußtseinsAspektsozialerIdentität. In P. Leidinger& D. Metzler (Hrsg.) / B. Schäfer, B. Schlöder// – Geschichte und Geschichtsbewußtsein. Geburtstag, 1990. – S. 309-348.
399. Schäfer, B., Schlöder, B. (1994). Identität und Fremdheit. SozialpsychologischeAspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden. / B. Schäfer, B. Schlöder // JahrbuchfürChristlicheSozialwissenschaft. – 1994. – 35. – S. 69-87.
400. Schaffer A., Weinstock L.M., Sinyor M., Reis C., Goldstein B.I., Yatham L.N., Levitt A.J. Self-poisoning suicide deaths in people with bipolar disorder: characterizing a subgroup and identifying treatment patterns // Int J Bipolar Disord. – 2017. – Dec;5(1). – P.16. doi: 10.1186/s40345-017-0081-9.
401. Schlöder, B. Outlines of a social psychological conception of valuation. / B. Schlöder // Swiss Journal of Psychology. – 1995. – №54. – S. 173-185.
402. Self-Injury and Suicide Attempt in Relation with Trauma and Dissociation among Adolescents with Dissociative and Non-Dissociative Disorders / F. Kilic [et al.] // Psychiatry Investig. – 2017. –Vol. 14(2). –P. 172-178.
403. Sherif, M. An outline of social psychology / M. Sherif, C. Sherif. – N-Y. : Harper & Bros. Sherif, Harvey, White, Hood, &Sherif, Intergroup conflict and cooperation. – 1956.
404. Skarzynska-Dlugosz, I. Development of stroke unit network in Poland – current status and future requirement / I. Skarzynska-Dlugosz, M. Skawronska, A. Czlonkowska // Neuro l Neurochir Pol. – 2007. – Vol. 41. – № 2. – P. 107-112.
405. Sleep problems outperform depression and hopelessness as cross-sectional and longitudinal predictors of suicidal ideation and behavior in young adults in the military/J.D. Ribeiro [et al.] // Journal of affective disorders. – 2012 – Issue 136. – Vol. 3. – P. 743-750.
406. Social support buffers the effect of interpersonal life stress on suicidal ideation and self-injury during adolescence / D.M. Mackin, [et al.] // Psychological Medicin. – Vol. 47, – Issue 6, April 2017, – P. 1149-1161.

407. Stets, J.E., Burke, P.J. Identity Theory and Social Identity Theory / J.E. Stets, P.J. Burke, // *Social Psychology Quarterly*. – 2000. – Vol. 63. – № 3. – P. 224–237.
408. Tajfel, H. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J.C. Turner // *The social psychology of intergroup relations* / Ed. By W.C. Austin, S. Worchel-Nontrey, Calif. : Brooks / Cole, 1979. – P. 33-47.
409. Tajfel, H. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J.C. Turner // *The social psychology of intergroup relation* / W.G. Austin, S Worchel (eds.). – Monterrey :Calif., 1979. – 324 p.
410. Tajfel, H., Turner, J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour. / H. Tajfel, J. C. Turner // In S. G.Worchel&W. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations*. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – PP. 7-24.
411. Turner, J. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior / J. Turner // *Advances in Group Processes* Ed. E. Lawer. – 1985. – Vol. 2. – P. 77-121.
412. Turner, K.L. The Centrality of Gender and Ethnic Identities across Individuals and Contexts / K.L. Turner, C.S. Brown// *Social Development*. – 2007. – Vol. 16. – № 4.
413. Uceda-Maza, F.X. The link between vulnerability and social exclusion and criminal trajectories. An association study [Vinculación entre la vulnerabilidad y la exclusión social y lastrayectoriasdelictivas. Unestudio de asociación] / F.X. Uceda-Maza, J. Domínguez Alonso // *Psychosocial Intervention*. – 2017. – № 26 (1). – P. 29-37.
414. Vermeulen, L. Tracing female gamer identity. An empirical study into gender and stereotype threat perceptions / L. Vermeulen, S. Van Bauwel, J Van Looy // *Computers in Human Behavior*. – 2017. – Vol. 71 – P. 90-98.
415. Vignoles, V.L. Beyond self-esteem: Influence of multiple motives on identity construction / V.L. Vignoles, C. Regalia, C. Manzi, J. Golledge, E. Scabini // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 90 (2). – P. 308 – 333.

416. Vignoles, V.L. Introduction: toward an integrative view of identity / S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L.Vignoles. // Handbook of identity theory and research. – N.-Y. : Springer, 2011. – P. 1-27.
417. Waller, N.G. Types of dissociation and dissociation types: A taxometric analysis of dissociative experiences / N.G. Waller, F.W Putman // Psychological Methods. – 1996. – Vol. 1. – № 3. – P. 300-323.
418. Waterman, A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A.S.Waterman // Devel. Psychol. – 1982. – Vol. 18. – № 3. – P. 341-358.
419. Weingarden, H. Patient-identified events implicated in the development of body dimorphic disorder / H. Weingarden, E.E. Curley, K.D. Renshaw, S Wilhelm // Body Image. – 2017 – № 21 – P. 19-25.
420. Willett, C.G., Duda, D.G., diTomaso, E., et al. Efficacy, safety, and biomarkers of neoadjuvant bevacizumab, radiation therapy, and fluorouracil in rectal cancer: A multidisciplinary phase II study / C.G. Willett, D.G. Duda, E. di Tomaso, et al // J Clin Oncol. – 2009. – V. 27. – P. 3020-3026
421. Yun. Refining personality disorder subtypes and classification using finite mixture modeling / Yun [et al.] // Personal Disorders: Theory, Research, and Treatment. – 2013. – Vol. 4 (2) – P. 121-128.
422. Zimbardo, Ph. The Time Cure: Overcoming PTSD with the New Psychology of Time Perspective Therapy / Ph. Zimbardo, R.M. Sword, R. Sword. – John Wiley & Sons Inc. – 2012.
423. Zimbardo, Ph. The psychology of attitude change and social influence / Ph.Zimbardo, M.R. Leippe.– N.-Y. : McGraw-Hill, 1991.– 288 p.

Методика исследования структурной организации социальной идентичности

Инструкция.

- 1 этап.** Составьте список ролей, отвечая на вопрос: кто я?
- 2 этап.** Объедините выделенные роли в следующие группы: семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг (интересы).
- 3 этап.** Дайте характеристику каждой из перечисленных ролей, отвечая на вопрос: как я выполняю свою роль ...?
- 4 этап.** Перечислите, в отношении кого (и какого количества людей) реализуется каждая социальная роль
- 5 этап.** Перечислите, в каких действиях реализуется каждая из указанных социальных ролей.

Обработка результатов

Обработка полученных результатов осуществляется через процедуру расчета по психодиагностическим параметрам (таблица 1).

Таблица 1

Психодиагностические параметры методики исследования социальной идентичности

Психодиагностические параметры	Содержание и процедура расчета
Ролевая принадлежность	Общее количество социальных ролей.
	Количество группировок социальных ролей по сферам (семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг).
Ролевой диапазон	Отношение общего количества социальных ролей к количеству группировок по сферам $РД = \frac{\text{количество социальных ролей}}{\text{количество группировок по сферам}}$
Объем реализации социальных ролей	Количество тех, в отношении кого (и какого количества) реализуется каждая социальная роль по сферам.
	Общее количество ролей, в отношении кого (и какого количества) реализуется каждая социальная роль.
Реализованность социальных ролей	Количество действий, через которые реализуется каждая социальная роль.
Ролевая самооценка	Количество положительных (успешных) и отрицательных (неуспешных) социальных ролей.

Таблица 2

Нормативные диапазоны значений показателей методики исследования
социальной идентичности

Показатели	Количественные значения			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период старости
Количество социальных ролей	14,00 - 18,6	16,30 – 19,58	15,48 – 23,00	15,72 – 20,42
Количество ролевых группировок	2,20 - 4,58	3,26 – 4,64	4,73 – 4,97	3,61 – 4,75
Ролевой диапазон	4,44 – 5,16	4,21 - 4,79	3,56 – 4,04	3,89 – 4,71
Общее количество ролей, по отношению к кому реализуется каждая социальная роль	34,10 – 40,42	36,93 – 45,51	38,28 – 50,74	39,26 – 47,70
Реализованность социальных ролей	43,43 – 53,31	47,45 – 57,81	51,06 – 62,94	49,52 – 59,14
Количество успешных социальных ролей	10,27 – 14,11	11,08 – 15,80	12,72 – 17,18	11,56 – 15,78
Количество неуспешных социальных ролей	2,51 – 5,75	3,12 – 5,88	3,11 – 5,47	2,86 – 5,94

**Методика исследования структурной организации личностной
идентичности**

Инструкция.

Вам необходимо последовательно проранжировать в порядке убывания (1-максимальная значимость, 15 – минимальная значимость) представленный список ролей с позиции «Я о себе».

Бланк регистрации

1	Я (о себе)	2	Я (о себе)	3	Я (о себе)
Гражданин		Дружественный		Увлекаться спортом	
Мужчина (женщина)		Патриотичный		Исполнять	
Исполнитель		Болеющий		Проявлять патриотичность	
Сын (дочь)		Покупающий		Путешествовать	
Родитель		Гражданский		Продавать	
Руководитель		Продающий		Руководить	
Ученик		Обучающий		Дружить	
Продавец		Обучаемый		Покупать	
Патриот		Мужественный (женственный)		Лечиться	
Покупатель		Дочерний (сыновний)		Обучаться	
Путешественник		Путешествующий		Подвергаться воспитанию	
Учитель		Исполняющий		Обучать	
Спортсмен		Руководящий		Осуществлять родительское воспитание	
Пациент		Спортивный		Проявлять гражданскую ответственность	
Друг (подруга)		Родительский		Действовать женственно (мужественно)	

Обработка результатов

Обработка полученных результатов осуществлялась путем переноса полученных баллов на Бланк обработки результатов. Затем в бланке обработки результатов оценивалось в баллах количество совпадений в каждой горизонтальной строке в соответствии со значениями ключа. Далее полученные по каждой строке баллы суммируются и итоговый результат сравнивается с эталонной таблицей значений, позволяющей отнести полученный результат к одному из четырех уровней, характеризующихся различной степенью согласованности / рассогласованности структурной организации личностной идентичности.

Бланк обработки результатов

1	Я (о себе)	2	Я (о себе)	3	Я (о себе)	Баллы
Гражданин		Гражданский		Проявлять гражданскую ответственность		
Мужчина (женщина)		Мужественный (женственный)		Действовать женственно (мужественно)		
Сын (дочь)		Дочерний (сыновний)		Подвергаться воспитанию		
Родитель		Родительский		Осуществлять родительское воспитание		
Руководитель		Руководящий		Руководить		
Исполнитель		Исполняющий		Исполнять		
Патриот		Патриотичный		Проявлять патриотичность		
Покупатель		Покупающий		Покупать		
Продавец		Продающий		Продавать		
Учитель		Обучающий		Обучать		
Ученик		Обучаемый		Обучаться		
Пациент		Болеющий		Лечиться		
Друг (подруга)		Дружественный		Дружить		
Спортсмен		Спортивный		Увлекаться спортом		
Путешественник		Путешествующий		Путешествовать		
Сумма баллов						

Таблица 3

Ключ обработки результатов методики исследования личностной идентичности

Количество совпадений	Балл	Расшифровка
0	1	Все ранги в горизонтальной строке разные
1	2	Совпадают значения рангов в одном из следующих случаев: – 1 и 2 столбец – 1 и 3 столбец – 2 и 3 столбец
2	3	Все ранги в горизонтальной строке совпадают

Таблица 4

Эталонная таблица значений

Сумма баллов	Степень согласованности	Характеристика
45 – 34	Высокая	Высокий уровень выраженности социально-психологической адаптации, позитивное самоотношение, стабильная система ценностных ориентаций, высокий уровень рефлексивности и самостоятельности при низкой авторитарности.
33 – 22	Средняя	Средний уровень выраженности социально-психологической адаптации, позитивное самоотношение, устойчивая система ценностных ориентаций, средний уровень рефлексивности, самостоятельности и авторитарности.
21 – 11	Низкая	Низкий уровень выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивость самоотношения и системы ценностных ориентаций, средний уровень рефлексивности и авторитарности при высокой самостоятельности.
10 – 1	Очень низкая	Низкий уровень выраженности социально-психологической адаптации, неустойчивость системы ценностных ориентаций, низкий уровень рефлексивности и самостоятельности.

**Модификация методики «Автопортрет» с целью исследования
диссоциации образа Я**

Инструкция

1 этап. На листе бумаги Вам необходимо нарисовать свой автопортрет. На этом же листе нарисуйте тень изображения. Художественные способности значения не имеют. Укажите место локализации боли.

2 этап. Напишите пять характеристик, описывающих отношения между основным изображением и его тенью.

3 этап. По 10-ти бальной шкале (0 – минимально; 10 – максимально) оцените по ней свое настроение в данный момент.

Обработка результатов:

Обработка полученных результатов осуществляется путем измерения выделенных параметров:

Таблица 5

Бланк фиксации результатов

Параметр	Содержание	Результат
b_1	высота основного изображения в сантиметрах	
b_2	высота изображения тени в сантиметрах	
Δd_1	разность высот $b_1 - b_2$	
s_1	максимальное расстояние между изображениями в сантиметрах	
s_2	минимальное расстояние между изображениями в сантиметрах	
Δd_2	разность расстояний $s_1 - s_2$	
Угол	угол между основным изображением и изображением тени в градусах (расчет от центральной оси основного изображения)	
c_1	качественная характеристика основного изображения	
c_2	качественная характеристика тени	
Δd_3	разница в качестве основного изображения и тени	

Критерии качественной оценки изображения:

- 0 баллов – аморфное контурное изображение;
- 1 балл – изображение силуэта;
- 2 балла – прорисовка деталей лица;
- 3 балла – прорисовка принципов половой идентификации;
- 4 балла – прорисовка деталей одежды;
- 5 баллов – эстетическая прорисовка мелких деталей изображения

Таблица 6

Нормативные диапазоны значений показателей модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я

Показатели	Количественные значения			
	Подростковый возраст	Юношеский возраст	Период взрослости	Период старости
Δd_1 (мм)	(-14,27) – (-17,82)	18,70 – 24,17	16,03 – 26,57	(-17,64) – (-21,38)
Δd_2 (мм)	6,29 – 10,38	8,11 – 16,54	3,17 – 11,43	7,89 – 19,63
Величина угла	38,15 – 47,64	46,18 – 52,64	55,24 – 74,58	31,57 – 37,26

Таблица 7

Качественная характеристика нормативности показателей модификации методики «Автопортрет» для изучения диссоциации образа Я

Уровень диссоциации	Характеристика
Высокий уровень диссоциации	- нарушение схемы тела; - возникновение образа суб Я; - трансдукция мышления; - деструктивное/амбивалентное отношение к себе.
Средний уровень диссоциации	- возникновение образа суб Я; - трансдукция мышления; - деструктивное/амбивалентное отношение к себе.
Норма диссоциации	- нарушение схемы тела (в показателях разности высот основного и дополнительного изображения); - нейтральное/положительное отношение к себе.

**Методика событийной реконструкции временной перспективы
личности**

Инструкция 1.

1 этап. На бланке Вы видите изображение двух окружностей. Вам необходимо вспомнить события своей жизни, происходившие в прошлом и отметить их точкой (указать время и событие) на внешней окружности.

2 этап. На внутренней окружности Вам необходимо отметить точкой (указать время и событие) события настоящего и будущего. Обозначьте чертой границы своего настоящего и будущего.

3 этап. Вам необходимо около каждого отмеченного жизненного события поставить знак «+» или «-», характеризующий Ваше эмоциональное отношение к каждому событию.

4 этап. Отметьте связи (по вашему мнению) между событиями, соединив их направленными отрезками:

- между событиями прошлого и событиями настоящего / будущего;
- событиями прошлого;
- между событиями настоящего / будущего.

1. БЛАНК РЕГИСТРАЦИИ

ФИО _____
Год рождения _____

Дата _____
Пол _____

Инструкция 2.

1 этап. На внешней окружности Вам необходимо отметить точкой (указать время и событие) события настоящего и будущего. Обозначьте чертой границы своего настоящего и будущего.

2 этап. Вам необходимо вспомнить события своей жизни, происходившие в прошлом и отметить их точкой (указать время и событие) на внутренней окружности.

3 этап. Около каждого отмеченного жизненного события поставьте знак «+» или «-», характеризующий Ваше эмоциональное отношение к каждому событию.

4 этап. Отметьте связи (по вашему мнению) между событиями, соединив их направленными отрезками:

- между событиями прошлого и событиями настоящего / будущего;
- событиями прошлого;
- между событиями настоящего / будущего.

2. БЛАНК РЕГИСТРАЦИИ

ФИО _____
Год рождения _____

Дата _____
Пол _____

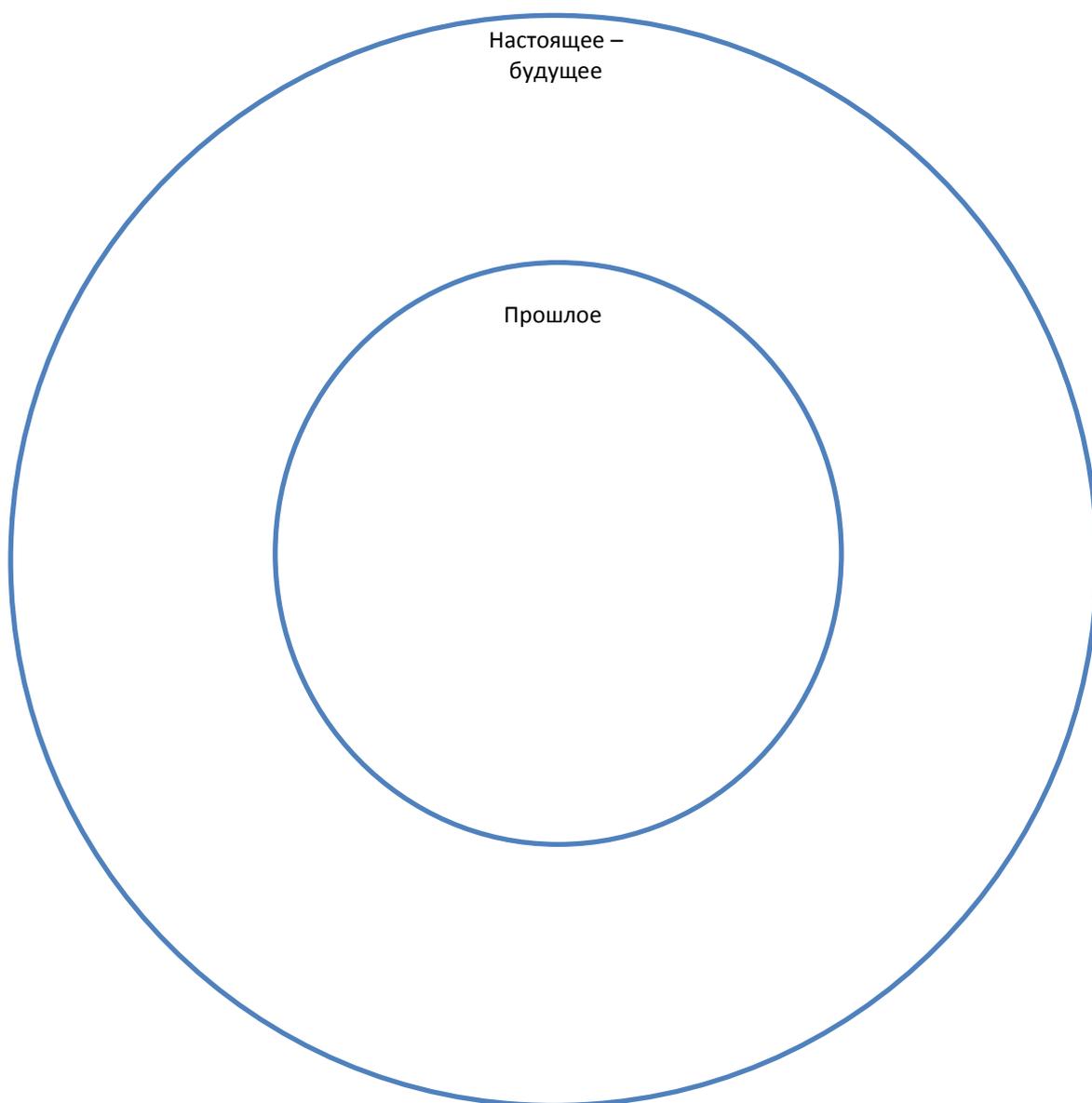

Таблица 9

Количественные показатели метода событийного конструирования

Показатели			
		Диагностический этап	Терапевтический этап
Размеры прошлого (P_t)	Количество событий прошлого		
Размеры настоящего (P_r)	Количество событий настоящего		
Размеры будущего (F_t)	Количество событий будущего		
Размеры временной перспективы (PP)	Общее количество событий		
Положительный вектор событийной направленности (PP^+)	Количество позитивных событий		
Отрицательный вектор событийной направленности (PP^-)	Количество негативных событий		
Индекс событийного пространства личности (P)	Отношение количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого		
Интегрированность событийного пространства прошлого (R_{pt})	Количество взаимосвязей событий прошлого		
Интегрированность событийного пространства настоящего (R_{pr})	Количество взаимосвязей событий настоящего		
Интегрированность событийного пространства будущего (R_{ft})	Количество взаимосвязей событий будущего		
Интегрированность событийного пространства (R)	Общее количество взаимосвязей		
Системообразующее событие (S_{max})	Количество группирующих событий		
Сбалансированность событийного пространства (I_s)	Отношение количества группирующих событий к общему количеству событий		
Событийная дискретность прошлого (D_{pt})	Среднее расстояние между событиями прошлого в хронологической протяженности		
Событийная дискретность настоящего (D_{pr})	Среднее расстояние между событиями настоящего в хронологической протяженности		
Событийная дискретность будущего (D_{ft})	Среднее расстояние между событиями будущего в хронологической протяженности		
Общая событийная дискретность (D)	Соотнесенность хронологической последовательности событийного ряда с последовательностью их включения в событийное пространство (порядковый номер события)		
Хронологическая протяженность временной перспективы (L)	Общая суммарная длительность событий во времени		

**Методика диагностики структуры событийного пространства
личности на разных этапах онтогенеза**

Инструкция.

1 этап. Вам необходимо на внутренней окружности отметить точкой события собственной жизни.

2 этап. Отметьте на внешней окружности события, которые происходили во внешнем мире.

3 этап. Установите взаимосвязи между внутренними событиями собственной жизни и событиями внешнего мира.

Пояснение: для каждого события собственной жизни и событий, происходивших во внешнем мире необходимо указать дату (когда происходило), место (где происходило событие) и его содержание (название), а также оценить эмоциональное отношение к событию, поставив знак «+» или «-» напротив каждого события.

Бланк регистрации

Психодиагностические параметры структуры событийного пространства

Параметры внутреннего событийного пространства		Параметры внешнего событийного пространства	
Общий объем внутреннего событийного пространства	Общее количество событий собственной жизни	Общий объем внешнего событийного пространства	Общее количество внешних событий
Положительные события	Количество позитивных внутренних событий	Положительные события	Количество позитивных внешних событий
Отрицательные события	Количество негативных внутренних событий	Отрицательные события	Количество негативных внешних событий
Событийная дискретность внутреннего пространства	Среднее расстояние между событиями собственной жизни в хронологической протяженности	Событийная дискретность внешнего пространства	Среднее расстояние между внешними событиями хронологической протяженности
Общая протяженность внутреннего событийного пространства	Суммарная длительность событий собственной жизни в годах	Общая протяженность внешнего событийного пространства	Суммарная длительность внешних событий в годах
Системообразующее событие собственной жизни	Количество группирующих событий собственной жизни	Системообразующее внешнее событие	Количество группирующих событий внешнего пространства
Сбалансированность внутреннего событийного пространства	Отношение количества группирующих событий собственной жизни к общему количеству событий жизни		Сбалансированность внешнего событийного пространства
			Дискретность внешнего событийного пространства
			Показатель разности между внешними событиями, имеющими взаимосвязи с событиями собственной жизни
			Отношение общей хронологической протяженности внешнего событийного пространства к хронологической разности
Интегрированность событийного пространства личности		Интегративный показатель структуры событийного пространства – показатель количества взаимосвязей между событиями собственной жизни и внешними событиями.	